

От автора абсолютного
супербестселлера «ДО ВСТРЕЧИ С ТОБОЙ»,
переведенного более чем на 30 языков!

Ночная МУЗЫКА

ДЖОДЖО МОЙЕС

Трогательная и честная история,
от которой невозможно оторваться.

Cosmo.ru

Старый обветшавший особняк расположен на берегу озера в живописном местечке недалеко от Лондона. И вокруг этого особняка, который местные жители называют Испанским домом, разгораются страсти.

Для Изабеллы Деланси, молодой вдовы с двумя детьми, – это убежище от бурь и невзгод жизни, обрушившихся на нее после неожиданной смерти горячо любимого мужа. Для Мэтта Маккарти, который занимается ремонтом дома и одновременно пытается, безумно завышая свои расценки, выжить Изабеллу, – это шанс получить Испанский дом в собственность. Для Николаса Трента, застройщика, – это возможность создать на месте старого дома роскошный поселок для элиты. А Байрон Ферт пытается хотя бы временно обрести крышу над головой. Желания героев не совпадают. Как далеко они готовы зайти, чтобы добиться своего?..

Впервые на русском языке!

- [Джоджо Мойес](#)
  -
  -
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [24](#)
  - [25](#)
  - [Эпилог](#)
  - [Благодарности](#)
- [notes](#)

- [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
-

Джоджо Мойес

Ночная музыка

Jojo Moyes

NIGHT MUSIC

Copyright © Jojo Moyes 2008

All rights reserved

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK and The Van Lear Agency LLC

© О. Александрова, перевод, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015

Издательство Иностранка®

* * *

Посвящается Чарльзу и каждому, когда-либо впускавшему в свой дом строителей

И дракон сожрал всех нас: с этими непристойно огромными домами, с этим ненасытным желанием обладать, обладать всегда и несмотря ни на что, с этой потребностью стать собственником или, по крайней мере, чьей-то собственностью.

Д. Г. Лоуренс

Мы никогда не ощущали своей принадлежности к Испанскому дому. Хотя чисто формально, полагаю, мы были владельцами этого дома, но право владения подразумевает некий уровень контроля, однако ни у кого из тех, кто знал нас или наш дом, не возникало и мысли, что мы можем хоть как-то контролировать происходившее там.

И несмотря на то что было написано в бумагах, мы никогда не чувствовали, что дом по праву принадлежит нам. С самого начала он казался слишком уж на виду. Мы буквально кожей ощущали устремленные к нему мечты других людей, а еще волны зависти, недоверия, желания, проникающие сквозь стены. История дома не была нашей историей. Не было ничего – даже наших грез, – связывающего нас с ним.

Когда я была совсем маленькой, то думала, что дом – это просто дом. Место, где мы ели, играли, ссорились и спали, – словом, четыре стены, в которых мы пытались обучиться такому непростому делу, как жизнь. И я особо не задумывалась.

Уже гораздо позже я поняла, что дом – это нечто гораздо большее, что он может быть предметом чьих-то желаний, отражением того, какими эти люди себя видят и какими они хотели бы себя видеть, что он может толкать их на самые неблагоприятные и постыдные поступки. Я поняла, что дом – просто кирпичи, известковый раствор, дерево, возможно, клочок земли – может стать наваждением.

Когда я покину родной дом, то буду снимать жилье.

Лора Маккарти закрыла за собой заднюю дверь, переступила через спящую собаку, мирно пускавшую слюни на гравий, и энергичной походкой направилась через сад в сторону калитки. С трудом удерживая одной рукой нагруженный поднос, она открыла калитку и, проворно проскользнув через проем, углубилась в лес, а затем спустилась к ручью, который, как всегда к концу лета, снова пересох.

Раз, два – и она уже прошла по мосткам, которые Мэтт год назад перекинул через ручей. Правда, скоро пойдут дожди, а значит дощечки снова станут предательски скользкими. В прошлом году она несколько раз падала с них, а однажды все содержимое подноса оказалось в воде, настоящее пиршество для невидимых обитателей ручья. Перебравшись на другой берег, она, не обращая внимания на налипшую на подметки жидкую грязь, направилась в сторону лужайки.

Еще теплое вечернее солнце окутывало долину тонкой золотой пылью. Где-то впереди мелькнул дрозд, пронзительно кричали скворцы, темным облаком взлетевшие в небо и снова опустившиеся на деревья в соседней роще. Лора поправила крышку на одной из кастрюлек, откуда исходил такой густой и вкусный томатный дух, что женщина невольно ускорила шаг и поспешила к дому.

Дом не всегда был столь ветхим, столь непростительно мрачным. Отец Мэтта рассказывал ему об охотниках, собиравшихся на лужайках, о летних вечерах, когда из белых шатров плыла музыка и элегантно одетые пары, примостившись на каменной балюстраде, пили пунш, а их смех тонул в густой листве. Мэтт еще помнил те времена, когда в конюшнях били копытом лоснящиеся лошади, причем некоторые из них содержались исключительно для увеселения приезжавших на уик-эндс гостей, а на берегу озера стоял элинг, специально для любителей гребного спорта. Когда-то Мэтт часто рассказывал ей эти истории, будто желая поставить знак равенства между тамошней жизнью и той, к которой она привыкла в родительском доме, и обещая в будущем компенсировать ей все, что она оставила позади. Возможно, таким образом он хотел нарисовать их будущее. Ей нравились эти истории. Она абсолютно точно знала, как будет выглядеть дом, если придет ее час. Не было окна, которого бы она мысленно не задрапировала, или кусочка пола, которого бы она не покрыла новым ковром. И она твердо знала, какой именно вид на озеро открывается из каждого окна на восточной стороне дома.

Лора остановилась у боковой двери и чисто по привычке полезла в карман за ключом. В свое время дверь постоянно запиралась, но сейчас нужда в этом отпала, ведь все отлично знали: в доме было хоть шаром покати. Дом покосился, а краска облупилась, точно стыдясь говорить о славном прошлом стен, которые она некогда покрывала. Обшивка отвалилась, ее заменили разномастными досками. Гравия на дорожке почти не осталось, а сами дорожки заросли крапивой, немилосердно обжигавшей икры.

– Мистер Поттисворт, это я... Лора. – Она прислушалась.

Сверху донеслось хриплое ворчание. Лора извещала старика о своем приходе исключительно для подстраховки. Притолока до сих пор хранила следы пороха как свидетельство ее забывчивости. К счастью, как говаривал ее муж, старый негодяй был подслеповат.

– Я принесла ваш обед.

Дождавшись ответного ворчания, она поднялась по скрипучей лестнице.

Будучи в самом расцвете сил, она вряд ли нуждалась в передышке после нескольких лестничных пролетов и все же на секунду остановилась перед дверью хозяйской спальни.

Но затем, набравшись смелости, со вздохом прикоснулась к дверной ручке.

Окно было приоткрыто, однако уже с порога ей в нос ударило отвратительное амбре немытого старческого тела, смешанное с затхлыми запахами пыльной мебели, камфары и засохшего пчелиного воска. К изголовью кровати было прислонено старое ружье, на маленьком столике стоял цветной телевизор, который они купили ему два года назад. И все же, несмотря на царящее здесь многолетнее запустение, элегантные пропорции и изящные эркерные окна придавали комнате удивительное величие. Хотя посетителям, как правило, редко удавалось оценить ее эстетические достоинства.

– Ты опоздала, – произнес человек, лежавший на резной кровати красного дерева.

– Всего на несколько минут, – с напускной беззаботностью отозвалась Лора. Она поставила поднос на прикроватный столик и выпрямилась. – Мне не сразу удалось освободиться. Мама звонила.

– И чего ей было нужно? Разве ты не сказала ей, что я тут один и умираю с голода?

Лора ответила ему слабой улыбкой:

– Мистер Поттисворт, хотите верьте, хотите нет, но, кроме вас, у нас есть и другие темы для разговоров.

– Спорим, о Мэтте вы наверняка говорите. Типа что там еще у него на уме. Она небось позвонила сообщить тебе, что ты совершила мезальянс, разве нет?

Лора повернулась к своему подносу. Если ее спина немного и напряглась, то мистер Поттисворт вряд ли это заметил.

– Я замужем уже восемнадцать лет, – сказала она. – И не думаю, что мое замужество – это горячие новости.

С кровати донеслось громкое сопение.

– А что там у тебя такое? Спорим, все холодное.

– Куриная запеканка с картофелем. И ничуть не холодная. Она была под крышкой.

– Спорим, она уже успела остыть. Ланч определенно был холодным.

– На ланч был салат.

Из-под одеяла показалась голова в пигментных пятнах, покрытая редкими седыми волосами. На Лору уставились два прищуренных змеиных глаза.

– И зачем тебе такие обтягивающие штаны? Собираешься продемонстрировать мне свои прелести?

– Это джинсы. Сейчас все так ходят.

– Ты хочешь меня завести, вот и все дела. Хочешь, чтобы я сторал от желания, хочешь прикончить меня этими своими женскими штучками. Черная вдова, вот как называют женщин вроде тебя. Уж кто-кто, а я точно знаю.

Она пропустила его реплику мимо ушей.

– Я принесла вам немного коричневого соуса для картофеля. Положить на край тарелки?

– Я вижу все твои выпуклости.

– Или лучше тертого сыра?

– Через твою майку. Прекрасно вижу. Ты что, решила меня соблазнить?

– Мистер Поттисворт, если вы не прекратите безобразничать, я больше не буду приносить вам обед. Никогда. И перестаньте глазеть на мои... выпуклости. Сейчас же.

– Тогда не смей надевать просвечивающие бюстгалтеры. Вот в мое время уважающие себя женщины носили сорочки. Да-да, сорочки из тонкого хлопка. – Он приподнялся на подушках, артритные руки задвигались в такт воспоминаниям. – Правда, какое-никакое, а удовольствие я тебе обещаю.

Лора Маккарти повернулась спиной к старику и сосчитала до десяти. Она исподтишка

осмотрела футболку, пытаясь понять, действительно ли из-под нее так хорошо виден лифчик. На прошлой неделе старик сообщил ей, что у него ухудшается зрение.

– Ты прислала мне ланч с этим своим мальчишкой. Так из него словечка было не вытянуть.

Старик принялся за еду. И комната сразу наполнилась чмокающими звуками, словно где-то рядом засорилась канализация.

– Ну, подростки не слишком-то разговорчивы.

– Грубиян. Вот он кто. Ты должна ему сказать.

– Непременно, – ответила она.

Она кружила по комнате, составляя стаканы и кружки на пустой поднос.

– Днем мне бывает так одиноко. Разве что Байрон приходит после ланча, но он только и умеет, что трендеть о своих треклятых живых изгородях и кроликах.

– Я ведь уже говорила, что к вам могут приходиться из социальной службы. Ну, прибирались бы тут чуть-чуть, болтали бы с вами. Хоть каждый день, если захотите.

– Социальная служба, – скривился он, тонкая струйка соуса потекла у него по подбородку. – Не хочу, чтобы эти прохиндеи совали нос в мои дела.

– Как вам будет угодно.

– Тебе не понять, я ведь один как перст, а это так тяжело... – завел он свою шарманку, и Лора стала привычно думать о своем.

Она наизусть знала весь длинный перечень его невзгод: никто не понимает, как невыносимо жить без семьи, быть прикованным к постели и совершенно беспомощным, отданным на милость чужих людей... Она столько раз слышала вариации на данную тему, что могла продолжить за него сию пространную речь.

– Ведь у такого несчастного старика, как я, никого нет, только ты да Мэтт. И некому передать все свое, лично мне давно не нужное добро... Ты даже не представляешь, как тяжело быть таким одиноким. – Он перешел на шепот и, казалось, вот-вот расплчется.

Она сразу смягчилась:

– Я уже говорила вам: вы не одиноки. По крайней мере, пока мы живем по соседству.

– Вы не останетесь обделенными, когда меня не станет. Ты ведь знаешь, да? Та мебель, что в амбаре, после моей смерти будет вашей.

– Мистер Поттисворт, вы не должны так говорить.

– И это еще не все, ведь я человек слова. И я не забуду, что вы делали для меня все эти годы. – Он покосился на поднос. – Это что, мой рисовый пудинг?

– Нет, это чудесная яблочная шарлотка.

Старик положил нож и вилку:

– Но сегодня же вторник.

– Ну, я решила сделать шарлотку. У меня закончился рис для пудинга, а съездить в супермаркет так и не удалось.

– Не люблю шарлотку.

– Нет любите.

– Спорим, ты здорово порезвилась в моем яблоневом саду. – (Лора сделала глубокий вдох.) – Ты только прикидываешься такой славной. И вообще, постоянно врешь, чтобы заполучить то, чего действительно хочешь.

– Я купила яблоки в супермаркете, – процедила Лора сквозь стиснутые зубы.

– Ты же сама говорила, что тебе было туда не выбраться.

– Я купила их три дня назад.

– Тогда ума не приложу, почему ты не могла при этом купить немного риса для пудинга. Представляю, что думает о тебе твой муженек. Похоже, ты ублажаешь его совсем другим

способом. – Он похотливо ухмыльнулся мокрыми губами, и она на секунду увидела его челюсти, впившиеся в куриную запеканку.

К приходу мужа Лора уже успела закончить с мытьем посуды и теперь стояла за гладильной доской, яростно отпаривая и разглаживая воротнички и манжеты его рубашек.

– Все в порядке, любимая? – Мэтт Маккарти наклонился поцеловать жену и сразу заметил ее пылающие щеки, упрямо выдвинутый вперед подбородок.

– Нет, ничего, черт возьми, не в порядке! С меня довольно.

Он снял рабочую куртку с отвисшими от инструментов карманами и небрежно бросил на спинку стула. Мэтт очень устал, и мысль о том, что ему предстоит утихомиривать Лору, приводила его в крайнее раздражение.

– Мистер Пи пялился на ее сиськи, – ухмыльнулся Энтони.

Сын сидел, положив ноги на кофейный столик, и отец, проходя мимо, небрежно спихнул их рукой.

– Он что, и вправду это делал? – напрягся Мэтт. – Придется сходить к нему, сказать пару ласковых...

Лора в сердцах шваркнула утюгом:

– Да сядь ты, не мельтеши, ради всего святого! Ты же его знаешь. В любом случае дело в другом. Он гоняет меня туда-сюда, словно свою личную прислугу. Каждый божий день. И на сей раз я сыта по горло. Реально сыта.

Поняв, что старик от нее не отстанет, она вернулась домой за консервированным рисовым пудингом и, чертыхаясь про себя, снова прошла через лес к большому дому с миской, накрытой чайным полотенцем.

– Холодный, – заявил он, потрогав пудинг пальцем.

– А вот и нет. Я разогрела его буквально десять минут назад.

– Холодный.

– Ну, мистер Поттисворт, если приходится носить еду из другого дома, то странно рассчитывать, что она будет с пылу с жару.

Он неодобрительно поджал губы с брюзгливой миной:

– Все, ничего не нужно. Нет аппетита. – Он сверкнул на Лору глазами. От его внимания не ускользнуло, что у нее дергается щека. А она тем временем на секунду задалась вопросом, можно ли убить человека кухонным подносом и десертной ложкой. – Оставь пудинг здесь. Возможно, я съем его позже. – Он скрестил на груди тощие руки. – Когда не будет другого выхода.

– Мама говорит, что собирается позвонить в социальную службу, – сказал Энтони. – Думает, они с ним справятся.

У Мэтта, который уже успел устроиться на диване рядом с сыном, в голове раздался сигнал тревоги.

– Не глупи. Они сразу определяют его в богадельню.

– Ну и что с того? Пусть кто-нибудь другой с ним возится, проверяет его несуществующие пролежни, стирает ему простыни и кормит с ложечки по два раза в день. Очень хорошо!

Мэтт, почувствовав внезапный прилив сил, сразу вскочил на ноги:

– У него ведь нет денег. Ни хрена. Они заставят его отписать им дом, чтобы оплатить их услуги, разве нет? Женщина, включи голову!

Лора резко развернулась к нему. Она была красивой женщиной, стройной и в свои почти сорок весьма проворной, однако сейчас ее лицо, перекошенное и раскрасневшееся, стало точь-в-точь как у обиженного ребенка.

– А мне плевать! Повторяю, Мэтт, я сыта по горло.

Он быстро шагнул к ней и обнял:

– Да ладно тебе, крошка. Не сегодня завтра он окочурится.

– Девять лет, Мэтт, – уткнувшись ему в грудь, сказала она. – Девять лет я была у него на побегушках. Когда мы здесь поселились, ты утверждал, что он не протянет и года.

– И подумай обо всех этих чудесных акрах, об огороженном саде, о конюшне. Подумай о прекрасной столовой, которую ты так хочешь. Подумай о нас, счастливой семье, на пороге этого дома. – Он дал волю фантазии, пытаясь разбудить ее воображение. – Ну послушай же, старый греховодник прикован к постели. Тает не по дням, а по часам. Он точно долго не протянет, разве нет? А кто у него еще есть, кроме нас? – Мэтт чмокнул жену в макушку. – Кредит мы получим, и я уже попросил Свена сделать чертежи перепланировки. Если хочешь, я тебе потом покажу.

– Ну вот, мама. Раз такое дело, можешь продемонстрировать ему изредка свои сиськи. Убудет от тебя, что ли? – хихикнул Энтони, но сразу заткнулся, получив по уху только что выстиранной футболкой.

– Ну еще немножечко, – вкрадчиво произнес Мэтт. – Да ладно тебе, любимая. Походи к нему еще чуток, а?

Она явно смягчилась, и он понял, что взял над ней верх.

Он сжал ее талию, его пальцы словно намекали, что позже вечером ее ждет некоторая компенсация, уже более интимного характера. Он почувствовал ответное пожатие ее руки и горько пожалел о том, что, перед тем как ехать домой, сделал заход налево, к барменше из «Длинного свистка». Что б ты скорее сдох, старый прохвост! – мысленно пожелал он мистеру Поттисворту. А то мне долго не продержаться.

А в большом доме, неподалеку от жилища Маккарти, в хозяйской спальне, старик, фыркая от смеха, смотрел комедийную программу. Но когда пошли титры, он взглянул на часы и швырнул газету в изножье кровати.

За окном ухала сова, а вдалеке тьякала лисица, должно быть, охраняла нору. Что люди, что животные – все они испокон веков стремятся застолбить свою территорию, безучастно подумал он. Лора Маккарти, с этими ее обедами два раза в день, возней с чистым бельем, ну и все прочее, ничуть не лучше той самой лисицы. Обе так или иначе метят свой клочок земли.

Ему вдруг страшно захотелось шоколаду. С неожиданной прытью, которая явно удивила бы его соседей, он вылез из кровати и прошлепал через всю комнату к буфету, где прятал лакомства – конфеты и разные вкусности. Он специально давал на них деньги Байрону, и тот от случая к случаю привозил их из магазина. Открыв дверцы, старик долго шарил за книгами и папками, пока не нащупал гладкие целлофановые обертки. Его цепкие пальцы ухватились за что-то, похожее на «КитКэт»; он уже предвкушал вкус тающего шоколада во рту и раздумывал, стоит ли ради такого дела надеть вставные челюсти.

Но сперва он закрыл дверцы буфета. Лоре ни к чему это знать, подумал он. Пусть лучше считает его беспомощным инвалидом. Женщинам ее типа просто необходимо чувствовать, что в них нуждаются. С довольной ухмылкой он вспомнил, как покраснели кончики ее ушей, когда он обратил внимание на ее джинсы в обтяжку. Ее было крайне легко завести. Самый приятный, можно сказать, кульминационный момент его унылого дня. Завтра, пожалуй, стоит пройтись по поводу ее верховой езды, типа она делает это исключительно ради острых ощущений, ведь подобные замечания всегда задевали ее за живое.

Продолжая глупо улыбаться, старик пошел обратно и неожиданно услышал музыкальную заставку к другому своему любимому шоу. Он поднял голову. И, увлекшись музыкой, не заметил

миску с застывшим рисовым пудингом на полу, именно в том месте, куда сам ее и поставил. Наступил старой костлявой пяткой на пудинг, поскользнулся и грохнулся оземь.

По крайней мере, примерно так коронер, по крупинкам реконструировавший последние часы жизни Сэмюэля Поттисворта, изложил дело в суде. Должно быть, его голова стукнулась об пол с таким грохотом, что шум этот можно было бы услышать на первом этаже. Но как справедливо заметила миссис Маккарти, лес поглощает все звуки, а потому многие вещи остаются незамеченными. Ведь в подобном месте может произойти что угодно.

Скажи «пожалуйста».

Тереза сверкнула на него глазами. Мэтт напрягся. И поймал ее взгляд. Размазанная по щекам тушь придавала ей неряшливый вид. Хотя опять же, Тереза всегда выглядела немного неряшливо, даже в своих лучших нарядах. И это в том числе ему тоже нравилось.

– Скажи «пожалуйста».

Она зажмурилась, у нее в душе явно шла внутренняя борьба.

– Мэтт...

– Скажи. «Пожалуйста». – Он приподнялся на локтях, стараясь не прикасаться к ней. –

Ну давай не стесняйся, – спокойно произнес он. – Тебе придется попросить.

– Мэтт, я просто...

– «Пожалуйста».

Тереза вильнула бедрами в отчаянной попытке прижаться к нему, но он резко отодвинулся.

– Ну давай говори.

– О, ты... – Тереза задохнулась, когда он, наклонившись, провел губами по ее шее и дальше по ключицам, его тело, нависшее над ней, словно искушало.

Ее было до смешного легко завести и гораздо легче, чем всех прочих, удерживать на пике страсти. Она закрыла глаза и застонала. Он чувствовал вкус пота, холодной пленкой покрывавшего ее тело. И она оставалась на таком взводе уже почти сорок пять минут.

– Мэтт...

– Скажи это. – Его губы щекотали ей ухо, он буквально замурылкал, почувствовав аромат ее надушенных волос и мускусный запах любви. Ему хотелось перестать сдерживаться и плыть по волнам страсти. Но еще сладостнее было держать ее под контролем. – Ну скажи.

Тереза приподняла веки, и он понял, что она сдалась. Ее губы раскрылись.

– Пожалуйста, – прошептала она, а затем обхватила его руками, отбросив приличия. – О-о...
Пожалуйста. Пожалуйста. Пожалуйста.

Сорок пять минут. Мэтт взглянул на наручные часы. А затем одним гибким движением соскочил с кровати:

– Господи помилуй, неужто прошло столько времени? – Он обшаривал глазами пол в поисках джинсов. – Извини, крошка, но мне сейчас надо кое-где быть.

Волосы упали Терезе на лицо.

– Что? Ты не можешь уйти!

– Где мои ботинки? Могу поклясться, что оставил их тут.

Она ошеломленно уставилась на него, ее кожа по-прежнему пылала.

– Мэтт! Ты не можешь меня вот так оставить.

– А! Вон они где. – Мэтт натянул рабочие ботинки, затем потрепал ее по щеке. – Надо бежать. Ты даже не представляешь, насколько это будет неприлично с моей стороны опоздать.

– Опоздать? Опоздать куда? Мэтт!

Он мог растянуть удовольствие еще на две минуты. Хотя мало кто из мужчин был способен это понять. Но иногда осознание, что ты можешь чем-то обладать, приятнее самого обладания. Мэтт, продолжая ухмыляться, легко сбежал по лестнице. И всю дорогу до входной двери ему в спину сыпались проклятия.

Панихида по Сэмюэлю Фредерику Поттисворту проходила в деревенской церкви в полдень, небо было затянуто грозowymi тучами настолько плотно, что казалось, будто уже вечер.

Сэмюель был последним из рода Поттисвортов. И поэтому, а возможно, потому, что покойный был не самым приятным человеком, народу собралось немного. Семья Маккарти, врач мистера Поттисворта, патронажный работник и стряпчий расположились перед алтарем, слегка рассредоточившись, чтобы длинная деревянная скамья не казалась полупустой.

А через несколько рядов от них, чтобы соблюсти дистанцию, Байрон Ферт, с неподвижно лежащими у его ног собаками, демонстративно игнорировал пристальные взгляды и бормотание сидевших впереди старух. Такое ему было не впервой. Он привык к остракизму общества, с чем сталкивался всякий раз, когда появлялся в деревне, однако со временем научился встречать косые взгляды и перешептывания с каменным лицом. А кроме того, ему сейчас и без того было о чем подумать. Перед выходом из дома он подслушал телефонный разговор своей сестры с ее бойфрендом, и у него возникло стойкое ощущение, будто они с Лили собираются съезжать. В одиночку ему было явно не потянуть арендной платы за дом, а в деревне вряд ли найдется много желающих разделить с ним и его собаками кров. Более того, после смерти старика, похоже, он, Байрон, остался без работы. До сих пор поместье обеспечивало ему постоянный заработок, но все хорошее когда-нибудь кончается. Он заглянул в газету проверить, не найдется ли случайно какой работы.

Ну а по зову сердца в церковь пришли очень немногие. Миссис Линнет, местная уборщица, взяла себе за правило никогда не пропускать хорошие похороны. Она могла расположить их по рангу, в зависимости от уровня присутствующих, выбора гимнов, качества пирожков с мясом и ветчины, начиная с 1955 года. Она даже пригласила с собой двух женщин, у которых убиралась; и хотя они, собственно, не были знакомы с мистером Поттисвортом, им должна понравиться сама церемония, сказала она викарию. Тем более что Маккарти наверняка выставят хорошее угощение, поскольку миссис Маккарти знает толк в этом деле. Женщины ее типа умеют достойно принять гостей.

Ну и наконец, на задней скамье, делая вид, будто читают сборник церковных гимнов, бок о бок сидели Асад и Генри.

– Нет, ты только посмотри на них! Ишь вырядились и уселись на переднюю скамью, точно они члены семьи, – едва слышно произнес Генри.

– Так им легче демонстрировать скорбь, – ответил Асад, которому из-за высокого роста приходилось сгибаться в три погребели над книгой. – Что ж, она выглядит просто великолепно. И у нее вроде бы новое пальто.

И действительно, красное шерстяное пальто в стиле милитари несколько оживляло мрачные пределы маленькой церкви.

– Они, должно быть, рассчитывают получить кое-какие денежки. Вчера Лора сказала мне, что Мэтт внес первый взнос за одну из этих навороченных тачек с полным приводом.

– Что ж, она заслужила. Быть все эти годы на побегушках у этого негодяя! Я бы не выдержал! – покачал головой Асад.

У Асада было печальное лицо с тонкими чертами, выдававшими его сомалийское происхождение. По словам Генри, его друг при любых обстоятельствах держался с редкостным достоинством. Даже одетый в пижаму с паровозиком Томасом.

– Какого именно негодяя ты имеешь в виду? – пробормотал Генри.

И вот гимн закончился. Старые книжки гимнов с глухим стуком шлепнулись на деревянные подставки, а паства, поерзав ягодицами по скамье, приготовилась к заключительной части службы.

– Сэмюель Поттисворт, – произнес викарий, – был... человеком... до конца остававшимся верным себе. – Викарий, похоже, слегка запинался. – Он был одним из старейших членов нашего прихода.

– Маккарти давным-давно положил глаз на дом, – тихо сказал Генри и, скривившись, добавил: – Ты только посмотри на него! Сияет как блин масленый. – (Асад бросил на Генри вопросительный взгляд и перевел глаза на сидевшую впереди пару.) – А ты в курсе, что буквально за полчаса до своего появления в церкви он был у той самой Терезы из паба? Перед закрытием Тед Гарнер заходил в магазин за фруктовым мармеладом. Говорил, будто видел его минивэн перед ее домом.

– Может, у нее была для него какая-никакая работа? – Асад явно не желал терять веру в людей.

– А я вот слышал, что он частенько к ней наведывается, – надев очки для чтения, заявил Генри.

– Может, ей всего-навсего надо было прочистить трубы.

– Что ж, он известный мастак прочищать чужие дырки.

И они дружно захихикали, но, когда викарий, оторвавшись от своих записей, укоризненно посмотрел на них, сразу же постарались принять приличествующий ситуации смиренный вид. Вас бы на мое место, словно говорил взгляд священника.

– Но мы вовсе не из тех, кто разносит сплетни, – выпрямившись, произнес Асад.

– Нет. Именно так я и сказал миссис Линнет, когда она зашла за таблетками от головной боли. Старушка приходит за этим добром раз в три дня. Нет уж, увольте, никаких сплетен в моем магазине.

Несмотря на скорбную церемонию, Мэтту Маккарти было трудно сохранять печальное выражение лица. Ему хотелось улыбаться. Ему хотелось петь. Еще утром один из кровельщиков дважды поинтересовался, чего это он, черт возьми, так развеселился.

«В лотерею, что ли, выиграл?» – спросил он.

«Типа того», – ответил Мэтт и со свернутыми в трубочку планами в руках ушел в очередной раз поглядеть на фасад дома.

Все вышло как нельзя лучше. Лора наконец-то перестала тянуть ляжку на старого козла, причем надо признаться, в тот вечер Мэтт не на шутку забеспокоился. Если бы она отказалась носить еду мистеру Поттисворту, ему, Мэтту, точно была бы крышка. И действительно, получилось очень удачно. Когда Лора ему позвонила, ее голос прерывался и дрожал от испуга. К счастью, он успел оказаться рядом с ней к моменту прибытия доктора, который и констатировал смерть мистера Поттисворта. Лора прильнула к мужу, искренне считая, что тот захотел поддержать ее в час испытаний, хотя, по правде говоря, в глубине души Мэтт – в чем он бы никогда в жизни не признался – просто не мог до конца поверить, что старый хрыч наконец отбросил коньки.

Служба закончилась. Скорбящие, сбившись в небольшую кучку, вышли в сгустившиеся сумерки. Все явно прикидывали в уме, что же будет дальше. Было ясно как божий день, что никто не собирается проводить старика в последний путь на кладбище.

– Я считаю очень благородным со стороны вашей семьи устроить похороны мистера Поттисворта. – Миссис Линнет дотронулась сухонькой лапкой до руки Мэтта.

– Это самое малое, что мы могли сделать, – ответил Мэтт. – Мистер Пи был нам почти как родной. Особенно для моей жены. Уверен, она будет по нему скучать.

– Да уж, мало кто из людей в преклонном возрасте может рассчитывать на подобное великодушие со стороны соседей, – вздохнула миссис Линнет.

– Интересно, а чем это он заслужил такое отношение? Похоже, Поттисворт действительно был везунчиком.

К разговору присоединился Асад Сулейман, один из немногих мужчин в округе, рядом

с которым Мэтт чувствовал себя коротышкой. Помимо всего прочего. При этих словах Мэтт мгновенно встrepенулcя, но лицо Асада, как всегда, оставалось непроницаемым.

– Ну, вы же знаете Лору, – сказал он. – Ее семья любит, чтобы все делалось как положено. Для Лоры очень важно соблюсти этикет.

– Мы вот тут гадаем... мистер Маккарти... собираетесь ли вы сегодня, так сказать, помянуть мистера Поттисворта... – Миссис Линнет бросила на Мэтта пытливый взгляд из-под полей фетровой шляпы, две другие старушки стояли с выжидающим видом, прижимая к груди сумочки.

– Э-э... Помянуть?.. Конечно-конечно. Приходите, дорогие дамы. Мы ведь хотим достойно помянуть мистера Пи. А как насчет вас, мистер Сулейман? Вам надо возвращаться в магазин, да?

– Нет. – Рядом возник Генри Росс. – По средам мы закрываемся раньше обычного. Мистер Маккарти, вы будто специально для нас все спланировали. Мы с удовольствием... э-э-э... помянем.

– Мы целиком и полностью в вашем распоряжении, – просиял Асад.

Но никто и ничто не могло омрачить Мэтту сей знаменательный день.

– Отлично, – бросил он. – Соберемся у нас и выпьем за упокой его души. Пойду скажу викарию. Дамы, если подождете меня возле машины, я вас подброшу.

Дом, что построил Мэтт Маккарти – или, точнее, произвел его реновацию на деньги жены, – раньше был небольшим каретным сараем, возведенным на опушке леса в те далекие времена, когда главная дорога, ведущая к Испанскому дому, еще не имела ответвлений. Перестроенный каретный сарай, с его неогеогианским фасадом, высокими элегантными окнами и мощным камнем передним двором, был выдержан в том же стиле, что и остальные дома в округе. Однако изнутри бывший каретный сарай выглядел вполне современно: со встроенной подсветкой, полами из ламината, просторной гостиной свободной планировки, а также игровой комнатой, где Мэтт с сыном еще несколько лет тому назад играли в бильярд.

Дом Мэтта был расположен на открытой местности, и от Испанского дома его отделял только лес. Деревушка Литл-Бартон, с ее пабом, школой и магазином, находилась в полутора милях оттуда. Однако длинная извилистая дорожка, по которой некогда можно было проехать до ближайшей главной дороги, теперь – заросшая травой, вся в ямах и рытвинах – пребывала в полнейшем запустении, в связи с чем Мэтту с женой требовались хорошие внедорожники, не скребущие брюхом по земле. Время от времени Мэтту приходилось специально преодолевать самый разбитый участок дороги длиной в четверть мили, чтобы встретить посетителей; пару раз элегантные машины с низкой посадкой в результате лишались глушителя, а Мэтт, отнюдь не дурак, когда дело касалось бизнеса, прекрасно понимал: негоже начинать встречи с извинений.

Он едва не поддался порыву засыпать дорожку щебенкой, но Лора уговорила его не искушать судьбу: «Делай что пожелаешь, когда дом будет наш. Но зачем тратить столько денег ради чьей-то выгоды».

Теперь стол был уставлен бутылками хорошего вина, причем, учитывая количество гостей, хозяева явно перестарались, но Мэтт Маккарти отнюдь не желал прослыть скупердям. И вообще, не подмажешь – не поедешь. Мэтт знал это не хуже других.

– Ты видел, как закопали старика?

– Кто-то ведь должен был удостовериться, что он не восстал из мертвых. – Мэтт протянул Майку Тодду, местному риелтору, большой стакан красного вина.

– Скажи, а Дерек еще тут? Я полагал, он предложит мне выставить дом на продажу, как только прояснится дело с завещанием. И хочу тебе сказать, из этой старой развалины можно

сделать просто конфетку, правда, понадобится адская уйма денег. Последний раз я был там... э-э... четыре года назад. И дом уже тогда, казалось, вот-вот рассыпется.

– Да уж, он и сейчас не в лучшем состоянии.

– А что там написано над воротами? Cave?^[1] Будь начеку, да? Умри – лучше не скажешь.

– Пожалуй, не стоит тебя томить, Майк, – наклонился к нему Мэтт.

– Неужели ты знаешь нечто такое, чего не знаю я?

– Скажем так: возможно, тебе придется заняться продажей этой недвижимости даже прежде, чем ты успеешь осмотреть ту.

– Что-то в этом роде я и подозревал, – кивнул Майк. – Ладно. Не буду кривить душой, уверяя, будто на твоём доме ничего не наварить. Тем более таких предложений на рынке не так уж и много. Ты слышал, что в каком-то из номеров «Санди таймс» наш район был назван одним из самых востребованных у покупателей недвижимости?

– Ну, тогда тебе скучать не придется. Надеюсь, ты оценишь мой дом по максимуму?

– Ты ведь знаешь, Мэтт, я всегда на твоей стороне. Ладно, давай обсудим все позже. Кстати, там одна женщина хочет сделать дом из амбара, расположенного прямо за церковью. Будет чертова уйма работы, и я сказал ей, что у меня есть подходящий человек на примете. Прикинул, что мы оба сможем прилично заработать. – Майк сделал большой глоток и облизал губы. – И, кроме того, если ты задумал восстановить ту старую развалину, тебе понадобятся все деньги, что удастся выручить.

Надо же, а ведь на поминки пришло гораздо больше народу, чем на службу в церкви, подумала Лора. Небо за окном прояснилось, и она почти чувствовала прелый запах леса. Она успела выгулять собаку, отметив про себя, что, хотя на дворе всего лишь сентябрь, в воздухе уже неумовимо пахнет осенью. Затем она вспомнила, что пора подавать фруктовый торт, красовавшийся на подносе прямо перед ней. Гости явно обосновались тут всерьез и надолго, и ей, похоже, до вечера придется играть роль радушной хозяйки. Что ж, никуда не денешься. Деревня на то и деревня. Здесь все живут настолько замкнуто, что из любого мало-мальски значимого события стараются получить максимум удовольствия. Ну а если гости засидятся, придется попросить Кузенов открыть специально для нее их магазинчик.

– Как дела, моя красавица? – Мэтт обнял ее за талию. Всю эту неделю он был необычайно мил с ней: веселый, непринужденный, внимательный. И она, к своему стыду, не могла не признать: смерть мистера Пи стала для нее подарком судьбы. – Жду не дождусь, когда их наконец можно будет выставить за дверь, – прошептал Мэтт.

– Старушки, возможно, скоро отправятся по домам. Миссис Линнет совсем развезло после третьей порции джина, а миссис Беллами храпит на сваленных в кучу пальто на втором этаже.

– Значит, еще немного – и они начнут клеить Кузенов.

Лора улыбнулась и положила на поднос нож для торта. Затем повернулась к Мэтту. Он был так же красив, как в тот памятный день, когда они познакомились. Обветренное лицо и морщинки в уголках глаз делали его еще привлекательнее. Временами это немного напрягало, но сегодня Лоре, захмелевшей от вина и ощущения свободы, было приятно осознавать, что у нее такой красивый муж.

– Теперь все будет по-другому, ведь так? – спросила она.

– О да.

Он наклонился ее поцеловать, а она обвила его обеими руками, скользнув ладонями по накачанному на тяжелой физической работе мускулистому телу. И в очередной раз поняла: его объятия неизменно будят в ней дремлющее желание. А затем ответила на его поцелуй с невольным самодовольством собственницы. У нее возникло странное чувство, будто ей снова

удалось вернуть мужа, а значит она мучилась не зря. И то, что случилось в прошлом, было временным помрачением рассудка.

– Я вам, случайно, не помешал?

Мэтт поднял голову:

– Энтони, если ты сам не способен этого понять, считай, мы просто выкинули на ветер деньги, потраченные на твои уроки биологии.

Лора высвободилась из объятий мужа и взяла поднос с тортом.

– Мы с твоим отцом говорили о будущем, – сказала она. – О нашем чудесном будущем.

Мэтт незаметно привел себя в порядок. Иногда он даже был рад, что у него такая жена. Он проводил ее взглядом до дверей гостиной, с удовольствием отметив, что все при ней: тонкая талия, точеные ножки, шикарная походка. В общем, старая кошелка еще вполне хоть куда.

– А ты что, решил остаться дома? Я-то думал, ты уже давным-давно усвистал, – сказал Мэтт и не сразу понял, что на лице Энтони сегодня нет привычной заговорщицкой ухмылки.

– Шейн подвез меня домой после футбола.

– Ну, тебе повезло.

– Я видел твой минивэн у дома Терезы Диллон.

– И что? – слегка замямшись, бросил Мэтт.

– А то. Ты ведь знаешь, я не идиот. Да и мама тоже, хотя она иногда и косит под дурочку.

Благодушное настроение Мэтта моментально испарилось.

– Понятия не имею, о чем ты, – с напускной небрежностью ответил он.

– Вот и хорошо.

– Ты что, меня в чем-то обвиняешь?

– Ты сказал маме, что приедешь на похороны сразу после стройбазы. А база совсем в другой стороне, в четырнадцать километрах отсюда.

Ну и дела, подумал Мэтт. И его злость сменилась чем-то вроде гордости, что у него такой смысленный мальчонка, который, кстати, не боится своего отца. Парень-то, оказывается, с характером.

– Слушай сюда, инспектор Клузо недоделанный. Я заехал к Терезе, так как она позвонила и попросила срочно дать ей расценки на новые окна для дома, а вообще не суй свой нос в чужой вопрос.

Энтони ничего не ответил. Он просто стоял и смотрел, и Мэтт по его глазам сразу понял: тот ему не верит. На мальчике была дурацкая вязаная шапка, натянутая до бровей.

– А после ее звонка я решил, что на стройбазе нет ничего такого, за чем я не мог бы заехать завтра, – добавил Мэтт, но Энтони продолжал мрачно смотреть в пол. – Неужто ты и впрямь думаешь, будто я могу поступить так с твоей матерью? После всего, что она сделала для нашей семьи и этого старика?

Похоже, ему удалось пронять сына – в глазах мальчика промелькнула растерянность. Мэтт действовал чисто инстинктивно, руководствуясь принципом никогда не признаваться, никогда не оправдываться, который, видит бог, не раз выручал его из беды.

– Ну, я не знаю.

– Вот то-то же. А в следующий раз сперва думай, а потом говори. – Ага, похоже, он опять победил. – И вообще, ты слишком много времени проводишь в деревне. Я уже сказал твоей матери, что нечего тебе болтаться без дела, – хлопнув себя по лбу, произнес Мэтт. – У людей в нашей округе ничегошеньки в жизни не происходит, вот они и дают волю воображению, выдумывая всякие бредни. Черт возьми, ты сам-то слышишь, что говоришь? Ты ничуть не лучше этих деревенских старух.

– Я уже видел ее с тобой, забыл, что ли? – огрызнулся Энтони.

– И что? По-твоему, мне теперь и пофлиртовать ни с кем нельзя, так? Просто поболтать с хорошенькой женщиной? Мне теперь что, вечно ходить, опустив глаза, чтобы, упаси боже, не встретиться с кем-нибудь взглядом, да? Может, попросить миссис Линнет сшить мне паранджу? – (Энтони молча покачал головой.) – Послушай, сынок, даже если тебе сейчас и шестнадцать, придется все же немножко подрасти. И если ты думаешь, что твоей маме понравится иметь мужа подкаблучника, значит ты ничего в жизни не смыслишь. А теперь иди и постарайся найти более достойное занятие, чем строить из себя мисс Марпл. И подстриги, наконец, свои чертовы волосы!

Мэтт хлопнул за собой дверь, а Энтони остался сидеть, сгорбившись от унижения.

Тем временем за окном сгустились сумерки, а затем и вовсе стемнело, ночь накрыла все вокруг плотным покрывалом, включая и дом, и лес, и поля. Однако скорбящие в ярко освещенной гостиной Лоры Маккарти явно не выказывали особого желания уходить. Правда, особого желания скорбеть они тоже не выказывали. И по мере продолжения возлияний рассказы о Сэмюэле Поттисворте становились все менее почтительными, пока наконец разговор не перешел на столь пикантные темы, как посеревшие от грязи шерстяные штаны покойного, которые тот не снимал даже летом, и непристойные предложения, что он делал навещавшей его хорошенькой медсестричке.

Сейчас и не вспомнить, кто первым подал идею продолжить вечеринку в большом доме. Тем не менее, когда веселье достигло своего апогея, французские окна под взрывы смеха неожиданно распахнулись. И Лора, которая шла следом за мужем, увидела, куда именно направляются гости.

На улице оказалось неожиданно тепло, воздух, наполненный голосами диких животных, прорезали лучи фонарей; под ногами шелестела первая опавшая листва, а лес буквально ожил от звука шагов и криков переговаривающихся в темноте пожилых дам.

– И он даже имел наглость клеиться к моей жене, – произнес Мэтт. – Старый греховодник. Девушки, вы там поосторожнее на этих дощечках.

– Мэтт, – остановила его Лора. – Не надо.

– Ой, да ладно тебе, дорогая! Ты ведь не собираешься объяснять каждому встречному, каким он был ангелом! – Мэтт подмигнул Майку Тодду, который держал стакан в высоко поднятой руке, словно боялся расплескать вино. – Тут все знают, что он из себя представлял. Правда, Майк?

– По-моему, это некрасиво, – сказала Лора.

– Плохо отзываться о покойных, да? Нет, я говорю чистую правду. Как и другие. Это ведь любя, разве нет?

– И тем не менее...

Наконец в лунном свете, причудливо игравшем на поверхности озера, возникли смутные очертания дома. В серебристо-синем сиянии он казался призрачным, более воздушным, чем при дневном освещении, а стелющийся по земле туман создавал полную иллюзию того, будто дом парит в воздухе. Если восточная стена была отделана красным кирпичом, то северная и южная, украшенные готическими окнами, были облицованы более традиционным норфолкским кремнием. Над обозначавшим хозяйскую спальню огромным эркером с видом на озеро располагался зубчатый парапет. Величественное, но не слишком привлекательное здание, под стать его прежнему владельцу. Однако таящее в себе большой потенциал. Лора поймала себя на том, что едва сдерживает дрожь. Дом с большой буквы. Тот, который она перестроит и в котором будет жить до конца своих дней. Тот, который докажет ее родителям, да и всем остальным тоже, что она не ошиблась, выбрав Мэтта в мужья.

– Только посмотри на него, – услышала она голос Мэтта. – Если бы Поттисворт остался

жив, то в конце концов был бы погребен под руинами.

– Я еще помню этот дом в бытность его родителей, – подала голос миссис Линнет, вцепившаяся в руку Асада. – О, они прекрасно его содержали. Вон тут, а еще там стояли каменные павлины, по озеру плавали лодки, а по границе участка были высажены розы. Розы с правильным запахом, не чета нынешним.

– Вероятно, это действительно было нечто, – заметил Асад.

– Неземная красота. Хотя дом снова может стать таким. Если попадет в хорошие руки.

– Ох, а мне бы не хотелось тут жить. Посреди этого жуткого леса.

Лора взглянула на мужа; тот стоял в стороне от всех, в глубокой задумчивости, слегка запрокинув голову. И лицо его выглядело странно умиротворенным. Словно многолетнее напряжение начинало постепенно исчезать. Она на секунду задалась вопросом, не написано ли нечто подобное и у нее на лице, но решила, что, скорее всего, нет.

– Извини, Мэтт, – тихо произнес Дерек Уэнделл, поверенный. – Можно тебя на пару слов?

– А я вам рассказывал о том случае, когда он собрался продавать поле площадью тридцать акров? То, что за старым амбаром? – В разговор вклинился Майк Тодд, в темноте его голос казался особенно гулким. – Ему предложили хорошую цену, гораздо больше той, что он просил. Дело уже было практически на мази, но затем он встретился с покупателем в офисе адвоката. – Тут Майк сделал драматическую паузу. – Катастрофа.

– Продолжай, Майк, – хихикнула Лора.

Она пила начиная с полудня, чего никогда себе не позволяла. Обычно она себя ограничивала. Ведь что за радость с утра мучиться похмельем?

– Он выяснил, что покупатель родом из Франции. Или его родители оттуда приехали. А тот бедняга жил здесь уже двадцать лет. И вот нате выкусите: «Я не собираюсь продавать свою землю чертову коллаборационисту. Ни один лягушатник не наложит свои загребущие лапы на мой фамильный дом...» Но самое смешное – это то, что никто из Поттисвортов в жизни не воевал ни на одной чертовой войне. Они все или были комиссованы по болезни, или служили в чертовых финансовых частях.

– Чего-то я не припомню, чтобы он хоть о ком-нибудь хорошо отзывался, – продолжая разглядывать дом, произнес Мэтт.

– Ну, о миссис Маккарти наверняка. После всего, что она для него сделала...

– Нет, – отрезал Мэтт. – Даже о Лоре. По крайней мере, на моей памяти.

Он сел на окружающую дом низкую каменную стену; в ней был проход со ступеньками, которые вели к тому, что некогда служило подъездной дорожкой. Мэтт сидел с довольным видом собственника, позирующего фотографу.

– Мэтт! – Дерек Уэнделл подошел к нему вплотную. – Мне действительно надо сказать тебе пару слов.

И Лора сразу, даже раньше, чем Мэтт, заметила нечто такое в его взгляде, отчего она мгновенно протрезвела.

– Это насчет завещания, да? А нельзя ли обсудить детали позднее? – Мэтт похлопал поверенного по спине. – Дерек, неужели ты не можешь хоть изредка забыть о работе?

– Я не была в их доме тридцать лет, – заявила миссис Линнет, возникшая у них за спиной. – С похорон старого мистера Поттисворта. Катафалк везли две вороньи лошади. Я хотела погладить одну, и она меня укусила. – Миссис Линнет вытянула вперед руку и прищурилась. – Поглядите, шрам до сих пор остался.

Никто уже никого толком не слушал, все перебивали друг друга, горя желанием высказаться.

– Помню, помню те похороны, – сказал Мэтт. – Я стоял на обочине со своим стариком. Он не захотел пройти в ворота, а просто стоял и смотрел, как кортеж проезжает мимо. Помню,

он даже всплакнул, и это несмотря на то, что случилось. Через десять лет после того, как они вышвырнули его вон, оставив без крыши над головой, вообще без ничего, он плакал по старому Поттисворту.

Лора замерла, наблюдая за происходящим. Дерек, безуспешно пытавшийся привлечь внимание Мэтта, повернулся, и она неожиданно догадалась, что именно он собирается сказать ее мужу. Мир рухнул. Распался, как разрезанный апельсин. Лора отчаянно заморгала, пытаясь убедить себя, будто то, что она сейчас увидела, просто игра света или плод пьяного воображения. Но затем Дерек наклонился и зашептал на ухо Мэтту, и по окаменевшему лицу мужа, по его «Что? Что?», нарушившему этот душистый вечер, она поняла: старик, как и говорил викарий, действительно остался верен себе. Даже после смерти.

Ужасно неудобно играть на скрипке и одновременно плакать. При таком наклоне головы слезы сперва скапливаются в ямке между носом и уголком глаза, затем стекают по лицу и, что еще хуже, капают на скрипку, а значит их следует быстро стирать, чтобы дерево, не дай бог, не деформировалось.

Изабелла схватила белый носовой платок и поспешно вытерла влагу с полированной поверхности. Плакать и играть. Нет, или одно, или другое. Однако только игрой на скрипке она могла выразить то, что творилось у нее в душе. Лишь в такие моменты не было нужды надевать маску бесстрашной молодой женщины и прикидываться отважной мамочкой, невесткой, уверенным в себе работодателем и, что самое тяжелое, «стойкой молодой вдовой».

– Мам! – Китти звала ее уже несколько минут.

Она попыталась не обращать внимания на голос дочери и спокойно доиграть последние такты Пятой симфонии Малера, поскольку была морально не готова спуститься вниз, чтобы снова включиться в обычную жизнь. Однако призывы Китти становились все громче.

– Мам!

Нет, в таких условиях просто невозможно нормально играть. Она опустила скрипку, вытерла глаза и, постаравшись придать голосу беззаботность, крикнула в ответ:

– Что случилось?

– Мистер Картрайт пришел.

Картрайт... Картрайт... Она положила скрипку в футляр, открыла дверь мансарды и медленно спустилась вниз. Фамилию Картрайт она слышала впервые, хотя, возможно, и знала этого человека. До смерти Лорана у нее не было необходимости запоминать столько имен.

– Уже иду, – ответила она.

Картрайт. Мистер Картрайт. Наверняка по делу. Уж точно не сосед и не один из друзей Лорана, которые по-прежнему иногда заходили, и если узнавали обо всем впервые, то испытывали самый настоящий шок, а потому их приходилось утешать вот на этом самом диване, словно в ее обязанность входило теперь заботиться о чувствах других.

И уж точно не один из ее друзей, которые в основном потеряли с ней связь, когда ей пришлось уйти из оркестра.

Картрайт. Она заглянула в гостиную и с некоторым облегчением обнаружила, что сидевший на диване мужчина в темно-сером костюме и галстук был ей знаком. Она видела его на похоронах. Попытавшись собраться с мыслями, она бросила взгляд в сторону кухни, где Китти заваривала чай.

– А что, Мэри не может этого сделать?

– У нее выходной. Я тебе уже говорила.

– О... – Она вечно все забывала.

Дочь подала чай мистеру Картрайту, который, вытянув правую руку, предпринимал героические усилия подняться с низкого дивана. Мистер Картрайт, со своими начищенными ботинками и чопорным видом, смотрелся крайне неуместно на фоне царившего в комнате легкого бардака. Она вдруг увидела свою гостиную глазами постороннего человека. На столах кипы книг и журналов. На подлокотнике дивана кто-то оставил маску для Хеллоуина и кипу стираного белья. Ее трусики вывалились из стопки и висели на спинке, явно желая спрятаться между подушками. Тьерри сидел, вперившись в телевизор, безразличный к творившемуся вокруг хаосу.

– Миссис Деланси, простите, если пришел не вовремя...

– Нет-нет, – успокаивающе махнула она рукой. – Очень рада вас видеть. Я просто... была наверху.

Китти, поджав под себя ноги, устроилась на стуле, обитом красным дамастом. Ткань настолько изнасилась, что серые внутренности стула торчали наружу, и Китти незаметно пыталась засунуть их обратно.

– Мама, мистер Картрайт пришел поговорить насчет денег, – сказала она. – А твой чай вот здесь, сбоку.

– Конечно. Спасибо. – (Бухгалтер? Финансовый консультант? Поверенный? С этими людьми всегда имел дело Лоран.) – Мне необходимо что-то подписать?

Мистер Картрайт наклонился вперед, что было весьма непросто, поскольку в данный момент его зад находился на шесть дюймов ниже коленей.

– Не совсем так. На самом деле... неплохо было бы... найти другое место для нашего разговора. – И он бросил многозначительный взгляд сначала на Тьерри, затем – на Китти.

Тьерри с явной неохотой выключил телевизор.

– Дорогой, можешь посмотреть свою программу в комнате Мэри. Уверена, она не будет возражать.

– Там пульт не работает, – сообщила Китти.

– Ну... возможно...

Но Тьерри уже ушел.

– Я останусь здесь, – заявила Китти. – Вдвоем иногда гораздо легче запоминать какие-то вещи.

– Моя дочь... очень толковая для своих лет.

Мистер Картрайт, явно чувствующий себя не в своей тарелке, понял, что ему некуда деваться.

– Уже несколько недель я безуспешно пытаюсь связаться с вами, – начал он. – Мне кажется, теперь, когда... э-э... пыль немного осела, вы должны иметь полное представление о вашем финансовом положении. – Покраснев от натуги, он с трудом подбирал нужные слова.

Щелчком открыв лежавший на коленях портфель, словно за весь рабочий день это был для него самый приятный момент, мистер Картрайт вытащил оттуда пачку бумаг и стал аккуратно раскладывать их на кофейном столике, но сразу прекратил свое занятие, когда увидел грудку неразобранной корреспонденции.

– Мама не разбирает почту, – объяснила Китти. – А мы ждем, пока гора не начнет приобретать угрожающие жизни размеры.

– Китти, я непременно разберу почту. Я просто... еще не успела. – Изабелла смущенно улыбнулась мистеру Картрайту, с ужасом взирающему на грудку нераспечатанных конвертов, которая могла в любой момент обрушиться.

– Возможно, поэтому мы вам и не отвечали, – добавила Китти.

– Возможно, было бы весьма... разумно разобрать письма, – осторожно предложил мистер Картрайт. – Ведь там могут быть счета.

– О, с этим как раз все в порядке, – ответила Китти. – Я открываю все красное, заполняю чеки, а мама их подписывает.

Изабелла заметила тень неодобрения на лице посетителя. Она замечала ее на лицах других мамаш, когда говорила, что готовкой занимается няня или что не знает имен школьных друзей своих детей. Неодобрение читалось и на лицах гостей, которые приходили уже после смерти Лорана и видели царящий в доме хаос. А однажды даже Мэри бросила на Изабеллу осуждающий взгляд, поскольку Изабелла вместо того, чтобы собирать детей в школу, лежала в кровати и рыдала навзрыд. Но эта стадия, когда она едва не рехнулась, когда повсюду видела лицо мужа

и проклинала Бога за то, что отнял его у нее, уже миновала. И все же дорога из страны печали оказалась не настолько простой.

Мистер Картрайт взял ручку и закрыл портфель.

– То, что я собираюсь вам сообщить, явно не отнесешь к разряду хороших новостей.

Изабелла с трудом сдержала смех. Мой муж умер, думала она. Мой сын в шоке и отказывается говорить. Моя дочь за девять месяцев повзрослела на двадцать лет и не хочет признавать, будто у нас что-то не так. Мне пришлось бросить любимое дело, которому я клялась посвятить всю свою жизнь, и вы считаете, будто можете сообщить мне плохие новости?

– Теперь, по истечении определенного времени, когда формальности... э-э... улажены, я всесторонне изучил финансовое состояние Лорана, и, похоже, оно не настолько... прочное, как могло показаться.

– Прочное?

– Боюсь, он, вопреки вашим ожиданиям, не смог вас достаточно хорошо обеспечить.

Ну, это еще не конец света, хотела сказать Изабелла. Деньги никогда не имели для нее особого значения.

– Но у нас есть дом. И его страховка. А это не так уж мало.

Мистер Картрайт внимательно изучал листок бумаги, который держал в руке.

– Вот баланс. Слева его активы, а справа список того, что мистер Деланси успел задолжать перед тем, как... отошел в мир иной.

– Он умер, – поправила его Изабелла. – Ненавижу это выражение, – пробормотала она, поймав укоризненный взгляд Китти. – Он... умер. Мой муж умер.

И не стоит пытаться завуалировать страшную правду. Не стоит бояться жестоких слов. Изабелла проглотила комок в горле.

Мистер Картрайт сидел молча. Покраснев, Изабелла взяла у него листок бумаги с балансом.

– Простите, – смущенно произнесла она. – Я не слишком сильна в цифрах. Не могли бы вы их объяснить?

– Выражаясь простым языком, миссис Деланси, ваш муж набрал займов под залог этого дома, чтобы обеспечить вам соответствующий уровень жизни. Рассчитывая на рост стоимости вашей недвижимости. Что вполне вероятно. И тогда ваша ситуация была бы не настолько плоха. Но вся беда в том, что, увеличив размер кредита под залог недвижимости, он не увеличил стоимости страхования жизни, чтобы покрыть эту сумму. На самом деле он воспользовался этими деньгами для финансирования своего проекта.

– Новая работа, – расплывчато объяснила Изабелла. – Он говорил, что новая работа даст большие дивиденды. Я так и не поняла... Я никогда не понимала, чем он на самом деле занимался. – Она виновато улыбнулась. – Что-то относительно развивающихся рынков, да? – (Картрайт посмотрел на нее так, будто все было ясно без слов.) – Я не... Вы можете объяснить, чем это нам грозит?

– Кредит за дом до конца не закрыт. Выплаты по страховке вашего мужа покроют меньше половины долга, причем останутся обязательства по выплатам основной суммы кредита, а вот их, по моим соображениям, вам будет не потянуть. До настоящего времени денег на ваших совместном и сберегательном счетах хватало на покрытие долга, но, боюсь, там уже не так много осталось. Конечно, вы получите часть пенсии мужа и, возможно, какую-то прибыль, но если вы хотите сохранить дом, вам придется найти другой источник дохода для погашения кредита.

Ей казалось, будто это каркает ворона, неприятный, надоедливый шум. В какой-то момент Изабелла перестала различать слова и слышала лишь бухгалтерские термины. Страховка. Платежи. Финансовые решения. Именно то, к чему она была решительно не способна.

Она подумала, что у нее сейчас начнется мигрень.

Изабелла сделала глубокий вдох:

– Мистер Картрайт, и что в таком случае я могу предпринять?

– Предпринять?

– Его инвестиции? Его накопления? Наверняка можно что-нибудь продать и выплатить кредит. – Она даже не была до конца уверена, приходилось ли ей употреблять такие слова раньше.

Я ведь никогда не разбиралась в финансах, мысленно упрекнула она Лорана. По идее, это входило в твои обязанности.

– Должен сообщить вам, миссис Деланси, что за несколько месяцев до своей смерти мистер Деланси достаточно много тратил. Он практически опустошил несколько счетов. Поэтому страховые суммы уйдут на покрытие долгов на кредитных картах и уплату – ах! – оставшихся алиментов бывшей жене. Насколько вам известно, вы, как его супруга, не должны платить налога на наследство, но, полагаю, в ближайшее время вам придется сократить расходы до минимума.

– А на что он тратил? – поинтересовалась Китти.

– Боюсь, вам придется проверить распечатку платежей по кредитным картам. Большинство корешков чеков не заполнено.

Изабелла попыталась вспомнить, чем они занимались последние месяцы. Но все события слились в памяти в одно расплывчатое пятно, причем произошло это буквально через несколько недель после его смерти. Годы жизни с Лораном неожиданно стали каким-то аморфным, неустойчивым банком воспоминаний. У нас была чудесная жизнь, тоскливо подумала она. Каникулы на юге Франции, ужины в ресторанах несколько раз в неделю. Она никогда не спрашивала, откуда у него деньги.

– Значит, никаких платных школ, никак нянь?

Изабелла совсем забыла о присутствии Китти. И только теперь заметила, что дочь старательно все записывает.

Мистер Картрайт с облегчением повернулся к Китти, словно они говорили на одном языке:

– Да, это было бы весьма желательно.

– Одним словом, вы хотите сказать, что мы потеряем дом.

– Насколько я понимаю, у вас... миссис Деланси, больше нет... стабильного дохода. И если вы переедете в более дешевый район и урежете расходы на домашнее хозяйство, вам, возможно, будет гораздо проще решить финансовые проблемы.

– Оставить наш дом?! – ошеломленно спросила Изабелла. – Но это дом Лорана. Мы вырастили тут наших детей. И он здесь со мной, в каждой комнате. Нет, мы не можем отсюда уехать.

На лице Китти была написана твердая решимость – привычка, приобретенная ею еще в раннем детстве, когда, поранившись, она стискивала зубы, чтобы сдержать слезы.

– Китти, детка, ступай наверх. Не волнуйся. Я все улажу.

После секундного колебания Китти, неестественно выпрямившись, вышла из комнаты. Мистер Картрайт смущенно проводил ее глазами, словно чувствовал свою вину за то, что причинил ей боль.

Изабелла подождала, пока дочь не закроет за собой дверь.

– Но ведь должен же быть хоть какой-то выход! – с горячностью произнесла она. – Вы все знаете о деньгах. И наверняка можно что-нибудь сделать, чтобы дети остались там, где жил их отец. Они любили его. И видели его, возможно, даже чаще, чем меня, поскольку я постоянно уезжала на гастроли. Мистер Картрайт, я не могу с ними так поступить. – (Мистер Картрайт,

слегка порозовев, принялся шелестеть бумагами.) – А вы уверены, что у него не осталось активов во Франции?

– Боюсь, там у него остались только долги. Практически за год до смерти он перестал выплачивать алименты бывшей жене. Я абсолютно уверен, что мы имеем полную картину положения дел.

Изабелла вспомнила жалобы Лорана на тяжелое бремя алиментов. У них же не было детей, возмущался он. Он решительно не понимал, почему та женщина не могла самостоятельно найти средства к существованию.

– Послушайте, миссис Деланси, я действительно не вижу никакого способа структуризации ваших долгов. Даже если вы рассчитаете няню и заберете детей из частной школы, у вас не хватит средств на выплату кредита.

– Я что-нибудь продам, – сказала Изабелла. – Возможно, после него остались дорогие произведения искусства. В книжном шкафу, кажется, было несколько первых экземпляров. – Окинув взглядом неупорядоченную подборку потрепанных книг в мягкой обложке, она поняла тщетность своих надежд. – Я не могу подвергнуть детей такому испытанию. Они уже достаточно пострадали.

– А как насчет того, чтобы вам снова начать работать?

Вам этого не понять, подумала Изабелла.

– По-моему, детям необходимо, чтобы... хотя бы один родитель... – она прочистила горло, – был рядом. И моих заработков как музыканта оркестра вряд ли хватит на покрытие домашних расходов.

Мистер Картрайт, бормоча себе под нос, снова принялся перебирать бумаги.

– Есть одна возможность, – наконец произнес он.

– Я не сомневалась, вы что-нибудь придумаете, – с готовностью отозвалась Изабелла.

Он пробежал пальцем по списку:

– К сожалению, речь идет не о финансовых активах, из которых вы могли бы извлечь выгоду. Однако, по моему разумению, самое ценное, чем вы располагаете, не считая этого дома... ваша скрипка.

– Что?

Он полез за калькулятором и принялся проворно умножать и делить цифры.

– Насколько я понимаю, у вас Гварнери? Вы застраховали ее на шестизначную сумму. Если вы продадите ее по сопоставимой цене, вам не удастся покрыть расходы на обучение детей, но, по крайней мере, вы сможете сохранить дом. – Он протянул ей калькулятор. – Я подсчитал с учетом комиссионных, но вы наверняка сумеете закрыть кредит, и у вас еще кое-что останется. Очень разумное решение.

– Продать мою скрипку?

– Это куча денег. Причем именно тогда, когда вы в них остро нуждаетесь.

После того как мистер Картрайт ушел, Изабелла поднялась наверх и рухнула на кровать. Она смотрела в потолок, вспоминая ночи, когда чувствовала на себе тяжесть тела Лорана, а еще вечера, когда они читали и болтали ни о чем, не осознавая счастья тихих семейных радостей, или когда брали к себе в кровать своих новорожденных детей и восторженно смотрели то на них, то друг на друга.

Она провела рукой по шелковому покрывалу. Однако это чувственное удовольствие показалось ей абсолютно бессмысленным. Ведь покрывало, богато расшитое красным, казалось слишком сексуальным, оно словно насмехалось над ее одиночеством. Она обхватила себя руками, пытаясь прогнать подкрадывающийся приступ отчаяния, чувство невозвратной утраты,

которое накатывало на нее всякий раз, когда она ложилась на широкое супружеское ложе.

Через стенку она слышала приглушенный звук телевизора и представляла своего сына, ушедшего с головой в очередную компьютерную игру. В свое время она надеялась, что один из детей, возможно, проявит интерес к музыке, но они, как и их отец, не имели для этого ни таланта, ни особой склонности. Наверное, все правильно, подумала она. Наверное, в нашей семье только один человек мог идти за своей мечтой. Лоран меня испортил. Позволил мне стать единственной, кому выпало такое счастье.

Она услышала, как вернувшаяся домой Мэри разговаривает с Китти. Затем, понимая, что больше не имеет права прохладиться, встала с постели, поправила покрывало и медленно спустилась вниз. Китти она застала в гостиной, дочь сидела по-турецки на полу перед кофейным столиком. Гора корреспонденции была разделена на несколько кучек официальных, в коричневых конвертах, или подписанных вручную писем и рассортирована в зависимости от адресата.

– Мэри ушла в супермаркет. – Дочь отложила в сторону очередной конверт. – Мне кажется, нам следует, по крайней мере, открыть хоть какие-нибудь из этих.

– Я справлюсь. Дорогая, тебе вовсе не обязательно мне помогать. – Наклонившись, Изабелла погладила дочь по голове.

– Вдвоем дело пойдет быстрее.

В голосе девочки не было обиды, она просто проявляла свойственную ей практичность, и Изабеллу охватило чувство вины, смешанной с благодарностью. Лоран звал Китти *vieille femme*^[2]. И теперь Изабелла поняла, что ее пятнадцатилетняя дочь в столь нежном возрасте взяла на себя эту роль.

– Тогда я приготовлю нам чай, – сказала Изабелла.

Мэри жила с ними с рождения Китти. Иногда Изабелле казалось, что няня знает детей лучше, чем родная мать. Именно спокойная деловитость Мэри помогла им держаться на плаву последние несколько месяцев, ее основательность стала путеводной нитью в сюрреалистической действительности. Изабелле было даже страшно представить, как бы она справилась, не будь рядом Мэри. Одна мысль о готовке, глажке, смене постельного белья и так далее – словом, обо всем том, что входило в каждодневные обязанности Мэри, переполняла душу Изабеллы отчаянием.

Я должна быть сильной, твердила она себе. Случаются вещи и похуже этого. Возможно, уже через год мы снова будем смеяться.

Вернувшись с двумя кружками чая, она поцеловала дочь в голову, исполненная благодарности за то, что та рядом. Китти рассеянно улыбнулась, затем помахала чем-то перед ее носом.

– Это надо быстренько оплатить. – Она сунула Изабелле просроченный счет за газ. – Они грозят нам отключением. Но внизу написано, что можно оплатить счет по телефону, если у тебя есть кредитка.

Слово «кредитка» напомнило Изабелле, что она не внесла минимальный платеж за последние два месяца, и это еще больше увеличило несуразную, по ее представлению, сумму перерасхода. Изабелла сунула счет в самый низ кипы бумаг. Денег не было. Именно так и сказал мистер Картрайт.

– Я разберусь, – заверила она дочь.

Она оплатит счета. Найдет деньги. Все образуется. И что мне делать? – спросила она себя. Если я выберу одно, то разобью им сердце, а если выберу другое – разобью свое.

– Что-то не разберу, а это откуда? – Китти бросила ей плотный белый конверт, подписанный элегантно каллиграфическим почерком.

– Отложи в сторону, дорогая. Возможно, это от одного из французских родственников, который узнал обо всем только сейчас.

– Нет, письмо адресовано папе. С пометкой «лично».

– Тогда положи его к тем, с напечатанным адресом. Все, что срочное, передавай мне. А остальное оставь на потом. Я сегодня что-то совсем расклеилась.

Господи, как же она устала! Она постоянно чувствовала себя усталой. Изабелле хотелось упасть в мягкие объятия диванных подушек и закрыть глаза.

– Мама, у нас все будет хорошо? Ведь так?

Изабелла моментально выпрямилась:

– О, у нас все будет замечательно.

При желании она могла говорить вполне убедительно. Она попыталась растянуть лицевые мышцы в бодрой улыбке, но тут ее внимание привлек листок бумаги с подписью Лорана внизу. Она вспомнила манеру Лорана расписываться, не глядя на бумагу, в результате чего получался этакий небрежный витиеватый росчерк. Я больше никогда не увижу его руки, подумала она. Квадратные кончики пальцев, ногти цвета морской ракушки. Они больше никогда не прикоснутся ко мне, не сожмут мои плечи. Теперь, спустя девять месяцев, она хорошо узнала, как это бывает: боль утраты обрушивается без жалости, без предупреждения. Скорбь подобна набегающей волне. Она накатывает на тебя и закручивает в гигантском водовороте, грозя утащить на дно. Ну почему, почему больше нет этих любимых рук?!

– Мама, ты должна на это взглянуть.

Изабелле пришлось собрать все свои силы в кулак, чтобы вернуться к действительности. Но в голове было пусто, и ей никак не удавалось сделать более-менее спокойное лицо.

– Просто сложи все счета вместе, солнышко. – («Лоран! – буквально рвалось у нее из груди. – Как ты мог нас оставить?») – Знаешь, давай отложим все это на завтра. Мне кажется... Мне нужно выпить бокал вина. – Она поймала себя на том, что ее голос дрожит.

– Нет. Ты должна посмотреть на это. – Китти помахала у нее перед носом каким-то письмом.

Очередные официальные бумаги, требующие ее подписи и решения. Боже, дай мне силы сделать выбор! Почему мы должны чем-то жертвовать?

– Не сейчас, Китти. – Она с трудом сдерживалась, чтобы не сорваться на крик.

– Но ты только посмотри. Вот. – У Китти в руке было зажато письмо с машинописным текстом. – Не знаю, может, это розыгрыш, но тут говорится, что кто-то оставил тебе дом.

– Ты не находишь это немного волнительным?

У Фионнуалы, игравшей в Лондонском симфоническом оркестре, был перерыв между репетициями. Они сидели в кафе, в котором уже раз сто бывали на ланче; оно было достаточно близко от зрительного зала, чтобы слышать, как настраивают контрабас, а гобой осваивает новый звуковой ряд. В своей жизни Изабелла успела пережить и домашнее блаженство, и горечь утраты. Еще год назад, думала она, я даже не представляла себе, что такое настоящая боль. А теперь она чувствовала противную зависть к подруге, которая щебетала как ни в чем не бывало, не понимая, в какую черную дыру засосало Изабеллу. Это ведь я должна была сидеть здесь, жаловаться на дирижера, мысленно возвращаясь к «Адажио», думала она.

– А ты не боишься выплеснуть младенца вместе с водой? – спросила Фионнуала и, сделав глоток вина, добавила: – Ей-богу, отличное вино.

– Так будет лучше для детей, – покачала головой Изабелла. – Чудесный загородный дом, хорошие государственные школы, маленькая деревушка. Ты ведь знаешь, как ужасны эти лондонские парки. Мэри вечно жалуется, что ей приходится чуть ли не полчаса подбирать

с земли битое стекло, чтобы дети могли спокойно поиграть.

– Я просто не понимаю, почему бы не потянуть время и для начала не съездить туда и не посмотреть дом.

– Фи, у нас нет времени. У нас нет денег. Так или иначе, я уже видела его много лет назад, еще ребенком. Как-то родители взяли меня с собой на прием в саду. Насколько я помню, роскошное место. – Ей почти удалось себя уговорить.

– И все же – Норфолк? Это ведь даже не побережье. И вообще, слишком уж смелый шаг. Ты там никого не знаешь. Тебе ведь никогда особо не нравилась деревня. Ты не создана для сельской жизни, так? – Фионнуала закурила сигарету. – Ради бога, не пойми меня превратно, но, Изабелла, ты... иногда бываешь чересчур импульсивна. Тебе следует вернуться к работе и попытаться хоть как-то свести концы с концами. Уверена, тебя не бросят и найдут для тебя дополнительные ангажементы. Господи боже мой, ты ведь у нас первая скрипка! Или можешь начать давать уроки. – (Изабелла удивленно подняла брови.) – Ну ладно, может, преподавание и не твой конек. Но твоя затея кажется уж больно экстремальной... А что думают дети?

– Они в порядке, – автоматически ответила Изабелла.

«Но это ведь наш дом. Папин дом! – возмутилась Китти. – Ты ведь сказала, что все уладила».

Изабелла удивлялась собственной выдержке. Лоран меня простит, говорила она себе. Он никогда не потребовал бы от меня, чтобы я рассталась со своей скрипкой, которую, помимо всего прочего, сам же и подарил.

«По каком праву ты одна все решаешь? Ведь если ты еще не забыла, нас осталось трое. – Лицо Китти покраснелось от возмущения подобной несправедливостью. – Почему мы не можем продать новый дом? Он, должно быть, стоит целое состояние».

«Потому что после уплаты налога на наследство у нас не останется средств на погашение долгов, поняла? Ведь тот дом намного дешевле этого. – Она постаралась немного смягчить тон. – Китти, тебе это трудно понять, но твой папа... оставил нас без гроша за душой. И даже больше чем без гроша. Поэтому, чтобы выжить, нам надо продать папин дом. Все не так страшно, как кажется. Ты сможешь приезжать в Лондон повидаться с друзьями. А новый дом очень большой, значит они тоже смогут приезжать погостить. На каникулах, если захочешь».

По лицу Тьерри вообще невозможно было понять, что он думает.

«И дело не только в деньгах, мои хорошие, – сказала Изабелла, пытаясь перетянуть детей на свою сторону. – Нам просто надо переехать».

– И все-таки я по-прежнему считаю, ты совершаешь ошибку, – продолжила уговаривать подругу Фионнуала, одновременно макая кусочек хлеба в оливковое масло и подчищая им тарелку. – Ты еще не оправилась от потрясения, а потому не способна принимать жизненно важные решения.

Судя по лицу Мэри, она придерживалась аналогичного мнения. Но Изабелла должна была это сделать, причем немедленно. В противном случае она просто-напросто сломается. А новый дом давал ей прагматичное решение всех проблем. Единственный способ собрать из осколков свою жизнь, избавиться от неизбежной боли утраты, избавиться от наваждения. Иногда, когда у нее разыгрывалось воображение, она уверяла себя, будто именно Лоран послал ей новый дом и сделал это в искупление грехов за долги. А дети так легко приспосабливаются, успокаивала она себя. Взять хотя бы тех, чьи родители были беженцами, дипломатами или военными служащими. Они ведь постоянно переезжают. В любом случае, может, и ее детям станет легче вдали от того, что постоянно напоминает им о прежней жизни. Возможно, и ей самой станет легче.

«Если я правильно все понял, то дом нуждается в капитальном ремонте», – сказал ей

поверенный.

Она решила встретиться с ним лично, поскольку не могла до конца поверить, что это не розыгрыш.

«Там когда-то жил мой двоюродный дедушка, значит все по определению не так уж и плохо», – ответила она.

«Боюсь, я знаю только то, что значит в официальных бумагах, – произнес он. – Но примите мои поздравления. Насколько мне известно, это один из самых больших домов в округе».

Она оказалась единственной здравствующей родственницей хозяина, а потому унаследовала дом вследствие невидимых связей, возникающих при отсутствии завещания.

– У тебя ушла целая вечность на то, чтобы стать первой скрипкой. И ты чертовски хорошо играешь, – сказала Фионнуала. – Ну а кроме того, в своей глуши ты уж точно никогда никого не встретишь.

– А с чего ты взяла, что мне это нужно?

– Не сейчас, конечно. Но со временем... Послушай, я не хотела...

– Нет, – оборвала ее Изабелла. – Лоран был единственным мужчиной в моей жизни, и никого другого больше не будет. И вряд ли найдется такой человек, который смог бы... – Она замолчала, а затем твердо добавила: – Я хочу начать жизнь с чистого листа. И этот дом – новое начинание.

– Что, полагаю, для тебя очень важно. – Фионнуала накрыла руку подруги своей. – Черт, мне уже пора. Прости, Изабелла, но дирижирует Бартон, а ты ведь знаешь, каким он становится гадом, когда кто-нибудь опаздывает. – Изабелла потянулась за кошельком, но Фионнуала ее остановила: – Нет, нет и нет. Я сегодня угощаю, так как завтра мы записываем музыку к фильму. Четыре часа прохлаждаться, чтобы играть сорок минут. На днях я узнала, сколько нам заплатят за каждую ноту. Чертовски щедро! – Она положила деньги на стол. – Когда я приеду, приготовишь для меня жаркое. Подстрели куропатку. Удиви меня благоприобретенными деревенскими замашками. – Она через стол крепко обняла Изабеллу, затем отстранилась и пристально посмотрела на подругу. – Как думаешь, когда ты снова сможешь играть?

– Не знаю, – ответила Изабелла. – Когда дети станут... снова счастливыми. Но это ведь всего пара часов на поезде. Уж точно не Гебридские острова.

– Ну, ты определенно торопишь события. Мы по тебе скучаем. Я по тебе скучаю. Мужик, который занял твое место, абсолютно безнадежен. Солирует с опущенной головой и считает, что мы за ним поспеваем. Мы тупо пялимся на него, словно он объясняется с нами на языке глухонемых. – Она снова обняла Изабеллу. – Ох ты, моя дорогая, я уверена, все будет в порядке, твой новый дом, ну и остальное. Прости, что с самого начала от меня не было особого проку. Не сомневаюсь, ты поступаешь совершенно правильно.

Совершенно правильно, подумала Изабелла, когда подруга с футляром для скрипки под мышкой скрылась за двустворчатой дверью.

Так будет лучше для всех.

Иногда она даже сама в это верила.

Генри незаметно пихнул Асада под прилавком локтем и показал на часы. У миссис Линнет ушло двадцать три минуты на то, чтобы купить коробку чая в пакетиках. Новый личный рекорд.

– Миссис Линнет, вам помочь? – предложил Генри.

И она прервала свой монолог. А говорила она, причем достаточно сумбурно, о системах видеонаблюдения, гранитных кухонных столешницах, о больной ноге своей соседки и о женщине, с которой когда-то работала и которая, по мнению миссис Линнет, осталась бесплодной, потому что спала в колготках.

– Впервые слышу о чайных пакетиках для жесткой воды. А что, их надо заваривать только в жесткой воде? У нас ведь тут известняк. Мой чайник вечно в известковом налете.

– Известняк? Для вас это, должно быть, настоящее испытание, – заметил Асад.

– Но зато он весьма полезен для костей, – продолжил Генри, с трудом сдерживая смех.

Глухой стук дождя по крыше становился все сильнее, а когда послышался удар грома, все трое вздрогнули.

– Я как раз собирался налить чашечку чая. Специально для вас, миссис Линнет, чтобы вы могли оценить качество наших чайных пакетиков для жесткой воды. – И, подмигнув Асаду, Генри направился вглубь магазина. – Конечно, если вы не слишком торопитесь.

День тянулся медленно. Проливной дождь и школьные каникулы, словно сговорившись, лишили их покупателей, если не считать самых отчаянных. Другие хозяева местных магазинчиков ворчали по поводу вялой торговли, а также того, что супермаркеты, с их доставкой на дом, уводят постоянных покупателей. Однако владельцы магазина «Сулейман и Росс», не обремененные долгами, с приличной подушкой безопасности в виде пенсионных накоплений за долгие годы работы в Сити, рассматривали такие дни как прекрасную возможность расслабиться и поболтать с покупателями. В свое время они открыли торговую точку отнюдь не с целью получения больших барышей, однако низкие цены, широкий выбор товаров и персональный подход к каждому обеспечили им преданность покупателей. И возможно, избавили от предубеждений поборников морали, поначалу не слишком приветливо встретивших этих двоих, которых жители деревни – дипломатично, хотя и вопреки здравому смыслу – теперь называли Кузенами.

Витрина магазина запотела, в результате чего плотная стена дождя за стеклом стала казаться еще темнее. Асад включил радио, и торговый зал наполнился звуками мелодичного джаза. Миссис Линнет задохнулась от удовольствия, ее пальцы затрепетали.

– Ах! – воскликнула она. – Обожаю Диззи, но мой Кеннет на дух не переносит современный джаз. – Она заговорщицки понизила голос. – Он находит его слишком... изотоническим. Хотя, с другой стороны, представители вашей расы ведь созданы для джаза, да?

Асад был слишком хорошо воспитан, чтобы позволить молчанию затянуться.

– Представители моей расы?

Миссис Линнет кивнула.

– Темнокожие, – сбивчиво объяснила она. – У вас... у вас есть чувство ритма. Ну, сами понимаете... это ведь заложено в генах.

– Тогда понятно, миссис Линнет, почему в ненастные дни типа сегодняшнего мне особенно трудно держать себя в узде, – ответил Асад.

Поняв, что сболтнула лишнего, Дирдре Линнет, от греха подальше, переместилась поближе к двери.

Знакомый голос приказал собакам сидеть, и в магазин, стряхивая с волос капли дождя,

вошел Байрон Ферт.

– Добрый день, Байрон, – улыбнулся Асад.

– Мне нужна открытка, – сообщил посетитель.

– Открытки в углу, – ответил Асад. – И для кого именно?

– Для Лили, – тихо сказал Байрон. – Моей племянницы. У нее день рождения.

Байрон казался слишком громоздким для помещения магазина, хотя ростом он был ниже Асада; парень явно не знал, куда девать руки и ноги, ему словно хотелось сделаться невидимым. Возможно, именно поэтому он и выбрал для себя работу в лесу, подумал Асад. Чтобы пореже попадаться на глаза.

– Здравствуйте, мистер Ферт. – Это Генри принес обещанный чай. Он обвел глазами мокрый дождевик Байрона и его заляпанные ботинки. – Насколько я вижу, вы сегодня общались с Природой. И похоже, Природа вышла из вашей с ней схватки победительницей.

– Генри, а где открытки ручной работы? – Асад внимательно изучал полки. – Они ведь у нас точно были, да?

– Мы больше не продаем открыток с указанием возраста. Поскольку открытки для четырехлетних и пятилетних в два счета разберут и мы останемся с тонной нераспроданного товара для одиннадцатилетних.

– Ага. Вот они где. – Асад вытащил розовую открытку, украшенную блестками. – Раньше их делала одна женщина из города. Это последняя, конверт немного помялся, но если вы ее берете, я скину вам пятьдесят пенсов.

– Спасибо. – Байрон отдал деньги, взял у Асада бумажный пакет с открыткой, сунул пакет в карман куртки и, кивнув на прощание, закрыл за собой дверь магазина.

Тем временем миссис Линнет с несвойственным ей интересом продолжала изучать этикетки.

– Ну что, этот человек наконец ушел? – невпопад спросила она.

– Да, мистер Ферт нас покинул, – ответил Генри.

– Сомневаюсь, что вам стоит с ним так уж любезничать. Вот меня, например, от него просто колотит.

– Ваше право, – пробормотал Генри.

– Не вижу связи между прошлым мистера Ферта и тем фактом, что мы продали ему открытку для его племянницы, – заявил Асад. – Он нам всегда казался довольно приятным малым, разве что немного неразговорчивым. Миссис Линнет, вам, как истинной христианке, наверняка должны быть знакомы такие понятия, как «раскаяние» и «всепрощение».

– Что ж, лиха беда начало. Помяните мое слово, – загадочно сказала она, постучав себя по носу. – Теперь мы как магнитом будем притягивать к себе всяких нежелательных личностей. На очереди педофилы.

– Боже упаси, – округлил глаза Генри.

Колокольчик на двери известил об очередном покупателе. В магазин вошла девочка-подросток, лет пятнадцати-шестнадцати, не больше. Она промокла насквозь, на ней не было пальто, а в руках – зонтика. Да и выглядела она слегка помятой, словно после долгого путешествия.

– Извините за беспокойство, – начала она, убирая со лба мокрые волосы, – но вы, случайно, не знаете, где... – она сверилась с бумажкой, – Испанский дом?

На секунду воцарилась мертвая тишина.

– Конечно знаю, дорогая, – сказала миссис Линнет, тотчас же забывшая о своих душевных страданиях. – Это совсем рядом. А могу я поинтересоваться, кого именно ты надеешься там застать. – (На лице девочки появилось озадаченное выражение.) – Старый мистер Поттисворт

недавно скончался, – объяснила миссис Линнет. – И сейчас в доме никто не живет. Если ты приехала на похороны, то, боюсь, опоздала.

– О, я знаю, – кивнула девочка. – Мы туда переезжаем.

– Куда – туда? – Генри застыл в дверях подсобки.

– В Испанский дом. Эта молодая леди переезжает в Испанский дом. – Новость была настолько сенсационной, что миссис Линнет едва сдерживалась. Она протянула девочке руку. – В таком случае мы будем почти соседями, милочка. Я Дирдре Линнет... – Она посмотрела в запотевшее окно. – Насколько я понимаю, ты приехала не одна?

– Мама с братом остались в машине. По правде говоря, мне надо идти, потому что нас ждет грузовой фургон. – Так где, вы сказали, находится дом?

Асад сделал жест в сторону дороги:

– Свернете налево напротив указателя на свиноферму, затем на перекрестке – направо и далее по проселочной дороге, пока не увидите надпись «Сave!».

– Что значит «Берегись!» – в один голос добавили Генри и миссис Линнет.

– Мы открыты до пяти, – сказал Асад, – на случай если вам вдруг что-нибудь понадобится. И осторожней там, на проселке. Дорога... не в лучшем состоянии.

Девочка быстро записывала на своей бумажке:

– От свинофермы налево, на перекрестке направо, затем по проселочной дороге. Спасибо.

– До встречи, – произнес Генри, протягивая миссис Линнет кружку чая.

Они проводили ее взглядом. Потом до неприличия поспешно подскочили к запотевшей витрине и протерли на стекле небольшой кружок. Они увидели, как девочка залезает на сиденье большого, выдавшего вида «ситроена». За «ситроеном» стоял грузовой фургон, практически перегородивший дорогу; через лобовое стекло с работающими дворниками можно было увидеть сидевших в кабине троих здоровых мужиков.

– Ну и как вам это нравится? – спросил Генри. – В большом доме теперь будет жить юное поколение.

– Она, может, и совсем юная, – неодобрительно заметила миссис Линнет, – но это ни в коей мере не оправдывает состояние ее туфель.

– Дай бог, чтобы туфли были для нее наименьшим огорчением, – вздохнул Генри. – Интересно, какой прием им окажут их ближайшие соседи?

Они ехали по грязной проселочной дороге, Китти сидела молча, демонстративно игнорируя попытки Изабеллы хоть как-то ее разговорить. Время от времени девочка смотрела в зеркало заднего вида на грузовой фургон, вилявший между рытвинами, и едва слышно молилась.

– Ты уверена, что они правильно указали тебе путь? – уже в четвертый раз спрашивала Изабелла. – Что-то я не помню тут такой проселочной дороги.

– На перекрестке направо. Я даже записала.

Автомобиль болтало из стороны в сторону, и, попадая в очередную яму с водой, он скреб землю передним бампером. Китти слышала, как отчаянно, но без толку крутятся колеса, как протестующе воеет мотор, пытаясь сдвинуть машину с места. А вокруг стеной высились вековые сосны, заслоняя угасающий свет дня.

– Поверить не могу, что нам придется спускаться вниз. Без трактора оттуда точно не выбраться.

В глубине души Китти была даже рада, что проселочная дорога оказалась такой раздолбанной. Возможно, мама все же возьмет голову в руки и осознает всю неразумность этой дурацкой затеи. Многие недели Китти продолжала цепляться за тщетную надежду, что Изабелла одумается, признает свою ошибку и постарается как-то утрясти финансовые дела, чтобы

избежать необходимости покидать дом. Но нет. Мама заставила Китти сказать до свидания школе, школьным друзьям, причем в середине учебного года, и поехать бог знает куда, в какую-то тьмутаракань. И все это ерунда, что мама говорила, будто она не потеряет связи с друзьями. Китти прекрасно понимала: если она оторвется от подруг, с их сплетнями и обменом эсэмэсками, то рано или поздно перестанет для них существовать. И даже если она будет навещать их хотя бы раз в две недели, то все равно окажется лишней, поскольку будет не в теме.

Дворники двигались туда-сюда по стеклу медленно и со скрипом, словно через силу. Еще год назад я была счастлива, думала Китти. У нее сохранился дневник за прошлый год, она все проверила и точно знала, что это правда. Иногда она специально мучила себя, перечитывая дневник: «Папа заехал за мной в школу. После обеда мы играли в шахматы, и я выиграла. Фильм „Соседи“ очень понравился». Иногда она гадала, что с ней будет еще через год. Ей не верилось, что они вернутся в Лондон. А еще меньше верилось, что они будут счастливы.

Тьерри, сидевший на заднем сиденье, неожиданно снял наушники.

– Почти приехали, Ти, – сказала она.

– Ну давай же, Долорес! Ты справишься.

Китти вздрогнула. Так странно, что мама зовет машину по имени. Деревья неожиданно расступились, и они оказались на большой поляне.

– А вот и знак, – ткнула пальцем Китти.

– «Сave!» – прочла Изабелла. – Мм... «Берегись!»

– Вот тут, – облегченно вздохнула Китти. – Именно так мне и сказали в магазине.

Изабелла попыталась разглядеть местность сквозь запотевшее лобовое стекло. Слева стоял аккуратный двухэтажный каменный коттедж. Явно не тот дом, что на фотографии. Машина медленно ползла по окаймленному деревьями изгибу дороги – и вот перед ними возник он. Трехэтажный дом из красного кирпича, увитые плющом и увенчанные нелепым зубчатым парпетом стены. Высокие окна выходили в сад, настолько заросший, что только по самшитовой изгороди можно было судить о его прежних границах. Архитектура дома выглядела на редкость эклектично, представляя собой этакую мешанину из разных стилей, словно в процессе строительства бывшим хозяевам наскучивала первоначальная задумка, они находили картинку с тем, что им нравилось больше, и вносили соответствующие изменения в проект. Одна стена была облицована камнем местной породы, окна в георгианском стиле утопали в готических арках.

«Ситроен» выехал на подъездную дорожку и остановился перед входной дверью.

– Ну вот, дети, – сказала Изабелла, – мы и на месте.

Дом показался Китти холодным, сырым и неприветливым. Она с тоской вспомнила их жилище в Мейда-Вейл, с уютными комнатами, запахами стирки, специй и духов, успокаивающим бормотанием телевизора. Развалюха, чуть было не вырвалось у нее, но она вовремя прикусила язык. Ей не хотелось задевать мамины чувства.

– И что в нем испанского? – спросила она.

– Насколько я помню, дом задумывался в мавританском стиле. А там озеро. Я и забыла, какое оно большое. Взгляните! – Изабелла достала из бардачка большой конверт. Порывшись в нем, она вытащила ключ и клочок бумаги. Неподалеку от их машины огромная магнолия очнулась от зимней спячки, ее бледные цветы светились фонариками в тусклом вечернем свете. – Итак, согласно отчету поверенного, мы продали участок в шестьдесят акров, чтобы заплатить налог на наследство, и двадцать, чтобы на банковском счете были деньги. Но у нас еще есть семь акров слева... – (Небо совсем потемнело, не давая возможности разглядеть, что там за деревьями.) – И перед домом. Так что вид на лес и на озеро никуда не денется. Только представьте! Мы хозяева почти всей земли, что лежит перед нами.

Здорово, подумала Китти. Грязный пруд и страшный лес. Ты что, никогда не смотрела фильмы ужасов?

– Знаешь, если бы бабушка была жива, все это досталось бы ей. Хозяин был ее братом. Можешь представить себе бабулю в таком доме? После ее малюсенькой квартирки? – (Китти подумала, что не может представить никого, кто добровольно согласился бы жить в таком доме.) – А вода... О!.. Она просто волшебная. Вашему папочке непременно понравилось бы озеро... Он бы занялся рыбалкой... – Голос Изабеллы потух.

– Мама, он в жизни не ездил на рыбалку, – сказала Китти, подняв лежавший в ногах мешок с мусором. – И вообще, давайте выйдем из машины. Грузчики уже ждут.

Тьерри ткнул пальцем в сторону деревьев.

– Хорошая идея, дорогой. Ты можешь разведать окрестности. – Изабелла явно обрадовалась, что Тьерри проявил хоть какой-то интерес. – А как насчет тебя, солнышко? Тебе не хочется посмотреть, что здесь и как?

– Я помогу тебе наладить быт, – ответила Китти. – Тьерри, надень куртку и постарайся не заблудиться в лесу.

Гулко хлопнули двери машины, и Изабелла с Китти прошлепали по мокрому гравию к входной двери.

Буквально с порога на них пахнуло затхлостью, плесенью, сыростью и гниением. Китти, придерживая висящий на плече портплед, втянула в себя эту вонь со странным чувством нездорового любопытства и нереальности происходящего.

Все оказалось даже хуже, чем она предполагала. Холл был застелен потрескавшимся линолеумом, кое-где стершимся до дыр. Через открытую дверь ей была видна часть комнаты: обитые пестрой тканью стены в викторианском стиле и хлипкий расписной буфет типа тех, что в пятидесятые ставили на кухне. Два явно разбитых окна заколочены досками, едва пропускавшими свет. С потолка свисал кусок неизолированного провода, причем даже без лампочки на конце.

Нет, это никак не походило на дом, где живут люди. И уж точно не походило на дом, где хоть кто-то когда-то жил. Что ж, теперь она поймет, думала Китти. И ей придется отвезти нас домой. Мы по-любому не сможем остаться здесь.

Однако Изабелла только махнула рукой, предложив следовать за собой.

– Давай посмотрим, что там наверху, – сказала она. – А потом отыщем кухню и выпьем по чашечке чая.

Два остальных этажа также выглядели не слишком презентабельно. Спальни, а их было несколько, видимо, годами оставались запертыми. В воздухе пахло запустением, обои местами отвалились и свешивались лоскутами. Только две комнаты были более-менее пригодны для жилья: хозяйская спальня с желтыми от никотина стенами, где все еще сохранились кровать, телевизор и два шкафа с прокуренной одеждой, а за ней – комната поменьше, явно отделанная в 1970-х, то есть на два-три десятилетия позже, чем все остальное. Ванна и раковина в трещинах и покрыты ржавчиной, из кранов текла мерзкая на вид вода. Пол на лестничных площадках скрипел под ногами, а катышки помета недвусмысленно намекали на присутствие в доме мышей.

Пусть видит, думала Китти, когда они с матерью наталкивались на очередной ужас. Пусть видит, что это невозможно. Но Изабелла определенно ничего не видела. Она только время от времени бормотала что-то типа: «А вот несколько миленьких ковриков...» – словно говорила сама с собой.

Китти насчитала в доме по крайней мере три изъеденные ржавчиной батареи.

А над площадкой верхнего этажа потолок обвалился, обнажив похожие на скелет балки с кусками штукатурки, под дырой стояла явно имеющая стратегическое значение жестяная ванна, куда медленно и печально капала вода.

Но dokonала Китти именно кухня. Если считать кухню сердцем любого жилища, то здешняя кухня буквально вопила о том, что дом этот ненужный и нелюбимый. Кухня оказалась прямоугольной комнатой с замызганными окнами, расположенной на несколько каменных ступенек ниже уровня первого этажа. На кухне было темно и воняло прогорклым маслом. Возле раковины расположилась допотопная кухонная плита-печь с крышкой, тусклой и местами потемневшей от серого налета неизвестной этиологии. Напротив Китти увидела отдельно стоящую электрическую плиту, менее загаженную, но тоже в крайне запущенном состоянии. Немногочисленная кухонная утварь была образца 1950-х, а тянущиеся по стенам полки предоставляли на редкость скудный выбор кухонных принадлежностей, лежавшие там пакеты с едой были густо покрыты пылью, мышинным пометом и дохлыми мокрицами.

– Какая прелесть! – Изабелла пробежала пальцами по старому сосновому столу в центре комнаты. – У нас никогда не было кухонного стола приличного размера. Правда, детка?

А тем временем грузчики наверху с грохотом сваливали в кучу предметы обстановки. Китти посмотрела на мать как на полоумную. Дом выглядел так, словно побывал в зоне военных действий, подумала Китти, а мама болтает о каких-то сосновых столах.

– И вот, посмотри. – Изабелла стояла возле раковины и наблюдала за тем, как кран, чихая и кашляя, возвращается к жизни. – Холодная вода абсолютно чистая. Не сомневаюсь, на вкус она просто сказочная. В деревне, по идее, всегда более чистая вода. Я вроде бы об этом где-то читала.

Китти была слишком расстроена, чтобы уловить истерические нотки в мамином голосе.

– Миссис Деланси? – На кухне появился самый здоровый из грузчиков. – Мы выгрузили первую партию вещей в передней комнате, но там довольно сыро. Думаю, вам стоит самой удостовериться, прежде чем мы продолжим разгрузку.

Изабелла бросила на него растерянный взгляд:

– В чем именно удостовериться?

– Э-э-э... помещение не... в лучшем виде... – засунув руки в карманы, начал грузчик. – Может, вам лучше пока поддержать вещи где-нибудь еще. И остановиться в другом месте. Пока вы все здесь не наладите. – (Китти хотелось его обнять. Ну наконец-то нашелся хоть один здравомыслящий человек.) – Сырость вряд ли пойдет на пользу вашему антиквариату.

– Ой, он пережил не одну сотню лет. И немного сырости ему уж точно не повредит, – отмахнулась Изабелла. – И вообще, что тут особо налаживать. Парочка мощных обогревателей – и дом сразу нагреется.

Грузчик покосился на Китти. И она увидела жалость в его глазах.

– Как вам будет угодно, – сказал он.

Похоже, у Китти нашелся союзник. И даже грузчик искренне удивляется, как эта сумасшедшая женщина, которая перевезла семью в развалюху с текущей крышей, еще может восхищаться каким-то сосновым столом. Китти вспомнила о доме, где они когда-то жили: уютном, с центральным отоплением, мягкими диванами и большим плазменным телевизором.

– Ну а где у нас то, что для кухни? – спросила она. – Думаю, пора приниматься за уборку.

– Для кухни?

– Чистящие средства. И еда. Перед отъездом я поставила две коробки возле входной двери, чтобы иметь кухонные принадлежности под рукой.

Последовало короткое молчание.

– Так это что, было для нас? – (Китти медленно повернулась к матери.) – Вот черт! А я

решила, ты приготовила все это на выброс. И оставила коробки у мусорных баков.

Интересно, и что тогда они будут есть? Китти хотелось рвать и метать. И как теперь им пережить сегодняшний день? А она вообще о чем-нибудь думает, кроме своей проклятой музыки?!

И почему я должна этим заниматься? Китти поспешно отвернулась, чтобы мать не поняла, как сильно она, Китти, ее сейчас ненавидит. Глаза девочки наполнились слезами отчаяния, но она решила их не смахивать. Мама не должна видеть, что она плачет. Вот бы ей такую мать, которая заранее все продумывает и у которой в руках все спорится! Ну почему, почему мама не может быть хоть чуточку попрacticнее? И на Китти вдруг накатила приступ тоски по папе, по Мэри, которая, увидев этот дом – огромную, нелепую ошибку, непременно сказала бы Изабелле, что здесь не о чем говорить и надо срочно возвращаться домой.

Но сейчас тут не было взрослых. Только она сама.

– Ладно, куплю чего-нибудь в магазине, – сказала Китти. – Я возьму машину.

Она надеялась, что мать будет протестовать и не позволит ей сесть за руль. По крайней мере, спросит, умеет ли она водить. Но Изабелла пребывала в глубокой задумчивости, и Китти, вытерев слезы, ушла.

Изабелла посмотрела вслед дочери, которая нарочито громким топотом явно хотела выразить свое неодобрение. Хлопнула входная дверь, взревел мотор машины. Изабелла повернулась к окну и закрыла глаза.

Дождь прекратился, но небо угрюмо нависало над землей, словно не в силах определиться, давать местным жителям передышку или нет. У Китти ушло почти двадцать минут на то, чтобы проехать по проселочной дороге; папа позволял ей ездить лишь на короткие расстояния, причем исключительно на каникулах, по принадлежащим их друзьям полям и частным дорогам на побережье. Ну а сейчас машина подпрыгивала на ухабах, и Китти, мертвой хваткой вцепившаяся в руль, тихо молилась, чтобы колеса не увязли в грязи и она не осталась одна-одинешенька в этом ужасном лесу. Она вспоминала фильмы ужасов, которые когда-то смотрела, и представляла, как мечется между деревьями, преследуемая призрачным монстром. Выехав из леса, она вышла из машины. Отсюда до деревни было всего пять минут ходу.

– И снова здравствуйте, – улыбнулся ей высокий темнокожий мужчина, когда она открыла дверь. – Ну что, не заблудились? Нашли дом?

– О да, мы его нашли, – угрюмо ответила Китти.

Она взяла корзинку и принялась обходить магазинчик, радуясь долгожданному теплу, а также витающим в воздухе ароматам хлеба и фруктов.

– Похоже, дом не оправдал твоих ожиданий?

Китти слегка покорило от его бесцеремонности. Можно было подумать, будто этот человек знает все наперед. Однако в нем было нечто располагающее, и она не стала кривить душой.

– Дом ужасный, – с несчастным видом сказала она. – Просто ужасный. Поверить не могу, что там вообще кто-то жил.

Он сочувственно кивнул:

– В такие дни, как этот, жизнь вообще кажется гораздо хуже. При хорошем освещении дом выглядит не таким страшным. Так же как и мы все. Здесь. – Мужчина забрал у Китти корзинку. – Присаживайся, а я попрошу Генри приготовить тебе чашечку чая.

– Ой нет, спасибо. – Перед мысленным взором Китти тут же возникли газетные заголовки, кричащие об исчезнувших девочках. А вдруг этот человек задумал что-то дурное. Она ведь его

совершенно не знала. И вообще, ей даже трудно было себе представить, чтобы какой-нибудь лондонский лавочник мог предложить незнакомой девочке еду или питье. – Я лучше... я лучше...

– И снова здравствуйте. – Из недр магазина появился второй мужчина, Генри. – Ну, как дела? Чем мы можем помочь? Если чего-то нужного нет на полках, то мы, в принципе, можем заказать. Что угодно. Болотные сапоги, дождевики... Насколько я понимаю, они могут тебе пригодиться. – Голос у него был добрый, говорил он очень тихо, хотя в магазине, кроме них, никого не было. – У нас есть замечательные мышеловки. Они не убивают маленьких плутишек, а просто их ловят. Ты можешь отвезти серых разбойников за несколько миль от дома и выпустить в лесу. – Он наморщил нос. – Полагаю, это станет для них вроде экскурсии. Настоящая эпопея для грызунов.

Китти посмотрела на темнокожего мужчину, который наполнял ее корзинку свечами и спичками. Она подумала о возвращении назад по этой жуткой дороге. Подумала о папиной руке, помогавшей ей держать руль. И о том, что, когда ехала сюда, с трудом сдерживала слезы.

– Первая корзинка – от нас, – сказал Генри. – Подарок на новоселье, правда, Асад? Но если ты согласишься ее принять, тебе придется взять на себя обязательство по крайней мере трижды в неделю приходить сюда и все нам рассказывать... – И он подмигнул ей.

Асад бросил на нее лукавый взгляд через плечо друга:

– И слушать, как Генри будет выкладывать тебе то, что у нас сходит за местные новости.

– Фу, какой ты злой.

Китти села и выдавила слабую улыбку – возможно, впервые за весь сегодняшний день.

– На самом деле я бы не отказалась от чашечки чая, – сказала она.

– Как это романтично, – заметил Генри, когда они закрывали магазин. – Умерший муж, нищета, скрипки... Куда интереснее, чем у последней семейки, переехавшей в нашу деревню.

– Генри, каждому дается по силам его.

– О, я знаю. – Генри закрыл дверь на два оборота ключа, затем для надежности подергал за ручку. – Однако нам остается только гадать, что с ними будет в этом доме. Особенно с учетом того, что его увели у Маккарти прямо из-под носа.

– Ты же не хочешь сказать, что...

– О, не думаю, что он им станет гадить. Просто они могут почувствовать себя в некоторой изоляции. Ведь это большой старый дом у черта на куличках.

– И это в очередной раз заставляет меня радоваться, что у меня такой коттедж.

– И центральное отопление.

– И ты.

Они обратили взоры к вершине холма, где за выгнутой линией тощих сосен на горизонте начинался лес, в котором исчезла Китти. Генри взял Асада за руку. Тем временем в Литл-Бартон заморгали, возрождаясь к жизни, два уличных фонаря, и друзья побрели домой.

Из коттеджа Маккарти Испанский дом можно было увидеть лишь в те времена года, когда лиственные деревья сбрасывают листву и зелеными остаются только сосны.

Мэтт со стаканом виски в руках не отрываясь смотрел на свет в одном из окон верхнего этажа Испанского дома.

– Ложись в постель.

Лора восхищалась накачанной спиной мужа, игрой мускулов и перекачивающимися бицепсами. Мэтт, казалось, вообще не старел; у него был все тот же размер одежды, что и в молодости, когда они только познакомились. И иногда, когда она видела растяжки

на теле и свой отвисший живот, ей становилось даже немного обидно. Но сейчас, пребывая в состоянии сладостного предвкушения, она благодарила Бога за то, что ей так повезло с мужем.

– Ну давай же! Ты там чуть ли не целую вечность торчишь. – Она кокетливо спустила лямку ночной сорочки с плеча, чтобы грудь казалась более соблазнительной.

Прошло уже несколько недель. И столь долгое воздержание начало ее слегка нервировать.

– Мэтт?

– И что они собираются с ним делать? – бормотал он себе под нос.

Он явно не желал выходить из депрессии, и тот факт, что муж позволил истории с домом настолько омрачить их жизнь, вызывал у Лоры отчаяние, смешанное с раздражением.

– Ты не должен на этом заикливаться. Что угодно еще может случиться.

– Что угодно уже случилось, – с горечью обронил Мэтт. – Старый прохвост оставил его чужим людям. Господи помилуй, они даже не из наших краев!

– Мэтт, мне обидно не меньше твоего. Ведь помимо всего прочего, именно я на него горбатилась. Но я не собираюсь из-за этого лить слезы до конца своих дней.

– Он нас надул. Годами заставлял себя обхаживать. А сейчас он, наверное, хохочет над нами, глядя с небес, или где он там есть. Так же как старый Поттисворт посмеялся, черт бы его побрал, над моим папой!

– Ой, только не начинай! – Лорино игривое настроение моментально испарилось.

Если он будет продолжать в том же духе, ей точно расхочется заниматься любовью.

Но Мэтт, казалось, ее не слышал.

– Он, должно быть, уже много месяцев назад, а может, и лет задумал эту подлянку. И наверняка еще давным-давно сговорился с чужаками.

– Он ничего не знал. Никто не знал. Просто он по глупости не оставил завещания, а они оказались его единственными здравствующими родственниками. И все дела.

– Наверняка они были в курсе. Сидели, потирая руки, и ждали, покамест он очокурится. Может, он даже рассказал им о двух идиотах, что живут по соседству и ходят за ним, точно за малым дитем. Вот уж они, наверное, посмеялись.

Грань между злостью и желанием оказалась совсем тонкой. У нее словно онемели нервные окончания.

– Знаешь что? – сердито сказала Лора. – Ты абсолютно прав. Он сейчас смотрит сверху на то, как ты торчишь у окна, словно обиженный ребенок, и смеется над тобой. Если ты так уж сильно переживаешь, почему бы нам завтра не зайти к ним и не выяснить, что они собираются делать.

– Не желаю их видеть! – огрызнулся Мэтт.

– Не глупи. Рано или поздно нам придется это сделать. Ведь они наши ближайшие соседи.

Он промолчал.

Не отталкивай его, сказала себе Лора. Не стоит давать ему повод для самооправдания.

– Послушай, – начала она, – возможно, мы выясним, что они вовсе не хотят жить в этом доме, учитывая, сколько с ним предстоит возни. Они уже продали какое-то количество земли... И если ты сделаешь выгодное предложение... Ну, мои родители одолжат нам еще немного денег. – Она откинула пуховое одеяло. – Иди ко мне, любимый... Мы и так получили большую часть земли и хозяйственных построек по хорошей цене. Если смотреть на вещи оптимистически. А это ведь уже что-то, разве нет?

Мэтт поставил стакан. Тяжело ступая, он прошел в ванную и, остановившись, бросил через плечо:

– На кой хрен мне эта земля без дома?

Изабелла замерзала. Насколько она себя помнила, ей еще никогда не было так холодно. Ледяной холод этого дома пробирал до костей, и что бы она ни делала, как бы ни закутывалась, согреться было невозможно. В конце концов она встала и негнуцими руками натянула на пижаму повседневную одежду. Затем положила поверх одеяла свое длинное шерстяное пальто, а также одежду детей, которую только смогла отыскать, и накрыла все это найденным в шкафу хлопчатобумажным вышитым покрывалом. В результате они все втроем улеглись в одну постель. Измученная хлопотами по распаковке вещей и определению более-менее пригодных для жилья комнат, Изабелла забыла включить обогреватель в хозяйской спальне, и когда вскоре после десяти вечера они поднялись наверх, то вместо заслуженного отдыха их ждали сырые простыни, сквозняк из незнамо каких щелей и мерный стук капающей в жестяную ванну дождевой воды.

Единственным способом согреться было лечь, тесно прижавшись друг другу. По крайней мере, именно так они себя успокаивали. Изабелла, лежавшая между детьми, отлично понимала, как им нужна материнская ласка, и это было то немногое, что она могла им предложить самим фактом своего существования. Что же я наделала? – спрашивала она себя, прислушиваясь к дребезжанию рам, к незнакомым скрипам и шорохам дома, возне каких-то неведомых созданий на крыше. А за окном было непривычно тихо: ни шума проезжающих машин, ни стука каблучков по тротуару. Водная гладь и густой лес поглощали все звуки. Темнота действовала угнетающе. Ни светящихся окон домов, ни натриевых фонарей. Лишь первозданная природа. Слава богу, хоть дети рядом. Они крепко спали, и Изабелла, расслабившись, ласково провела рукой по их мордашкам. Затем она перегнулась через Тьерри, чтобы проверить, на месте ли футляр со скрипкой.

– Что я наделала? – прошептала она.

И собственный голос показался ей до крайности странным и бестелесным. Изабелла попыталась вызвать в воображении Лорана, услышать его слова утешения, но когда он к ней так и не явился, она, проклиная себя за дурацкую затею с переездом, разрыдалась.

Как и было обещано, утром Изабелла увидела все уже совсем в другом свете. Проснувшись, она обнаружила, что лежит в постели одна. День выдался ясным, ласковое весеннее солнышко, казалось, могло оживить самый безрадостный пейзаж; за окном громко пререкались облюбовавшие живую изгородь воробьи. Внизу раздавались звуки радио, а еще какое-то жужжание. Наверное, Тьерри гонял по гулким пустым комнатам радиоуправляемую машинку. И первой здоровой мыслью Изабеллы было: этот дом похож на нас. Оставленный, покинутый. Но теперь он за нами присмотрит, а мы, в свою очередь, вдохнем в него жизнь.

И, согретая этой мыслью, Изабелла выпрыгнула из постели, прошла испытание на прочность мытьем ледяной водой – ведь ни она, ни Китти не смогли справиться с допотопной и сложной системой горячего водоснабжения, – а затем влезла в ту же самую одежду, которую носила весь вчерашний день, поскольку оказалась не в состоянии идентифицировать картонную коробку со своим гардеробом. Изабелла медленно спустилась по лестнице, подмечая бесчисленные изъяны, которые упустила предыдущим вечером: потрескавшуюся штукатурку, прогнившие оконные рамы, недостающие половицы... Ну и так далее. Ладно, буду решать проблемы по мере их поступления, сказала она себе, опасаясь, что эти самые проблемы вот-вот захлестнут ее с головой. Мы здесь, мы вместе. И это самое важное. У нее в голове вдруг зазвучали музыкальные аккорды: вступительная часть симфонии «Из Нового Света» Дворжака.

Именно то, что надо. Добрый знак.

Музыка внезапно стихла, когда она оказалась рядом с кухней.

– Китти! – воскликнула она.

Ее дочь с головой окунулась в работу. Она расчистила завалы на полках, и, хотя их поверхность была изношена и покрыта трещинами, теперь, избавленные от пыли и окаменелостей, они буквально сияли чистотой. Цвет пола стал на несколько тонов светлее, а сквозь прозрачные оконные стекла теперь можно было увидеть сад. В раковине с горячей мыльной водой отмокала целая гора кухонной утвари, а на электрической плите в большой кастрюле кипятилась вода. Китти даже успела разложить по полкам их немногочисленные продукты. На рабочей поверхности стоял бормочущий радиоприемник, на столе дымились кружка чая. При виде преображенной до неузнаваемости кухни Изабелла ощутила прилив радости, смешанной с чувством вины за то, что дочь взяла на себя ее обязанности.

– А эта комната для холодного хранения, – Китти указала на дверь сбоку. – Мы можем использовать ее вместо холодильника, пока не найдем, куда его подключить.

– А разве нельзя просто взять и вставить вилку в розетку?

– Конечно можно, но, как я уже говорила, здесь нет розетки. Я везде посмотрела. Ой, а там я поставила мышеловку. Она их не убьет, а когда поймает несколько мышек, то просто отвезет их подальше. – (Изабеллу передернуло.) – Если только Тьерри не захочет оставить их в качестве домашних питомцев, – добавила Китти.

Лицо Тьерри тотчас же просияло.

– Нет, – отрезала Изабелла.

– Мне пока не удалось наладить гриль, но у нас есть крупа, а еще хлеб и масло. Двое джентльменов, что держат сельский магазин, сами пекут хлеб. И очень хороший.

– Домашний хлеб. Как мило. – У Изабеллы в горле вдруг встал комок.

Лоран, ты мог бы ею гордиться, подумала она.

– Правда, к хлебу у нас только джем.

– Джем – это замечательно, – сказала Изабелла. – Китти, ты молодец. Отлично надраила плиту. Возможно, сегодня нам удастся ее освоить. По-моему, такие плиты должны обогревать весь дом. – Мысль о тепле неожиданно пробудила в Изабелле чувство голода.

– Тьерри уже попытался, – сообщила матери Китти. – Извел целый коробок спичек, и все впустую. Ой, и телефон, оказывается, работает. У нас был неправильный номер.

Изабелла окинула взглядом прибранную кухню:

– Телефон?! Китти, ты чудо!

– Это всего-навсего телефон. Не стоит так волноваться. – Китти вырвалась из объятий матери, но на лице ее играла улыбка.

Однако уже два часа спустя атмосфера в доме стала менее оптимистической. Бойлер решительно отказывался работать, что предвещало очередной день без горячей воды и отопления. Плиту невозможно было разжечь, а от пожелтевшей инструкции, которую они обнаружили в ящике для ножей, оказалось мало проку: представленные там схемы явно предназначались для плиты совсем другой системы. Принесенные Тьерри дрова для камина оказались сырыми, и гостиная моментально наполнилась дымом и копотью.

– Может, дымоход забился, – закашлялась Китти – и на дрова упал обугленный трупик голубя.

Все дружно взвизгнули, а Китти расплакалась.

– Ты должен был все проверить, тупица! – рассердилась Китти на брата.

– По-моему, голубь уже был давным-давно мертв, – заметила Изабелла.

– Откуда ты знаешь? А вдруг он его убил. – (Тьерри наставил на сестру два пальца.) – И как можно быть таким идиотом, чтобы класть в топку сырые дрова?! – окрысилась Китти. – И вообще, ты уже разнес грязь по всему дому.

Тьерри посмотрел на свои кроссовки с налипшей на подошвы глиной.

– Не думаю, что это действительно... – начала Изабелла.

– Ты никогда бы так не сделал, если бы Мэри была здесь, – перебила мать Китти.

Проигнорировав протянутую руку Изабеллы, Тьерри пулей выскочил из комнаты. Она растерянно окликнула его, но в ответ лишь услышала, как хлопнула входная дверь.

– Детка, разве можно быть такой резкой? – спросила Изабелла.

Если бы Мэри была здесь... Слова эти жгли Изабеллу изнутри.

– Ох, это треклятое место безнадежно. Абсолютно безнадежно, – произнесла Китти, опрометью бросившись на кухню. И жизнерадостной хлопотуньи как не бывало.

Изабелла стояла посреди пропахшей дымом комнаты, закрыв глаза руками. В прежней жизни дети никогда не пререкались по пустякам. Мэри всегда умела их отвлечь или хотя бы уговорить не обижать друг друга. Неужели они стали теперь больше ссориться именно из-за нее? Или ее просто-напросто старались оградить от их разборок?

– Тьерри! Китти! – Она вышла в парадный холл позвать детей, хотя понятия не имела, что будет им говорить, если они вдруг вернуться.

И вот некоторое время спустя она неохотно вошла на кухню и увидела, что Китти сидит скрючившись на стуле за кухонным столом с кружкой чая и журналом в руках. Девочка подняла на мать виноватые глаза. Щека у нее была испачкана сажей.

– Я не хотела на него наезжать, – сказала она.

– Знаю, родная.

– Он по-прежнему расстроен из-за папы и вообще.

– Мы все расстроены. Тьерри лишь демонстрирует это... по-своему.

– Мама, здесь невозможно жить. Ты должна была проверить. Тут нет воды, вообще ничего нет. Мы не можем ни согреться, ни помыться. Тьерри в понедельник должен пойти в новую школу. И как, спрашивается, ты собираешься стирать его одежду?

– Ну, тогда воспользуемся прачечной-автоматом. Пока не подключим стиральную машину, – отмахнулась Изабелла.

– Прачечной-автоматом? Мам, а ты сама-то видела эту деревню?

Изабелла тяжело опустилась на стул:

– Ну, тогда придется съездить в соседний город. Где-то ведь должна быть прачечная-автомат.

– Люди больше не пользуются прачечными-автоматами. У всех теперь стиральные машины.

– Тогда постираю его вещи вручную, а потом высушу феном.

– А почему нельзя просто вернуться домой? – взмолилась Китти. – Можно ведь как-то найти деньги. Я возьму на год академический отпуск в школе и пойду работать. Уверена, я смогу найти себе подходящее дело. Мы справимся. – (Изабелла вдруг остро почувствовала собственную ущербность.) – От меня будет польза. Реальная польза. Пусть в Лондоне мы будем жить в нищете. Все лучше, чем в этом доме. Он ужасный. Самый натуральный бомжатник.

– Прости, дорогая. Но это совершенно невозможно. Наше жилье в Мейда-Вейл продано. И чем скорее ты сможешь обрести здесь настоящий дом, тем будет лучше для каждого из нас. Постарайся разглядеть красоту за уродством. Попробуй представить, каким может стать это место. Послушай, – перешла Изабелла на доверительный тон, – переезд на новое место всегда чреват трудностями. Я вот что тебе скажу: я вызову сантехника и он наладит

горячее водоснабжение. А затем мы позвоним трубочисту. Ты и глазом не успеешь моргнуть, как наши несчастья останутся позади. – (Это уже было похоже на план.) – Телефон работает, так что начну прямо сейчас.

Изабелла ободряюще улыбнулась Китти и поспешно покинула кухню, сама толком не понимая, то ли ей действительно не терпится начать действовать, то ли просто хочется убежать от дочери, на лице которой было написано жесточайшее разочарование.

Мамин стеганый восточный жакет казался вызывающе ярким в этом убогом, обшарпанном доме. Китти положила журнал, опустила голову на руки и принялась изучать пряди волос на предмет посеченных кончиков. Но когда это занятие ей наскучило, она задумалась над тем, что бы еще такое сделать на кухне. Мама, конечно,хватила через край, приговаривая, какая Китти умница-разумница. Нет, мама явно не понимает, что Китти хлопочет по дому, просто чтобы удержаться от слез. Ведь расчищая завалы, она могла притворяться, будто все это увлекательное приключение. Причем она теперь отлично видела некоторые изменения к лучшему. По словам ее школьного психолога, она умела держать ситуацию под контролем. Но в те минуты, когда Китти делала передышку в работе, она невольно начинала думать о папе, об их лондонском доме или о Мэри, которая, когда они уезжали, обнимала их и плакала так, будто расставалась с собственными детьми. И в результате Китти хотелось наорать на маму, потому что она осталась единственной, на кого можно было наорать. Но на маму не стоило орать, потому что она до сих пор скорбела. И вообще мама была хрупкой и, по словам Мэри, совсем как ребенок. «Это типично для талантливых людей, – однажды вечером сказала няня Китти. – Ведь они словно большие дети. Не могут повзрослеть. Вся энергия у них уходит на занятие любимым делом». Китти так до сих пор и не поняла, что именно крылось в словах няни: осуждение или, наоборот, восхищение.

Однако Мэри была абсолютно права, и в раннем детстве Китти настолько ненавидела мамину скрипку, что частенько прятала ее, а затем с затаенным волнением следила, как мама мечется по дому в поисках своей Гварнери. Их жизнь была полностью подчинена этому инструменту. Им не разрешалось мешать маме репетировать, слишком громко включать телевизор, заставлять маму чувствовать себя виноватой из-за частых поездок на гастроли. И Китти научилась не обижаться на маму за то, что та никогда не играет с ней в подвижные игры, не помогает ей клеить разные бумажные штучки, так как понимала: маме надо беречь пальцы. Для Китти самым ярким воспоминанием детства было то, как она, притаившись под дверью маминого кабинета, слушала, как мама играет, словно это делало ее, Китти, хоть немного, но ближе.

Она знала, что вполне могла остаться единственным ребенком в семье, поскольку мама сомневалась, сможет ли сочетать музыкальную карьеру с необходимостью заботиться уже о двух детях. И даже после незапланированного появления на свет Тьерри мама так ни разу и не побывала ни на одном из школьных вечеров, ни на игре в нетбол, потому что ей надо было выступать. Они все поймут, когда подрастут, говорил папа, особенно если им удастся найти свое место в жизни.

Мэри так часто сопровождала папу на школьные мероприятия, что люди думали, будто они женаты.

На Китти нахлынуло чувство детской обиды. Ненавижу этот дом, думала она. Ненавижу его, потому что тут нет папы и Мэри, а еще потому, что я не могу быть самой собой.

Водопроводчик обещал прийти на следующее утро, но предупредил, что возьмет за услуги по повышенному тарифу, так как вызов срочный. Он тяжело вздохнул, когда Изабелла объяснила,

что не знает, в чем проблема, и что дом долго пустовал.

«Никаких гарантий, – упрямо твердил водопроводчик. – Только не с этими допотопными системами. Ваша, возможно, полностью засорилась». Изабелла говорила с ним извиняющимся, просительным тоном, а потом ненавидела себя за это.

Трубочист оказался куда дружелюбнее, он только присвистнул, когда она назвала адрес, и заметил, что последний раз прочищал там трубы пятнадцать лет назад. «Старик был еще тот скряга, – сообщил он. – Насколько я знаю, он годами не вылезал из своей комнаты и ему было плевать, что остальной дом разваливается буквально на глазах».

Да, дом немного... изношен, призналась Изабелла. Она горячо поблагодарила трубочиста, когда тот обещал прийти после полудня. «Если хотите, принесу вам пару мешков поленьев, – предложил он. – Я обслуживаю дома по всей округе».

Мысль о горящем камине немного воодушевила Изабеллу. Она положила трубку, в очередной раз отметив, какой жалкой кажется ее мебель в огромном доме, и это при том, что большинство комнат так и осталось заперто. Ладно, огонь исправит нам всем настроение, подумала она.

Она попыталась придумать, как прогнать поселившуюся в доме хандру. Да, огонь, несомненно, поможет, но они просто обязаны навести уют хотя бы в одной комнате, даже если остальные останутся пустыми. Южная часть дома казалось чуть-чуть менее сырой и нежилой. Она принялась перетаскивать туда свои вещи: ковры, две картины, маленький столик, вазу, а затем постаралась создать иллюзию домашнего уюта. Ковры полностью не закрыли половицы, но нарушили их пыльную монотонность и прикрыли самые жуткие дыры. Картины оживили выщербленные стены, а поставленный в нужное место столик замаскировал отсыревший плинтус. Задыхаясь и кашляя от вековой пыли, она вытрясла шторы. Затем оценила плоды своих усилий. Конечно, это не дом в Мейда-Вейл, но уже кое-что.

А тем временем там, за окном, Тьерри – маленькая, сторбленная фигурка в зеленом джемпере, выделяющаяся ярким пятном на фоне серо-коричневого ландшафта, – брел между деревьями вдоль озера. В руках у него была палка, которой он сшибал верхушки растений. Он шел, опустив голову, изо рта вырывались облачка пара. И периодически он вытирал рукавом глаза.

Внезапно ее маленькие победы показались ей ничемными и пустыми. Изабелла вспомнила, что, когда она носила под сердцем Китти, одна виолончелистка как-то сказала ей: «Невозможно быть счастливой, если твой ребенок несчастен». Я должна стараться сильнее, твердила себе Изабелла. Я должна превратить этот кошмар в настоящий дом, где не останется места для боли нашей общей утраты. У них никого нет, кроме меня.

Трубочист, мистер Гранджер, как и обещал, пришел после полудня и, незаметно сплюнув, прочистил три трубы, причем без лишнего шума и грязи, если учесть, сколько сажи ему пришлось выгрести. Шутливо подмигнув Тьерри, он сообщил мальчику, что «трубы, как ноздри, требуют регулярной очистки», и, словно желая подчеркнуть свое высказывание, громко высморкался в носовой платок, а затем, к ужасу Китти, продемонстрировал им следы сажи.

Тем временем на сад опустились ранние сумерки. Дети остались с мистером Гранджером, который учил их, как правильно разводить огонь, а Изабелла поднялась наверх. Накануне вечером она заметила, что с лестничной площадки есть выход на плоскую крышу, и на всякий случай захватила с собой висевшую на кухне связку ключей.

Она собиралась постоять на крыше всего несколько секунд, чтобы полюбоваться открывающимся с высоты сказочным видом и весенним закатом, приглушавшим теплым персиковым светом холодный блеск темно-синих вод озера. Снаружи дом выглядел не таким

унылым и гораздо более привлекательным, чем внутри.

Постояв так несколько минут, Изабелла наконец поняла, чего ей не хватает для релаксации. Она проскользнула в дом, вынула из футляра скрипку и вернулась на крышу. Подошла к парапету, пристроила под подбородком скрипку, еще толком не зная, что именно будет исполнять. А затем, поддавшись душевному порыву, начала играть Концерт для скрипки с оркестром си минор Элгара.

Когда-то она ненавидела это произведение, считая его чересчур сентиментальным. В свое время музыканты оркестра пришли к единодушному выводу, что данное произведение чересчур длинное и безнадежно устаревшее, но сейчас у Изабеллы неожиданно возникла внутренняя потребность его исполнить. И она забылась в звуках музыки. Прошел почти год со дня твоей смерти, мысленно обратилась она к Лорану. Теперь я буду подниматься наверх и играть для тебя. Реквием по нашей любви.

Ноты, страстные и глубокие, казалось, жили собственной жизнью, они эхом разносились в неподвижном воздухе над застывшими лугами и водной гладью, словно их несли на крыльях птицы. Она пару раз ошиблась, но какое это имело значение?! Ей не нужны были ни партитура, ни дирижер: звуки концерта для скрипки, который она не исполняла уже целую вечность, волшебным образом лились сами собой. А когда она перешла к потрясающей третьей части, то забыла обо всем на свете, кроме своих чувств, которым давала выход с помощью скрипки. Лоран. Она слышала его имя в технически сложных вариациях, которые исполняла так, будто отвечала на принятый вызов. Лоран. И больше никаких слез, все будоражащие душу эмоции – и печаль, и злость, и разочарование – трансформировались в звук, дарившей ей успокоение и освобождение.

Небеса потемнели, начало холодать. Ноты, взмывая ввысь, раскрылись и полетели, как птицы, как надежды, как воспоминания. Лоран, Лоран, Лоран, повторяла она до тех пор, пока слова и мысли не утонули в море звуков.

На пороге показался Асад с ящиком фруктов в руках, и Генри выскочил из-за прилавка, чтобы придержать ему дверь.

– Звонила миссис Линнет, – ухмыльнулся он. – Сказала, что эта их новая соседка включает музыку на полную мощность, так что эхо разносится чуть ли не на всю долину. Если верить миссис Линнет, такое впечатление, будто кто-то тянет кошку за хвост. Более того, это мешает ей слушать по радио любимый альбом «Wartime Favorites». И если это безобразие не прекратится, миссис Линнетт пожалуется в Службу здоровья. Вот бедаолаги.

Асад поставил ящик на полку для фруктов:

– Это вовсе не запись. Она дважды останавливалась. Я слушал, пока разгружали фрукты. Выйди на улицу, и сразу все поймешь.

– Она что, продолжает играть?

Асад подтолкнул Генри к двери:

– Пойдем послушаем.

Небо хмурилось, и на деревенской улице, кроме них, никого не было. Окна коттеджей отбрасывали на дорогу длинные треугольники теплого света. То здесь, то там раздавался скрип опускающихся жалюзи.

– Ничего, – покачал головой Генри.

– Погоди, – сказал Асад. – Может, ветер изменит направление. Вот... Слышишь?

Генри застыл, прислушиваясь. А затем, когда звуки скрипки стали более отчетливы, расплылся в широкой улыбке. Друзья наслаждались неожиданной встречей с прекрасным там, где они меньше всего этого ожидали.

Асад тоже улыбался чему-то своему, словно он на миг перенесся из холодной английской деревни в родные края.

– Как думаешь, она знает основную тему из «Кошек»? – когда музыка стихла, спросил Генри. – Что ж, я бы не отказался послушать в ее исполнении. Надо будет узнать, устраивает ли она вечеринки.

Под ясенем валялись мешки с мусором, оскорблявшие взор, особенно на фоне распускающейся зелени и росистой свежести природы вокруг. Мэтт, углядевший это безобразие в канаве вдоль грязной проселочной дороги, притормозил и выключил мотор, костеря на чем свет стоит тех, кто нелегально выбрасывает мусор. Он вылез из кабины, подобрал мешки и закинул их в минивэн. До чего же мы дожили, с горечью подумал он, если люди, чтобы выбросить мусор, готовы пилить полмили по лесной дороге, вместо того чтобы доехать до свалки. Да уж, достойное завершение не самого удачного дня с кучей проблем во всех областях его интересов. Плотник чуть ли не напрочь отрезал себе большой палец и теперь на несколько недель вышел из строя, а тут еще истеричный телефонный звонок от Терезы с жалобами, что у них уже шесть недель не было «качественного» секса. Похоже, до нее все доходит как до жирафа. А значит, она может стать для него настоящим геморроем.

Он остановился, чтобы вытереть руки ветошью, и внезапно услышал это: летевший над долиной протяжный звук, который не был похож на крик дикого зверя или птицы, по крайней мере из числа обитающих здесь. Он замер, весь превратившись в слух, а затем понял, что слышит музыку. Причем классическую.

Но Мэтт был отнюдь не в том настроении, чтобы наслаждаться музыкой. Громкой музыкой из большого дома.

– Черт, только этого мне и не хватало! – пробормотал он, забираясь обратно в машину.

Он потянулся к ключу в замке зажигания и окинул сердитым взглядом видневшиеся за деревьями очертания дома, созерцание которых неизменно вызывало в его душе приступ неконтролируемой ярости.

Но не стал заводить мотор, а просто остался сидеть. И слушать.

– Вот это ваш фитиль, понимаете? Одним словом, то, что вы хотите поджечь. Вы открываете маленькое окошко и зажигаете спичку... В любом случае моя примерно так и работает. А значит, у вас тоже должно получиться.

Мистер Гранджер едва успел заглянуть в недра кухонной печи-плиты, как в дверь неожиданно постучали. Изабелла, узнав от детей, чем в данный момент занимается трубочист, поспешила присоединиться к нему и теперь была крайне раздосадована внезапной помехой на пути постижения секретов мастерства.

– Вы что, ждете гостей?

Изабелла вытерла руки о штаны.

– Я тут никого не знаю, – равнодушно ответила она и, крикнув детям, чтобы открыли дверь, снова повернулась к мистеру Гранджеру. – Мистер Гранджер, не могли бы вы еще раз объяснить, что означает, когда пламя становится желтым?

Она услышала топот ног над головой, затем – звук открывающейся входной двери и скрип ведущих вниз ступенек.

– Дымоход в полном порядке, – заявил мистер Гранджер. – Если сунуть туда голову, то можно увидеть дневной свет. С этой плитой, по идее, у вас не должно быть проблем.

Дверь отворилась, и на кухне появился какой-то мужчина в рабочей одежде, из кармана его выцветшей куртки цвета хаки торчало несколько шариковых ручек. Китти и Тьерри робко вошли

вслед за ним.

– Мэтт, как дела, приятель? У тебя все в порядке? – спросил мистер Гранджер. – Прежде ты никогда не заканчивал работы до темноты. Небось, пришел познакомиться с нашей новой соседкой? Надеешься отхватить здесь кое-какую работенку, а?

Произошла небольшая заминка, но потом посетитель улыбнулся и протянул руку. Изабелла неуверенно ответила на крепкое рукопожатие его мозолистой ладони.

– Привет, – слегка растерявшись, улыбнулась она. – Изабелла Деланси. А это мои дети – Китти и Тьерри.

– Мэтт Маккарти, – сказал он.

Что ж, он явно знал цену своей внешности. Изабелле почему-то вспомнилось странное выражение «альфа-самец», которое она когда-то слышала краем уха.

– Вот учу их разжигать плиту, того-этого, – сообщил Мэтту мистер Гранджер.

– А еще мы хотим развести огонь в спальне, – жизнерадостно объявила Китти.

– Ой, детка, а что, если попробовать нагреть все комнаты? – Изабелла вручила дочери коробок спичек. – Натопим весь дом.

– Хорошая мысль. Но перво-наперво проверьте, достаточно ли у вас поленьев. Такими темпами вы уже за сегодня сожжете уйму дров, – сказал мистер Гранджер и, хмыкнув, добавил: – Сам посуди, Мэтт, они, конечно, привыкли к центральному отоплению. Сдается мне, я подготовил парочку маленьких поджигателей.

– Значит, вы не из наших мест?

Мэтт Маккарти так пристально на нее смотрел, что Изабелла заволновалась, не измазала ли она нос сажей, с трудом подавив желание вытереть лицо.

– Нет, – улыбнулась она, чтобы скрыть смущение. – Мы переехали из Лондона. И не слишком-то приспособлены к здешней жизни. Не умеем, например, правильно разводить огонь. Вот мистер Гранджер и помогает нам разобраться, что к чему.

– Да чего там, я просто налаживаю эту старую плиту, – смутился мистер Гранджер. – Хозяйка хочет ее затопить. Я слышал, послезавтра ударят морозы. А в доме сквозняки гуляют. Они тут вконец закоченеют.

– Плитой уже много лет никто не пользовался. – В голосе Мэтта Маккарти явно слышалась некая безапелляционность.

– Однако непохоже, чтобы с ней было что-то не так.

– А вы керосин туда не забыли залить?

– Керосин? – удивилась Изабелла.

– Керосин, – повторил Мэтт Маккарти. – Топливо.

– А разве нужен керосин?

– Надо же, да вы, оказывается, не заправили нашу старушку! – рассмеялся мистер Гранджер. – Ну вы даете! Интересно, а как, по-вашему, она работает? От Святого Духа?

– Не знаю. У меня никогда раньше такой не было. Может, ее надо топить дровами? Углем? Я как-то и не задумывалась, – призналась Изабелла.

Мистер Гранджер по-свойски похлопал Изабеллу по спине, заставив ее попятиться.

– Придется заказать немного керосину. Лучше всего в «Криттенденс». Скажете им, что это срочно. И через день-два они вас заправят. Остальные промурьжат целую неделю.

– А что именно я должна заправить? – поинтересовалась Изабелла, надеясь, что изъясняется достаточно ясно.

– Бак. – И тут Мэтт Маккарти впервые по-настоящему улыбнулся. Хотя открытой его улыбку можно было назвать только с большой натяжкой, что не ускользнуло от внимания Изабеллы. Затем он добавил, уже более дружелюбно: – Бак находится за амбаром. Вам не мешало бы

попросить мужа проверить, нет ли там дыр, уж больно он ржавый.

– Спасибо, – сухо ответила она. – Но наша семья – это мы трое.

– Негоже женщине с детьми сидеть без горячей воды. Неправильно. Хорошо хоть камин затопили, и то ладно. – Мистер Гранджер вытер руки и надел шляпу, собираясь уходить.

– Я вам очень признательна. – Изабелла полезла в сумочку за кошельком.

– Бросьте, не думайте об этих глупостях. Увидимся в конце недели, когда вы малость пообвыкнете, – сказал мистер Гранджер. – Я буду в ваших краях, ну и загляну в пятницу утром. Проверю, как вы справляетесь. И привезу вам прицеп дров, если, конечно, сумею проехать с ним по вашему проселку. Чем сильнее вы протопите дом, тем лучше для вас. Его явно не мешает маленько просушить. – Он махнул рукой в сторону видневшихся из окна деревьев. – Сдается мне, в следующем году у вас все будет тип-топ, а? Мэтт. – Кивнув Мэтту, он в сопровождении Китти и Тьерри прошествовал вверх по ступенькам.

И не успел он уйти, как на кухне стало неестественно тихо. Изабелле вдруг сделалось стыдно за весь этот развал, за свой взъерошенный вид. В последнее время она вообще ощущала неловкость в обществе мужчин. словно со смертью Лорана лишилась верхнего слоя кожи.

– Значит, мы соседи, – произнесла она, пытаясь взять себя в руки. – А вы, наверное, живете в том доме, мимо которого мы давеча проезжали. Может, чашечку чая? Я бы предложила вам чего-нибудь покрепче, но, боюсь, мы еще не успели ничем запастись. – (Мэтт покачал головой.) – У нас здесь настоящий бедлам. – Она говорила чересчур быстро, впрочем, как всегда в присутствии слишком самоуверенных людей. – Придется все налаживать мало-помалу. Как вы, наверное, успели заметить, наша семья не самая практичная... Не сомневаюсь, мне еще многому придется учиться. – Изабелла убрала с лица длинную прядь волос. Она явственно слышала нотки отчаяния в своем голосе.

Мэтт окинул ее тяжелым взглядом.

– Не сомневаюсь, у вас все будет хорошо, – сказал он.

Лора только-только закончила разбирать холодильник в гараже. Она вытерла руки о джинсы и подошла к минивэну мужа. Мэтт вылез из машины и с ходу поцеловал жену в губы, немало ее этим удивив.

– Привет, – сказала она. – Удачный день, да?

– Не совсем, – ответил он. – Но дела потихоньку налаживаются.

Боже, до чего же приятно было снова видеть его улыбку! Лора схватила мужа за ремень и притянула к себе:

– Может, мне удастся еще больше улучшить твоё настроение. Бифштексом на ужин. С моим фирменным перечным соусом.

Он ответил довольным урчанием, буквально опалив ей шею горячим дыханием.

Затем он закрыл дверь минивэна, обнял жену за плечи и прошел вместе с ней к задней двери. Она прижала ладонью лежавшую на ее ключице руку мужа, чтобы продлить сладостное мгновение.

– Тебе пришло два чека за работы у Пинкертона. Я их обналичила. Кстати, а ты слышал эту странную музыку? Энтони решил, что лисица попала в капкан.

– Слышал. На самом деле я наведалься к нашим новым соседям.

От неожиданности Лора наступила на хвост их старому псу, он обиженно заскулил.

– Ой, Берни... Неужели ты туда ходил?

– Решил, не будет особого вреда, если я скажу им привет. Как-никак мы все же соседи.

Она ждала привычной колкости, горького изгиба губ. Но, слава богу, обошлось. Даже упоминание о большом доме не вызвало привычного раздражения. Господи, пусть все

образуется, мысленно взмолилась Лора. Пусть он примирится с тем, что случилось. Пусть к нему снова вернется его жизнерадостность.

– И очень правильно сделал. Попробую заскочить к ним на этой неделе. – Она улыбнулась с напускной безмятежностью. – Вот что я скажу тебе, Мэтт Маккарти. Как приятно видеть тебя снова улыбающимся. Правда приятно.

Мэтт остановился и поцеловал жену в кончик носа. Губы у него были холодные.

– Я много думал, – сказал он.

Немногие представительницы ее поколения могли похвастаться тем, что вышли замуж именно за того мужчину, которого впервые полюбили, но, как только Изабелла Хейден увидела Лорана Антуана Деланси, она поняла, что встретила своего суженого. Это открытие, посетившее ее во время исполнения «Романса для скрипки с оркестром» Бруха, стало для Изабеллы полной неожиданностью: она не испытывала особого сердечного влечения к бледным занудным юнцам, окружавшим ее в музыкальном колледже. Она даже решила, что, быть может, вообще не станет связывать себя брачными узами, поскольку замужество будет отвлекать от музыки. Но, продираясь через соло, она вдруг вспомнила о серьезном взъерошенном мужчине, с которым накануне вечером ужинала не в кафе, а в самом настоящем ресторане в Ле-Але. Он сказал ей, что его никогда так не трогала музыка, как та, что она исполняла для прохожих перед метро на улице Клинанкур, и она поняла: мифический Тот Единственный, о котором болтали подружки, возможно, действительно существует, и появиться он может неожиданно-негаданно.

Естественно, на их пути стояли препятствия, ведь ни одна хорошая история любви без них не обходится: его бывшая жена, неврастеничная актриса, с которой он так до конца и не развелся; ее родители, категорически возражавшие против скоропалительного брака – ведь в свои двадцать лет она была слишком неопытной, слишком импульсивной, – так же как и учителя музыки, опасавшиеся, что домашняя рутина загубит ее талант. Даже викарий сказал, что двенадцатилетняя разница в возрасте и культурная пропасть между французами и англичанами – викарий явно намекал на потенциальных любовниц – может привести к крушению их брака.

Однако Лоран ответил на все наветы недоброжелателей типичным для французов пожатием плеч и еще более бурным приливом страсти к юной девушке с длинными спутанными волосами, при этом Изабелла, в отличие от многих своих сверстниц, обнаружила, что замужество совершенно необязательно ведет к разочарованию, циничному взгляду на вещи и непременным компромиссам. Лоран любил ее. Он любил ее и тогда, когда она засыпала во время завтрака, потому что накануне всю ночь отрабатывала заключительные такты какой-нибудь сонаты. Он любил ее и тогда, когда приготовленная ею еда в очередной раз оказывалась подгоревшей и безвкусной. Он любил ее и тогда, когда во время прогулок по Примроуз-Хилл она мучила его исполнением отрывков из музыкальных произведений. Он любил ее и тогда, когда она будила его в три утра, чтобы снова почувствовать вкус родных губ и тяжесть родного тела. Он купил ей Гварнери, положил скрипку на подушку в номере отеля, где они занимались любовью в один из уик-эндов; от потрясения у нее перехватило дыхание, а он смеялся. Он любил ее.

Обнаружив после медового месяца, что беременна, она испугалась, поскольку не была уверена в своей готовности позволить новому члену их семьи разрушить любовную идиллию. Однако Лоран признался, что всегда хотел иметь детей, даже в первом браке, и она в знак своей безграничной любви решила сделать ему этот подарок.

Беременность протекала легко, а после рождения Китти она почувствовала такую невероятную нежность, что твердо решила всецело посвятить себя материнству. Ведь материнская любовь – именно то, в чем нуждается ее ребенок. Но как мать она оказалась абсолютно беспомощной: ей не удавалось постичь суть загадочного «режима», о котором твердила патронажная сестра, она не справлялась с горой грязных распашонок и, в отличие от других матерей, не умела отвлечь ребенка погремушкой. Именно тогда они с Лораном впервые поссорились. Она пребывала в постоянном раздражении, считала себя мученицей, пожертвовавшей всем ради семьи, и винила в этом Лорана.

– Знаешь, а теперь я хочу получить обратно свою жену, – сказал он ей как-то вечером с типично парижским высокомерием, когда она предъявила ему претензии по поводу невымытой посуды, ну и вообще – того, что у нее связаны руки, что она устала и утратила интерес к сексу.

Она швырнула ему в голову радионяню. А на следующее утро, обнаружив отколотый кусок штукатурки, поняла: так больше продолжаться не может.

Лоран ее поддержал:

– Если тебе не прожить без этой твоей музыки, ну ладно, я не против. Ведь именно музыка нас в свое время свела.

И когда она окончательно убедилась, что он говорит серьезно и на нее не в претензии, они нашли Мэри. И, утешившись тем, что так будет лучше для всех, Изабелла передала Мэри с рук на руки свою красавицу-дочку.

А кроме того, Китти оказалась чудесным ребенком. Если бы Китти не любила Мэри, если бы скучала по мамочке, разве она была бы такой улыбчивой? Такой спокойной? Что ж, за все приходится платить. Это главный урок, который Изабелла извлекла из опыта материнства. И ей приходилось глотать обиду, что Китти, ударившись, бежит к Мэри, а не к матери, даже если та стоит рядом, и что Китти делится с отцом своими тайнами и именно с ним обсуждает школьные мероприятия, на которых она, Изабелла, как всегда, отсутствовала. Приходилось испытывать чувство вины, когда она уезжала за тридевять земель на гастроли, оставляя дома больного ребенка, или когда обнаруживала в чемодане жалобные записки: «Мамочка! Я люблю тебя. Я скучаю без тебя». Она тоже скучала по своей семье, и ее терзали муки совести. Но Лоран с Мэри безропотно предоставляли ей возможность быть собой и заниматься любимым делом. И чем старше она становилась, тем отчетливее понимала, что она одна из тех редких счастливиц, которых, в отличие от других женщин, замужество и материнство не лишили возможности творить, а самое главное, не лишили предмета их страстной любви.

Конечно, не всегда было просто. Лорану по-прежнему нравилась ее импульсивность, он прощал ее дикие выходки – когда она неожиданно забирала детей из школы, чтобы покататься с ними на воздушном шаре, или когда била тарелки, потому что ей не нравился цвет, но при этом забывала купить новые. Но у него непременно портилось настроение, если он чувствовал, что перестал полностью занимать ее мысли. И она научилась распознавать первые признаки опасности, как только он начинал говорить, что она слишком увлечена своей дурацкой музыкой, и раздраженно заявлял, что не прочь иногда видеть рядом свою жену. Он всегда догадывался, что она не слушает его, а мысленно репетирует, даже если она и притворялась, будто ей интересны рассказы о том, чем занималась сегодня Китти. Ей хватало ума не отказывать ему в том, в чем он нуждался, а также время от времени вставлять в разговор вопросы относительно его работы в инвестиционном банке, хотя она вообще в этом не разбиралась. Работа Лорана оставалась для нее тайной за семью печатями. Она определенно знала только одно: Лоран зарабатывает достаточно, чтобы оплачивать все ее прихоти и иногда вывозить их отдыхать, если ей удавалось на время забыть о своей скрипке и целиком посвятить себя семье.

Кризис грянул, когда она обнаружила, что снова беременна. Через шесть лет после рождения Китти она ошеломленно смотрела на синюю точку и не верила своим глазам, поскольку совершенно не ожидала ее увидеть и безумно испугалась того, что ждет ее впереди. Нет, она сейчас никак не могла позволить себе завести второго ребенка: она только что получила место первой скрипки в Лондонском симфоническом оркестре, а на весну были запланированы гастроли в Вене и во Флоренции. И вообще, она доказала свою полную неспособность ухаживать за детьми, даже за очень послушными вроде Китти.

И она начала подумывать о том, чтобы скрыть свою беременность от Лорана.

Он отреагировал именно так, как она и ожидала: сперва с восторгом, затем с ужасом – когда

узнал о том, что она собирается сделать.

– Но почему?! – возмутился он. – Мы с Мэри избавили тебя от всех забот. А у Китти будет братик или сестричка, она ведь столько раз нас об этом просила.

– Лоран, мы же договорились, – сказала она. – Больше никаких детей. Мне просто не справиться с двумя.

– Тебе даже с одной не пришлось справляться, – отрезал он. – И я отнесся с пониманием. Но ты не можешь лишить меня – лишить нас – этого ребенка, потому что беременность, видишь ли, не предусмотрена в твоём графике гастролей.

И она поняла по его лицу, что спорить бесполезно. Ведь он просил ее о такой малости.

Она никому не призналась в посещавших ее черных мыслях, когда с трудом преодолевала очередной этап беременности, а дата родов надвигалась с ужасающей неотвратимостью. Но Лоран оказался прав: как только Тьерри появился на свет, крепко сжав кулачки, словно в знак протеста против того, что был нежеланным ребенком, она инстинктивно полюбила его не менее страстно, чем в свое время Китти. И с облегчением вздохнула, вернувшись через три месяца на работу.

Изабелла обмотала шею шарфом и зашагала по тропинке в сторону леса, приминая сапогами высокую траву. Впервые за последние несколько недель она была совершенно свободна. Два часа назад она проводила детей в школу. Тьерри, увернувшись от ее поцелуя, побрел прочь, школьная форма неловко топорщилась у него на спине; Китти же со свойственной ей решительностью, не оглядываясь, пошла вперед.

Изабелле давно хотелось от всех отдохнуть – Господь свидетель, ей просто необходимо было побыть одной. И тем не менее она вдруг почувствовала, что ей не хватает детей. Без их шумной толкотни и топота дом казался еще более унылым и мрачным; уже через час она поняла: если срочно чего-нибудь не предпримет, то непременно впадет в меланхолию. Ей даже страшно было подумать о том, чтобы начать распаковывать коробки, не говоря уж о таком сизифовом труде, как уборка дома, а потому она решила отправиться на прогулку. Не зря же Мэри в свое время любила говорить, что хорошая прогулка еще никогда и никому не повредила.

Итак, Изабелла решила срезать путь через лес и пройтись до местного магазина, чтобы была хоть какая-то цель. Купить молока и чего-нибудь попроще на ужин. Она приготовит тушеное мясо, а может, жаркое и накормит после школы детей.

Как ни странно, но в лесу воспоминания о Лоране терзали ее не так сильно. Теперь, почти год спустя, она обнаружила, что способна думать об усопшем муже в контексте того, что в свое время любила, а не того, что, увы, потеряла. Когда-то ей говорили, что печаль никуда не денется, просто со временем с ней станет легче смириться.

Засунув руки в карманы, Изабелла вдыхала запах молодой зелени, рассматривала побеги луковичных растений под деревьями, пыталась определить места, где когда-то были клумбы. Возможно, я разобью сад в память о муже, думала она. Хотя это вряд ли. Копать, рыхлить, обрезать – все это не для ее нежных рук. Садоводство находилось в списке запрещенных для музыкантов вещей.

Она дошла до лесной опушки, оставив озеро слева, и попыталась найти брешь в стене. Отыскала проход и нырнула в него. За оградой природа оказалась еще более дикой, чем возле дома. Она инстинктивно обернулась посмотреть на дом: его темно-красные стены и беспорядочно расположенные окна ответили ей неприветливым, холодным взглядом. Нет, это еще не ее. Еще не родной дом.

Ты не должна так думать, мысленно одернула она себя. Он станет нашим домом, если мы сделаем его таковым. Теперь у них уже была горячая вода, правда за немислимую цену,

а в некоторых комнатах – тепло со слабым металлическим запахом. Водопроводчик сказал, что батареи нужно стравить, но Изабелла была обескуражена его покровительственным тоном, а потому не решилась уточнить, что он имеет в виду. Из-за огромной трещины в чугунной ванне мыться им приходилось в жестяной ванне, и Китти каждое утро горько сетовала на это.

Изабелла остановилась, чтобы рассмотреть поближе гигантский древесный гриб, оккупировавший полусгнивший пенёк, затем подняла глаза на хмурое небо, просвечивающее сквозь ветви деревьев. Воздух был перенасыщен влагой, и Изабелла прикрыла рот шарфом, а затем резко выдохнула, чтобы почувствовать ласкающую кожу теплую струю воздуха. Земля под ногами пахла мхом, мокрым деревом и лесной подстилкой, что резко контрастировало с вьевшимся в стены Испанского дома запахом сырости, заставляющим ее ломать голову над тем, какие именно процессы гниения и распада происходят внутри.

Где-то хрустнула сухая ветка, и Изабелла замерла. В ее воображении типичной городской жительницы мгновенно возник образ маньяка-лесоруба с топором в руках. Затаив дыхание, она осторожно направилась в сторону источника звука.

Буквально в двадцати футах от себя она увидела огромного самца оленя. Тот пристально глядел на нее, вскинув увенчанную ветвистыми рогами голову, а затем пару раз моргнул, выпустив из ноздрей тонкие струйки пара.

Изабеллу настолько зачаровало это зрелище, что она даже не успела испугаться. Она смотрела на оленя во все глаза, не переставая удивляться, как в их плотно застроенной, перенаселенной маленькой стране еще могли сохраниться островки дикой природы, где водятся столь прекрасные животные. Она даже тихо ойкнула, и звук этот разрушил чары. Олень в два прыжка достиг поля.

Изабелла посмотрела ему вслед. И невольно вспомнила отрывок из Симфонии № 3 Диттерса фон Диттерсдорфа «Превращение Актеона в оленя». Животное замедлило бег и остановилось, настороженно поводя головой, а у Изабеллы тем временем в голове фанфарами звучали вступительные арпеджио, символизирующие юного охотника, вкрадчивое адажио для флейты, передающее журчание ручейка и шепот ветра.

Неожиданно тишину разорвал звук выстрела. Олень рванул с места, увязая копытами в раскисшей земле. Прозвучал еще один выстрел, и Изабелла, спрятавшаяся было за дерево, выскочила на поле и кинулась за оленем, судорожно пытаясь понять, откуда ведется стрельба.

– Прекратите! – крикнула она, шарф сполз у нее со рта. – Эй, вы, там! Прекратите стрелять! – У Изабеллы застучало в висках. Она кинулась бежать, но земля комьями липла к ногам. – Прекратите! – завизжала она в надежде, что невидимый охотник ее услышит.

Изабелла попыталась носком одного сапога стряхнуть грязь с подошвы другого. Олень, похоже, благополучно скрылся, но она ждала очередного выстрела, и сердце продолжало неистово колотиться.

И вот тогда она увидела мужчину, который, не обращая внимания на грязь, размашисто шагал в ее сторону через поле. Увидела ружье, которое мужчина держал в согнутой руке дулом вниз.

Изабелла развязала шарф, чтобы не мешал говорить.

– Что, скажите на милость, вы тут творите?! – От перенесенного шока она практически перешла на крик.

Мужчина, явно рассерженный ее вмешательством, замедлил шаг. Он выглядел ненамного старше Изабеллы, но был гораздо выше ее ростом. А еще коротко стриженные темные волосы и обветренное лицо человека, привыкшего проводить время на свежем воздухе.

– Стреляю. А что, по-вашему, я тут делаю? – Он явно не ожидал встречи с ней.

Изабелле наконец удалось высвободить ноги из жидкой грязи, но в крови у нее по-прежнему

бурлил адреналин.

– Как вы смеете? Вы что, браконьер?

– Браконьер? Ха!

– Я вызову полицию.

– И что, интересно, вы им скажете? Что я пытался отогнать оленя от всходов зерновых?

– Скажу, что вы охотились на моей земле.

– Это не ваша земля. – В его речи слышалась легкая картавость.

– С чего вы взяли?

– Земля принадлежит Мэтту Маккарти. Отсюда до тех деревьев. И у меня есть разрешение

делать здесь все, что угодно.

Изабелле показалось, что при этих словах он бросил многозначительный взгляд на ружье.

– Вы что, мне угрожаете? – спросила она.

Он поднял на нее удивленные глаза:

– Угрожаю вам?

– Я категорически против любого оружия рядом с моим домом.

– У меня и в мыслях не было направлять ружье на ваш дом.

– Мой сын ходит по этой тропинке. Вы могли его ранить.

Мужчина удивленно открыл рот, покачал головой, развернулся и, сгорбившись, пошел назад через поле. Изабелле с трудом удалось расслышать его прощальные слова:

– Тогда вам придется научить его не нарушать границ чужой собственности.

Пока она смотрела ему вслед, ей неожиданно вспомнилась последняя часть симфонии фон Диттерсдорфа. На самом деле олень и был тем самым юным охотником: он превратился в дикое животное, когда, бродя по лесу, увидел то, что не следует видеть, и в результате был растерзан собственными собаками.

Асад проверял куриные яйца, брал несколько штук из одной коробки, чтобы заполнить другую. Органические яйца с ближайшей фермы были отличного качества, хотя и покрыты... органическим веществом, которое не слишком нравилось дамам с особо тонкой душевной организацией. Он отобрал самые неприглядные и уже собрался было пойти отмыть их от пуха и прочего, когда в магазин вошла женщина.

Она на секунду остановилась в дверях, удивленно оглядываясь по сторонам, словно что-то искала. На ней было длинное синее бархатное пальто с измазанным грязью подолом. Фамильное сходство подсказало Асаду, кто она такая.

– Миссис Деланси? Прошу прощения, я только уберу вот это, – сказал он и, поймав ее удивленный взгляд, добавил: – Сюда редко заходят случайные посетители. Вы с вашей дочерью очень похожи.

– О, Китти. Ну конечно, конечно.

– Вы в порядке? – запнувшись, спросил он. – Вы выглядите немного... испуганной.

Она поднесла руку к лицу. Прекрасные бледные руки, отметил про себя Асад. Длинные белые пальцы. Она вся дрожала.

– Скажите... – начала она. – А много ли людей в округе имеют ружья?

– Ружья?

– Мне только что угрожали... Ну, не совсем угрожали... Словом, у меня произошла размолвка с вооруженным человеком на частной, как мне казалось, территории.

– Да уж, тут немудрено испугаться.

– Я испытала легкий стресс. Так как не привыкла наталкиваться на людей с ружьями. По правде говоря, прежде мне вообще не доводилось видеть ружье в такой опасной близости.

– А как он выглядел? – поинтересовался Асад и, получив исчерпывающее описание, сказал: – Похоже на Байрона. Бывшего лесничего мистера Поттисворта. Теперь он выполняет кое-какую работу для Мэтта. Но насколько я знаю, у него помповое ружье.

– Мэтт Маккарти. – Переварив полученную информацию, она, похоже, немного расслабилась.

– Я как раз собирался поставить чайник. Уверен, чашечка горячего сладкого чая прекрасно снимет напряжение. Но сперва позвольте представиться. Меня зовут Асад Сулейман.

Она наградила его печальной, нежной улыбкой, в которой читалась благодарность за приглашение. Что ж, внешность у нее, конечно, не типичная, подумал Асад, но она безусловно очень красивая женщина. И еще у нее потрясающие волосы. Чего нельзя не заметить, поскольку сейчас большинство женщин стригут и красят волосы.

– В таком случае чай наверняка меня успокоит. Но мне даже страшно подумать, что где-то поблизости бродит человек с ружьем. И вообще, все довольно запутанно, – сказала она. – Ведь я точно не знаю, где кончается моя земля и начинаются владения мистера Маккарти.

Дарджилинг. Она похожа на девушку Дарджилинг из аниме. Асад протянул ей чашку чая и задумчиво склонил голову набок:

– Почему вы не попросили вашего поверенного показать вам документы на право собственности?

– А разве он мне покажет?

– Полагаю, что да.

– Большое вам спасибо. К сожалению, я совершенно не разбираюсь в подобных вещах. У меня раньше не было опыта... землевладения.

Они сидели в расслабляющей тишине, потягивая чай. Асад украдкой поглядывал в ее сторону, пытаясь запомнить некоторые подробности, которых непременно будет от него требовать Генри. Одетая весьма экстравагантно – правда, если не брать в расчет пальто, все в приглушенных коричневато-зеленоватых тонах, которые так любят местные дамы. Бледные тонкие руки. Асад без труда мог представить, как эти руки перебирают струны какого-нибудь волшебного инструмента. Длинные спутанные волосы, стянутые небрежным узлом, – полная противоположность аккуратному каре ее дочери. Глаза, которые она постоянно отводит; их опущенные уголки свидетельствуют о затаенной печали.

– Вот уж не ожидала такого увидеть, – нарушила она молчание.

– Вы о чем?

– О вашем магазине. У вас есть все, что я люблю. Пармская ветчина! Сладкий картофель... Мне казалось, в сельских магазинах, где сплошные ящики с яблоками да резиновый сыр, хозяйничают толстые женщины средних лет. А не высокие... – Она смутилась и замолчала.

– Чернокожие мужчины, – закончил он за нее. – На самом деле я сомалиец.

– А как вы здесь очутились? – Она покраснела, вероятно решив, что совершила бестактность. – Простите. За последнее время я совершенно отвыкла от светских бесед.

– Ничего страшного. Я приехал в Лондон в шестидесятых. Встретил Генри, своего партнера, и, как только появилась такая возможность, мы удрали из города. А здесь тихая, размеренная жизнь... Это очень полезно для моего здоровья. Астма, понимаете ли, – объяснил он.

– Да, здесь безусловно тихо.

– А как вы справляетесь, миссис Деланси? В таком-то огромном доме?

Он пошарил рукой под прилавком, достал жестяную коробку с печеньем и протянул посетительнице. Она не стала отказываться.

– Изабелла. Справляемся понемножку. Правда, медленно. Горячая вода и тепло, – слава богу, хоть это есть. У нас впереди еще столько дел, что голова кругом идет. У меня отложены кое-

какие деньги, но я даже не представляла себе, во что мы ввязались. Во что я ввязалась, – поправилась она. – Последний раз, когда я была здесь, дом выглядел совсем по-другому.

Ему хотелось ей все объяснить, предупредить, что ее присутствие может быть неприятно не только местному лесничему и что остерегаться следует в первую очередь вовсе не человека с ружьем. Но она выглядела такой ранимой, такой беззащитной, и он решил не усугублять ее горести. Тем более что утверждать наверняка он ничего не мог.

– А ты так ничего и не заметил.

Мэтт оторвал взгляд от кружки с пивом и заглянул в чуть раскосые зеленые глаза Терезы. Она была так близко, что он чувствовал аромат ее духов, пробивавшийся сквозь запахи кухни и пива.

– Чего именно не заметил?

– Что во мне кое-что изменилось. – Она откинулась назад, положив руки с ярко накрашенными ногтями на стойку бара.

У игрового автомата неподалеку громко вопили двое парней в тренировочных костюмах.

– Ты сделала маникюр?

– Нет! – задорно блеснула она глазами.

На ней был фиолетовый кружевной бюстгальтер, который, когда она наклонялась, виднелся в глубоком декольте.

– Попробуй еще раз, – сказала она, и его взгляд заскользил по ее телу, в чем она, впрочем, и не сомневалась. – Ну что ты на меня пялишься?! – прикинулась она оскорбленной.

– А если мне хочется? – невозмутимо спросил Мэтт.

– Ну, давай же, – не сдавалась Тереза.

Мэтт отлично понимал, что вывел ее из себя. Тереза для него – точно открытая книга. Всегда была.

– Ты похудела.

– Ты мне льстишь.

– Новая губная помада.

– Не-а.

Он залпом осушил кружку:

– Ну, тогда не знаю. Все эти игры не по мне.

Их взгляды встретились. «Ой ли?» – говорили ее зеленые глаза, и он вспомнил, как неделей раньше она извивалась под тяжестью его тела в своей спальне. Мэтт почувствовал некоторое напряжение в паху и бросил взгляд на часы. Он обещал Лоре вернуться к семи тридцати.

– Мэтт!

Резко развернувшись, Мэтт увидел Байрона, взгромоздившегося на соседний табурет.

– Ну, ты как? По пивку? – спросил Мэтт. Байрон кивнул, и Мэтт махнул рукой Терезе. – «Стеллу», пожалуйста.

– Ты что, сдаешься? – надулась Тереза.

– Неужто нельзя дать человеку спокойно попить пива?! – рассердился Мэтт и, отвернувшись от Байрона, добавил: – Ладно, сдаюсь. Если честно, то я, грешным делом, и запомнил, в чем был вопрос.

– Мои волосы, – объяснила она, оторвав руку от насоса. – Я сделала мелирование. Посмотри. – Тереза поставила кружку на стойку, наклонила голову и взъерошила волосы, показав ему осветленные пряди.

– Мило, – небрежно бросил Мэтт, а когда Тереза отошла, выкатил глаза на Байрона, словно желая посетовать на непредсказуемость женщин. – Все в порядке? – поинтересовался он.

– Неплохо, – сделав глоток пива, отозвался Байрон. – Я опрыскал загоны в низине. Пока не уверен в качестве почвы, но, по-моему, она вполне ничего. Может, это даже к лучшему, что ее не стали распахивать.

– Класс. Для меня это все пустой звук, но Лора будет довольна.

– А еще в лощину между рощей и тропой для наездников повадились олени. Я видел сегодня одного самца, а вчера еще нескольких. Ну, выстрелил пару раз, чтобы их спугнуть, но они непременно вернуться.

– Только этого нам не хватало. Они обглодают саженцы. Приглядывай за ними.

– Ваша новая соседка наорала на меня из-за того, что я, дескать, пугаю животных.

– Да неужели?

– Фактически обвинила меня, что я в нее целился. – Байрон явно чувствовал себя неловко. – Ну, я не знаю, может, она захочет раздуть скандал. Может, надо было ей сказать, что ружье помповое.

Мэтт буквально покатился с хохоту:

– Господи, благослови детей и зверей! А еще горожанок. Небось, хочет спасти всех наших Бэмби, не так ли? Грандиозно! – воскликнул Мэтт и, бросив взгляд в сторону направляющейся к ним Терезы, продолжил: – Когда в следующий раз увидишь ее, скажи, что мы организуем заказник специально для нее. Пусть живет себе на здоровье с кроликами и оленями со всей округи, а мы будем бросать ей птичек – ворон и скворцов, – чтобы не померла с голоду. Станет у нас Белоснежкой в натуре. – (Байрон натянуто улыбнулся, он явно не привык к таким шуткам.) – Я тебе вот что скажу. Мы потом еще обмозгуем условия твоей работы на меня на постоянной основе... Сдается мне, что на будущий год у нас будет куча возни с землей Поттисворта, и лишний работник точно не помешает. Ты, пожалуй, будешь вдвое здоровее моего парня. Понимаю, это дело не совсем для лесничего, но что скажешь?

Байрон покраснел, и Мэтт догадался, что его собеседник обеспокоен отсутствием работы гораздо сильнее, чем хочет показать. А с учетом той темной истории ему, Мэтту, это только на руку, ведь Байрон вряд ли станет загигать цену. Поттисворт наверняка платил ему сущие гроши.

– Это... было бы неплохо, – ответил Байрон.

Поймав взгляд Терезы, Мэтт беспечно подмигнул ей. Что ж, он позвонит Лоре и скажет, что задержится. Не пропадать же такому вечеру! Тем более что настроение у него было отличное.

Как вы сами, наверное, видите, здесь необходим косметический ремонт, но вы вкладываете деньги в то, что имеет большой потенциал. Район, насколько вам должно быть известно, становится все более востребованным. – Николас Трент ободряюще улыбнулся стоявшей рядом молодой женщине, которая задумчиво созерцала трещину, словно после разряда молнии, идущую по стене от оконной рамы. – Это можно заштукатурить, – поймав ее взгляд, добавил Николас. – Всего-навсего усадочная деформация. Ничего такого, чего не сможет устранить хороший мастер.

Сверившись с описанием, она что-то пробормотала своему спутнику. А затем спросила:

– А где третья спальня? Мы видели только две.

– Третья спальня. – Николас распахнул дверь и принялся шарить в поисках выключателя.

– И вы называете это спальней? – удивился спутник молодой женщины. – Здесь же нет окон.

Тут Николасу было нечем крыть. В прежние времена это можно было охарактеризовать как большой чулан.

– Совсем крошечная, – удивилась женщина.

– Да, комната экономичного размера, – согласился Николас. Площадь тускло освещенного помещения составляла примерно шесть футов на четыре, не больше. – Но если честно, мисс Блум, в домах этой категории недвижимости не часто встречается третья спальня. Обычно бывают только две. По-моему, очень даже удачный вариант, поскольку здесь можно поставить компьютер или устроить кабинет, где естественное освещение вовсе не обязательно. Ну что, перейдем к осмотру кухни?

Несмотря на скромные размеры квартиры, на показ оставшихся помещений у него ушло целых двадцать минут, в течение которых Николас Трент на все лады превозносил преимущества компактного жилья, хотя внутренний голос твердил ему совершенно обратное. Отвратительная квартира, хотелось сказать ему. Под окнами автомагистраль, внизу, на расстоянии лестничного пролета, – трубопровод, а в обоих концах улицы, где стоит дом, – по наркопритону. Наверняка дом медленно, но верно проседает, по стенам, не оклеенным виниловыми обоями, ползет сырость, и вообще в квартире нет изюминки. Она уродливая, плохо приспособленная для жизни, с отвратительной планировкой и в принципе не стоит даже трети запрашиваемой цены.

И тем не менее вариант отнюдь не безнадежный. Он знал, что уже к концу дня пара сделает встречное предложение, причем, скорее всего, их цена будет не настолько ниже исходной, чтобы сделать переговоры бессмысленными. Вот такие дела. Недвижимость, еще пять лет назад не стоившую ни гроша, теперь расхватывают, как горячие пирожки, люди, готовые брать в долг такие суммы, от которых у него кружилась голова.

Вы что, уже забыли о той трещине? – хотелось ему спросить. Вы разве не знаете, чем для вас чреват кредит под залог такой недвижимости?

– А у вас много желающих посмотреть квартиру? – спросил Николаса спутник молодой женщины.

– Сегодня днем еще двое, – небрежно выдал Николас стандартный ответ.

– Мы с вами свяжемся, – протянул ему руку молодой человек.

Николас пожал ее с чувством не свойственной ему благодарности. В наше время люди не часто обмениваются рукопожатиями, особенно с агентом по недвижимости.

– Не беспокойтесь, – сказал он. – Если эта квартира уйдет, мы подыщем вам что-нибудь получше. – Николас видел, что покупатель ему не верит. Он даже слегка нахмурился, словно пытаясь понять, не является ли это некой профессиональной уловкой. Вот что делает с риелторами наш бизнес, грустно подумал Николас. Превращает нас в подозрительных типов. –

Я хочу сказать, что в любом случае решать вам.

– Мы с вами свяжемся, – повторил покупатель.

Николас выпустил молодых людей из квартиры и проводил их глазами. Они шли, опустив голову, явно представляя свою будущую жизнь в новом доме...

– Твоя жена звонила, – сообщила Шарлотта с набитым чем-то похожим на мюсли ртом. – Прости, бывшая жена, – жизнерадостно уточнила она, протягивая ему листок бумаги. – Не хотелось произносить это вслух. Звучит не слишком-то прилично.

Да уж, звучало действительно не слишком прилично. Отнюдь не то слово, которое человеку приятно слышать применительно к себе. Бывший муж. Облажавшийся муж. Человек, который облажался. Николас засунул листок в карман брюк.

В офисе вовсю кипела работа. Дерек, менеджер отдела жилой недвижимости, стоял, прислонившись к своему столу с телефоном в руке. Пол, агент по недвижимости, составлял новые инструкции для отдела продаж. Женщина средних лет, периодически чихая в носовой платок, беседовала с агентом по сдаче внаем. Николас закрыл за собой стеклянную дверь, и уличный шум мгновенно затих.

– Ой, и звонил какой-то Майк – хотел пригласить тебя на обед. Сказал, вы знакомы тысячу лет. Я сообщила про твою жену, так как он был не в курсе, а он велел передать, что ему очень жаль.

Николас сел за стол. На самоклеящемся листке для заметок было написано: «Пожалуйста, позвони миссис Барр. Она не слишком довольна последним отчетом».

– Какой-то Майк?

– Сказал, что живет в Норфолке. Там замечательно.

– А где именно в Норфолке?

– Ну, я не знаю. Везде, полагаю.

Покупатели отказались от Дрю-Хаус, уже готовому к продаже.

П-та, срочно позвони мистеру Хеннеси.

Он закрыл глаза.

Кевин Тирелл хочет перенести показ Арбор-роу, 46. Говорит, не хочет, чтобы посторонние мешали смотреть футбол.

Придется позвонить всем четверым покупателям, встречу с которыми он запланировал на этот вечер. Всем им дать отбой. Ну разве мы можем мешать Кевину смотреть футбол?

– Он говорил, будто был на твоей свадьбе. Звучит грандиозно, Ник. Ты никогда не рассказывал, что бракосочетание проходило в Доддингтон-Маноре.

– Николас, – сказал он. – Меня зовут Николас.

– Николас. Вот уж не знала, что твоя жена из такой богатой семьи. Прости, бывшая жена. Да ты, оказывается, темная лошадка. Наверняка в следующий раз скажешь нам, что живешь на Итон-сквер. – Ее хихиканье прервал телефонный звонок.

Итон-сквер. Когда-то он подумывал о том, чтобы купить там недвижимость. Это было в начале 1980-х, незадолго до последнего бума на рынке недвижимости, когда в Лондоне еще было полным-полно убогих домов, обветшавших за десятилетия сдачи внаем. Словом, мест, созревших для модернизации и роскошного высотного строительства. Он навсегда запомнил ту квартиру, несмотря на множество квартир, которые осмотрел как девелопер, потому что там был

бальный зал. Апартаменты на Итон-сквер с настоящим балльным залом. Но тогда он отказался от проекта, поскольку счел его не слишком прибыльным.

Он был одержим воспоминаниями о домах, которые в свое время не купил, о прибылях, которые из-за недостатка смелости упустил.

Он вздохнул. Пора звонить миссис Барр. *Вот уж точно несчастный кролик.*

– Ник.

На его стол облокотился Дерек, и Николас положил трубку на место. У этого человека никакого понятия о личном пространстве. Он наклоняется к тебе так близко, что по одному запаху можно понять не только то, чем он завтракал, но и то, какой маркой порошка стирает белье. Николас сразу же натянул на лицо маску равнодушной готовности:

– Дерек.

– Звонили из головного офиса. Мы не выполняем план. Мы на двести восемьдесят тысяч фунтов отстаем по коммиссионным от «Палмерс энд Грин». Что не есть хорошо. – (Николас ждал.) – Необходимо улучшить наши позиции в рейтинге. Даже «Тоттенхэм ист» нас опережает.

– При всем моем уважении, Дерек, должен заметить, что на этой неделе я заключил уже четыре сделки. – Николас старался говорить сдержанно. – Я бы сказал, что по любым меркам это очень даже неплохо.

– При нынешнем состоянии рынка такие сделки заключил бы даже одноногий слепоглухонемой. Ник, недвижимость уходит буквально из-под носа. Слово ей приделали ноги. Мы должны достичь большего, продавать более качественную недвижимость, увеличивать маржу. И активнее продавать. Ты вроде считаешься тут крупным дилером. Ну и когда ты начнешь оправдывать свою репутацию?

– Дерек, ты не хуже меня знаешь, что сорок процентов недвижимости, которой мы занимаемся, бывшие муниципальные дома. Поэтому и цена, и маржа будут другими.

– Интересно, и кто тогда получит оставшиеся шестьдесят процентов? «Джексонс»? «Тредуэлл Моррисон»? «ХоумСерч»? Вот кто. Мы должны зубами вырывать их долю на рынке, Ник, грести под себя всю эту недвижимость. Мы хотим, чтобы таблички «Харрингтон истейтс» разрастались в этом городе, как чертовы грибы. – Дерек трагически вскинул руки, продемонстрировав взмокшие подмышки. И вот так, с поднятыми руками, он обошел офис, точь-в-точь как воинственный павиан, подумал Николас. Затем Дерек вернулся и положил растопыренные ладони на стол: – Какие встречи у тебя назначены на сегодня?

Николас открыл ежедневник:

– Ну, мне еще надо разобраться с парочкой звонков, но показы Арбор-роу пока отложены.

– Угу. Шарлотта мне уже доложила. Знаешь что, Ник? Тебе не мешает выбраться на улицу. Наскрести новых клиентов.

– Я что-то не совсем тебя понимаю.

Дерек нашарил сзади себя стопку глянцевых бумажек:

– Тогда отправляйся распространять рекламные листовки. На перспективных улицах. Лорел-авеню, Арнольд-роуд, ну и там, возле школы. Я только-только получил их из печати. Посмотрим, может, хоть так удастся что-нибудь наварить. – И с этими словами он шлепнул бумажки на стол Николаса.

Николас увидел краешком глаза, что Пол усмехается в телефонную трубку.

– Ты что, хочешь, чтобы я просовывал листовки людям под дверь?!

– Ну, у Пола и Гэри дел невпроворот. А ты сам говорил, что у тебя на сегодня не назначено никаких встреч. Какой смысл платить какому-нибудь юнцу-стажеру, если он все равно выкинет половину листовок на помойку и преспокойненько свалит себе играть на бильярде? Нет, Ник. – Дерек похлопал Николаса по спине. – Ты человек основательный. И я могу быть уверен, что ты

сделаешь работу на совесть. – Он направился было к своему столу, в очередной раз победно вскинув руки, но остановился и небрежно бросил: – Кстати, тебе вовсе не повредит скинуть парочку фунтов. Ты мне потом еще спасибо скажешь.

Если бы не вся эта история с рекламными листовками, оглядываясь назад, думал Николас, он вряд ли принял бы приглашение Майка Тодда на тот субботний обед. После ухода Дианы его светская жизнь практически сошла на нет, отчасти потому, что приглашения принимала Диана – она всегда была более общительной, – но в основном потому, что ему не хотелось рассказывать о своих изменившихся обстоятельствах людям из прошлой жизни. Он научился узнавать этот полный жалости взгляд, когда собеседник в конце концов понимал, как низко пал бедняга Николас. В глазах женщин сквозило нечто вроде сочувствия, они незаметно косились на его поредевшие волосы; в глазах мужчин он видел замешательство, желание поскорее отойти подальше, словно его невезение могло быть заразным.

Николас не хуже других понимал, что за эти четыре года, прошедшие после банкротства, он здорово сдал; многие еще помнили его костюм с Сэвил-роу, навороченную «ауди», удивительное обаяние. Стальной характер. Теперь же перед ними был уже не тот цветущий бизнесмен, привыкший отдыхать на Женевском озере или Мальдивах, а поседевший от стрессов потрепанный мужчина средних лет, который трудился переговорщиком в захудалом агентстве недвижимости в депрессивном районе города.

– Значит, все же решил принять приглашение? – спросила Шарлотта, когда он положил трубку. – Тебе не помешает немного развеяться.

Подбородок у нее был в шоколаде, но Николас сделал вид, что не заметил.

Ну вот, похоже, он сам себя загнал в угол, и теперь придется расплачиваться. Во время обеда он уж точно не сможет отвертеться и избежать вопросов о своей жизни. Ведь не будет ни музыки, ни экрана с движущейся картинкой – словом, ничего такого, что даст возможность просто помолчать. И уже проехав полпути по шоссе М2, он снова задался вопросом, зачем, ради всего святого, он согласился.

Но затем Николас вспомнил вечер четверга, убитый на хождение по загаженным улицам, унылый лязг почтовых ящиков, подозрительное подергивание посеревших тюлевых занавесок, лай рассвирепевших собак, когда он подсовывал под двери листовки. Дождь медленно, но верно пропитывал влагой его когда-то элегантный шерстяной костюм. Вот она, суровая правда о том, кем он стал в свои сорок девять лет и во что превратилась его жизнь. В бесконечную унылую череду разочарований и унижений.

Но в принципе Майк – именно то, что надо. Майк никогда не был настолько успешным, чтобы стать болезненным напоминанием о том, что он, Николас, когда-то имел и потерял. И Майк только однажды встречался с Дианой. Что весьма кстати. Николас со скрипом переключил передачу старенького «фольксвагена», стараясь не вспоминать о своей «ауди» с автоматической коробкой, и выехал на среднюю полосу.

Надо было очень сильно постараться, уже после сказал ему бухгалтер, чтобы так эффектно разориться, когда остальной рынок был на подъеме. Его разветвленная империя кредитования покупки жилья, девелопмента и аренды недвижимости рассыпалась, точно карточный домик. Он приобрел особняк с восемью спальнями в Хайгейте, за который внес невозвратный депозит, чтобы защитить объект от притязаний других риелторов, имевших на него виды. И тут внезапно сорвалась продажа уже построенного дома в Челси, и ему пришлось взять кредит для покрытия оставшейся части депозита. А потом провалились еще две сделки, причем именно тогда, когда операция с особняком в Хайгейте близилась к завершению. Тогда он взял кредит под залог двух объектов собственной недвижимости. Он до сих пор помнит те ночи, которые провел в своем

офисе, считая и пересчитывая, пытаясь вывести баланс между исключительно процентными кредитами под залог недвижимости и банковскими ссудами. Все начало рушиться изнутри, издержки на уплату процентов оказались больше его собственного капитала. Просто невозможно поверить, как быстро некогда несокрушимая финансовая крепость превратилась в огромную финансовую дыру.

Это стоило ему собственного дома. Диана только-только закончила отделку детской для детей, которых у них не было. Он до сих пор помнит, как она откинула назад свою золотистую головку, когда он объяснил ей всю сложность своей финансовой ситуации, и сказала надменным тоном: «Николас, я на это не подписывалась. Я не подписывалась на банкротство». Если бы Николас тогда повнимательнее прислушался, то непременно услышал бы прощальные нотки в ее аристократическом, хорошо поставленном голосе.

Он удачно выкрутился, закрыв основные финансовые дыры. Буквально чудом избежал полного банкротства и за четыре года окончательно расплатился с крупными долгами. Иногда ему даже казалось, что он снова на коне. И, получив выписку с банковского счета с черной, а не с красной колонкой справа, не поверил своим глазам. Но как ни прискорбно, он напрочь потерял драйв: дома, машины, стиль жизни. Уважение. Потерял Диану. Что ж, люди и не с таким справлялись. Он повторял эту фразу как заклинание.

Поток транспорта стал менее интенсивным, а значит, пригороды сменились сельской местностью. Николас включил радио, хрипевшее и кашлявшее из-за сломанной антенны, и стал высматривать указатель с названием населенного пункта. В последний раз Николас был в гостях у Майка Тодда много лет назад. Как тогда гордо заметил Майк, он жил в настоящем доме фермера, просторном и внушительном, но с более высокими потолками. Что, однако, не помешало Николасу несколько раз стукнуться головой.

Не успел Николас проехать первый указатель на Литл-Бартон, как переполненный мочевой пузырь настойчиво дал о себе знать. Николас надеялся доехать до бензоколонки, но местность была совершенно дикой. Здесь не то что бензоколонку, даже паб вряд ли удастся отыскать. Еще две мили пути – и Николас понял, что больше не в силах терпеть. Тогда он свернул налево по узкой проселочной дороге. Раз уж нельзя найти нормальный туалет, то придется поискать хотя бы укромное место.

Правда, он тут же пожалел о своем решении. Остановиться он не мог, поскольку со встречным транспортом, появившись он на дороге, будет не разминуться. И ему пришлось продолжать путь по рытвинам и ухабам, пока наконец, уже в лесной чаще, он не нашел более широкого места. Не выключая двигателя, он выпрыгнул из машины.

Нет ничего более приятного, чем облегчиться, после того как пришлось слишком долго терпеть. Николас отошел от дерева, у которого пристроился, проверил, не забрызгал ли туфли, и снова залез в машину. Похоже, придется пилить дальше, поскольку развернуться было практически невозможно. Он чертыхнулся, но все же поехал вперед, объезжая самые страшные колдобины и уговаривая себя, что рано или поздно его мучения закончатся. Ведь все дороги где-то заканчиваются.

Машина надрывно завывала, когда колесо попало в колею. Следующий раз, сказал себе Николас, придется наплевать на приличия и смотреть на вещи проще, как водители грузовиков.

– Впредь буду писать на колесо, – произнес он вслух.

Надо же, он уже сам с собой разговаривает. Интересно, это признак полной раскрепощенности или свидетельство того, что он уже дошел до ручки?

Тем временем Николас оказался на развилке; слева виднелись очертания белого фасада бывшего каретного сарая. А затем, когда его машину повело вправо, сквозь деревья он увидел зубчатый парапет и нелепый величественный фасад из красного кирпича и кремния. Николас

ударил по тормозам и принялся во все глаза смотреть на дом, который, как он сразу понял, был явной архитектурной ошибкой. На редкость дурацкое здание, вероятно, постройки конца девятнадцатого века, так сказать, яркий образчик безвкусной роскоши, место которому на свалке истории архитектуры. Но зато какой вид! Дом этот, с трех сторон окруженный лесом, смотрел прямо на озеро. Заросшие лужайки и запущенная живая изгородь ничуть не скрывали эстетических достоинств классического ландшафта, его величия и красоты.

Вода в озере казалась неестественно неподвижной, в ней отражались рыхлые серые небеса, узкая зеленая полоса отделяла плавные изгибы берегов от леса. Прекрасного леса из древних дубов и сосен, верхушки которых, казалось, сливались с горизонтом, а далее начиналась лощина, цвета были приглушенными и слегка размытыми, как на полотнах импрессионистов. Словом, место одновременно и величественное, и уединенное, дикое и цивилизованное, на достаточном удалении от шоссе, но с вполне приличной подъездной дорожкой...

Николас вышел из машины, прислушался к отдаленному хлопанью крыльев казарок и шепоту ветра в ветвях деревьев. Пожалуй, самый впечатляющий объект недвижимости из всех, что он видел за последние годы. А дом, похоже, оставался в девственном состоянии не один десяток лет. Вряд ли он внесен в опись, подумал Николас. В нем не было абсолютно никакой симметрии, не было и конкретной отсылки к историческому периоду. Чудовищная мешанина из несовместимых стилей, породившая англо-мавританского ублюдка, о возрасте которого можно судить исключительно по степени его обветшалости. Но второго такого дома точно не встретишь: практически нетронутого и имеющего одновременно громадный потенциал.

Он подошел поближе, уже готовясь услышать злобный лай собаки или окрик разъяренного хозяина. Однако дом выглядел необитаемым, и появление Николаса оказалось замеченным разве что всполошившимися воробьями и воронами. На подъездной дорожке ни одной машины, значит хозяева отсутствуют, и Николас рискнул заглянуть в окно. Скучность обстановки придавала помещению нежилой вид. О присутствии человека говорили лишь возделанные поля вдалеке и аккуратно подстриженные живые изгороди.

Уже позже, оглядываясь назад, он так и не смог понять, что заставило его так поступить. Последние несколько лет он вел себя крайне осторожно, не ввязываясь в рискованные предприятия. И все же он подергал дверь, а когда та послушно подалась, Николас Трент решил не прислушиваться к голосу рассудка. Он даже не стал кричать: «Есть кто дома?!» Он вошел в переднюю. Осветительная арматура явно осталась еще с 1930-х годов, а бюро, которое он видел через открытую дверь, можно было отнести к 1940-м. Он прошел в комнату; похоже, это была гостиная, обставленная совсем недавно, о чем свидетельствовало кресло из «ИкеА», которое, впрочем, только усугубляло стойкое ощущение общей запущенности. Впечатление от остальных комнат, достаточно приятного размера, портили выщербленные стены, отсутствие плинтусов и въевшийся запах сырости. Белизну высоких потолков нарушали коричневые потеки. Оконные рамы прогнили, а в окнах не хватало стекол. С чего бы ты начал? – мысленно спросил Николас и, похоже, сам себя рассмешил этим вопросом. Потому что домов, подобных этому, практически не осталось. Они были взорваны или разобраны много лет тому назад спекулянтами типа него. Он осторожно поднялся по лестнице и направился в сторону открытой двери. Дверь вела в хозяйскую спальню, роскошную комнату с видом на озеро и большим эркером, из которого просматривалось все поместье. Николас подошел поближе и ахнул от восхищения. И даже то обстоятельство, что комната была насквозь пропитана никотином, не убавило его восторгов.

Николас Трент отнюдь не был меркантильным человеком, а после ухода жены у него вообще не осталось желаний. И все же сейчас, любуясь сказочным видом на озеро и прислушиваясь к завораживающей тишине дома, он не мог отделаться от мысли, что попал сюда не просто так.

И в этот момент он заметил чемоданы и разбросанную одежду. Книгу в бумажной обложке,

щетки для волос. Выходит, здесь кто-то жил. И эти скромные предметы домашнего быта разрушили волшебные чары. Я в чужой спальне, подумал Николас. Почувствовав себя незваным гостем, он выскочил из комнаты, кубарем скатился по лестнице и выбежал во двор. И только оказавшись возле машины, он обернулся и на мгновение замер, чтобы запечатлеть в памяти увиденное.

Но видел он сейчас вовсе не полуразвалившийся нелепый дом. Он видел двенадцать первоклассных коттеджей с пятью спальнями, разбросанных по берегу озера. Он видел жилую застройку самой современной, можно сказать, авангардной архитектуры – место, где средний класс сможет найти спасение от городского шума, по достоинству оцененное журналом «Сельская жизнь». И вот впервые за пять лет перед Николасом Трентом забрезжило будущее.

– Расскажи мне об Испанском доме.

Небрежный тон давался Николасу с большим трудом, но у него не было выбора. Ведь никто лучше Майка Тодда, вот уже без малого тридцать лет работавшего риелтором в Бартоне, не знал истории этого объекта недвижимости.

Майк протянул Николасу бокал бренди. Они сидели, вытянув ноги, перед камином. Жена Майка, на удивление покладистая особа, предложила мужчинам немного расслабиться, пока она убирается на кухне, и тут же исчезла. И Николас понял, что больше не в силах сдерживаться.

Майк ответил ему вопросительным взглядом:

– Испанский дом? А с чего это вдруг ты им заинтересовался?

– Я свернул не в ту сторону и в результате попал на богом забытую проселочную дорогу. И меня взяло любопытство, кому принадлежит дом. Уж больно он странный на вид.

– Ты хочешь сказать, оскорбляет взор? Да уж, что там говорить, настоящая развалюха. – Майк приложился к бренди, затем задумчиво взболтал напиток в бокале.

Майк мнил себя знатоком алкоголя и в течение обеда на все лады расхваливал вино, по мнению Николаса вполне ординарное. И Николас испугался, что Майк вздумает прочесть ему лекцию о коньяке. Ведь он иногда бывает редкостным занудой.

– А он внесен в опись?

– Эта халабуда? Да нет, конечно. Когда описывали здешние дома, этот почему-то пропустили, слишком уж он далеко в лесу. Но за последние годы к нему практически не прикасались, – презрительно фыркнул Майк. – По правде говоря, место это имеет весьма занятную историю. Оно с незапамятных времен принадлежало семейству Поттисворт. Очень важное семейство в здешних краях, хотя их больше интересовало то, что вокруг: ну всякая там охота, стрельба и рыбалка, само собой. А старый Сэмюэль Поттисворт вообще лет пятьдесят не занимался домом. Он обещал оставить его моему корешу Мэтту Маккарти. Мэтт с женой много лет ухаживали за старикашкой. Но в результате дом достался последнему здравствующему родственнику. Какой-то вдове, кажется.

– Пенсионерке? – Если она уже в годах, с надеждой подумал Николас, то вряд ли ей захочется возиться с таким домом.

– Да что ты! Думаю, ей лет тридцать. Двое детей. Переехали пару месяцев назад.

– Неужели там кто-то живет?

– Да, живет, хотя один Бог знает как, – хмыкнул Майк. – Ведь дом трещит по всем швам. Причем вдова буквально увела дом из-под носа у Мэтта. Похоже, он хотел его переделать под себя. В свое время отец Мэтта много лет работал тут. Но между ним и Поттисвортами пробежала черная кошка. Мне кажется, Мэтт таким образом хотел поквитаться с этой семейкой. Ну, сам понимаешь, типа того сериала «Вверх и вниз по лестнице».

– Итак... Ну и что она собирается делать с домом?

– А черт его знает. Она явно не деревенская жительница. И вообще, я слышал, она немного... – Майк вдруг понизил голос, словно их могли подслушать, – эксцентричная. Музыкантша. Ну, ты понимаешь. – (Николас кивнул, хотя, если честно, абсолютно ничего не понял.) – Кстати, тоже из Лондона. Что-то там толкует о божественной силе огня. – Майк поднес к свету свой круглый бокал и явно остался доволен тем, что увидел. – Да что там говорить, Испанский дом – самая настоящая денежная яма. Ты можешь пустить на это дело тысячи фунтов – и все без толку. И тем не менее бедный старина Мэтт был жутко разочарован, когда ему ничего не обломилось. Фатальная, просто пагубная одержимость недвижимостью. Он принял все слишком близко к сердцу, и в этом его ошибка. Ведь я, как риелтор, дал ему здравый совет: «Всегда найдется другой объект недвижимости». И ты, Николас, знаешь это не хуже других. Кстати, а как там дела на лондонском рынке?

– Ты абсолютно прав. Всегда найдется другой объект недвижимости, – эхом откликнулся Николас, сжав обеими руками бокал.

Все его мысли сейчас были заняты Испанским домом.

Смешение ароматов духов восьми разных фирм в натопленной гостиной вызывало тошноту. Лора чуть-чуть приоткрыла окно, хотя на дворе было не по-весеннему холодно. Семь дам, примостившись на стульях, расположились вокруг хозяйки дома; кто-то сидел, поджав под себя ноги в чулках, кто-то держал на коленях чашечку с кофе.

– Поверить не могу, что только она одна оказалась не в курсе. Об этом знали буквально все в школе.

– Тем более что осторожным его точно не назовешь. Джеральдина видела, как он целовал ее на парковке для персонала. Это ведь церковно-приходская школа, и такое поведение вряд ли послужит хорошей рекламой шестой заповеди, – громогласно произнесла Аннет Тимоти, вытянув жилистую шею.

– Полагаю, ты имела в виду седьмую заповедь, – внесла ясность Мишель Джонс. – Шестая – это про убийство.

– Уж если директор церковно-приходской школы не может служить образцом для подражания, тогда кому вообще верить? – продолжила Аннет. – В любом случае одному Богу известно, что теперь будет с бедной старушкой Бриджит. Она сейчас натуральная развалина. Хотя, положи руку на сердце, если бы она хоть изредка пользовалась губной помадой, он, возможно, не отбил бы от рук...

– После последней беременности она здорово прибавила в весе.

Лора перестала следить за ходом беседы. Вследствие врожденной порядочности или, возможно, руководствуясь сугубо личными мотивами, она редко принимала участие в подобных разговорах, а также в обсуждениях местных скандалов, что было любимым занятием в Литл-Бартоне. Лора критически оглядела свою опрятную гостиную, в очередной раз испытав чувство удовлетворения от безупречного убранства комнаты. В китайской вазе пионы смотрелись просто бесподобно. Вазу в свое время подарили ее родители. Когда-то она стояла на каминной доске в родительской библиотеке. Лора собиралась поставить туда лилии, но отказалась от них из-за слишком резкого запаха.

Мэтт никогда не замечал подобных вещей, разве что иногда, когда она устраивала демонстрацию протеста, или забастовку, как она это называла. Однажды он три раза подряд слишком поздно вернулся домой, и она постаралась, чтобы у него не было чистых носков. А еще она не стала записывать его любимую телевизионную программу. И этого оказывалось вполне достаточно, чтобы на следующее утро он укоризненно качал головой и бормотал себе под нос, что не понимает, куда катится наш мир. Вот так оно все и будет, если ты останешься без меня, недвусмысленно намекала ему Лора. Твой мир, который ты так любишь и к которому привык, уж точно рухнет.

– Лора, а во сколько ты просила ее прийти?

Лора снова переключилась на своих гостей. Она увидела, что у Хейзел практически пустая чашка, и поднялась с места заварить еще кофе.

– От десяти до половины одиннадцатого.

– А сейчас уже почти одиннадцать! – возмутилась Аннет.

– Может, она заблудилась, – ухмыльнулась Мишель.

– В трех соснах? Я так не думаю. – Всем своим видом Аннет однозначно давала понять, что именно она думает. – Не слишком-то вежливо, а?

Лора вообще сомневалась, что гостя придет.

– Утренний кофе? – удивилась Изабелла Деланси, когда два дня назад Лора появилась у нее

на пороге.

– Просто несколько соседок. Здесь мало у кого есть дети. Одним словом, дамы просто хотят вас поприветствовать.

Очень странно было видеть кого-то еще в доме мистера Поттисворта, в их доме; более того, Лора не могла оторвать взгляд от халата новой хозяйки дома. Почти половина десятого утра, да и день не воскресный, а миссис Деланси щеголяла в желтом шелковом мужском халате, волосы были в таком диком беспорядке, словно к ним неделями не прикасалась щетка. Она, похоже, только что плакала, хотя, возможно, просто веки опухли со сна.

– Спасибо, – после минутного молчания ответила миссис Деланси. – Это... очень любезно с вашей стороны. И что мне надо делать?

За ее спиной виднелась сушилка для белья, увешанная сырой жеваной одеждой. Причем все вещи были розоватого оттенка, словно их постирали с линяющими красными носками.

– Делать?

– За утренним кофе. Вы хотите, чтобы я вам сыграла, да?

Лора растерянно заморгала:

– Сыграла? Нет, приходите просто так. Без лишних церемоний. У нас все очень неформально. Просто это наш способ знакомиться с новыми людьми. Мы тут живем довольно замкнуто.

Миссис Деланси задумчиво посмотрела на полуразрушенные дворовые постройки, на потемневшее озеро, и в душу Лоры закралось нехорошее подозрение, что ее собеседнице все это нравится.

– Спасибо, – наконец произнесла миссис Деланси. – Очень мило с вашей стороны, что вы обо мне подумали.

Лора не хотела ее приглашать. И хотя Лора скрывала от Мэтта свои чувства – ведь бессмысленно переживать из-за того, что не в силах изменить, – она ненавидела новую хозяйку дома почти так же сильно, как и он. А то, что женщина была из Лондона и ни черта не смыслила в здешней жизни, еще больше усугубляло ее неприязнь. Но Мэтту вдруг приспичило, чтобы она подружилась с новой соседкой.

– Вытащи ее из дому. Постарайся с ней сблизиться, – уговаривал он Лору.

– Но возможно, мы друг другу даже не понравимся. Кузены говорили, что она чуть-чуть... другая.

– Она совершенно нормальная. И у нее есть дети. Это должно нас сблизить. А как насчет noblesse oblige?^[3]

– Мэтт, я тебя не понимаю, – сопротивлялась Лора. – Буквально до прошлой недели ты и слышать о ней ничего не желал, а теперь хочешь, чтобы мы подружились.

– Доверься мне, Лора. – Он улыбнулся ей, и она увидела озорные искорки в его глазах. – Все это должно сработать.

Доверься мне, думала она, заваривая кофе. Сколько раз ей приходилось это слышать?

– Как думаешь, она хоть немножечко представляет себе, во что ввязалась? Мишель, будь добра, передай мне это чудное печенье. Нет, я хочу шоколадное. Спасибо.

– Дом в ужасающем состоянии. Ну, Лора уж точно знает. Лора, ты ведь сама говорила, что он в ужасающем состоянии, разве нет?

– Говорила. – Лора поставила на кофейный столик поднос и убрала пустую чашку.

– Я даже не вполне уверена, что и вам удалось бы хоть что-нибудь с ним сделать. Такое странное место. И вообще, дом стоит на отшибе, в лесной чащобе. Лора, из твоего коттеджа хотя бы видна дорога.

– Возможно, у нее есть деньги. По-моему, преимущество подобных смелых предприятий

в том, что, по крайней мере, не надо ничего сохранять. И можешь дать волю фантазии. Построить дом хоть весь из стекла.

– Лично я в первую очередь снесла бы дворовые постройки. Они ведь все равно рано или поздно вконец развалятся. А это небезопасно, если в доме дети.

Полли Киз еще не успела открыть рот, а Лора уже знала, что та скажет.

– Лора, неужели тебе все равно? Ты столько ишачила на этого отвратительного старикашку, а дом в результате так и не получила. По-моему, с твоей стороны очень благородно пригласить ее сюда.

Лора была морально готова к подобному повороту.

– Ой, да что ты! – солгала она. – Я никогда особо не зацикливалась на Испанском доме. Вот у Мэтта действительно были на него виды. Ты же знаешь, сколько у него всяких проектов. Для него этот дом был вроде чистого листа, на котором можно нарисовать что угодно. Сахар кому-нибудь нужен?

Аннет поставила чашку на блюде:

– Ты такая хорошая. Вот я, когда упустила дом приходского священника, выла чуть ли не целую неделю. Я там знала практически каждый дюйм. И много лет терпеливо ждала его. Но он был продан на закрытых торгах, агенты сказали нам, что прежние хозяева стоворились с Дюрфордами, хотя мы предлагали даже большую цену. Ну и что нам оставалось делать? Конечно, теперь мы вполне счастливы и в нашем доме, особенно после того, как его расширили.

– Мне кажется, мистер Поттисворт поступил с тобой довольно подло, – фыркнула Полли. – Он должен был хоть что-нибудь тебе оставить. Ведь ты была так добра к нему.

Господи, ну сколько можно мусолить одну и ту же тему!

– На самом деле он оставил нам какую-то ерунду, кое-какую мебель. Мистер Поттисворт обещал нам ее много лет назад. Она пока еще в гараже. Мэтт хочет сперва обработать ее от древоточца.

Речь шла о дешевом старом бюро, в данный момент дипломатично накрытом одеялом. Мэтту бюро было не нужно, Лора считала его безобразным, но Мэтт сказал, что будь он проклят, если отдаст этой женщине хоть что-нибудь, ей не принадлежащее.

– Мэтт собирается потом туда сходить. Поможет ей определиться с ремонтными работами. Ведь он знает этот дом как свои пять пальцев.

– Ну, с учетом всех обстоятельств очень благородно с вашей стороны так ее привечать. Ай – тс! – кажется, в дверь звонят! – взволнованно воскликнула Полли.

– Девочки, постарайтесь особо не распространяться на тему своих мужей. По словам Кузенов, она овдовела совсем недавно... – приказала Аннет и, подумав, добавила: – Хотя ты, Нэнси, про своего, так и быть, можешь говорить. Ведь ничего хорошего ты о нем все равно не скажешь.

Изабелла Деланси вошла в душную комнату, моментально ощутив себя под прицелом восьми пар глаз. И во взглядах присутствующих здесь дам она прочла, что они осведомлены о ее вдовстве, находят ее одежду слишком эксцентричной и вообще осуждают ее за опоздание. Ей даже в голову не могло прийти, что столь короткое молчание может красноречивее всяких слов говорить о всеобщем осуждении. И – о ужас! Ее темно-красные замшевые сапоги были покрыты толстой коркой грязи.

– Ой! – воскликнула она, заметив, что оставляет за собой цепочку грязных следов. – Простите, ради бога.

Застыв на месте, она попыталась снять сапоги, но ее остановил дружных хор голосов.

– Ну что вы! Не стоит беспокоиться.

– На то и существуют пылесосы.

– Вы бы видели, какую грязь разводят мои дети!

Итак, Изабеллу уговорили остаться в сапогах, хотя большинство женщин переодели обувь, провели к свободному креслу и предложили сесть. Она неуверенно улыбнулась, поскольку уже успела понять, что совершила трагическую ошибку, не отклонив приглашение.

– Кофейку? – улыбнулась ей Лора Маккинли.

– Благодарю, – отозвалась Изабелла. – Если можно, черного. И без сахара.

– А мы уж тут гадали, придете вы или нет. – К ней обратилась преждевременно поседевшая высокая женщина с длинной шеей. Ее слова прозвучали как обвинение.

– Я репетировала. И, боюсь, немного увлеклась, потеряв счет времени. Прошу прощения, – повернулась к Лоре Изабелла.

– Репетировали? – Женщина с длинной шеей подалась вперед.

– Играла на скрипке.

– Как мило. Моей Саре очень нравится учиться игре на скрипке. Ее учитель говорит, мы должны подумать о том, чтобы она сдала специальный экзамен. Миссис Деланси, а как насчет вас? Как долго вы уже учитесь?

– Я... На самом деле я зарабатываю этим на жизнь.

– Ой, как здорово! – обрадовалась женщина, чуть пониже ростом говорившей. – Дебора безумно хочет научиться играть на скрипке. Вы не дадите мне свой номер телефона?

– Я не даю уроков. Я играла в Лондонском симфоническом оркестре.

Дамы явно не ожидали, что у нее могла быть профессиональная карьера. И на мгновение даже лишились дара речи.

– А дети у вас есть?

– Двое. – (Боже, как же тут жарко!) – Девочка и мальчик.

– А ваш муж? – Вопрос одной из дам был встречен негодующими взглядами остальных.

– Он умер в прошлом году. Погиб в автомобильной катастрофе.

– Примите мои соболезнования, – сказала дама, задавшая бестактный вопрос. – Это так ужасно.

И по комнате пробежали сочувственные шепотки.

– Вы, наверное, очень отважная женщина, если решили начать жизнь заново в нашей глуши.

– Здесь очень хорошо растить детей, – возразил кто-то. – И прекрасная школа.

– А как они отнеслись к переезду? Ведь в таком большом доме и потеряться немудрено, да и работы непочатый край...

Они явно рассчитывали, что вот тут-то она и расколется. Если бы она призналась, какая жуткая развалюха ее дом, как несчастны ее дети, как она сама страдает, причем не только из-за утраты мужа, но и из-за собственного опрометчивого решения, взгляды собравшихся здесь дам, возможно, стали бы менее колючими. Они, скорее всего, посочувствовали бы ей и предложили бы руку помощи. Но Изабелла решительно не желала плакаться в чужую жилетку.

– О, они вполне счастливы. Мы прекрасно тут обживаемся. – Своим тоном Изабелла ясно давала понять, что вопрос исчерпан.

В комнате повисло неловкое молчание.

– Ладно, – произнесла седовласая женщина. – Очень хорошо. В любом случае добро пожаловать в нашу деревню.

И когда Изабелла поднесла чашку к губам, ей на секунду показалось, будто по лицу Лоры Маккарти пробежала тень. Странная заминка – и Лора ответила на улыбку Изабеллы еще более широкой улыбкой.

Байрон Ферт, держась обеими руками за металлическую трубу, с размаху опустил ее на столб для забора и, почувствовав отдачу в плече, загнал деревяшку на место. Он уже успел вогнать двадцать два столба, затем он обмотает их проволокой, чтобы обозначить границы участка Мэтта Маккарти. Конечно, с помощью специальной техники эту работу можно было бы сделать в десять раз быстрее, но Мэтту не хотелось тратиться. Он платил Байрону еженедельное жалованье, а потому не видел смысла в лишних расходах. Пусть Байрон попотеет, пока все не закончит. Земля была промерзшей, ветер по-зимнему пронизывающим, а значит к вечеру у Байрона будет ломить спину и плечи. Однако в доме вечно торчал бойфренд его сестры, значит горячая ванна Байрону явно не светила.

Она съезжает через четыре недели, сообщила сестра Байрону. Они с Лили переезжают в дом Джейсона на другом краю деревни.

– Ты ведь понимаешь, мы не можем оставаться здесь вечно, – сказала она извиняющимся тоном. – У Лили слабые легкие, а здесь такие сырые стены. По крайней мере, ты снова нашел работу. И наверняка снимешь новое жилье.

– Не волнуйся. Со мной все будет в порядке, – ответил он.

Байрон умолчал о том, что арендная плата за самый маленький коттедж из всех сдаваемых внаем была вдвое больше той суммы, что платил ему Мэтт. Хозяин квартиры, которую он мог себе позволить, категорически запретил держать собак, а Мег со дня на день должна была оценить себя. Парень из жилищного департамента практически рассмеялся Байрону в лицо, когда тот попытался встать на учет. Ведь Байрон, будучи трудоспособным одиноким мужчиной, не получающим пособия по безработице, не имел здесь ни малейшего шанса. С тем же успехом он мог бы искать жилье, читая объявления в журнале «Сельская жизнь».

– Я бы предложила тебе переехать с нами. Но, по-моему, Джейсону хочется начать новую жизнь только со мной и Лили...

– Расслабься, Джан. Он прав. Вы должны попытаться создать семью. – Байрон обнял сестру за плечи. Ему даже не хотелось думать о том, как он будет скучать по племяннице, по привычному хаосу их повседневной жизни. – Лили не помешает иметь рядом папу.

– Ты теперь в полном порядке... так? Ведь сейчас, когда все... утряслось и ты смыл это позорное пятно...

– Все отлично. Я уже большой мальчик и смогу за собой присмотреть, – вздохнул Байрон.

– Не сомневаюсь. Просто я за тебя в ответе...

– Ты никогда не была за меня в ответе. – Он поймал ее взгляд, но ни один из них не решился выразить словами то недосказанное, что повисло между ними в воздухе.

– Что ж, будешь по воскресеньям приходить на ланч. А я специально для тебя буду готовить хорошее жаркое. Договорились?

Бамс! Он в очередной раз опустил металлическую трубу, вогнав столб в землю, и прищурился от слепящих лучей солнца. Он уж начал было подумывать о том, чтобы переехать в другой район, туда, где арендная плата растет не так быстро. Но, судя по объявлениям в сельскохозяйственных журналах, для управления земельными угодьями приглашались лишь квалифицированные кадры с профильным образованием. А потому у Байрона не было ни единого шанса победить в соревновании с такими специалистами, особенно учитывая его прошлое. В принципе, он хорошо знал здешние земли, и тут у него остались кое-какие связи. И вообще, лучше уж работать на Мэтта Маккарти, чем вовсе не иметь никакой работы.

Байрон замахнулся в очередной раз и уже собрался было вогнать столб, но неожиданно краем глаза заметил справа какое-то движение. У живой изгороди стоял мальчик. Байрон отвлекся и – бабах! – опустил металлическую трубу прямо на большой палец. Руку пронзила такая дикая боль, что Байрон громко чертыхнулся. Собаки дружно залаяли, и, когда Байрон,

зажав пострадавший палец между коленями, поднял глаза, мальчик уже исчез.

Изабелла привыкла ходить с высоко поднятой головой, словно в компенсацию того, что ей долгие годы приходилось прижимать щекой скрипку. Но сегодня она шла по покрытой мхом лесной дорожке к своему дому, низко опустив голову. На кой черт она приняла приглашение Лоры? И к чему было пытаться найти общий язык с этими женщинами? Остаток утра прошел в дурацких пустых разговорах. Лора расспрашивала ее о детях, однако Изабелла явно разочаровала Лору, признавшись, что не умеет готовить, вести домашнее хозяйство и без бывшей няни вообще как без рук. Но, как ни странно, Изабелла отнюдь не почувствовала себя пристыженной, наоборот, в ней проснулся мятежный дух. Она заметила, довольно бестактно, что считает домашнюю работу непродуктивной тратой времени; при этих ее словах у присутствующих дам дружно отвисла челюсть, словно Изабелла только что призналась, будто питается человечинной.

– Ничего, – вздохнула одна гостья, положив ей руку на плечо. – По крайней мере, сейчас, когда вы бросили работу, вы сможете лучше узнать своих детей.

Изабелла рывком открыла дверь, которую забыла запереть. Бегом поднялась наверх и достала скрипку. Затем вернулась на кухню, единственную комнату, сохранившую остатки тепла, раскрыла ноты. И начала играть, извлекая из струн сердитые резкие звуки. Изабелла забыла о сырой кухне, о мокром белье на сушилке, о немой посуде. Она забыла о женщинах в том слишком жарко натопленном доме, о непроницаемом лице Лоры Маккарти. Сейчас она жила в мире музыке, и музыка помогала ей расслабиться.

Потеряв счет времени, она остановилась. Расправила плечи, покрутила головой, с облегчением выдохнула. Но, услышав аплодисменты у себя за спиной, подпрыгнула от неожиданности и резко повернулась.

Перед ней стоял Мэтт Маккарти.

– Простите, – сказал он. – Вы оставили дверь открытой, и мне не хотелось вам мешать.

У Изабеллы вдруг возникло странное ощущение, будто ее застучали за чем-то недостойным, и она инстинктивно схватилась рукой за шею:

– Мистер Маккарти.

– Мэтт. – Он кивнул в сторону ее скрипки. – Похоже, вы серьезно увлечены этой штукой, да?

Она осторожно положила инструмент на стул.

– Это просто то... чем я занимаюсь.

– Я тут сделал кое-какие расчеты, как вы просили. Думал, мы можем их обсудить, если у вас найдется для меня минутка.

На улице так и не потеплело, да и температура в доме не располагала к тому, чтобы снимать пальто, и тем не менее Мэтт был в одной футболке. И вообще, его манера держаться свидетельствовала о том, что ему все нипочем, а тем более холод. Глядя на его мускулистый торс, она почему-то вспомнила о Лоране и на секунду растерялась.

– Сейчас приготовлю чай, – сказала она.

– Похоже, вам так и не удалось подключить холодильник. – Он сел за стол и махнул рукой в сторону бесполезного агрегата, стоявшего с открытой дверцей.

– Здесь нет ни одного источника питания. – Она подняла окно и взяла с подоконника бутылку молока.

– Да уж. Эту кухню не модернизировали с тридцатых годов.

Пока Изабелла заваривала чай, Мэтт, достав блокнот и калькулятор, огрызком карандаша выводил столбики цифр. И когда она наконец села за стол, придвинул к ней блокнот:

– О'кей, это первоначальный этап работ, по моему разумению. Вам необходимо привести

в порядок крышу. Ее следует полностью перекрыть, но прежде нужно сделать гидроизоляцию. Вместе с материалами для ремонта это обойдется вам примерно в... – Мэтт задумчиво побарабанил по блокноту. – С внутренними работами дело обстоит куда хуже. Здесь тоже потребуется полная гидроизоляция. Полы в гостиной и столовой не мешало бы перебрать, под ними наверняка завелась сухая гниль. По крайней мере восемь окон нуждаются полной замене, а остальные – в частичной. Ну, рамы там и все прочее. А еще электричество. В целях безопасности придется полностью заменить проводку. – (Изабелла изумленно смотрела на цифры.) – Кроме того, я обнаружил парочку конструктивных проблем. Задняя часть дома немного гуляет. Возможно, надо будет укрепить фундамент. Хотя можно срубить парочку деревьев у задней стены и подождать. Может, и обойдется. Это будет стоить... – Он присвистнул сквозь зубы. Затем ободряюще улыбнулся. – Знаете что, давайте сейчас об этом не будем.

Голос Мэтта становился все тише. Что было неправильно. Изабелле хотелось расставить точки над «і».

– Но вы еще ничего не сказали о горячей воде и центральном отоплении. Нам нужна действующая ванна.

Мэтт откинулся на спинку стула:

– Ах да, система горячего водоснабжения. *Piece de résistance*^[4]. Вы, конечно, знаете, что она никуда не годится. Мощности системы явно не хватает для устойчивого обеспечения теплом и горячей водой. Требуется замена половины труб, а еще новый бойлер и радиаторы отопления. Боюсь, с учетом размеров дома работа предстоит грандиозная. Здесь нужна решительность. – (У Изабеллы больно сжалось сердце. Одна только система горячего водоснабжения съест практически все деньги, оставшиеся после продажи дома в Мейда-Вейл.) – Послушайте, если хотите, можете узнать расценки у других подрядчиков, – словно почувствовав ее озабоченность, произнес Мэтт. – Вам лучше сравнить цены. Я на вас не обижусь. У меня и так полно работы. – Он решительно взъерошил волосы. – Хотя не думаю, что у кого-нибудь выйдет дешевле.

– Нет, – слабым голосом отозвалась Изабелла. – И в любом случае я не знаю, где искать других людей. Итак... давайте в первую очередь сделаем самые неотложные вещи, а об остальном подумаем позже. Мы можем вполне обойтись без центрального отопления.

Мэтт ответил ей сдержанной улыбкой:

– Миссис Деланси, здесь все вещи неотложные. Я даже не говорю о замене деревянных частей, новых потолках, штукатурных и отделочных работах... – Он покачал головой. – В этом доме вряд ли найдется хоть одна комната, не нуждающаяся в ремонте.

Несколько минут они сидели в гробовой тишине. Изабелла судорожно пыталась осмыслить значение этих цифр.

– Я вас слегка ошарашил, да? – наконец нарушил молчание Мэтт.

Изабелла медленно перевела дыхание.

– Такими вещами всегда занимался мой муж, – призналась она.

Она представила Лорана, просматривающего колонки цифр, задающего вопросы. Он, как никто другой, умел улаживать подобные дела.

– Даже если бы он был сейчас с вами, это ничего бы не изменило. Слишком крупный проект, – сказал Мэтт. – Уж кому-кому, а мне на своем веку довелось повидать немало подобных объектов. Когда вы покупаете такой запущенный дом, то работы всегда непочатый край. Я бы сказал, это все равно что красить мост через Форт. – (Изабелла закрыла глаза. Ей казалось, что все это происходит не с ней.) – Я просто обязан был вас предупредить. Дом в весьма плачевном состоянии. И вы должны серьезно подумать, сколько денег хотите в него вложить. – Мэтт не смотрел ей в глаза. Уж больно щекотливая тема. – Я хочу сказать, что не знаю вашего финансового положения, – продолжил он. – Более того, вы должны обдумать, хватит ли у вас

сил. Конечно, основное бремя забот я возьму на себя, но вам тоже придется принять участие. И если вы не отличаетесь особой практичностью...

Ведь всегда можно уехать, подумала Изабелла. Можно выставить Испанский дом на продажу и покинуть эти места. Почему бы не снять маленькую квартирку в Лондоне? И разве плохо вернуться к привычному образу жизни?

Верхушки деревьев едва заметно подрагивали на фоне серого неба. Изабелла неожиданно представила, как Тьерри, размахивая палкой, идет по саду. Ее скрипка лежала рядом. Слишком дорогая, слишком блестящая и совершенно неуместная на этой обшарпанной кухне. Ее единственная связь с прежней жизнью.

– Нет! – отрезала она. – Я не могу снова срывать детей с места. В их жизни и так было слишком много потрясений. Деваться некуда, придется отремонтировать дом. – Мэтт пожал плечами. Голос Изабеллы внезапно окреп. – Мы сделаем самые неотложные работы. Если этот дом простоял больше века, то на нашу жизнь его точно хватит. – И она выдавила слабую улыбку.

Лицо Мэтта оставалось непроницаемым.

– Вам решать, – бросил он, барабаня карандашом по столу. – А я, со своей стороны, постараюсь по возможности урезать расходы.

Следующие двадцать минут он потратил на то, чтобы обойти дом с рулеткой, делая записи по ходу дела. Изабелла попыталась было продолжить репетировать, но присутствие Мэтта мешало ей сконцентрироваться. Звуки его шагов и небрежное посвистывание сбивали с ритма и заставляли ошибаться. В результате она спустилась в столовую, где и застала Мэтта за изучением дымохода.

– Мне нужно взять лестницу, забраться наверх, чтобы осмотреть вот эту штуковину, – сказал Мэтт. – Думаю, дымовая труба развалилась от старости. Но ничего страшного, – добавил он. – Работа пустячная. Мы можем просто заменить свод. За это я с вас денег не возьму.

– Вы очень добры. Спасибо, – улыбнулась Изабелла.

– Ладно. Пожалуй, съезжу за материалами. – Мэтт кивнул в сторону окна. – Ну что, вам понравилось у нас дома?

Надо же, Изабелла совсем забыла, что Лора – жена Мэтта.

– О-о... – сказала она, спрятав руки за спину. – Очень мило со стороны Лоры пригласить меня в гости. – Спыхватившись, она поняла, что в ее голосе не слишком-то много энтузиазма.

– Настоящее испытание, да? Общение с нашими домохозяйками.

– Кажется... я не оправдала их ожиданий, – покраснела Изабелла.

– Не берите в голову. Они только и умеют делать, что сплетничать. Да за соседями подглядывать. Я уже не раз говорил Лоре, что нечего ей с ними водиться. – И, уже стоя в дверях, Мэтт добавил: – Расслабьтесь. Завтра я приду прямо с утра. Если успеете освободить столовую, перво-наперво займусь полами. Посмотрим, что там внизу.

– Спасибо, – сказала Изабелла.

Она испытывала к Мэтту необъяснимую благодарность. А ведь поначалу его присутствие ее здорово нервировало. Но теперь она поняла, что, наверное, зря волновалась.

– Эй! – помахал он ей уже на ступеньках. – На что тогда нужны соседи?

Нет на земле места тоскливее, чем пустая двуспальная кровать. Лунный свет, проникший через окно, падал светлым пятном на потолок. Изабелла лежала в кровати, прислушиваясь к умиротворяющему дребезжанию оконных стекол в рамах, к голосам диких животных в лесу. Она давно перестала пугаться этих криков, и тем не менее они усиливали стойкое ощущение, что она сейчас единственный человек во всем мире, который не может сомкнуть глаз.

Уже лежа в постели, Изабелла вдруг услышала тихие всхлипывания. Она встала, надела халат и поспешила в комнату Тьерри. Мальчик лежал, накрывшись с головой, и, сколько она ни упрашивала, ни за что не соглашался открыть лицо.

– Поговори со мной, дорогой. Ну пожалуйста, поговори со мной, – умоляла она, но Тьерри упрямо молчал, хотя и без слов все было ясно.

Изабелла обняла его за плечи, дрожащие от едва сдерживаемых рыданий, и сидела так до тех пор, пока его слезы не смешались с ее. В конце концов она прилегла рядом, прижавшись к спине сына. Когда Тьерри наконец уснул, она отодвинула одеяло с его лица, поцеловала в щеку и неохотно побрела по шатким ступенькам к себе в спальню.

Она стояла босиком, ощущая подошвами ног шершавые доски пола, и любовалась садом, окутанным рассеянным лунным светом. Деревья вдали превратились в багровую бездну. Стены и колонны прятались в полумраке. Что-то темное перебежало через дорогу, юркнув в черноту. И неожиданно она увидела его. С курткой, переброшенной через плечо, он вышел из-за деревьев и неожиданно исчез, словно призрачная игра воображения.

– Лоран, – прошептала Изабелла. Зябко кутаясь в халат, она залезла в холодную постель. – Вернись ко мне.

Она попыталась представить, как он ложится рядом с ней: матрас прогибается под тяжестью тела, скрипят пружины, его рука покоится у нее на талии. Ее руки казались ей слишком миниатюрными и тонкими на фоне тяжелого шелка халата, а их прикосновения – чересчур легкими и невесомыми. Она остро чувствовала пустоту рядом с собой, холод соседней подушки. Тишину комнаты нарушало лишь ее собственное тяжелое дыхание. Неожиданно она представила Мэтта в домике у развилки дороги; его мускулистое тело прижимается к телу Лоры, а Лора сладко улыбается во сне. И все пары в округе дышали одной грудью, шептались друг другу ласковые слова, обмениваясь нежными прикосновениями. Никто и никогда больше не обнимет меня, думала она. Никому и никогда я не смогу подарить наслаждение, как в свое время дарила ему. И Изабеллу вдруг накрыло такой сильной волной желания, что она задохнулась.

– Лоран, – шептала Изабелла в темноту, слезы струились по щекам из-под опущенных век. – Лоран... – Она извивалась на шелковых простынях, пытаясь извлечь музыку из своего тела, которое отказывалось ее слышать.

А далеко в лесу Байрон, услышав, что его терьерша Элси носится в зарослях как оголтелая, решил подозвать ее к себе. Он поднял фонарь, направив луч под ноги, спугнув невидимых в темноте лесных обитателей. Парни из паба болтали, будто браконьеры ставят в этой части леса капканы. Байрон знал, что его смышленная собачонка вряд ли угодит в засаду, но решил от греха подальше убрать ловушки, дабы уберечь от опасности кого-то еще. Невозможно смотреть, как попавшие в капкан лиса или барсук отгрызают себе лапу, пытаясь освободиться. Ну и вообще, лучше уж бродить с собаками по лесу, чем куковать в одиночестве в пустом коттедже, с тоской думая о будущем.

Внезапно ночную тишину нарушил звонок мобильного, и Байрон, свистнув Элси, которая послушно уселась у его ног, достал телефон из кармана.

– Байрон. – Мэтт считал ниже своего достоинства представляться, словно считал, будто имеет право распоряжаться Байроном в любое время дня и ночи.

– Да?

– Ты закончил со столбами?

– Да, – потеряв шею, ответил Байрон.

– Хорошо. Тогда завтра поможешь мне разобрать пол в столовой Испанского дома.

Байрон на секунду задумался.

– В столовой? Но ведь во всем доме только эта комната в более-менее приличном состоянии.

Недаром в деревне любили шутить, что у Поттисворта единственная целая комната – именно та, которой он не пользовался годами.

После многозначительной паузы в трубке снова раздался голос Мэтта:

– Интересно, а с чего ты это взял?

– Ну, когда я там бывал...

– Байрон, кто у нас строитель? Ты или я? Ты что, так хорошо разбираешься в сухой гнили? Досконально изучил вопрос, когда бывал в доме?

– Нет.

– Жду тебя там завтра в восемь тридцать. И когда мне в следующий раз понадобится твой совет по ремонтным работам, я непременно его попрошу.

В лесу, куда не попадал узкий луч фонаря, было не видно ни зги. Кромешная тьма.

– Вы босс, – сказал Байрон.

Он захлопнул телефон, засунул его в карман и, тяжело ступая, зашагал в чащобу.

Китти сидела в жестяной ванне, подтянув колени к груди и откинув голову на сложенное ручное полотенце, которое пристроила сзади. Полотенце уже успело насквозь промокнуть, но это был единственный способ расслабиться, не свернув себе шеи. А еще надо было подбирать ноги, чтобы они не свешивались с края ванны, нарушая циркуляцию крови. На полу лежал кипятильник, чтобы подогревать моментально остывавшую воду и не трястись от холода все двадцать минут, пока моешься. Мама ругала ее почему зря, говоря, что, учитывая состояние дома, не ровен час – и она убьется электрическим током, но, по мнению Китти, игра стоила свеч.

Услышав шум мотора за окном, девочка поняла: пора приступать к утомительной процедуре сливания воды, поскольку жестяная ванна была, естественно, наполнена до краев. А еще она не слишком доверяла сливному отверстию; более того, необходимость ломать спину, осторожно наклоняя жестяную ванну над чугунной, отбивала всякое желание наполнять ее снова. Внизу послышался голос Мэтта, и Китти поспешно завернулась в полотенце. Мэтт что-то там говорил насчет завтрака, просил маму сварить кофе, смеялся шуткам, которые Китти не расслышала.

Людям, как правило, не слишком нравилось присутствие в доме строителей. Китти прекрасно помнила, как матери некоторых учеников в ее прежней школе жаловались на пыль и грязь, на цены и общий разгром. По их словам, это было суровое испытание, которое очень сложно пережить. Типа хирургической операции.

И вот прошло уже десять дней с начала ремонта в их доме, но, несмотря на хаос, опасную для жизни раскуроченную лестницу, оглушительный стук молотков и надрывный треск отрываемых балок или половиц, Китти была в восторге от происходящего. Она радовалась возможности снова оказаться в окружении людей, так как ей до смерти надоело общество только мамы, вечно где-то витавшей, или Тьерри, из которого в любом случае вообще слова не вытянуть.

Мэтт Маккарти болтал с ней, как со взрослой, а его сына она знала по школе. Она стеснялась заходить в комнату, когда там был Энтони, поскольку в его присутствии краснела и терялась. Ей ужасно не хватало старых подруг: уж они бы точно сказали, действительно ли он такой привлекательный, или это просто ее пустые фантазии.

Когда Мэтт впервые пришел вместе с сыном, Китти было безумно неловко за этот жуткий дом, ведь он мог подумать, будто они так жили всегда. Ей хотелось сказать: «Знаешь, а ведь раньше мы жили в нормальном доме. С холодильником». Мама держала скоропортящиеся продукты в маленьких корзиночках за кухонным окном, на каменном козырьке, чтобы до них не добрались лисы, а фрукты – в сетках для апельсинов, подальше от мышей. С одной стороны, Китти это даже нравилось, потому что снаружи их дом напоминал этакий домик-пряник, а с другой – она чувствовала себя униженной. Ведь кто, кроме них, вывешивает продукты за окно? А еще она боялась, что Энтони растрезвонит обо всем в школе и над ней будут смеяться, но он, слава богу, держал язык за зубами.

А на прошлой неделе Мэтт, узнав, что они учатся в одной школе, сказал:

– Сынок, почему бы тебе как-нибудь не пригласить Китти погулять? Ты мог бы свозить ее в город, показать местные красоты.

Вот так запросто. Словно само собой разумеющееся. Энтони пожал плечами, типа пожалуйста, хотя она вовсе не была уверена, действительно ли он не против или просто боится перечить отцу.

– Спорим, после Лондона жизнь здесь тебе кажется немного тусклой, – сказал Мэтт, когда она принесла им по кружке чая, словно считал, будто она только и делала, что ходила по клубам

или вроде того.

Энтони удивленно поднял брови, в очередной раз вогнав Китти в краску.

Байрон, которого она видела только первые два дня, поскольку потом он больше не приходил, занявшись своими обычными делами, практически не открывал рта. Он явно чувствовал себя не в своей тарелке, точно не привык сидеть в четырех стенах. Ростом даже повыше Мэтта, Байрон обладал вполне привлекательной внешностью, однако почему-то никогда не смотрел в глаза собеседнику.

– Байрон у нас известный трепач. Верно, приятель? – обычно шутил Мэтт, но Байрон явно не находил шутку смешной.

Мама по-прежнему была точно натянутая струна. Ей не нравилось, что у строителей вечно работало радио. И вообще, она не любила поп-музыку, а папа в свое время утверждал, что поп-музыка сродни загрязнению атмосферы, но мама не решалась попросить их убавить звук. Маме пришлось переехать из хозяйской спальни, нуждавшейся в серьезной перестройке, в крошечную комнату, и репетировать она теперь уходила на крышу – единственное место, где, по ее словам, было тихо. И когда до Китти доносилась сверху мамина музыка, а снизу – радио Мэтта Маккарти, девочке казалось, будто между взрослыми идет своеобразное соревнование.

Тьерри, казалось, ничего не замечал. После школы он до вечера пропадал в лесу, и мама велела оставить его в покое. Китти попыталась было припереть Тьерри к стенке, чтобы выяснить, чем он там занимается, но брат просто-напросто передернул плечами. И Китти наконец поняла, почему папу с мамой всегда раздражал этот его жест.

А этажом выше Мэтт Маккарти развернул чертежи дома, которые Свен сделал для него еще восемнадцать месяцев назад, и поднес их поближе к окну на лестничной площадке, пытаясь решить, использование каких именно деталей тщательно продуманной реновации будет оправданно. Некоторые вещи, типа расширения задней части дома, были на данный момент невозможны, но другие, например перенос ванны, переделка хозяйской спальни и замена окон на верхнем этаже, вполне вписывались в текущие ремонтные работы. Что-либо начинать на кухне, пока не получено согласие на расширение дома, было абсолютно бессмысленно, но у него и без конструктивных изменений хватало дел. Ведь, если серьезно, фронт ремонтных работ, причем работ масштабных, и так займет несколько месяцев.

Он вдохнул знакомый запах старого дома, внезапно почувствовав благодарность судьбе за такой поворот событий. Работать здесь – одно удовольствие. В этих ветхих стенах он снова ощутил себя хозяином жизни, а также всего того, что у него увели прямо из-под носа.

Он скрутил чертежи, осторожно положил их в картонный тубус и, увидев на верхней ступеньке Байрона, поспешно убрал тубус в вещевой мешок. Для человека такой крупной комплекции Байрон двигался слишком уж бесшумно, на взгляд Мэтта.

– Ну, – сказал Байрон, – с чего сегодня начнем?

– Хороший вопрос. На который есть миллион возможных ответов.

– И как продвигается ремонт? – Асад полировал яблоки мягкой тряпочкой, которую сжимал темными длинными пальцами. Китти сидела на ящике возле холодильника, прихлебывая чай. – Насколько мне известно, мистер Маккарти бывает у вас чуть ли не каждый день.

– И его сын. А еще Байрон. Правда, он приходит реже.

– Ну и как, дела налаживаются? Вам там уже комфортнее?

– Я бы так не сказала. – Китти принялась. Генри пек оливковый хлеб, от которого исходил сказочный дух. И Китти надеялась, что не останется без угощения. – Они уже ободрали весь дом изнутри.

– Насколько мне известно, там и сохранять-то особо нечего. – Появившийся рядом Генри осторожно положил две буханки в корзинку для хлеба. – Скажи, а хоть что-нибудь старинное в доме осталось?

– Я не знаю, – скривилась Китти. – Думаю, в основном пауки. Вчера вечером я обнаружила одного в ящике для носков. Такой здоровенный. Наверное, искал себе подходящую одежду.

Асад задумчиво склонил голову набок.

– А как поживает твоя мама? – спросил он с некоторым сомнением в голосе.

– Нормально. Правда, волнуется, хватит ли у нее денег. Говорит, не ожидала, что будет так дорого.

– Полагаю, Мэтт Маккарти не из тех, кто может продешевить, – фыркнул Генри.

– Ой, а мама говорит, будто он вдвое уменьшил расценки. По доброте душевной.

Генри обменялся с Асадом удивленными взглядами:

– Кто? Мэтт Маккарти?

– Она говорит, нам здорово повезло с соседями. Если бы такое случилось в Лондоне, мы непременно пропали бы. Мэтт всячески старается уменьшить расценки. – Она чуть-чуть придвинулась к корзинке с хлебом, ведь со времени завтрака прошло бог знает сколько времени.

– Угощайся. Если хочешь, можешь заплатить в следующий раз, когда будешь у нас. – Асад кивнул на буханку.

– Правда? Я завтра обязательно принесу деньги. Ужасно не хочется возвращаться назад за кошельком. Ведь мама запретила мне брать машину.

Асад покачал головой, давая понять, что все это пустяки.

– А скажи-ка нам, Китти, Мэтт... упоминал об истории дома?

Китти увлеченно отковыривала пальцем хрустящую корочку и не заметила многозначительного взгляда, который Генри бросил на друга.

– Нет, – рассеянно ответила она. – И почему все люди кругом буквально помешаны на истории?

– Значит, нет, – задумчиво произнес Асад и добавил: – Погоди, сейчас принесу пакет для хлеба.

Байрон уже с полчаса вырубал подлесок, когда наконец обнаружил, что именно привлекло внимание Элси. Собака начала вести себя беспокойно с тех пор, как на прошлой неделе оценилась его колли Мег, и Байрон отнес бесконечный скулеж Элси именно на этот счет, но сейчас, срубив молодой ясень и свалив ствол в общую кучу, он неожиданно увидел, как в кустах промелькнуло что-то голубое, и понял, отчего так волнуется собака.

Мальчик ходил за ним по пятам уже несколько дней. Когда Байрон занимался птенцами фазана, поправлял электроизгородь или прореживал лес между Испанским домом и коттеджем Мэтта, мальчик ходил за ним маленькой бледной тенью. Обычно он наблюдал за Байроном из кустов и мгновенно исчезал, как только Байрон делал попытку к нему подойти.

Байрон уже давно сообразил, кто это такой, но решил не обращать внимания на маленького соглядатая и снова занялся корнем, в котором предстояло просверлить дрелью дырки, чтобы засыпать туда селитру. Поскольку извести молодые побеги ясеня было не так-то легко, черт бы их побрал!

– Ты хочешь мне помочь? – не оборачиваясь, спокойно спросил Байрон.

В ответ тишина. Байрон, чувствуя на себе упорный взгляд мальчика, просверлил еще шесть дырок.

– Ладно. Я тоже не из болтливых, – по-прежнему не оборачиваясь, бросил Байрон и неожиданно услышал за спиной легкие шаги. – И не вздумай гладить собаку. Она сама к тебе

подойдет, когда созреет. А если хочешь помочь, собери вон те тонкие ветки. Только не перестарайся, – сказал он, увидев, что мальчик набрал целую охапку.

Байрон оттащил три молодых деревца в поле. Потом он разрубил их на дрова. Хотя какой смысл запасаться дровами, если не знаешь, где будешь жить.

Он вспомнил сложенную у амбара гору половой доски из Испанского дома. Насколько он успел заметить, доска в основном была сухой, но он хорошо усвоил урок и не стал задавать Мэтту лишних вопросов.

– Оставь это здесь, – махнул он рукой в сторону груды веток.

Мальчик с трудом протащил свою ношу по траве и сбросил ветки в общую кучу.

– Хочешь еще помочь?

Мальчик обратил на Байрона серьезный взгляд больших глаз, опущенных темными ресницами.

– Как тебя зовут?

Мальчик потупился и стал упорно смотреть себе под ноги. Элси обнюхала его кроссовки, и он вопросительно посмотрел на Байрона, а затем наклонился и погладил собаку по голове. Элси перекатилась на спину, бесстыдно выставив розовый живот.

– Тьерри, – сказал мальчик так тихо, что Байрон едва расслышал.

– Тьерри, а ты любишь собак? – не повышая голоса, нарочито небрежно поинтересовался Байрон.

Мальчик застенчиво кивнул. Элси, высунув язык, с довольным видом смотрела на него снизу вверх.

Байрон уже видел мальчишку раньше, когда помогал Мэтту с ремонтом; даже в собственном доме мальчик казался бесплотной тенью и вечно сидел перед монитором, погрузившись в компьютерную игру. Байрон и сам толком не понял, с чего вдруг решил с ним заговорить. Ведь он, Байрон, предпочитал одиночество компании других людей.

– Ну ладно. Поможешь мне вот с этим, а после спросим у твоей мамы разрешения пойти посмотреть на наших новых щенят. Ну как, идет?

Улыбка мальчика застала Байрона врасплох, и он поспешно отвернулся, испугавшись, что совершает ошибку. Ведь он был пока не уверен, готов ли отвечать за счастье этого ребенка.

– Ясный, как новый, новый день. – Это была последняя фраза, сказанная Тьерри отчетливо и без запинки.

Его голос взмыл вверх, звонкий и уверенный, заключительные слова стихотворения сопровождалась улыбкой. Он получил приз за это стихотворение и прочел его на концерте для родителей, а Изабелла, которой в кои-то веки не надо было играть с оркестром, сидела на стуле из гнutoго пластика и хлопала как сумасшедшая, время от времени удивляясь, почему соседнее место пустует. Лоран клятвенно обещал ей не опаздывать. Однако в отличие от других женщин, недовольных тем, что мужья манкируют подобными мероприятиями, она вполне спокойно отнеслась к отсутствию Лорана. Более того, она даже чувствовала тайную гордость, что хоть раз в жизни оказалась единственным настоящим родителем.

– Он очень достойно выглядел, – пробормотала Мэри, сидевшая по другую руку от Изабеллы.

– Отлично, – просияла Изабелла. – Действительно отлично.

Она поймала взгляд уходящего за кулисы Тьерри, и он помахал ей, стараясь скрыть торжествующую улыбку. Изабелла собралась было пройти за кулисы, чтобы сказать сыну, как сильно она им гордится, но из уважения к остальным выступающим, да к тому же по опыту зная, что бродящие по залу зрители нервируют артистов, решила остаться на месте. И уже потом

она горько пожалела о своем решении. Как ей хотелось повернуть время вспять и оказаться за кулисами до прихода полиции, чтобы снова услышать, хотя бы разок, как он повторяет стихотворение, которое репетировал, наверное, тысячу раз. Услышать звонкий голос восьмилетнего ребенка, который, как и все мальчишки в его возрасте, жалуется на школу, обсуждает «Звездные войны», требует конфет и громко считает дни до выходных, когда его лучший друг останется у них ночевать. Который признается ей в любви, но тихо-тихо, чтобы друзья не услышали. «Ясный, как новый, новый день». Его голос. Но вместо этого – всего несколько безжалостных слов от мрачного полицейского. Да, сказала она, вцепившись в плечо Тьерри, ее физическая оболочка, казалось, уже восприняла то, что ум отказывался понимать. Да, она миссис Изабелла Деланси. Что значит – в автокатастрофе?

– Простите, я не совсем поняла. – Изабелла стояла посреди кухни напротив мужчины, который привел Тьерри домой; руки у мужчины были в чем-то зеленом, на джемпере – куски древесной коры. – Вы, кажется, хотите, чтобы я разрешила своему сыну пойти к вам домой посмотреть на щенков, да?

– Моя сука оценилась на прошлой неделе. И Терри, – мужчина почему-то именно так произнес имя мальчика, – хочет посмотреть на собачат.

– На ваших щенков.

У Байрона потемнело лицо, он явно понял подтекст ее слов.

– Там будет моя сестра с дочерью, – угрюмо добавил он.

– Я вовсе не хотела... – покраснев, пролепетала Изабелла.

– Мальчик помогал мне работать. И я подумал, ему захочется познакомиться с моей племянницей и взглянуть на щенков. – Голос Байрона стал суровым.

– Привет, Байрон! Ты закончил?

У Изабеллы за спиной внезапно появился Мэтт, и она буквально подскочила от неожиданности. Он был из той породы мужчин, что распространяли особые, ни с чем не сравнимые флюиды.

У Байрона окаменело лицо.

– Я выкорчевал около сорока новых отростков, в основном ясеня. Тебе не мешало бы проверить, прежде чем я продолжу работу. – Он махнул рукой собаке, и та выбежала из кухни. – Я вот тут говорил миссис Деланси, что приглашаю ее сына посмотреть наш новый помет. Ну да ладно.

Изабелла видела, что Байрон в бешенстве. За те два дня, что он помогал Мэтту в доме, они практически не обменялись ни словом. Он только кивал Изабелле при встрече, а она, памятуя о перепалке по поводу ружья, не хотела напоминать ему о той истории.

Тьерри смотрел на мать умоляющими глазами.

– Что ж, я не против, – неуверенно произнесла Изабелла.

Она посторонилась, чтобы пропустить Мэтта.

– С Байроном ваш мальчик будет в полном порядке. Просто в городе пойти посмотреть на щенков означает нечто совсем другое. – Он отрывисто рассмеялся. – Так что, Байрон, на будущее советую тебе правильнее выбирать слова.

– Ну что вы, я ни на секунду не... – Изабелла прижала руки к шее. – Байрон, я вовсе не имела в виду...

– Расслабьтесь, – бросил Байрон и, опустив голову, направился к выходу. – Со щенками проехали. Мне пора. До завтра, Мэтт.

Тьерри умоляюще потянул мать за рукав, но Байрона уже и след простыл. Мальчик посмотрел туда, где только что стоял его новый друг, и, бросив на мать обиженный взгляд, опрометью выбежал из кухни. Изабелла услышала его затихающие шаги, затем сердитый стук

входной двери.

– Не верьте всему, что болтают о Байроне, – блеснул глазами Мэтт. – Он хороший человек.

Но Изабелле уже было не до чего. Протиснувшись мимо Мэтта, она вихрем взлетела по лестнице, перепрыгивая сразу через две ступеньки, и выбежала во двор. Байрон уже почти скрылся из вида.

– Байрон! – окликнула его Изабелла и повторила еще громче: – Пожалуйста! Подождите, пожалуйста!

Когда она, увязая в мокрой глине, догнала Байрона, то вконец запыхалась.

– Простите, – взмолилась она. – Я серьезно. Простите, если ненароком вас обидела. – В выражении лица Байрона она не увидела злости, скорее, нечто вроде неприятия. – Пожалуйста, разрешите Тьерри пойти с вами. – Она бессильно уронила руки. – У него сейчас сложный период. И он не слишком-то много говорит. На самом деле вообще не говорит. Но я знаю, он будет счастлив посмотреть на ваших собак.

Элси уже успела добежать до границ сада и теперь выжидающе смотрела на хозяина преданными глазами.

– Я сейчас его отыщу, – продолжила Изабелла, приняв его молчание за знак согласия. – Уверена, что найду его, если вы подождете пять минут. Есть всего пара мест, куда он мог пойти.

– В этом нет нужды. – Байрон мотнул головой в сторону дальней изгороди, где в зарослях тиса промелькнул голубой свитер. – Он по-любому решил проводить меня домой.

Лора Маккарти нанесла на стену спальни очередную, уже шестую по счету, полоску пробной краски и отступила на пару шагов. Какие бы сочетания она ни использовала, ей все не нравилось. Ни один цвет не работал. Ни один образец тканей, что она принесла домой, не подходил для штор. Даже ее любимые классические сочетания не шли и не пели. Она решила освежить их с Мэттом супружескую спальню, чтобы смягчить боль утраты Испанского дома. Но радости почему-то не было. Ведь вокруг всего-навсего их старые стены, а новым занавескам не суждено украсить огромное эркерное окно с потрясающим видом на озеро. Окно хозяйской спальни в Испанском доме.

Она хотела этот дом. Конечно, она ничего не сказала Мэтту, чтобы не сыпать соль на его раны, но у нее было такое чувство, будто у них украли Испанский дом, словно их фамильный дом оккупировал незаконно вселившийся жилец. Лора не имела привычки впадать в мелодраму, но потеря дома была для нее равносильна потере ребенка. И притворяться в присутствии товаров, будто ей все нипочем, стоило нечеловеческих усилий. Ведь она уже распланировала буквально каждый дюйм в этом доме, продумала, как извлечь максимальный эффект из каждой комнаты. Дом был бы таким прекрасным. Хотя сейчас она оплакивала даже не дом. Она оплакивала утраченные надежды на обретение нового семейного гнезда в Испанском доме.

Не сводя глаз со стены в заплатках краски, Лора со вздохом закрыла баночку крышкой и прислушалась к отдаленному стуку молотка, который ознаменовал начало мужниного рабочего дня. Последние несколько недель он пребывал в прекрасном расположении духа, хотя и казался несколько отстраненным, словно мысли его витали где-то далеко. Этим утром он вручил ей чек от этой дамочки Деланси.

– Постарайся обналичить его поскорее, пока у них не закончились деньги, – жизнерадостно произнес он.

В глубине души Лора очень надеялась, что именно эта перспектива греет ему душу, а не что-то другое.

Женщина была такой странной, такой незащитной. И явно ничего не смыслила ни в деревенской жизни, ни в ремонтных работах. Она даже не умела толком поддержать беседу.

Тогда в Лориной гостиной она, в своем эксцентричном наряде, казалась экзотической рыбой, выброшенной на сушу, и хотя Лора немного расслабилась, осознав всю глубину совершенной чужачкой ошибки, она не могла избавиться от мучившего ее вопроса: каково это – оказаться на ее месте и в одиночку тянуть двоих детей в пустом доме? Соседка казалась потерянной, но исполненной какой-то скрытой ярости, словно покажи ей палец – и она на тебя накинется. Кузены говорили, что она будто глоток свежего воздуха, но они ни о ком не отзывались плохо, даже если в глубине души считали иначе. Стоило Лоре зайти к ним в магазин, как Асад обращал на нее печальный взгляд своих карих глаз под тяжелыми веками, словно намекая на то, что ему все известно про Мэтта, отчего Лоре становилось неудобно. Асад всегда улыбался ей доброй и одновременно сочувственной улыбкой. Возможно, он и сейчас догадался, что ей не слишком хотелось приглашать Изабеллу Деланси на утренний кофе. Заглянуть к Изабелле ее тогда уговорил Мэтт – правда, в первый и последний раз. Вероятно, понял, что Лоре эта затея не по душе и она предпочитает держаться от новой соседки подальше. Ведь Лора не была ни лживой, ни коварной. И если бы миссис Деланси спросила ее мнение по поводу дома, то что, ради всего святого, она, Лора, смогла бы ей ответить?

Со стороны Испанского дома донесся приглушенный треск. Интересно, чем сейчас занимается Мэтт? Он сказал, что в конце концов дом будет нашим, подумала Лора. Эта женщина не приспособлена к тому, чтобы жить в нем. И вообще, на войне за собственность, как и в любви, все средства хороши.

Лора Маккарти поправила занавеску. Ее ждала куча неглаженого белья, а Руби, ее уборщица, не умела отутюживать складки на рубашках так, как любил Мэтт.

Тем временем весна незаметно перешла в раннее лето. Однако в Испанском доме дни тянулись томительной чередой, становясь унылой рутинной, хотя в свое время Изабелле даже в страшном сне не могло присниться, во что превратится ее жизнь. Каждое утро она отправляла детей в школу по лесной дороге, в конце которой они садились на школьный автобус. Затем, после живительной чашки кофе, она заправляла кровати, заглядывая под них в поисках завалявшихся носков, спускалась с корзиной грязного белья на кухню, к новой стиральной машине, а потом, если позволяла погода, развешивала белье на веревке на улице. Мыла посуду после завтрака, отвечала на письма, обдумывала меню на ужин для детей, затем сметала и убирала пылесосом бесконечные цепочки следов из дома и в дом.

Она наливала Мэтту и его работникам по первой из бессчетного числа кружек чая, а затем пыталась найти ответы на десяток вопросов, к которым еще не подступалась. Где установить новые выключатели? Какую осветительную арматуру выбрать? Насколько расширить этот проем? Изабелла еще никогда в жизни так не уставала, более того, она наконец поняла, какой воз домашних забот везла на себе Мэри, пока она, Изабелла, искала забвения в своей музыке. И теперь она с нетерпением ждала возможности хоть часок порепетировать, чтобы отбросить лишние мысли и вспомнить о том, что она не только домработница, но и музыкант, в конце-то концов.

Однако дети, похоже, были бесконечно счастливы получить обновленную маму. Она научилась вполне сносно готовить несколько блюд и навела относительный уют в восточном крыле, так что те комнаты, где не было строительных лесов или пластика, выглядели вполне по-домашнему. Помогала детям по мере сил с домашним заданием. И постоянно была дома.

Но вот чего дети точно не знали, так это того, что домашняя рутина вгоняла ее в дикую тоску. Стоило ей отмыть одну поверхность, как тут же пачкалась другая. Вещи, даже почти ненадеванные, почему-то оказывалась в корзинах для грязного белья, и тогда она орала на детей визгливым голосом и ненавидела себя за это. А однажды, устав до умопомрачения от развешивания очередной партии выстиранной одежды, она просто-напросто поставила корзину на землю, повернулась и, на секунду остановившись, чтобы снять туфли, вошла в озеро. Вода оказалась настолько обжигающе холодной, что у Изабеллы буквально перехватило дыхание, а когда она пришла в себя, то звонко рассмеялась, радуясь тому, что может хоть что-то чувствовать. Мэтт с сыном, находившиеся в тот момент на лесах, в изумлении наблюдали за ней.

– Это ваш способ намекнуть мне, чтобы я поторопился с ванной, да? – пошутил Мэтт, а она в ответ только кивнула, стуча зубами.

Иногда она задавала себе вопрос, а что бы сказал Лоран, если бы увидел, как она, надев резиновые перчатки, отдраивает очередную сгоревшую кастрюлю. Или толкает перед собой старую ржавую газонокосилку в тщетной надежде хоть как-то реанимировать сад. Иногда она представляла, как Лоран сидит на стуле с насмешливой улыбкой на губах. «Alors, chérie! Mais qu'est-ce que c'est?»^[5] Но все это были мелочи жизни по сравнению с растущими, как снежный ком, проблемами с ремонтом. Всякий раз, как Изабелла встречала Мэтта, он или нацеливал кончик своей шариковой ручки на участки гнилого дерева, или растирал между большим и указательным пальцем какие-то ржавые куски. Дом оказался в худшем состоянии, чем она предполагала.

Каждый новый день приносил очередной неприятный сюрприз: в балках жуков, трубы текут, крышу надо срочно перекрывать. Мэтт говорил Изабелле о возникших проблемах

с видимой неохотой, а затем успокаивающе добавлял:

– Не волнуйтесь. Как-нибудь выкрутимся.

Казалось, для Мэтта не существует неразрешимых проблем, от него исходила некая спокойная уверенность, которая завораживала. Тут нет ничего такого, чего бы он не видел раньше, утешал ее Мэтт, и вообще, все поправимо. В амбаре, уже чем-то смахивающем на склад стройматериалов, рядом с переполненными контейнерами для мусора были аккуратно сложены доски, электрический кабель, теплоизоляционные плиты и черепица.

Мэтт предупредил Изабеллу, что ей придется несколько месяцев потерпеть строителей в доме.

– Постараемся не путаться у вас под ногами, – пообещал он.

Но уже через неделю она поняла, что это нереально. Пыль от сухой штукатурки была повсюду, проникая не только во все полости, но и в складки тела. Китти ходила с красными глазами, а Изабелла непрерывно чихала. Теперь всю еду следовало накрывать, и Изабелла, входя в комнату, периодически обнаруживала, что пол разобран, а двери сняты с петель.

– Мам, по крайней мере, это говорит о том, что дело сдвинулось с мертвой точки, – заявила Китти, которая на удивление спокойно отнеслась к царящему вокруг хаосу. – И когда ремонт закончится, мы получим настоящий дом.

И всякий раз, обозревая их раскуроченное жилище, Изабелла напоминала себе эти слова. Стараясь не задаваться вопросом, а не кончатся ли у них деньги задолго до того, как это случится.

Изабелла сидела на диване, поджав под себя ноги, перед огромной коробкой со счетами и выписками банковских балансов. Время от времени она, нахмурившись, подносила к глазам бумажки, словно хотела их сравнить, и в отчаянии отшвыривала прочь. Китти, корпевшая над уроками, не обращала внимания на страдания матери. Тьерри устроился в большом кресле и с головой ушел в компьютерную игру. Внизу мистер Гранджер менял обшивку дымохода, наверху Мэтт, Байрон и Энтони занимались чем-то крупномасштабным. От перфоратора дом буквально ходил ходуном, по лестнице стелились облака строительной пыли, словно изрыгаемые неким демоническим существом. За окном шел бесконечный дождь, низкие свинцовые облака затянули небо, набросив покров уныния на этот мрачный дом. В расставленные в коридоре и спальне ведра с печальным стуком капала вода.

– Ох! – воскликнула Изабелла, отодвинув коробку. – Глаза б мои не глядели на эти цифры! И как только ваш папа умудрялся заниматься ими целыми днями?! Нет, это выше моего разума.

– Господи, как бы я хотела, чтобы он мог помочь мне с математикой, – с тоской в голосе сказала Китти. – Ничего в ней не понимаю.

Изабелла потянулась и заглянула через плечо дочери:

– Ой, солнышко, прости, но я тоже без понятия. Вот твой папочка, тот действительно был умным.

При этих словах Тьерри слез с кресла, подошел к окну и начал лупить кулаком по плотным портьерам, поднимая столб пыли.

– Перестань, Ти, – раздраженно произнесла Китти.

Но Тьерри упорно молотил кулаком по портьерам, над его головой уже клубились густые серые тучи.

Китти окинула его сердитым взглядом.

– Мам! – возмутилась она и, увидев, что Изабелла не реагирует, закричала еще громче: – Мам! Ты только посмотри на него!

Изабелла подошла к сыну, погладила его по голове бледной рукой и задумчиво сказала, глядя на пурпурный бархат:

– Они просто ужасные, да? Может, их стоит хорошенько вытрясти? Убрать вьевшуюся пыль.

– Ой, нет... – начала Китти, но было уже слишком поздно.

Ее мама изо всех сил трясла портьеры – в комнате стало нечем дышать, и Тьерри отчаянно зачихал.

– Не волнуйся, – сказала Изабелла, раскачивая портьеры. – Я потом все пропылесосу.

– Поверить не могу... – выдохнула Китти, когда тяжелый карниз упал на пол вместе с приличным куском стены.

Изабелла, обмотанная упавшими портьерами, прикрыла руками голову, с потолка дождем посыпалась штукатурка. Китти потрясенно глядела на огромные дыры над окном, через которые просматривались кирпичи, ее мать тем временем весело хихикала.

– Ой, мама! Что же ты наделала? – Китти подошла поближе, чтобы оценить масштаб ущерба.

Изабелла стряхнула с волос штукатурку:

– Они были ужасными.

– Да. Но по крайней мере, лучше хоть какие-то портьеры, чем вообще никаких. – Иногда мать ее просто бесила.

Изабелла направилась к стереосистеме:

– Китти, мне наплевать. Если смотреть на вещи философски, то это всего-навсего занавески. И я погрязала в чертовых домашних делах, целый день только и делаю, что занимаюсь треклятыми занавесками и хозяйственными счетами. С меня довольно. Давайте добавим в нашу жизнь немного музыки.

Наверху почему-то перестали стучать. Ой, нет, взмолилась про себя Китти. Только не сейчас. Только не тогда, когда здесь Энтони.

– Мам, мне надо делать уроки.

– Нет, тебе надо немного развлечься. А потом мы вместе справимся с домашним заданием.

Тьерри, помоги-ка мне снять портьеры с карниза. Я уже знаю, на что мы их пустим.

Мама отошла от стереосистемы, и Китти услышала вступительные такты «Кармен» Бизе. Ой, нет, подумала она. Нет, ты не можешь так со мной поступить. Но мама, склонившись над Тьерри, уже обматывала портьеру вокруг талии.

– Мам, пожалуйста... – взмолилась Китти.

Поздно. Мама уже буквально купалась в звуках музыки, взмахивая подолом импровизированной пурпурной юбки, а когда ария достигла кульминации, она накинула концы портьер себе на плечи. Последовав примеру матери, Тьерри завернулся в другую портьеру, губами изображая слова, которые отказывался произносить вслух. Китти, вне себя от ярости, собралась было выключить музыку, но, увидев, как мама с улыбкой смотрит на танцующего Тьерри, поняла, что ее загнали в угол. Она стояла, скрестив на груди руки, пока мама с братом изображали сцену из оперы, и молилась, чтобы все это безобразие закончилось до того, как кто-нибудь из работавших наверху спустится вниз.

Ну и конечно же, Энтони был тут как тут. Правда, сперва показался Байрон, несший на плече обрезки дерева. Но Байрон тотчас же прошел на лестничную площадку, а вот Энтони, в низко надвинутой на лоб шапке и с молотком в руках, застыл на пороге. Китти поймала его взгляд и с трудом подавила желание забиться под диван. Ей еще ни разу не приходилось попадать в такое дурацкое положение. Более того, заметив Энтони, мама с криком «Эй, Энтони!» бросила в его сторону портьеру. «Коррида!» – пропела она, а Тьерри приставил пальцы к голове, изображая рога.

Китти решительно хотелось умереть. Коррида – игра, в которую они играли с папой: папа размахивал полотенцем, они с Тьерри нападали, а папа пытался увернуться. Мама не должна играть в корриду, это неправильно. И вообще, Энтони расскажет всем в школе, что они сумасшедшие.

Однако Энтони поймал портьеру и, уронив молоток, уже через секунду призывно размахивал портьерой перед носом у Тьерри. А Тьерри, которого, вероятно, подстегнуло присутствие взрослого парня, разошелся не на шутку. По мере того как музыка приобретала все больший драматизм, Тьерри словно угорелый носился по гостиной, сметая все на своем пути и задевая плечом Энтони, отчего тот пару раз едва не рухнул на диван. Изабелла стояла возле стереосистемы, веселясь от души. Тьерри мычал и бил ногой по полу. А Энтони ухмылялся и победно размахивал портьерой. «Olé!» – вопил он, и Китти, к своему удивлению, поняла, что тоже кричит. Впервые за долгое-долгое время в этой кутерьме и веселой суматохе она почувствовала себя счастливой – по-настоящему счастливой. Тем временем ее мама взяла вторую портьеру и стала махать ею в такт музыке, а Китти попыталась ее отнять. Было даже забавно бороться за кусок старой пурпурной тряпки. И тут над головой раздался жуткий треск, настолько сильный, что пол под ногами заходил ходуном. Все тотчас же замерли, диск моментально заело, и Изабелла пошла выключить музыку.

– Что, черт возьми, это было? – спросила она, но тут треск возобновился, за ним последовал сдавленный возглас.

Все ринулись к лестнице и застыли на лестничной площадке, только Китти пришлось сперва освободиться из плена опутавшей ее ноги портьеры. Из дверей хозяйской спальни выплыло облако гипсовой пыли, затем на пороге показался Мэтт, он отчаянно кашлял и вытирал глаза рукавом.

– Господи! Буквально чудом пронесло, – выдохнул он. – Если бы все случилось на несколько минут раньше, потолок обрушился бы на голову Энтони.

Энтони сунул голову в дверь. Его лицо сделалось серым – то ли от увиденного, то ли от покрывшей его с головы до ног пыли. Изабелла, не обращая внимания на протесты Мэтта, зажала нос рукой и вошла внутрь. Китти последовала за ней.

Потолок исчез. Там, где когда-то была ровная оштукатуренная поверхность, теперь зияла гигантская дыра, через которую виднелся потолок мансарды наверху. В центре комнаты высилась гора деревянных обломков, смешанных со штукатуркой, из которой торчали куски обрешетки. А ведь там стоит кровать, на которой спит мама, подумала Китти. И все это могло рухнуть прямо на нее.

– Я снимал осветительную арматуру, чтобы проверить электрику, – сказал Мэтт. – И тут все это хозяйство – бамс! – и грохнулось. Балки и все прочее. Вполне могло бы нас прикончить. Да и вообще любого.

На шум прибежал запыхавшийся мистер Гранджер.

– Слава богу, вы в порядке, – сказал он. – А то я уже, грешным делом, подумал, что дом рухнул. Мое старое сердце до сих пор пошаливает.

– Скажите, а нам ничего не угрожает?

– Что именно? – не понял Мэтт.

– Дело только в прогнивших балках, да? Больше ничего не упадет? – Изабелла впилась в него глазами.

Мэтт ничего не ответил.

– В жизни не видел, чтобы балки вот так взяли и рухнули, – заметил мистер Гранджер.

– Но ведь случилось же, – не сдавалась Изабелла. – Значит, все остальное в порядке. Проблемы только в этой комнате.

Китти заметила в руках у матери скрипку. Должно быть, схватила ее в страхе, что дом вот-вот рухнет. Повисло тяжелое молчание. Ну скажи же хоть что-нибудь, мысленно умоляла Китти Мэтта. Ну скажи же, наконец.

– Очень странно, – раздался у нее из-за спины голос Энтони. – Ничего не понимаю. Полы в остальных комнатах наверху нормальные. Я лично их проверял.

– Конечно, Энтони, хотя у тебя недостаточно опыта, чтобы знать наверняка, – сказал Мэтт.

– Но я уверен...

– Может, ты собираешься выдать гарантию качества? Да, сынок? Ты абсолютно уверен, что это здание надежное, как скала? – Мэтт ожег сына взглядом, словно говоря: не суйся не в свое дело.

– Мэтт, что вы имеете в виду?

После затянувшейся паузы Мэтт покачал головой и сказал:

– Изабелла, ничего не могу вам обещать. Вы ведь знаете мое мнение об этом доме. Но мне вас не разубедить.

Китти собралась было спуститься вниз, но неожиданно услышала взрыв, сотрясший стены дома так, будто из него выпустили весь воздух. Мэтт, с головы до ног в гипсовой пыли, ринулся к лестнице, Китти с матерью – за ним. Боже мой, думала Китти, этот дом нас когда-нибудь доконает.

Мэтта они нагнали уже в дверях. Посреди кухни стоял Байрон с ружьем в руках. В нескольких футах от него, за порогом двери, лежаладохлая крыса.

– Черт бы тебя побрал, приятель! – воскликнул Мэтт. – Что это ты задумал?

Внутренности крысы, кроваво-красные, растеклись по каменной ступеньке. Байрон, казалось, был потрясен не меньше других.

– Я вышел взять ключи от минивэна, а эта тварь сидела тут, наглая как танк.

– Фу! – неожиданно оживившись, выдохнул Тьерри.

Китти смотрела на мертвую крысу, чувствуя одновременно и жалость, и отвращение. Мать больно сжала ей руку. А затем, выпрямившись во весь рост, охрипшим от возмущения голосом сказала:

– Какого черта вы притащили в мой дом ружье?! Вы что, совсем умом тронулись?

– Я его не приносил, – ответил Байрон. – Это ружье Поттисворта.

– Что? – не сразу поняла Изабелла.

– Он держал ружье на буфете. Много лет. – Байрон махнул в сторону кладовки. – Я думал, вы в курсе.

– Но почему вам вздумалось из него пострелять?

– Из-за крысы. А что еще оставалось делать? Вежливо попросить ее удалиться? Вы что, хотите развести на кухне крыс?!

– Вы маньяк! – Протиснувшись мимо Китти, Изабелла пихнула Байрона в грудь. – Вон из моего дома!

– Мам! – Китти схватила мать за руку.

Изабеллу трясло как в лихорадке.

– Изабелла, успокойтесь, – примирительно произнес Мэтт. – Нам всем пора немного охолонуть.

– Скажите ему, – потребовала она. – Он ведь работает на вас. Скажите ему, что в доме не положено стрелять из ружья!

Мэтт положил ей руку на плечо:

– Строго говоря, он стрелял не совсем в доме. Но да, конечно, вы правы. Байрон, приятель, тут ты малость хватил через край.

Байрон растерянно потирал затылок:

– Простите. Мне казалось, это небезопасно, особенно когда в доме ребятишки. Вообще-то, тут отродясь не было крыс. Вот я и решил, что если быстренько ее уберу...

– А разве так уж безопасно открывать стрельбу на моей кухне?

– Я стрелял не на кухне, а в дверях.

Изабелла, побледнев, смотрела на мертвую крысу.

– Не волнуйтесь, миссис. Никто ведь не пострадал, – успокаивающе сказал мистер Гранджер. – Я сейчас все приберу. А ты, малыш, дай-ка мне этот кусок газеты. Да будет вам, миссис Деланси. Присядьте, попейте чайку. У вас просто небольшой шок. Ни минуты покоя в этом доме, а?

– Разваливающиеся полы, крысы, ружья? Ну что это за место такое?! – ни к кому, собственно, не обращаясь, воскликнула Изабелла. – И что же я, черт возьми, наделала? – Изабелла повернулась, прижала к груди скрипку и медленно вышла из кухни, словно никого вокруг не было.

В тот вечер над озером эхом разносились неистовые звуки музыки. Они пронизывали воздух резкими, яростными нотами, утратившими привычную меланхолическую красоту.

Китти лежала в кровати и думала о том, что надо встать и поговорить с мамой, хотя, если честно, она была не в силах сердиться на Байрона с этой его дурацкой крысой. Нет, сейчас ее мысли были заняты Энтони, она вспоминала, как он ухмылялся ей, размахивая красной портьерой, словно отнюдь не считал ее семейку чокнутой. И впервые за все это время Китти не пожалела о переезде.

Генри и Асад, направлявшиеся домой, буквально застыли, когда отзвучала последняя сердитая нота.

– ПМС^[6], – со знанием дела заметил Генри.

– А мне казалось, она говорила что-то насчет ЛСО^[7].

А в доме на другом конце развилки Лора Маккарти заканчивала с мытьем посуды.

– Этот шум, – сказала она, вытирая руки посудным полотенцем, – когда-нибудь сведет меня с ума. Не понимаю, почему лес не поглощает звуки, как все остальное.

– Ты бы слышала, что было до того, – отозвался Мэтт, весь вечер пребывавший в благостном настроении, которое не смогли испортить даже сетования Лоры по поводу лысых колес у ее машины. – Никогда такого не видел. А ты, Энт?

Однако Энтони, который сидел, вперившись в телевизор, в ответ лишь что-то нечленораздельно пробормотал.

– Ты о чем? – удивилась Лора.

Мэтт открыл банку пива:

– Лора, она окончательно трэхнулась. Помяни мое слово. Крайний срок – Рождество.

Вряд ли на свете есть более красивые места, чем Норфолк в начале лета, подумал Николас. До Литл-Бартона осталось всего каких-нибудь несколько миль, и Николас проезжал сейчас мимо каменных коттеджей и бесконечных рядов тощих сосен с зеленеющими макушками.

Хотя, что уж там говорить, на фоне хмурых северо-восточных пригородов Лондона любая другая местность будет выглядеть приветливо и живописно. Но сегодня, когда водохранилища, технопарки и бесконечные столбы – характерные приметы окраин большого города – остались позади, сочная листва живых изгородей и свежая зелень по обочинам дороги таили в себе особую привлекательность. И для Николаса Трента это было крайне символично.

В банке заявили, что просто счастливы финансировать его возвращение в большой бизнес, хотя и попросили представить детальные бизнес-планы.

«Очень рад тебя видеть, – похлопал его по спине Ричард Уинтерс. – Разве мы можем дать пропасть хорошему человеку?»

Николас неоднократно говорил себе, что женщина эта, возможно, и не захочет ничего продавать. Что вокруг тысяча других вполне подходящих для застройки мест. Но как только Николас закрывал глаза, он видел Испанский дом и земли, на которых тот стоял. Он видел сказочную лощину в окружении таких пейзажей, что невозможно было поверить, что эта картинка не взята из детской книжки.

И хотя Николас отлично знал, что вернуться в бизнес ему будет гораздо легче с менее масштабными проектами, например со вторичной застройкой участка в городе, он уже в третий раз за месяц покидал Лондон ради поездки в Литл-Бартон. Чтобы опять, в очередной раз, оказаться в очаровавшем его месте, которое он уже представлял как шикарный объект недвижимости на ярких страницах глянцевого брошюра своей мечты.

На работе он никому ничего не сказал. Каждый день он, вежливый и пунктуальный, появлялся в агентстве, где ему приходилось иметь дело с теми же нервными покупателями, с той же их уму непостижимой непостоянностью, с теми же проваленными сделками и невыполненными задачами. Дерек сделался ужасно придиричивым – его обошли при выборе кандидатуры на заветную должность регионального менеджера, – и Николас понял: тот просто отыгрывается на нем, заставляя разбрасывать рекламные листовки и разносить кофе. Однако Николаса теперь это нисколько не трогало. По правде говоря, он был даже рад возможности держаться подальше от сотрудников офиса, с их мелочными обидами и хронической завистью, чтобы целиком погрузиться в свои мысли.

«И чему это ты так радуешься?» – спрашивала Шарлотта, словно хорошее настроение Николаса каким-то боком задевало ее чувства.

Двенадцать энергосберегающих домов с солнечными батареями, хотелось ответить Николасу. Пять домов класса люкс, каждый с участком не менее акра. Жилой массив из первоклассных апартаментов, застекленные фасады с видом на озеро. Такие широкие возможности, такой безграничный потенциал, но все упирается только в одно: согласие вдовы продать дом.

Когда-то я мог уболтать кого угодно, напомнил себе Николас, увидев указатель на Литл-Бартон. Когда-то я мог продать эскимосам кубики льда. Так что не вижу препятствий в том, чтобы и сейчас не справиться с задачей. Самое главное – найти верный подход. Ведь если, боже упаси, проявить слишком откровенный интерес, продавец решит, что сидит на золотой жиле. А если предложить слишком мало, он оскорбится и вообще не продаст ни за какие деньги.

Не стоит складывать все яйца в одну корзинку, а именно уповать на один-единственный

объект недвижимости, какие бы выгоды он ни сулил. Николас лучше других знал, что это самый короткий путь к банкротству. Он въехал в деревню, продолжая мысленно спорить с самим собой и пытаясь обуздать свой энтузиазм. Не мешало бы узнать об объекте побольше, возможно, поездить по округе, навести справки в агентствах недвижимости, представленных тут в довольно ограниченном количестве. Ведь, помимо всего прочего, район этот явно относился к числу быстро развивающихся. Старые ветхие амбары приобрели теперь вполне жилой облик, бывшие халупы для рабочих расширялись и перестраивались с целью удовлетворения растущих потребностей. Он, Николас, внимательно изучит другие возможности и не позволит сердцу взять верх над разумом. Нет, он категорически отказывается разгребать последствия разбитых надежд.

Хотя справиться с эмоциями было, конечно, весьма нелегко.

Припарковавшись на тихой улочке, Николас Трент еще несколько минут сидел в машине. Но затем все-таки решился и вышел.

– То, что делает этот человек, безнравственно.

– Асад, ты не можешь так говорить. У тебя нет доказательств.

– Доказательства! – фыркнул Асад, продолжая раскладывать перец на прилавке с овощами. Красные, желтые, зеленые – в строгом порядке. – И ежу понятно, что он разрушает дом изнутри. Стоит только заговорить с миссис Маккарти о ремонтных работах, которые ведет ее муж, и она сразу становится вот такого цвета. – Он поднял красный перец. – Она отлично осведомлена относительно его проделок. Похоже, они вместе состряпали этот план.

– Тот факт, что миссис Маккарти смущена, еще ни о чем не говорит. Просто этот дом для нее по-прежнему большой вопрос. Ведь она столько сил потратила на старого джентльмена – и все впустую, – покачал головой Генри. – И вообще, есть множество других причин, почему Лоре Маккарти неловко говорить с людьми о муже, и ты не хуже моего их знаешь.

– Я знаю то, что знаю. И ты тоже знаешь. Муж Лоры среди бела дня грабит миссис Деланси. Причем делает это с улыбкой на губах, притворяясь добрым самаритянином.

В витрину магазинчика било щедрое летнее солнце, освещавшее ведра с цветами; обдуваемые сквозняком, цветы весело покачивали головками, словно предвещая жаркие месяцы впереди. Однако нарядные пионы и изящные фрезии, а также гиацинты в горшках на подоконнике явно не соответствовали царившей внутри атмосфере предчувствия беды. Генри увидел, что Асад напрягся и с присвистом задышал. Приближался сезон сенной лихорадки, и в это время года у Асада непременно разыгрывалась астма.

– Мне кажется, – сказал Генри, – тебе не стоит брать это в голову.

– А мне кажется, – парировал Асад, – самое время окоротить Мэтта Маккарти.

Но тут открылась дверь, и в магазин под звяканье колокольчика вошел какой-то мужчина. Средних лет, типичный представитель среднего класса, хороший костюм, подумал Генри. Наверняка автомобилист, решивший сделать остановку в пути.

– Чем могу служить? – поинтересовался Генри.

– Э-э-э... Немного погодя. Благодарю. – Мужчина подошел к прилавку с деликатесами. – Мне нужно что-нибудь на ланч.

– Ну, тогда мы вам точно сможем помочь, – заверил посетителя Генри. – Позовите нас, когда будете готовы.

Оставив мужчину, Генри вернулся к Асаду, который уже успел навести идеальный порядок на прилавке с овощами и теперь переставлял продукты на полках.

– Рыбные консервы, – прошептал Генри, – вряд ли нуждаются в алфавитном порядке.

Асад, понизив голос, сказал:

– Генри, это меня беспокоит. Реально беспокоит.

– Это не наше дело. А крабы следует поставить рядом с сардинами.

– Китти каждый день приходит и рассказывает нам то о снесенной стене, то о рухнувшем потолке. А миссис Деланси вконец извелась из-за финансовых проблем.

– Любому, кто занимался строительством, прекрасно известно, что дело это весьма затратное и разрушительное. Вспомни, во что превратилась наша кухня, когда мы ее ремонтировали.

– Тот дом простоял пятьдесят лет вообще без ремонта.

– Вот именно, – пробормотал Генри. – Вот поэтому теперь и приходится что-то сносить.

– Она не разбирается в строительном деле. Она вообще ни в чем не разбирается, за исключением своей музыки. И все ее мысли только об умершем муже. А Мэтт этим бессовестно пользуется. – От возмущения Асад заговорил в полный голос.

– Но мы же точно не знаем, в каком состоянии дом и что в нем не так. Как ты верно заметил, пятьдесят лет дом стоял в запустении. И одному Богу известно, с чем мог столкнуться там Мэтт Маккарти.

Асад скрипнул зубами.

– Генри, будь на его месте любой другой строитель, любой, кроме Мэтта, и я охотно поверил бы, что дом действительно требует капитального ремонта. – Он поставил на полку банку сардин. Тем временем посетитель внимательно изучал корзинку с хлебом. – Но скажи мне, положи руку на сердце. Скажи, что не веришь, будто Мэтт Маккарти специально вводит вдову в безумные расходы, чтобы заполучить дом. Скажи, что это не своего рода месть с его стороны. – (Генри молча уставился себе под ноги.) – Ну?

– Нет, этого я сказать не могу. Я доверяю ему не больше, чем ты, и тем не менее не стоит лезть в чужие дела. Только навлечем неприятности на свою голову.

В этот момент рядом с Асадом возник посетитель, и приятели тут же замолчали.

– Простите, что прерываю ваш разговор, – учтиво улыбнулся незнакомец. – Но я хотел бы вон ту булочку из цельного зерна и немного козьего сыра.

Генри склонился над прилавком:

– Конечно-конечно. Положить вам парочку помидоров черри? Они у нас отличные.

Николас Трент вышел из магазинчика с коричневым бумажным пакетом в руках. И хотя он успел здорово проголодаться, в данный момент ему было не до еды. Он кинул пакет на пассажирское сиденье и, не обращая внимания на шум в голове и нервные спазмы в животе, поехал вниз по дороге в поисках свинарника, откуда заросший проселок вел прямо к Испанскому дому.

«Весенний хор». Фрезии, нарциссы и гиацинты на выбор: белые, розовато-лиловые или бледно-голубые. Можно заказать букет, композицию или, за дополнительную плату, стеклянную вазу с этими цветами. Цены – начиная с тридцати фунтов, не включая доставку. Лора нашла все это в Интернете. Цветы, чтобы порадовать сердце поздней весной. Цветы, чтобы сказать «спасибо». Или – «я думаю о тебе». Или даже – «я люблю тебя».

Цветы, которые она так и не получила.

Цветы, оплаченные кредиткой Мэтта в прошлом месяце.

Конечно, она не видела выписки со счета – Мэтт был достаточно осмотрителен, чтобы не разбрасывать выписки где попало, более того, Лора знала: если Мэтт хочет скрыть от нее левые расходы, то расплачивается рабочей кредиткой. Но случилось так, что перед стиркой она проверяла карманы его рабочих джинсов, а оттуда вместе с саморезами и какой-то мелочью выпал смятый чек. Она знала, что на чеке указан номер карточки Мэтта, поскольку знала

абсолютно все, что касалось ее мужа.

Но вот чего она не знала, так это того, кому предназначались цветы.

Лора Маккарти шла по проселочной дороге – собака бежала впереди, – и слезы градом катились по ее щекам. Она не могла поверить, что он снова это сделал. После всего, что он говорил, после всего, что он обещал. Ведь Лора поверила ему, и на какое-то время у нее исчезло отдающее сосущей болью под ложечкой и заставляющее постоянно быть начеку неприятное чувство, будто она недостаточно хороша для него, будто у нее не хватает чего-то такого, что есть у других. И она перестала видеть в любой встречной женщине потенциальную угрозу.

Дура.

Лора высморкалась и побрела дальше, не обращая внимания на молодые листики на живых изгородях, на проклюнувшиеся из-под земли нарциссы и колокольчики. У нее буквально узлом скрутило желудок, а голова раскалывалась от яростных мыслей и невысказанных обид. Перед ее мысленным взором неотступно стоял Мэтт, бросающий плотоядные взгляды на другую женщину... Нет! Она уже давным-давно поняла, что это кратчайший путь к безумию. Не зря мама предостерегала ее от мезальянса: дескать, ты еще пожалеешь, но только пеняй на себя. Нет, видимо, ей придется закрывать глаза на неверность мужа до тех пор, пока он не состарится настолько, что больше не сможет грешить.

– Катись к черту, Мэтт! – крикнула она в пустоту. Какая жалость, что воспитание и хорошие манеры не позволяют ей употреблять более крепкие выражения!

Что ей теперь делать? Да и что тут можно сделать, если все козыри у него в рукаве?! Какое право он имеет так поступать с ней?! Ведь она безумно любила его и всю жизнь дарила ему любовь, и только любовь. В глубине души она чувствовала: у него явно что-то на уме. Слишком он был жизнерадостным в последнее время, слишком отчужденным. Они уже три недели не занимались любовью, а учитывая темперамент Мэтта, это могло означать лишь одно, несмотря на все его ссылки на усталость или желание посмотреть ночью фильм, который нельзя пропустить.

– Боже мой... – Лора присела на пенек и разрыдалась.

Она была не робкого десятка, но сегодня ее буквально подкосил крошечный листок бумаги. Ее брак – сплошной обман. И неважно, что говорил Мэтт, это не имело к ней никакого отношения, просто он такой, какой есть. И неважно, что он все отрицал. Она любила его, а он растоптал ее чувства.

– Простите? У вас что-то случилось?

Лора тотчас же встрепенулась. Ярдах в пятидесяти от нее стоял какой-то мужчина в костюме, его машина находилась поодаль, мотор не работал, правая передняя дверь открыта. Он слегка склонил голову, словно желая рассмотреть ее получше, но подойти не решился. У ног незнакомца сидел Лорин пес Берни, причем с таким видом, будто не имел к ней никакого отношения.

Лора принялась пристыженно вытирать мокрое лицо руками.

– Боже мой! – Она проворно вскочила на ноги, красная как рак. – Я сейчас уйду. Не буду вам мешать.

Она была в ужасе, что ее застали в минуту душевного надлома. Ведь в лес практически никто не ходил, и она даже подумать не могла, что ее одиночество могут нарушить.

Пока она рылась в карманах, мужчина успел подойти поближе.

– Вот. Возьмите, пожалуйста. – Незнакомец протягивал Лоре носовой платок.

С видимой неохотой она взяла платок и прижала к лицу. Надо же, сейчас никто не пользуется льняными платками, рассеянно подумала она. И слегка успокоилась, словно полагая, что от этого человека не стоит ждать ничего дурного.

– Простите, – сказала она, пытаясь взять себя в руки. – Вы застали меня врасплох.

И не в самый удачный момент.

– Я могу вам... чем-нибудь помочь?

Лора едва не рассмеялась. Боже, какая нелепая идея! Разве ей сейчас возможно помочь?

– Ох... Нет, – ответила она.

Он терпеливо ждал, пока она осушит слезы. Слезы! Совсем не в ее стиле.

– Я боялся, что вы меня не услышите. Не знал, есть ли на вас эти штуки... – Он прижал руки к ушам, изобразив наушники. – Видите ли, собачники их обычно надевают.

– Нет... – Лора оглянулась в поисках Берни, затем собралась было вернуть платок, но поняла, что тот насквозь промок. – Простите. Он в таком состоянии, что даже неудобно возвращать.

– Ах это... – отмахнулся он.

Она взяла собаку за ошейник и на секунду замерла, не смея поднять глаза, поскольку не знала, что говорить.

– Тогда оставляю вас с миром, – произнес он, явно не желая уходить. – Если вы уверены, что все в порядке.

– Я отлично. Спасибо вам.

И тут до нее дошло, где они находятся.

– Кстати, а вам известно, что это частная дорога? Вы кого-нибудь ищете?

На сей раз пришла его очередь смущаться.

– А-а... – протянул он. – Частная дорога. Выходит, я не там свернул. В ваших лесах немудрено и заблудиться.

– Здесь тупик. А куда вы направляетесь?

Однако незнакомец предпочел уклониться от прямого ответа.

– Да вот, захотелось найти симпатичное местечко, чтобы съесть свой ланч. – Он махнул рукой в сторону машины. – Я ведь живу в городе. А потому все, что за городской чертой, кажется мне прекрасным. – Его извиняющаяся улыбка была искренней, и Лора расслабилась.

Она взяла на заметку его дорогой, хотя и поношенный костюм, а еще то, какие у него грустные добрые глаза. Эх, была не была! – решила она. И чего ради она должна соблюдать приличия? Тем более учитывая поведение Мэтта.

– Я знаю чудесное место на другом берегу озера, – сказала она. – Если вы оставите машину здесь на обочине, я вас туда провожу. Это всего в нескольких минутах ходьбы.

А тем временем в доме неподалеку Китти, сидевшая над занудным учебником истории, размышляла относительно своего открытия. Она старалась быть объективной, как учила ее Мэри, но, сколько ни раздумывай над полученным сообщением, другого объяснения быть не могло.

Здравствуйте, миссис Деланси. Это мистер Картрайт. Хотелось бы узнать, обдумали ли вы основные моменты нашего последнего разговора. Мне в очередной раз звонил мистер Фробишер, который по-прежнему интересуется Вашим Гве... Гва... – словом, вашим музыкальным инструментом. Не знаю, получили ли вы мои предыдущие сообщения, но, полагаю, они не имеют столь важного значения. Как мы уже говорили, сумма, которую он предлагает, кардинально изменит ваше материальное положение. Она вдвое больше того, что когда-то заплатил ваш муж...

«Кардинально изменит ваше материальное положение». Китти вспомнила мистера

Картрайта, с этим его большим блестящим портфелем, и то, как мистер Картрайт смутился при виде кипы белья рядом с собой. Мама тогда отослала ее прочь, хотя явно нуждалась в помощи, чтобы усвоить полученную информацию. И вот теперь Китти поняла, почему мама так поступила. Мама не хотела, чтобы Китти знала, что у них есть выбор. Несмотря ни на что, мамина дурацкая скрипка оказалась для нее дороже счастья собственной семьи.

Однако в этом вопросе на помощь Тьерри рассчитывать не приходилось.

– Ты слышал хоть какие-нибудь из этих сообщений? – спросила она у брата накануне вечером, когда он сидел перед компьютером, отчаянно барабанил большими пальцами. – Ты в курсе, что мама могла продать свою скрипку? – (Но брат только смотрел на экран пустыми глазами, словно вообще ничего не желал слышать.) – Ты что, совсем не догоняешь?! Тьерри, если она знала, что может продать скрипку, то не было никакой нужды переезжать в эту дыру. Мы могли сохранить наш дом. – (Тьерри упорно продолжал смотреть прямо перед собой.) – Ты меня слышишь? Неужели тебе наплевать, что мама нам наврала?

Но Тьерри закрыл глаза, решительно отказываясь на нее смотреть. Китти обозвала его дебилом и отправилась плакать в свою комнату.

Мама сразу заподозрила неладное. За ужином она донимала Китти вопросами, все ли в порядке в школе и не заболела ли она. Но Китти была настолько зла, что даже не хотела смотреть на маму. И теперь ее мозг сверлила мысль: они могли не уезжать из своего дома в Мейда-Вейл. Могли жить на их старой улице, со старыми соседями, а она, Китти, могла ходить в свою старую школу, и, возможно, даже Мэри осталась бы с ними, если бы на это хватило средств от продажи скрипки.

А мама тем временем сообщила, что она решила давать уроки, поскольку лишние деньги им сейчас явно не помешают. Она даже повесила объявление в магазине Кузенов. А потом она столько раз повторила «ничего страшного», что Китти поняла: мама до смерти напугана. И тем не менее Китти не испытывала к своей маме ни благодарности, ни жалости. Потому что все разговоры об уроках музыки снова напоминали девочке о скрипке.

– Скажи, ты нас любишь? – многозначительно спросила Китти.

Мама была явно шокирована.

– И ты еще спрашиваешь? Разумеется, я тебя люблю! – Мама так расстроилась, что Китти почувствовала слабый укол совести. – Но почему? С чего вдруг у тебя возникли сомнения?

– Больше всего на свете?

– Больше всего, что ты только можешь представить, – с чувством ответила мама.

После ужина мама нежно обняла Китти, словно желая ее успокоить, однако Китти, вопреки обыкновению, не смогла в свою очередь обнять маму. Ведь это только слова, разве нет? И вообще, у Китти не осталось сомнений, что именно мама любит больше всего на свете. Если бы эта дурацкая скрипка не оставалась их единственной надеждой, Китти с превеликим удовольствием выбросила бы ее из окна верхнего этажа.

В полдень она возвращалась домой вместе с Энтони. Она опоздала на школьный автобус, Энтони тоже, и, только оказавшись дома, Китти поняла: возможно, он сделал это намеренно. Они теперь часто ходили вдвоем, и Китти уже не чувствовала себя такой зажатой. С ним было очень приятно болтать, да и идти по лесу гораздо приятнее вдвоем. Ведь когда она шла одна, ей вечно чудилось, будто кто-то следит за ней из-за деревьев.

– Как бы ты поступил, если бы узнал, что родители тебе врут? – спросила Китти.

Они лениво брели нога за ногу по проселочной дороге, будто никто из них особо не торопился домой.

– Насчет чего? – Энтони протянул ей пластинку жвачки, и Китти с удовольствием сунула жвачку в рот.

Она сомневалась, стоит ли ему говорить.

– Насчет чего-то серьезного, – расплывчато ответила она. – Того, что затрагивает интересы семьи.

– Мой папаша только и делает, что врет! – фыркнул Энтони.

– И что, ты ему ничего не говоришь?

– В том-то и беда, – сокрушенно покачал головой Энтони. – Для тебя установлены одни правила, а для родителей – совершенно другие.

– Мой папа был не таким, – заявила Китти. Она влезла на поваленное дерево и прошлась по стволу. – Он разговаривал со мной как с равной. Даже если он меня и ругал, мне казалось, будто он просто хотел мне что-то объяснить. – Она запнулась, чувствуя, что ее душат слезы.

Им пришлось посторониться, поскольку по проселку проехала незнакомая машина. Водитель, какой-то мужчина в костюме, поравнявшись с ними, приветственно поднял руку.

Энтони проводил машину глазами, а затем, поправив на плече рюкзак, снова пошел посередине дороги.

– Мой папаша врет на каждом шагу, но ему почему-то все сходит с рук, – с горечью заметил он и, резко сменив тему разговора, сказал: – В субботу мы с парнями собираемся в кино. Хочешь – пойдем с нами. Если ты, конечно, любишь кино.

Скрипка была тут же забыта.

Китти бросила на Энтони косой взгляд из-под челки.

Но он упрямо смотрел себе под ноги, будто увидел на земле нечто очень интересное.

– Ничего особенного. Просто повеселимся своей компанией.

И ком, всю дорогу стоявший в горле у Китти, моментально исчез.

– Ладно, – ответила она.

Николас Трент, щурясь от яркого света, выехал из леса и включил правый поворотник, собираясь свернуть на основную дорогу. У него ушла уйма времени на то, чтобы добраться до Литл-Бартона, да и ланч неожиданно растянулся, а потому следовало поторопиться в агентства недвижимости, которые он запланировал посетить. Но, задумавшись, Николас почему-то поехал назад, в сторону автомагистрали. Голова у него кружилась, мысли путались.

Хотя на этот раз Испанский дом был абсолютно ни при чем.

Мальчик лежал на спине в окружении щенков и радостно хихикал. Щенки с толстыми животиками и несуразно большими лапами цеплялись за его свитер в поисках точки опоры. Мальчишки в этом возрасте сами похожи на щенков, подумал Байрон, который заклеивал скотчем очередную картонную коробку. Все утро мальчуган наматывал круги по садику, убегая от терьерши, возбужденно тьякавшей от восторга. Когда рядом не было матери, он менялся до неузнаваемости. И с удовольствием осваивал новые премудрости: как чинить изгородь, как выращивать птенцов фазанов, как отличать хорошие грибы от ядовитых, более того, мальш изливал на собак такие потоки любви и обожания, что обе суки, ранее признававшие только хозяина, сделали для него исключение, распространив на него свою преданность. Нет, мальчик не сделался разговорчивее – от него трудно было дожидаться простых «да» или «нет», – но стал держаться менее настороженно.

Мальчикам его возраста не годится быть такими. И Байрон с грустью проводил параллель между ним и своей племянницей Лили, с ее непрекращающейся болтовней, вечными требованиями любви и внимания. Принято считать, что это нормально для мальчика, недавно потерявшего отца, что дети по-разному реагируют на психологические травмы. Байрон случайно подслушал, как вдова отбивалась по телефону от какого-то учителя, пытавшегося навязать ей психиатра или кого-то в этом роде. «Я говорила с ним, и он категорически отказывается. И я хочу позволить своему сыну по-своему справляться с проблемами, – сказала она. Голос ее звучал ровно, но костяшки пальцев, которыми она вцепилась в дверную ручку, побелели. – Нет, я отдаю себе отчет. И непременно сообщу вам, если пойму, что он действительно нуждается в помощи специалиста». Байрон даже наградил ее мысленными аплодисментами, поскольку и сам испытывал инстинктивную потребность в личном пространстве и категорически не приемлил вмешательства в свою жизнь. Но, Господь свидетель, Байрон неоднократно задавал себе вопрос: что творится в голове у этого угрюмого малыша?

Заглянув на кухню, Байрон спросил:

– Тьерри, можно оставить тебя одного на минуточку? Мне надо кое-что принести сверху.

Мальчик кивнул, и Байрон, привычно пригнув голову, поднялся по узкой лестнице в спальню. Два чемодана, четыре большие картонные коробки, куча всяких мелочей на небольшой контейнер плюс новый помет щенков. Похоже, за целую жизнь он так и не накопил добра, а для того, что у него есть, не нужен дом. Байрон тяжело опустился на кровать, прислушиваясь к тьяканью внизу. Да, его спальню вряд ли можно было отнести к разряду элегантных или шикарных, но последние несколько лет он был здесь счастлив с сестрой и Лили. Он никогда не приводил сюда женщин – в тех редких случаях, когда у него возникала потребность в женском обществе, он старался сделать так, чтобы дама пригласила его к себе, а потому спальня его, без заботливой женской руки, скорее напоминала безликий номер отеля. Сестра предлагала ему повесить подходящие занавески и застелить постель покрывалом в тон, но, насколько он понимал, она всего лишь хотела, чтобы он мог снова почувствовать себя дома. Он попросил ее не беспокоиться. Ведь в любом случае большую часть времени он пропадал в лесах и полях. И тем не менее это был дом, и Байрон понял, что ему грустно покидать его.

Хозяева жилья категорически отказывались пускать постояльцев с собаками. А единственный человек, который согласился принять питомцев Байрона, в качестве залога потребовал плату за шесть месяцев вперед, «на случай если животные причинят ущерб». Озвученная сумма была просто несусветной. Еще один потенциальный арендодатель заявил,

что разрешит держать собак только на улице. Байрон объяснил, что, как только пристроит щенков, взрослые собаки будут спать в его машине, однако хозяин на это не купился. «Откуда мне знать, что, как только меня здесь не будет, ты непустишь их в дом».

Неделя шла за неделей, сестра уже съехала, и до окончания срока аренды оставались считанные дни. Байрон уже начал подумывать о том, чтобы взять в долг у Мэтта, но, прислушавшись к внутреннему голосу, отказался от этой затеи, поскольку опасался попасть в еще бóльшую зависимость от Мэтта, даже если бы тот и согласился ссудить нужную сумму.

– Ну и как нам теперь быть, старушка? – Байрон погладил колли по голове. – Мне тридцать два года, у меня нет семьи, на работе я получаю сущие гроши и вообще скоро стану бездомным.

Собака посмотрела на него тоскливыми глазами, словно и она тоже понимала, что будущее их покрыто мраком. Байрон улыбнулся и, сделав над собой усилие, встал с кровати; он решил на время забыть о своих безрадостных перспективах и о гнетущей тишине опустевшего дома. Байрон не мог позволить, чтобы голос отчаяния поколебал его решимость. Ведь еще с прежних времен он знал, как легко оказаться во власти упаднических мыслей.

Да, жизнь – штука несправедливая, вот и все дела. И малыш Тьерри, ждавший его внизу, прекрасно это знал; к тому же мальчику пришлось усвоить жестокий урок в гораздо более нежном возрасте, чем ему, Байрону.

Байрон спустился вниз. Пора проводить Тьерри домой. Сегодня местная газета не выходила. Байрон очень рассчитывал, что хоть какое-нибудь объявление, да найдется. Он посмотрел на мальчугана и, отметив про себя его счастливое лицо, почувствовал к нему нечто вроде благодарности за возможность отвлечься.

– Ну все, пошли, – сказал он Тьерри, стараясь говорить по возможности беззаботно. – Если будешь хорошо себя вести, мы спросим у твоей мамы разрешения посидеть в кабине экскаватора Стива, когда будем расчищать нижнее поле.

Изабелла спустилась с лестницы и, услышав, что кто-то присвистнул ей вслед, инстинктивно стянула на горле воротник блузки. Мэтт в другом конце коридора заводил электрический кабель в зияющую дыру в стене, кожаный пояс для инструментов небрежно опоясывал его бедра. Рядом стояли двое парней, которых она уже видела пару раз до того.

– Вы сегодня такая нарядная, миссис Ди? Неужели куда-то собрались?

Изабелла покраснела, мысленно отругав себя за это.

– Ой... ну что вы, – запинаясь, сказала она. – Просто старая блузка, которую я случайно откопала.

– Вам идет, – сказал Мэтт. – Вы должны почаще носить этот цвет.

Его напарник что-то пробормотал, и Мэтт снова занялся кабелем, тихо напевая себе под нос. Изабелла узнала мотив. «Эй там, одинокая девушка... одинокая девушка...»

Изабелле очень хотелось обернуться, но она решительно прошла в гостиную, по-прежнему стягивая воротник на горле. Мэтт уже в третий раз за неделю делал ей комплименты, хотя в данном конкретном случае ее блузка вряд ли заслуживала особого внимания. Блузка из темно-синего льна была старой и со временем основательно вытерлась. Подарок Лорана во время поездки в Париж много-много лет назад – одна из тех старых вещей, которые снова стали Изабелле впору. По правде говоря, бóльшая часть предметов ее гардероба теперь висела на ней мешком. После смерти Лорана Изабелла совсем потеряла аппетит. Иногда ей казалось, что, если бы не дети, она могла бы сидеть исключительно на печенье и фруктах. Кстати, о детях. Рядом не оказалось ни единой живой души, с которой она могла бы о них поговорить, пожаловаться на тяжелый характер Китти, на упорное молчание Тьерри. Если она с кем и общалась, то в основном с Мэттом.

– Ваша ванная. – В дверях показался Мэтт. – Ну как, вы приняли решение насчет того, чтобы ее перенести? Ей самое место в третьей спальне.

Изабелла попыталась вспомнить их предыдущие обсуждения этой темы.

– А разве вы сами не говорили, что перенос потребует дополнительных затрат?

– Ну, может, выйдет чуть-чуть и дороже, но тогда у вас будет и гардеробная, и примыкающая к спальне ванная, а трубы переложить – левое дело. Будет гораздо лучше, чем сейчас, когда она зажата в углу.

Обдумав его слова, она покачала головой. После того случая с рухнувшим потолком она не могла спокойно вести беседу – ее так и тянуло посмотреть наверх.

– Нет, Мэтт. Я не могу себе этого позволить. Полагаю, надо просто привести в порядок старую ванную комнату.

– Говорю же вам, Изабелла, так получится гораздо лучше. Достойная ванная и гардеробная сразу увеличат стоимость дома.

Он обладал редким даром убеждения, и его тон явственно свидетельствовал о том, что последнее слово всегда оставалось за ним.

– Я знаю, вы долго вынашивали идею, – сказала Изабелла. – Но не сейчас. На самом деле о чем я действительно хотела с вами поговорить, так это о розетке на кухне. Мне надо срочно подключить холодильник до начала жары.

– Ох, да. Розетка. Все не так просто, как кажется, из-за старой электропроводки. – Мэтт ухмыльнулся. – Но я что-нибудь придумаю. Не волнуйтесь. Кстати, у вас очень красивые волосы.

Она поймала свое отражение в настенном зеркале и попыталась понять, какие изменения произошли сегодня с ее внешностью. Ведь Мэтт уже дважды похвалил ее внешний вид. Затем она поспешно отвела глаза из опасения, что он ненароком увидит, как она изучает себя в зеркале. Бывали дни, когда Мэтт казался воистину вездесущим: выскакивал из комнаты, в которую она собиралась войти, заметно оживлялся, когда она играла на скрипке, приходил на кухню попить кофейку, когда она стряпала, комментировал сегодняшние газеты. Иногда она была даже не против.

– Хочу вас предупредить. Я нашел свежий крысиный помет за плинтусом. Должно быть, строительные работы расшевелили крыс.

Изабелла внутренне содрогнулась. После той истории с крысой она практически перестала спать.

– Может, вызвать бригаду дератизаторов?

– Бесполезно. Пока полы вскрыты, крысы найдут где спрятаться. Они могут проникать в дом со двора. Оставьте все как есть до конца ремонта.

Представив, как в глухую полночь в дом пробираются крысы, Изабелла закрыла глаза. Затем с тяжелым вздохом она потянулась за кошельком и ключами.

– Мэтт! Я в магазин. Скоро вернусь! – крикнула она.

Изабелла плохо понимала, с чего это ей вздумалось сообщать ему о своих перемещениях. Если ему вдруг понадобилось бы войти или выйти, он всегда мог воспользоваться запасным ключом, спрятанным под ковриком у задней двери. Ведь именно Мэтт обнаружил ключ несколько недель назад. Выходит, они многие месяцы спали в доме, в который любой, кто хочет, мог войти. Эта мысль ужаснула Изабеллу.

– Мэтт?

Но он не ответил. Запирая за собой парадную дверь, она слышала, как он весело насвистывает где-то наверху.

Она простояла около десяти минут в очереди к банкомату, в основном потому, что пожилой

мужчина перед ней озвучивал всю информацию, появлявшуюся на экране.

– Десять фунтов. Двадцать фунтов. Пятьдесят фунтов. Иное... – бормотал он. – Так сколько же мне нужно?

В отличие от стоявшей сзади нее женщины, Изабелла не выказывала признаков нетерпения, несмотря на то что на улице шел дождь, а она забыла зонтик. Она лучше, чем кто бы то ни было, знала: иногда простейшие операции, которые для других не составляют труда, могут поставить тебя в тупик. Более того, она даже похлопала старика по плечу, когда тот в результате оставил в банкомате деньги, за что получила его искреннюю благодарность. Погруженная в свои мысли, Изабелла не сразу заметила, что, когда она набрала пин-код и нужную сумму, на экране появилась надпись: «На вашем счету недостаточно средств для проведения транзакции. Пожалуйста, обратитесь в местное отделение вашего банка».

Она вышла из очереди и вошла в банк. Женщина за стойкой внимательно изучила ее карточку, набрала что-то на компьютере, а затем подтвердила информацию на экране банкомата:

– На вашем текущем счету недостаточно средств, прошедших клиринг.

– А вы можете сказать, сколько вообще денег у меня на счету? – спросила Изабелла.

Женщина опять постучала по клавиатуре, затем нацарапала какую-то цифру на листке бумаги и протянула Изабелле:

– У вас овердрафт. Если вы превысите этот предел, – она нацарапала еще одну цифру, – вам придется платить пени, поскольку овердрафт автоматически становится неразрешенным.

Изабелла отчаянно пыталась вспомнить свои траты за последнее время. Значит, так: кровельная черепица (незапланированная покупка), новая канализационная труба, осветительная арматура, обошедшаяся ей вдвое дороже, чем она рассчитывала.

– А вы не могли бы перевести немного денег с моего сберегательного счета? Там наверняка что-то осталось. Чтобы у меня не было овердрафта.

Служащая банка с профессиональным безразличием сделала запрос и протянула Изабелле очередную бумажку, где была указана сумма на ее сберегательном счету. Цифра оказалась значительно меньше, чем рассчитывала Изабелла, но банковская служащая, решив ради исключения проявить любезность, повернула к ней экран компьютера и показала все транзакции, имевшие место в предыдущий месяц.

– О... У меня строительные работы в самом разгаре, – дрожащим голосом произнесла Изабелла.

Банковская служащая улыбнулась явно сочувственно:

– Очень чувствительно для бюджета, да?

Изабелла, опустошенная и обессиленная, возвращалась домой с картошкой и фасолью в томате вместо запланированного жареного цыпленка с салатом. Чтобы немного поднять настроение, она поставила старую кассету с Генделем, которую откопала в бардачке. Прежде она никогда не задумывалась о стоимости продуктов, но теперь, перед лицом тающих, как апрельский снег, накоплений, она поняла, что следует быть экономнее. Исключив мясо и рыбу из их рациона, она сможет уменьшить затраты на продукты почти на двадцать фунтов, а «сквош» обойдется гораздо дешевле натуральных соков. Вчера она весь вечер штопала Тьерри носки, хотя раньше выбросила бы их на помойку и купила бы новые. Было даже нечто завораживающее в том, чтобы, как хорошая хозяйка, сидеть перед огнем с шитьем в руках.

Она проехала уже четверть мили по проселочной дороге, и тут Долорес, словно специально выбрав момент, решила лишить Изабеллу последних запасов оптимизма. Мотор, который в предыдущие дни и так капризничал – на что Изабелла предпочла не обращать внимания, – окончательно заглох, когда машина переползала через огромную лужу посреди дороги. Изабелла осталась сидеть в салоне, дворники дернулись и застыли на лобовом стекле, музыка продолжала

греметь. Она выключила приемник и попробовала включить зажигание, безрезультатно.

– Ох, черт бы тебя побрал! – взвизгнула Изабелла.

Она вышла из машины, выругалась, поскольку тут же промочила ноги в илистой жиже, стукнула по капоту и открыла его, частично защитив себя от дождя. Изабелла уставилась на потрескивающий мотор, сама толком не понимая, чего, собственно, ищет.

– Ну почему? – жалобно спросила она. – Почему именно сейчас? Почему ты не захотела доехать до дома?

Она пнула ногой колесо, затем вытянула масляный щуп – единственную деталь двигателя, с которой была знакома. Но, проверив уровень масла, она не знала, что делать дальше. Свинцовые небеса продолжали изрыгать потоки дождя, и она с трудом поборолла желание выругаться, кляня разбушевавшуюся стихию.

Изабелла даже не была уверена, хочется ли ей возвращаться в дом. Временами ей казалось, будто дом буквально съедает ее заживо, поработив целиком и полностью, более того, высасывая из нее энергию, которая уходила на нескончаемую работу по его содержанию. Теперь голова Изабеллы была вечно забита вопросами, требующими незамедлительного решения: где установить розетку, какое дерево использовать, какую толщину плинтусов выбрать.

Она старалась не думать о том, какова была бы сейчас ее жизнь, если бы Лоран остался в живых. Но на данный момент Изабеллу гораздо сильнее терзали более мелкие проблемы: заглохшая машина, выписка с банковского счета, отчет об успеваемости детей, крыса на кухне. «А мне наплевать! – хотелось ей крикнуть в лицо рабочим, постоянно ее о чем-то спрашивавших. – Я просто хочу, чтобы в доме все работало и мне не надо было забивать голову ерундой. Хочу думать об адажио, а не о теплоизоляции».

– А еще я хочу машину, способную доехать до магазина и обратно! – вырвался у нее вопль души. – Неужели я слишком много прошу?! – Она снова пнула колесо, получив какое-то извращенное удовольствие от боли в ноге. – Больше не желаю иметь со всем этим дело! Я хочу жить так, как жила раньше!

Она забралась в машину, мокрые волосы рассыпались по плечам. Затем крепко зажмурилась и сделала несколько глубоких вдохов. Ей срочно надо было решить, как выйти из ситуации: то ли вернуться в магазин и вызвать эвакуатор, то ли дойти до дома пешком. Утром Изабелла отдала Китти свой мобильник, надеясь хоть как-то поднять настроение дочери, а теперь в любом случае придется пятнадцать минут тащиться туда или сюда под дождем. Изабелла закрыла глаза и снова включила музыку, чтобы та в очередной раз напомнила ей о том, что все проходит и это пройдет.

А когда открыла глаза, то увидела через лобовое стекло в потеках воды какую-то красную машину, направляющуюся прямо к ней. Минивэн Мэтта.

– Что, проблемы? – Мэтт остановился в нескольких футах от нее.

– Заглохла и не хочет ехать. – Изабелла была не в силах скрыть свое облегчение. – Не могу понять, в чем дело.

Мэтт подошел к машине, поднял капот, заглянул внутрь. Из открытой правой передней двери доносилась музыка.

– У вас такого еще не случалось, да? – спросил Мэтт. Он засунул руку под капот и пощупал двигатель, затем убрал руку. – Попробуйте ее завести.

Изабелла села за руль и попробовала включить зажигание.

Он прислушался, а затем махнул рукой, чтобы Изабелла выключила музыку.

– Еще раз, – скомандовал он. А затем: – Еще секундочку.

– А что вы там слышите? – Изабелла была явно заинтригована. – Что вы можете слышать такого, чего не слышу я?

Она вышла из машины. Ей было неудобно сидеть в сухом салоне, когда Мэтт из-за нее мок

под дождем. Увидев Изабеллу, Мэтт снял куртку и жестом предложил укрыться под ней, затем подошел к своему минивэну, пошарил внутри и достал тряпку. Вернулся к машине Изабеллы, вытащил какую-то резиновую прокладку и принялся тщательно ее вытирать. Потом почистил контакты. К тому времени как он закончил, его серая футболка успела насквозь промокнуть, а в волосах заблестели капли дождя.

– Ну вот. Попробуйте теперь, – сказал он.

Изабелла залезла обратно в машину и мокрыми пальцами повернула ключ в замке зажигания. Двигатель послушно заурчал.

– Ой! – восторженно воскликнула она и, увидев в окне мокрое лицо Мэтта, подпрыгнула от неожиданности.

– Крышка распределителя, – произнес Мэтт, щурясь от дождя. – В машинах с низкой посадкой типа вашей они быстро намокают, тем более при таких лужах. Здесь нужен технический аэрозоль WD-40. Я вам вот что скажу. Я поеду с вами, а ребятам велю развернуться и ехать следом. Хочу удостовериться, что вы в порядке и добрались до дома.

Не слушая ее возражений, он сел на пассажирское сиденье и кивком показал, что надо объехать красный минивэн. Она вдруг поймала на себе взгляды его работяг и особенно остро почувствовала, что на ней мокрая блузка, а рядом чужой мужчина.

– А теперь слушайте на здоровье вашу музыку, – ухмыльнулся Мэтт.

Изабелла включила приемник на полную громкость, ее накрыло волной ликующих звуков клавиатура.

– Гендель, – сказала она, заметив, что Мэтт рассматривает футляр от кассеты.

– Только не говорите мне, что...

– Да-да. Это «Музыка на воде», – хихикнула она, услышав в ответ его раскатистый смех.

Она сама толком не знала, что на нее нашло. Может, дело было в чувстве облегчения, что машина в порядке, может, в отчаянии из-за расстроенных финансов, а может, в необходимости дать выход эмоциям, но, когда ее старая колымага затряслась по ухабам по дороге к одинокому, прохудившемуся и слишком накладному для хозяйки дому, Изабелла принялась смеяться, смеяться до упаду, причем так, что сама испугалась, не закончится ли этот смех слезами.

Она свернула на подъездную дорожку, заглушила мотор, выключила магнитофон и резко оборвала смех. И наступившая тишина внезапно стала слишком многозначительной.

Изабелла посмотрела на свои руки, на мокрые пятна на длинной юбке, на грудь, облепленную сырой блузкой. Она даже не увидела, а скорее почувствовала, что Мэтт буквально ест ее глазами, и поспешила сделать строгое лицо.

– Как приятно видеть вас улыбающейся, – невозмутимо обронил Мэтт.

Их взгляды встретились, в его пронзительно-голубых глазах она не увидела обычной самоуверенности. Он положил ей руку на плечо.

Ее словно пронзило ударом тока, но Мэтт открыл дверь, вышел из машины и пошел под дождем к своему минивэну, а Изабелла неожиданно для себя дотронулась рукой до того места, что хранило его тепло.

Даже для человека, зарабатывающего вдвое больше, не нашлось ничего, что можно было бы считать нормальным домом. Абсолютно ничего для человека, который не хотел уезжать из тех мест, где провел всю свою сознательную жизнь. Байрон сидел в машине – дождь косыми потоками заливал лобовое стекло, щенки на заднем сиденье скулили и огрызались друг на друга – и искал в местных газетах несколько строчек, которые могли бы помочь ему обрести дом. Да, предлагалось жилье на любой вкус: дома класса люкс, квартиры с двумя спальнями,

коттеджи для рабочих, в которых уже давным-давно не живут рабочие. Но не было ничего для человека с низким доходом и минимальными сбережениями.

Понимая всю плачевность своей ситуации, Байрон тем не менее не хотел в это верить. Ведь всегда кажется, что подобные вещи случаются не с тобой, а с кем-то другим. Хотя, с другой стороны, несколько лет назад ему пришлось жить в таких условиях, какие и в страшном сне не приснятся. Как там говорится? Хочешь рассмешить Бога – расскажи Ему о своих планах.

У Байрона больше не было планов, за исключением возможности найти хотя бы временное жилье. От отчаяния он даже собрался сдать щенков в приют для животных, что отчасти развязало бы ему руки. Но таких крошечных щенков нельзя было оставлять одних без матери, а Байрон и помыслить не мог о том, чтобы расстаться с Мег. Ведь Мег и Элси – это практически все, что у него осталось.

Конечно, Байрон мог попросить у сестры разрешения переночевать пару недель у нее на диване, но он считал это неправильным. Ведь она только-только начала новую жизнь, и гордость не позволяла ему лишать ее возможности в кои-то веки зажить полноценной семьей. Да, у него были друзья в деревне, но не настолько близкие, чтобы просить их об одолжении. Неожиданно для себя он обнаружил, что в таком положении находится целая прослойка людей. Ни один из них не наклеит на себя ярлык бездомного, но все они по тем или иным причинам оказались в подвешенном состоянии: перекапывались на диванах у друзей, на временно пустующих кроватях, в домах на колесах, просили об одолжении дать им на недельку-другую крышу над головой. Конечно, он мог отправиться за двести миль отсюда в родительский одноэтажный домик на побережье, но что это изменит? Работы у него не будет, а их дом с коврами и кучей безделушек вокруг – отнюдь не самое подходящее место для человека с собаками. Денег у родителей тоже не попросишь, поскольку они и так еле-еле сводят концы с концами.

Ну а кроме того, Байрону ненавистна была сама мысль о том, чтобы признаться, как низко он пал, тем самым разочаровав их уже во второй раз. Не очень-то приятно сознавать, что у тебя нет дома, и ему не слишком-то хотелось, чтобы на него навешивали и этот ярлык. Его лицо исказила гримаса отчаяния. Он погрузился в свои невеселые мысли и просидел в глубокой задумчивости до темноты, очнувшись, только когда щенки принялись обиженно скулить.

Тогда он завел машину и двинулся в путь.

К тому времени как он остановил свой старенький «лендровер» на полянке возле загона для фазанов, уже совсем стемнело. Этот участок принадлежала Мэтту, а потому присутствие здесь машины Байрона никого не удивит и не вызовет лишних вопросов. Было почти восемь часов вечера. Байрон посадил щенков в картонную коробку, перекинул сумку через плечо и пошел вперед, Элси и Мег побежали следом.

Байрон знал здешние места как свои пять пальцев, фонарь ему был не нужен. Он вырос в этих местах, исходил здесь все вдоль и поперек, мог с закрытыми глазами перебраться через поваленное дерево или с легкостью горного козла перепрыгнуть через канаву. Он шел сквозь плотную тьму под пологом густого леса; где-то вдали ухнула сова, сдавленно пискнул пойманный хищником кролик, но Байрон не слышал ничего, кроме шуршащего шепота дождя и хлюпающих звуков собственных шагов.

Наконец он увидел огни. Он остановился на краю поля, на секунду усомнившись, способен ли он это сделать. Байрон смотрел на едва различимый женский силуэт на фоне светившегося окна. Женщина сделала шаг вперед, задернула шторы и исчезла из виду. Уже гораздо позже он осознал, что это было для него нечто вроде надир: столь неприметная деталь повседневной жизни еще раз продемонстрировала ему, что он нереально одинок и выброшен на обочину.

Щенки беспокойно ворочались в отсыревшей коробке. Это ведь ненадолго, говорил он себе, вытирая лицо свободной рукой. Пусть малыши подрастут, и тогда я смогу их продать. Мне надо только встать на ноги. Он поправил коробку под мышкой и, шикнув на собак, прошел вдоль поля, пока наконец не нашел нужную дверь в обшитой сайдингом кирпичной пристройке к задней части дома.

Замок с незапамятных времен был сломан, дерево вокруг прогнило, и кованый засов едва держался. Байрон осторожно открыл дверь и прислушался к далекому звуку скрипки, к неожиданно громкому голосу ребенка. Он проскользнул в темный проем и спустился по каменным ступенькам. Воздух под домом был затхлым, слегка отдавал серой, но, по крайней мере, тут было сухо и на пару градусов теплее, чем на улице, ведь ночи по-прежнему стояли холодные. Над головой глухо урчал бойлер. И только притворив за собой вторую дверь, Байрон решил зажечь фонарь.

Все оказалось именно так, как он и помнил: Г-образная бойлерная под домом, ветхий агрегат в дальнем углу, старая поленница возле двери, достаточно высокая, чтобы защитить его от любопытных глаз. Грязная раковина для подсобных рабочих и закрытый на замок черный ход из кухни. Дети здесь не бывают, да и вообще сюда вряд ли хоть кто-нибудь заглянет. А вдова, скорее всего, даже и не подозревает об этой комнате под домом.

Поставив коробку на пол, Байрон развернул спальный мешок. Мег с видимым облегчением подставила щенкам соски. Ладно, оставшиеся пожитки он перенесет сюда завтра. Он поставил для Элси и Мег миски с водой и кормом, а затем попытался помыться в крошечной раковине. Наконец он выключил фонарь, сел в углу возле решетки, сквозь которую виднелся кусочек ночного неба, и прислушался к уютному сопению собак, стараясь не думать об обитателях дома. Он вообще старался ни о чем не думать. Этим мастерством он в совершенстве овладел несколько лет назад.

Байрон уже собрался было залезть в спальный мешок, но тут его внимание привлек странный металлический блеск. Блеск новехонького металла, а не заржавевших, потемневших от времени крюков и засовов – неременной принадлежности старого дома. Байрон направил луч фонаря на таинственный предмет. В углу возле двери на кухню стояла переноска для животных. Новехонья проволочная переноска с толстым поддоном внизу, годящаяся, например, для маленькой кошки.

Байрон поднял переноску и неожиданно заметил на дне катышки помета. Выходит, переноску использовали вовсе не для кошки.

Замок на двери, закрывающей черный ход на кухню, был сломан.

Байрон сел на пол, все неприятности в мгновение ока были забыты. Он думал о незваном госте в кухне над ним.

Ей говорили, что в таком большом, таком ветхом доме главное – пережить зиму. Что станет своего рода испытанием на прочность. По углам будут гулять бесконечные сквозняки, прохуdivшаяся крыша – грозить протечками, с озера – вечно тянуть сыростью. Но теперь, с наступлением лета, Изабелла обнаружила, что тепло как будто вселило дух сопротивления в ее дом. словно сама Природа теперь знала, что последний из рода Поттисворт почил в бозе, а его место узурпировал новый человек, решивший переделать Испанский дом, кирпичик за кирпичиком, дюйм за дюймом, под себя. Колокольчики, тюльпаны и гиацинты, успевшие беспрепятственно размножиться, проклюнулись из земли, а между камнями вокруг дома уже показались зеленые ростки сорняков – ядовитого крестовника и вездесущего мокричника. После долгих недель непрерывных дождей каменные выступы покрылись мхом, живые изгороди из ежевики и увитых плющом кустов привольно разрослись. А трава зеленым ковром с цветочным рисунком из лютиков и одуванчиков покрыла гравийные дорожки и тропинки. Упавшие старые фруктовые деревья служили Изабелле неммым укором, напоминая, что она плохо заботится о саде. словно в ответ на зов Природы, кролики опутали землю хитроумной сетью нор, грозящих вывихом лодыжки, а кроты, ведущие неприкрытую подрывную деятельность, усеяли все вокруг могильными холмиками свежерытой земли.

Внутри дела обстояли несколько лучше. Мэтт с помощниками каждый день приходили и уходили, пробивая дыры в стенах и, по всей видимости, снова их заделывая. Изабелла даже видела явные улучшения: крыша больше не текла, а печная труба – не кренилась набок. Благодаря канализационной трубе в ванной грязная вода больше не являлась потенциальным источником брюшного тифа, а на кухне появились новые полы и вполне приличная раковина. А еще несколько новых окон, горячая вода время от времени и частично установленная система отопления, которая обещала тепло следующей зимой, а пока благополучно протекала на перестеленные деревянные полы.

И тем не менее у Изабеллы до сих пор не имелось нормально функционирующей ванной и, несмотря на ее настоятельные просьбы, розетки для холодильника на кухне. Но, что самое важное, у нее была целая гора выписок с банковского счета, где были указаны постоянно растущие расходы, а еще тетрадь, куда она заносила все работы, в необходимости которых ее уверял Мэтт Маккарти, и суммы, которые он называл. Цифры со множеством нулей приводили Изабеллу в ужас.

Изабелла провела целое утро за кухонным столом, систематизируя выписки со счета в тщетной попытке реально оценить свое финансовое положение. У нее было такое чувство, будто она ходит по краю пропасти. Остается только одно, думала она. Ведь я отвечаю за все. У детей, кроме меня, никого нет, они целиком и полностью зависят от меня. И они, похоже, твердо верят, что я справлюсь с поставленной задачей.

В эту минуту в кухню вошел Мэтт с пакетом круассанов прямо из булочной и плюхнулся на стул напротив Изабеллы.

– Попробуйте. – Он поднес круассан к ее губам. – Очень вкусно. Откусите кусочек. – Она поймала его взгляд, устремленный на ее полуоткрытый рот, и неожиданно смутилась. Мэтт широко ухмыльнулся: – Правда, хороши?

У Мэтта были крупные руки с квадратными пальцами, загрубевшими от тяжелой работы. И когда она кивнула, жуя круассан, он снова улыбнулся, словно в подтверждение своих мыслей. Теперь он часто приносил ей продукты: натуральный кофе, который она заваривала специально для него, яйца, что ему подарили на работе в другом месте, шоколадные маффины и кексы, когда

кто-то из его бригады ездил в город. И она не знала, то ли радоваться его присутствию, поскольку он избавлял ее от необходимости оставаться один на один с крысами, протечками и неработающей плитой, то ли опасаться, поскольку в доме он вел себя куда более по-хозяйски, чем она сама. Он обладал своеобразной харизмой, под влиянием которой Изабелла вечно шла у него на поводу в том, что касалось ремонтных работ, хотя изначально планировала нечто совершенно другое.

– Нет, вы только поглядите на свои руки! – воскликнул он, когда она взяла еще один круассан, и, увидев стоящего в дверях Байрона, добавил: – Байрон, погляди. Ты когда-нибудь видел такие пальцы? – Он дотронулся до ее руки, вогнав Изабеллу в краску.

– Я их постоянно берегла, – объяснила она. – Мои руки особо не приспособлены к домашней работе. Только к игре на скрипке.

– Ни пятнышка, ни вмятинки. Они такие гладкие. Точно... – Мэтт повернулся к Байрону. – Точно руки статуи, да?

Байрон буркнул нечто нечленораздельное в знак согласия, и Изабелла вдруг почувствовала себя полной идиоткой. Мэтт допил кофе и встал со стула.

– Только не вздумайте съесть все сразу! – крикнул он уже с порога и вышел из кухни.

Изабелла посмотрела на свою изрядно похудевшую чековую книжку и скомканный бумажный пакет рядом. Нет, даже самый вкусный круассан вряд ли исправит ей настроение. Выписки со счета со всей полнотой подтверждали ее худшие опасения. Она сгребла их в кучу. Из окна Изабелла видела, как Мэтт руководит человеком на экскаваторе. Они прокладывали дополнительную трубу к внешнему источнику.

Это пора прекратить, сказала она себе. И уже неважно, в каком состоянии дом. Ведь у нее практически ничего не осталось.

Выйдя из дома, Изабелла побрела по высокой траве. На ней была длинная юбка и свободный шерстяной кардиган. Волосы густой волной рассыпались по плечам, ветер развевал падавшие на лицо непослушные пряди. Мэтт подошел к экскаватору и отдал Байрону чертежи Свена.

– Я принесла вам обоим чая. – Изабелла протянула две кружки.

Мэтт ухмыльнулся Байрону:

– Миссис Ди умеет за нами ухаживать. Не то что некоторые, а, Байрон? Спасибо вам. – Он смотрел, как Байрон берет кружку черными от земли руками. – Мы вот тут обсуждали, что раньше здесь были огород и фруктовый сад. До того как рухнула вон та стена. – Мэтт махнул рукой в сторону провала, обрамленного раскрошившимися красными кирпичами. Он еще помнил тот огород, помнил и посаженные шпалерой яблони с романтическими названиями. – Кстати, несколько деревьев все же уцелело. И этой осенью вы можете получить неплохой урожай.

Если вы все еще будете здесь, мелькнуло у Мэтта в мозгу.

Байрон опустил свою кружку:

– Да, на огороде осталось несколько возделанных грядок. Там раньше выращивали овощи. Может, Тьерри захочется посадить кое-какую зелень. Моя племянница, например, любит выращивать овощи. – Это была самая длинная речь, которую Байрон был способен выдать экспромтом. – А я покажу ему, что к чему, – продолжил Байрон. – Горошек сажать довольно легко.

– Да, ему наверняка понравится, – убрав упавшие на лицо волосы, ответила Изабелла. – Спасибо.

Байрон подошел поближе, шаркая облепленными грязью башмаками:

– А еще я хотел бы извиниться за ту историю с крысой. Я спрятал ружье на чердаке, там до него никто не доберется.

– Спасибо, – повторила Изабелла.

– Не думаю, что крысы побеспокоят вас снова.

– Вот уж этого ты точно не можешь знать наверняка, – покачал головой Мэтт.

– Нет, могу, – отрезал Байрон, не поднимая глаз. – Думаю, я могу сказать, что с крысами покончено навсегда.

– Ну... У меня словно камень с души свалился, – согласилась Изабелла. – Эта крыса мучила меня в ночных кошмарах. Я глаз не могла сомкнуть... Кстати, – повернулась к Мэтту Изабелла, – можно вас на пару слов? Мне надо поговорить насчет работы.

Байрон промолчал и снова занялся экскаватором.

Изабелла собралась было что-то сказать, но не решилась. Наконец она убрала волосы с лица и неуверенно посмотрела на Мэтта виноватыми глазами:

– Я хочу это приостановить. – (Мэтт недоуменно поднял брови.) – Я имею в виду строительные работы. Вы поработали на славу, но я не могу продолжать. По крайней мере, не сейчас.

– Но работы невозможно остановить вот так сразу. Нельзя бросить все на полпути.

– Ну, значит, придется это сделать. Я исчерпала все свои лимиты, и нам – нет, мне – не имеет смысла продолжать. По крайней мере, сейчас. Мэтт, я действительно высоко ценю вашу работу, но мне следует быть разумной, – покраснев, сказала она.

– Но совершенно неразумно прекращать работы прямо сейчас. – Он махнул рукой в сторону экскаватора. – Ведь те, что мы сейчас делаем, самые необходимые. Без новых коммуникаций вы далеко не уйдете. И мы еще не закончили ванную. Конечно, ближайшие несколько месяцев вы вполне сможете обойтись без системы отопления верхнего этажа, но мой вам совет – закончить ее прямо сейчас. Ведь ближе к зиме вы вряд ли кого-нибудь найдете, а у меня после вас все расписано под завязку, – произнес он, заметив, как она побледнела.

– Мэтт, вы не понимаете.

– Тогда скажите мне.

От нее пахнет цитрусовыми, подумал он.

– Ладно. Ремонт обошелся мне гораздо дороже, чем я рассчитывала. И я не могу позволить себе его продолжать. У меня больше не осталось денег, чтобы вам платить.

Казалось, она вот-вот разрыдается. На ресницах в уголках ее глаз заблестели слезы, похожие на темные звездочки.

– Понимаю, – слегка напрягшись, бросил Мэтт.

Вокруг свежевырытой траншеи, куда еще предстояло положить трубы, громоздились горы земли. Новый комплект для ванной комнаты стоял нераспакованным возле заднего крыльца. Мэтт отыскал его еще несколько месяцев назад: огромная старинная чугунная ванна в викторианском стиле на львиных лапах. Именно о такой мечтала Лора. В последнее время Мэтт частенько забывал, что дом принадлежит Изабелле.

– Поверьте мне, – тихо сказала она, – если бы я могла позволить себе продолжить ремонт, то непременно так и сделала бы.

– Неужели все настолько плохо?

– Да. – Изабелла старательно избегала его взгляда.

Они замолчали, прислушиваясь к карканью ворон вдалеке.

– Изабелла, вы в порядке? – (Она прикусила губу и кивнула.) – Ладно, главное, не волнуйтесь. Я скажу парням, чтобы закончили начатые работы, и мы вас оставим. – Она собралась было возразить, но он лишь отмахнулся. – И ни о чем не беспокойтесь. Не надо

ничего платить прямо сейчас, после сочтемся. Как-нибудь договоримся.

Уже позже, вспоминая этот разговор, Мэтт понял, что не совсем точно подобрал слова. Если честно, он вообще не думал, что говорить. И хотя он много месяцев ждал этого момента, с той самой секунды, как ему стало ясно, что новая хозяйка дома явно не от мира сего, Мэтту не удалось насладиться им до конца. Его отвлек Байрон, а именно его странный тон, которым парень говорил о крысе. А еще то, как он посмотрел на Изабеллу, принимая из ее рук кружку чая.

Мэтту Маккарти показалось, что у него выбили почву из-под ног.

Когда Изабелла побрела назад, съездившись от холодного ветра, с низко опущенной головой, Мэтт неспешно подошел к Байрону.

– Есть дело, – небрежно бросил он, и Байрон удивленно поднял на него глаза. – Вдова, – уточнил Мэтт. – Не советую к ней лезть.

Как ни странно, Байрон не стал спорить. Он даже не стал делать вид, будто не понимает намеков Мэтта. Байрон просто выпрямился, сразу оказавшись на полголовы выше Мэтта, их глаза встретились, причем, как ни странно, Байрон не стал отворачиваться, взгляд его был непроницаемым.

– Выходит, ты советуешь мне держаться от нее подальше, – бесстрастно сказал он и пошел прочь, но выражение его лица ясно говорило о том, что он не стал произносить вслух: *Даже ты не имеешь права советовать мне держаться подальше от того, кто тебе не принадлежит.*

После полудня ветер усилился, и Мэтт с парнями, устав бороться под дождем с раскисшей землей, уехали пораньше. Экскаватор неподвижно стоял на лужайке в море грязи. Изабелла то и дело посматривала на блестящую желтую машину, которая своим присутствием словно напоминала хозяйке дома о ее плачевном финансовом положении. Чтобы немного поднять настроение, она решила испечь печенье, но с этой плитой совершенно невозможно было определить его готовность, и Изабелла, отвлекшись на симфонию Шуберта, напрочь забыла о духовке. К тому времени как дети вернулись домой, печенье приобрело цвет дубленой кожи, пахло оно тоже не лучшим образом.

Тьерри, кинув рюкзак на кухонный стул, схватил с железной решетки одну печенюшку, понюхал и положил обратно. Китти, едва взглянув на печенье, выразительно подняла брови.

– Ну что, мои дорогие, хороший был день? – спросила Изабелла.

Тьерри пожал плечами. Китти демонстративно принялась рыться в сумке.

– Китти? Хороший был день?

– День как день. Не лучше и не хуже, чем обычно, – небрежно ответила Китти.

– Что ты этим хочешь сказать? – нахмурилась Изабелла.

Маленькое, заостренное книзу лицо Китти неожиданно скукожилось.

– А это значит, что если ты застрял в школе, где у тебя нет друзей, в доме, который ненавидишь, в местах, которых совершенно не знаешь, то все дни одинаково дерьмовые. Поняла?

Изабелле показалось, будто ей дали под дых. Китти еще никогда не позволяла себе разговаривать с матерью подобным тоном.

– Что случилось? – возмутилась она. – Китти, какой бес в тебя вселился?

В глазах дочери промелькнуло презрение.

– Не прикидывайся, будто ты не знаешь.

– Но я действительно не знаю, – не выдержала Изабелла.

После сегодняшних неприятностей это уже было чересчур.

– Вруша!

Изабелла схватила стул и уселась напротив дочери. Взгляд распахнутых глаз Тьерри метался

между матерью и сестрой, губы его были крепко сжаты.

– Китти, да скажи ты мне, ради бога, из-за чего ты так злишься. Разве я могу тебе помочь, если не знаю, в чем дело!

– В тебе! – злобно прошипела Китти. – Ты прямо-таки соловьем разливаешься, типа как ты нас любишь, а на поверку выходит, что ты нас вообще не любишь. Даже теперь, когда папа умер, мы у тебя идем вторым номером после твоей проклятой скрипки.

– Как ты можешь так говорить?! Я пожертвовала ради вас своей карьерой. Каждое утро я с вами, каждый вечер я жду вас после школы. С тех пор как мы сюда переехали, я ни единого дня не работала.

– Дело не в этом!

– Нет, именно в этом! Вы с Тьерри для меня самое важное в жизни! – Изабелле хотелось добавить, что Китти и понятия не имеет, что для нее значил этот переезд, ведь ей пришлось забыть о карьере музыканта, но она не могла взваливать такую ношу на хрупкие плечи дочери.

– Я знаю! – взвизгнула Китти. – Я знаю о мистере Картрайте. Знаю, что ты могла продать свою Гварнери и тогда мы остались бы в Мейда-Вейл! – (Изабелла побелела. Погрузившись с головой в обустройство Испанского дома, она напрочь забыла о том предложении.) – Ты нам врала! Ты говорила, что мы не можем себе позволить остаться в старом доме, с нашими друзьями и Мэри. Ты говорила, что переезд – для нас лучший выход из положения. Но если бы ты продала свою чертову скрипку, нам не пришлось бы расставаться со всем тем, что мы любим. Ты все врала! – Китти перевела дыхание и нанесла матери последний, сокрушительный удар: – Вот папа никогда не стал бы нам врать!

Тьерри, опрокинув стул, пулей выскочил из кухни.

– Тьерри! Китти! Я отнюдь не уверена, что даже если бы...

– Не надо! Я слышала, что сказал мистер Картрайт!

– Но я...

– Тут вовсе не твой чертов дом! И никогда не был! Просто для тебя это единственный способ сохранить свою драгоценную скрипку!

– Китти, это...

– Все, проехали. Отвяжись от меня!

Китти швырнула сумку на стол и, вытирая лицо рукавом, размашистой походкой вышла из кухни. Изабелла хотела догнать детей, чтобы хоть что-то им объяснить, но поняла, что это бессмысленно. Поскольку Китти, в сущности, права. Изабелле нечего было сказать в свое оправдание.

Ужин прошел в тяжелой атмосфере. Тьерри не проронил ни слова, он съел макароны в сырном соусе, отказался от яблока и исчез в своей комнате. Китти сидела с опущенной головой и на вопросы Изабеллы давала односложные ответы.

– Мне очень жаль, – нарушила тишину Изабелла. – Правда, Китти. Мне ужасно жаль. Но ты должна знать: для меня нет ничего важнее в этой жизни, чем ты и твой брат.

– Ну и что с того?! – Китти отодвинула тарелку.

Они с Тьерри легли спать без лишних препирательств, и это уже настораживало. Изабелла осталась одна в гостиной, электричество странно мигало, за окном завывал и свистел ветер.

Изабелла затопила камин, незаметно для себя выпила полбутылки красного вина и поняла: даже пылающий в камине огонь ее сейчас совсем не греет. Она с облегчением обнаружила, что по телевизору идет какая-то комедия. Но когда по экрану побежали начальные титры, Изабелла услышала какой-то странный глухой звук. Картинка на экране превратилась в белую точку и исчезла. И тут же погас свет, Изабелла осталась одна в звенящей тишине, окутанная плотным покрывалом темноты. Все это выглядело как издевательство, словно дом потешался

над ней. Изабелла неподвижно сидела на диване в отблесках языков пламени. Неожиданно ее лицо сморщилось, и она разрыдалась.

– Проклятый дом! – взвизгнула она. – Проклятый дурацкий дом!

Она поднялась с дивана и, продолжая чертыхаться, принялась искать спички, затем – свечи, которые не удосужилась положить в определенное место; голос ее заглушал вой ветра, от отчаяния слова застревали в горле.

Мэтт провел вечер в «Длинном свистке». Он усиленно избегал Терезу, которая, уловив безошибочно настроенным локатором, что Мэтт к ней охладел, сделалась обидчивой и раздражительной; она беспрестанно расхаживала взад и вперед за барной стойкой, многозначительно поглядывая в его сторону. Но Мэтт оставался совершенно равнодушным к ее призывным взглядам, а попытки Терезы остаться с ним наедине не встречали у него сочувствия. Он терпеть не мог приставучих женщин, не способных понимать намеки.

А кроме того, мысли его были целиком и полностью заняты другим.

Он зашел в паб скорее потому, что уж больно не хотелось возвращаться домой, ведь Лора, в принципе предпочитавшая на многое закрывать глаза, не могла не заметить его явного беспокойства. Мэтт чувствовал непривычный разлад с самим собой. Стоило ему зажмуриться, как перед ним возникало обращенное к Изабелле лицо Байрона. Байрон смотрел на Изабеллу широко открытыми удивленными глазами, и Мэтт наконец понял, что в этих глазах он, как в зеркале, видит отражение собственных чувств. Более того, перед его мысленным взором постоянно стояла не Тереза и даже не Лора, а именно Изабелла Деланси, с ее бледными ключицами и веснушками на открытой части груди. Он видел улыбку Изабеллы, ее кольшащиеся бедра, когда она, всецело отдаваясь музыке, забывала о привычной застенчивости.

Реакция Байрона была правильной. Она не принадлежала никому. И в отличие от него, Мэтта, не была связана никакими узами. Мэтт представил ее рядом с Байроном, и пиво вдруг показалось ему кислым. Нет, в доме, где буквально каждая доска хранила его отпечатки, не мог появиться другой мужчина.

– Похоже, непогода сегодня всюю разгуляется, – не поднимая глаз от кроссворда, заметил хозяин паба.

– Угу. – Мэтт одним глотком опорожнил кружку и поставил ее на стойку. – Может, ты и прав.

Он полностью проигнорировал отчаянные попытки Терезы привлечь его внимание. Он еще не придумал, что скажет в оправдание столь позднего возвращения домой. Однако ведомый порывом, в котором Мэтт сам толком не разобрался, за пятнадцать минут до закрытия паба он уже сидел за рулем минивэна, собираясь ехать в сторону Испанского дома.

А там внизу, в бойлерной, Байрон утихомирил собак, выключил радио и приготовился читать книжку при свете свечей, которыми обзавелся сегодня утром. Даже странно, как быстро человек привыкает к обстановке, если удастся обеспечить себя хотя бы минимальными удобствами. В свое новое жилище под домом Байрон уже принес стул, радио на батарейках, корзинки для собак и походную газовую плитку. Помывшись в надраенной раковине, поужинав нормальной едой и выпив кружку чая, он смотрел в будущее хотя и без лишнего оптимизма, но уже более уверенно. Через три недели щенков можно будет отнять от матери. Один из фермеров, живший по ту сторону церкви, уже предложил пару сотен за самого бойкого из них. Если он сумеет выручить за остальных не меньше, то у него будут деньги на депозит.

А упрочив свое финансовое положение, он поищет работу в другом месте. Его все больше смущало поведение Мэтта. Конечно, он свечку не держал, но буквально нутром чувствовал,

что с домом дело нечисто. Похоже, Мэтт отнюдь не отказался от идеи стать хозяином Испанского дома. Возможно, в доме рано или поздно что-нибудь рванет, возможно, миссис Деланси придется в конце концов переехать, и Байрону не хотелось бы при этом присутствовать.

Где-то около одиннадцати вечера Байрон услышал, как выключился бойлер, и бросил озадаченный взгляд на часы. Таймер был выставлен на одиннадцать тридцать. Он вылез из спального мешка и, не обращая внимания на умоляющие глаза собак, подошел к двери. Свет нигде не горел.

Спустя несколько минут он услышал женский плач. «Проклятый дом! – кричала она. – Проклятый дурацкий дом!»

Электричество отключилось. Байрон похолодел. Возможно, перегорел предохранитель. Но откуда ей знать, где находится электрощиток. Конечно, он может заменить предохранитель, но тогда придется объяснять, как он оказался в ее доме.

Байрон замер, и Мег, которой передалось беспокойство хозяина, принялась тихонько скулить. Пришлось на нее шикнуть.

Он прислушался к тому, как Изабелла Деланси нервно ходит по комнате над его головой, и на мгновение ощутил странное смятение чувств. Нет, он не в силах ей помочь. Куда ни кинь, везде клин. Байрон переживал, но, увы, ничего не мог сделать. Затем он услышал звуки скрипки Изабеллы. Изабелла словно делилась со струнами своим горем. Байрон не был особым ценителем музыки, но Изабелла явно исполняла нечто очень печальное. Он вспомнил, как еще утром она показывала Мэтту свою замусоленную тетрадку с цифрами; ее лицо осунулось, точно после бессонной ночи. Получается, что богатые тоже плачут. Выходит, они с ней вроде как товарищи по несчастью.

Именно эта мысль заставила его выскочить из бойлерной. Байрон представил, что его сестра или Лили вполне могли оказаться на месте Изабеллы. Он слышал, как она за стенкой исполняла в темноте свою печальную песню. Значит, так, надо просто подойти к парадному входу, удостовериться, есть ли свет в бывшем каретном сарае, и постучать в дверь. Он скажет, будто проходил мимо. И на сердце станет гораздо спокойнее, если он будет знать, что Изабелла с детьми не сидят впотьмах.

Не успел Байрон прикрыть за собой дверь, как по гравийной дорожке прошуршали шины. Байрон был без машины, а потому вряд ли сумел бы убедительно объяснить, почему околачивается возле чужого дома. Нет, он решительно не может себе позволить, чтобы его застукали. Он бесшумно открыл свою дверь и нырнул в недра подвального помещения. А затем притаился в темноте и стал ждать.

В доме не было света, и он, поначалу решив, что она с детьми куда-то уехала, испытал нечто вроде разочарования. Затем, когда ветер на секунду стих, он услышал ее скрипку и догадался, что вырубилось электричество. Возможно, потому, что он уже прилично выпил, а возможно, потому, что за последние несколько месяцев успел подсесть на классическую музыку, Мэтт Маккарти остался сидеть в машине и принялся слушать. Оставив открытым окно, через которое в салон врывался холодный ветер, Мэтт внимал яростным звукам скрипки, отмечая про себя, в каком удивительном соответствии они находятся с разбушевавшейся стихией вокруг. Он сидел возле дома, который считал почти своим, позволив себе предаться не свойственным ему чувствам.

В доме по-прежнему было темно.

Мэтт так до конца и не понял, что заставило его войти внутрь. Быть может, в тот момент им руководило желание помочь, например проверить электрощиток. А быть может, все дело было в музыке. Хотя в любом случае он явно покривил бы душой. Передняя дверь оказалась,

как обычно, открытой. Он шагнул в прихожую, осторожно прикрыл за собой дверь и остался стоять, прислушиваясь к тому, как скрипит и кряхтит дом, точно старый корабль в штормовую погоду. Он собрался было окликнуть хозяйку, но, спохватившись, понял, что тогда она перестанет играть, а он хотел наслаждаться музыкой. Тогда он воровато прокрался по холлу, спустился по ступенькам на кухню и прямо с порога увидел Изабеллу. Закрыв глаза, она водила смычком по струнам, по щекам текли слезы.

Он посмотрел на Изабеллу, и в груди словно произошло короткое замыкание. Полуоткрытый чувственный рот, склоненная вперед голова, прямые плечи. Сейчас она витала где-то далеко: там, куда вход ему был заказан. Она прикусила нижнюю губу и вздрогнула, когда звук достиг крещендо, словно это причинило ей чисто физическую боль. Он не мог оторвать от нее глаз. И снова почувствовал себя мальчишкой, подглядывающим за тем, что категорически запрещено, что выше его понимания и что он никогда не получит, и ему вдруг стало трудно дышать. И пока он стоял, застыв, на пороге, она неожиданно открыла глаза и увидела его во мраке.

Он собрался было что-то сказать, но она как ни в чем не бывало продолжила играть. Теперь она не сводила с него широко раскрытых глаз, а ее рука со смычком все летала, летала и не могла остановиться.

– У вас отключилось электричество, – сказал он, когда музыка внезапно прекратилась.

Она молча кивнула.

Их взгляды встретились. Он подошел поближе, его неудержимо влекли к себе ее вздымающаяся грудь, трепещущее стройное тело. Ее внешняя сдержанность явно противоречила тому, что он внезапно прочел в ее глазах. А в них было неприкрытое желание, зов гибнущей женщины.

Она бессильно уронила руки и едва слышно ахнула, словно сдаваясь. Он обнял ее за талию, прижал к себе, заставляя откинуться назад и постепенно вталкивая вглубь кухни. Она вывернулась, чтобы положить скрипку на кухонный стол, ее бледные тонкие руки вцепились ему в волосы, рот приоткрылся навстречу его губам. Он услышал ее тяжелое дыхание, когда, задохнувшись от волнующего тепла нежных бедер, он задрал ей юбку и прижался к раскрывшемуся ему навстречу вожделенному женскому телу. Внутри у него все ликовало и пело, пронзительно и оглушительно громко. Он чувствовал, как пульсирует каждая ее жилка, и странный утробный звук вырвался из его груди.

Они рухнули на пол, он придавил ее тяжестью своего тела. Именно об этом он и мечтал с той самой минуты, когда впервые увидел ее. Уже тогда он понимал, что им владеет безумная жажда обладать, причем не только этим домом, но и этой женщиной. Он легонько укусил ее за шею, требуя полного подчинения, и почувствовал железную хватку ее на удивление сильных пальцев. А за окном неистово бушевал ветер, дом стонал и жаловался, точно живое существо, и его последней мыслью было легкое удивление оттого, что ее глаза крепко закрыты, тогда как его – широко открыты, словно он впервые увидел весь этот мир.

Мэтт не знал, как долго он спал: то ли несколько часов, то ли несколько минут. Он открыл глаза и поежился – каменный пол неприятно холодил кожу; кто-то накрыл его лоскутным одеялом, а под голову подложил скомканную одежду, за окном темнело предрассветное небо. Мэтт попытался понять, где он и что он здесь делает, а затем увидел ее, полностью одетую, будто ничего не было; она сидела на стуле и смотрела на него. Черный силуэт в призрачном свете.

Он приподнялся на локте, почувствовав исходящий от кожи неповторимый аромат секса и, как мгновенную реакцию, новый приступ желания. И тут же нахлынули волнующие образы: она – на нем, ее тело, обвившее его, ее сдавленный крик. Он поднял руку.

– Иди ко мне, – прошептал он, – чтобы я мог видеть твое лицо.

– Уже почти два часа ночи, – ответила она. – Тебе пора домой.

Домой. Господи, теперь придется выкручиваться!

Мэтт встал, уронив одеяло на пол. Надел джинсы, застегнул ремень. На кухне было прохладно, но он не чувствовал холода. Внутри его происходило нечто поразительное, он словно ощущал в себе приток свежей крови. Он подошел к ней, ее лицо было по-прежнему окутано тьмой. И тогда он дотронулся до ее волос, спутанные пряди которых еще недавно перебирал в порыве страсти.

Все изменилось. И, как ни странно, он был рад это принять.

– Спасибо тебе. – Он жаждал объяснить ей, как много она для него значит. Что он стал другим. А затем, проведя пальцем по ее скуле – палец стал мокрым от слез, – внезапно понял, что может излечить ее невзгоды. – Не грусти, – ласково сказал он. – Все будет хорошо, ты сама знаешь. – (Она не ответила.) – Послушай... – Ему хотелось, чтобы она улыбнулась, хотелось поднять ей настроение. – Я насчет денег. Забудь о следующем платеже. Мы что-нибудь придумаем. – И в какой-то безумный миг ему показалось, что он может признаться ей в том, как все скоро изменится. Но для этого, даже сейчас, он был еще не готов. – Изабелла?

Внезапно он даже не услышал, а скорее почувствовал, что тишина приобрела новое звучание. Изабелла напряглась и отпрянула от него.

– Я никогда прежде такого не делала, – произнесла она холодным тоном.

– Чего не делала? – спросил он, всматриваясь в ее лицо.

– Я заплачу вам все, что была должна.

Он буквально онемел от потрясения, словно только сейчас осознал истинный смысл ее слов.

– Послушай... я пришел сюда сегодня вечером вовсе не потому, что... Я... Господи! – Он не верил своим ушам. То, что он услышал, страшно развеселило его. – Я и не думал предлагать... – Нет, его явно неправильно поняли. – Я никогда в жизни... не платил за это.

– А я и не думала предлагать. – Ее тон сделался ледяным. – Более того, я хочу, чтобы вы немедленно ушли.

И уже через несколько минут Мэтт в полном смятении брел по утреннему холоду к своему минивэну. Нет, ему следовало ей все объяснить. Он не мог поверить, что она решила, будто дело в деньгах. Но пока он шел по гравийной дорожке, его иллюзии были безжалостно развеяны. Ответом на все сомнения стал характерный звук железного засова, на который заперли дверь за его спиной.

А там, за запертой дверью, Изабелла тяжело опустилась на пол, ее лицо было маской отчаяния и отвращения к себе. Она уронила голову на колени, распухшие губы уткнулись в мягкую ткань юбки. Изабелле хотелось спрятать лицо от стыда за предательство памяти Лорана.

Ее тело болезненно ныло от одиночества, от тоски по мужу, от грубого соития с мужчиной, который им не был. Она чувствовала себя протрезвевшей и полностью опустошенной. Еще более опустошенной, чем когда бы то ни было.

«Лоран! – разрыдалась она. – До чего ты меня довел?! Во что я превратилась?!» Дом ответил ей оглушительным молчанием.

Поезда между ее новым домом и Лондоном курсировали каждые два часа, и Изабелла прикинула, что если поезд прибудет по расписанию, то она вполне успеет встретить школьный автобус. Убаюканная монотонным стуком колес, она задумчиво смотрела, как мужчина напротив методично изучает от корки до корки газету, и рассеянно слушала, как справа от нее болтают на каком-то гортанном языке двое туристов, вероятно, из Северной Европы.

Она подумала о Мэри, которая, пригласив ее на чашечку кофе, всю дорогу сокрушалась по поводу тирании школьного начальства.

«Я даже рада, что вы не в Лондоне и вам не приходится с этим сталкиваться, – жизнерадостно заявила Мэри. – Я полжизни провожу в машине».

Ей было очень приятно видеть Мэри – свидетельницу того, что она, Изабелла, когда-то жила совсем другой жизнью. Мэри живо интересовалась Китти и Тьерри; более того, она горячо заверила Изабеллу, что та отлично выглядит, скорее всего, из вежливости, как сразу догадалась Изабелла, и обещала приехать в гости. Но и слепому было видно, что Мэри уже стала частью другой семьи и жила теперь совсем другой жизнью. Она пришла не одна, а со своим новым подопечным, младенцем с большими наивными глазами, которого качала на коленях с той спокойной уверенностью, что уже не раз демонстрировала, когда нянчила детей Изабеллы.

– Значит, вы ездили не за покупками? – спросила ехавшая в вагоне женщина, которая показалась Изабелле смутно знакомой. Аккуратный светлый плащ, нелепая шляпка. – Линнет. Дирдре Линнет. Мы встречались в магазине у Кузенов. Вы живете в Испанском доме, – улыбнувшись, произнесла женщина таким тоном, будто поделилась с Изабеллой конфиденциальной информацией. Она небрежно махнула рукой. – Я уж было решила, что вы ездили в Лондон за покупками, но у вас нет пакетов.

– Пакетов? – переспросила Изабелла.

– Из магазинов.

– Нет. Не сегодня.

– А я вот пустилась во все тяжкие. Мне удастся выбраться в Лондон не чаще двух раз в год, и тогда я всю сорю деньгами. Чтобы немного себя побаловать. – Она похлопала рукой по пластиковым пакетам с фирменными названиями, извещающими мир, на каких именно торговых улицах были спущены сбережения миссис Линнет. – Немного себя побаловать, – повторила она.

«У меня просто кошмарная жизнь, – сказала Изабелла Мэри. – Я все сделала не так. Дети ужасно несчастны, и это моя вина».

Мэри терпеливо выслушала всю историю, часть которой Изабелла намеренно опустила, и добродушно рассмеялась, словно ничего нового, а тем более ужасного не узнала.

«Она ведь подросток, – заявила Мэри. – А подросткам положено чувствовать себя несчастными. – И вам не стоит обращать на нее особое внимание. Тьерри... Что ж, со временем к нему вернется голос. В школе они учатся хорошо. И каждый день возвращаются домой. Кушают. Сдается мне, что у них все прекрасно с учетом сложившихся обстоятельств. А вот кто из вас точно самый несчастный, так это вы».

– По работе, да?

– Простите?

– По работе. Ездили в Лондон.

Изабелла печально улыбнулась. От усталости веки словно налились свинцовой тяжестью. Предыдущую ночь она практически не сомкнула глаз, и теперь последствия бессонной ночи

сказывались на ней.

– Ну да. Вроде того.

– Вы ведь музыкант? Мне Асад говорил. Ни его, ни Генри вовсе нельзя назвать сплетниками, но вы, наверное, уже поняли, что они у себя в магазине знают обо всем, что творится в деревне. – («Интересно, через сколько времени обстоятельства прошлой ночи сделаются достоянием гласности?» – спросила себя Изабелла.) – Я видела ваше объявление об уроках игры на скрипке. Знаете, а ведь я когда-то пела. Мой муж всегда говорил, что из меня вышла бы профессиональная певица. Но потом пошли дети... – вздохнула миссис Линнет. – В общем, вы понимаете, как это бывает.

Изабелла отвернулась к окну:

– Да, понимаю.

«Вам необходимо снова начать работать, – сказала ей Мэри. Она заплатила за кофе, что для Изабеллы было чудовищным унижением. – Вы должны начать хоть немного, но выступить с этим вашим оркестром. Тем самым вы сможете принести домой какую-никакую, а денежку и восстановить свое душевное равновесие. Детей можно спокойно оставлять на день одних. Китти уже достаточно взрослая, чтобы присмотреть за братом».

Мэри обняла Изабеллу, положила младенца в коляску и уехала. Облегчать жизнь другой семье.

Наконец поезд миновал последнюю станцию перед Лонг-Бартоном. Изабелла проводила глазами миссис Линнет, которая, собрав свои многочисленные пакеты, направилась к дверям вагона. Изабелла уже научилась различать знакомые приметы своей деревни: церковь, дома, главную улицу, проглядывающую сквозь деревья, живые изгороди в новом зеленом убранстве – и невольно задалась вопросом: что именно необходимо для того, чтобы считать какое-либо место своим домом?

И только когда поезд подошел к перрону Лонг-Бартона, Изабелла сделала то, что поклялась себе ни в коем случае не делать. Она машинально потянулась к ручке воображаемого футляра со скрипкой, которой у нее больше не было.

Детей она застала у телевизора: Китти с пакетиком чипсов устроилась на диване, положив ноги на кофейный столик; Тьерри полулежал в старом кресле, скатанный шариком школьный галстук валялся на полу.

– Мы вернулись из школы, а тебя дома нет, – заявила Китти с осуждением в голосе. – И Мэтт тоже не появлялся. Пришлось воспользоваться ключом под ковриком у задней двери.

Изабелла бросила сумку на столик возле дивана.

– Тьерри, ты сегодня что-нибудь ел? – (Мальчик молча кивнул, не отрывая глаз от телевизора.) – Опять одни сэндвичи?

Он сверкнул на нее глазами и снова кивнул. В комнате было как-то удивительно тихо. Наверное, потому, что нет строителей. Даже когда они не стучали и не крушили все кругом, их присутствие буквально накаляло атмосферу в доме. Или дело только в Мэтте Маккарти? Изабелла устало потерла глаза.

– Я собираюсь налить себе чая, – сказала она.

– А где ты была?

Китти, вообще-то, настроилась игнорировать мать, но природное любопытство взяло верх. Изабелла заметила, что дочь обратила внимание на ее утомленный вид, и невольно покраснела, словно причина ее усталости ни для кого не являлась секретом.

– В Лондоне, – ответила Изабелла. – Сейчас все объясню.

Когда она вернулась обратно с чашкой чая, телевизор был выключен, а дети сидели

выпрямившись и выжидающе смотрели на нее. Они испуганно отпрянули друг от друга, словно о чем-то шептались. Хотя, похоже, разговор был односторонним, подумала Изабелла. Поскольку сын вообще отказывался говорить.

Встретившись с ними глазами, Изабелла с ходу все выложила.

– Мы можем вернуться в Лондон, – заявила она.

Она и сама тогда точно не знала, какой именно реакции от них ожидала. Возможно, если не бурных аплодисментов, то хотя бы радостного возбуждения и счастливых улыбок. Но дети просто сидели и смотрели на нее.

– Что ты имеешь в виду? – немного агрессивно поинтересовалась Китти.

– То, что сказала, – ответила Изабелла. – Мы можем вернуться в Лондон. Заплатим немного денег, приведем дом в порядок, чтобы придать ему товарный вид, и тогда, надеюсь, подыщем что-нибудь приличное в нашем прежнем районе. Поближе к твоим друзьям. – (Дети продолжали изумленно тарашиться на нее.) – Возможно, новый дом будет чуть меньше прежнего, но я уверена, мы сумеем найти что-нибудь подходящее.

– Но... разве мы можем себе это позволить? – Китти нахмурилась и принялась машинально наматывать на палец прядь волос.

– Вот это уже не твоя забота, – отрезала Изабелла. – Я просто хотела тебя порадовать.

Китти продолжала сверлить мать глазами:

– Ничего не понимаю. Ты говорила, что у нас совершенно нет средств. Говорила, что строительные работы съедают все наши деньги. Что случилось?

– Я... реструктурировала наши финансы. Именно за этим я и ездила в Лондон.

– Ты совершенно не разбираешься в финансах. А вот лично я, например, знаю все о наших финансах. У нас их просто-напросто нет. – И тут Китти озарило. Она обвела глазами комнату, стол, бюро. – Боже мой! – воскликнула Китти. Изабелла заранее отрепетировала безмятежную улыбку. Улыбку, способную скрыть от детей, какую крестную муку она пережила, вручая скрипку дилеру. Ей казалось, будто она расстается с любимым ребенком. – Ты ведь не продала ее! – Изабелла кивнула, на что Китти разразилась истерическими рыданиями. – Ой, нет! Нет, нет! Ты это сделала из-за меня. – (Улыбка Изабеллы потускнела и погасла.) – Я вовсе не хотела, чтобы ты ее продавала. Я понимаю, как много она для тебя значит. А теперь ты почувствуешь себя несчастной и никогда меня не простишь. Мамочка, прости меня, ради бога! Мне так жаль!

Изабелла устало опустилась на диван, притянула Китти к себе.

– Нет, – сказала она, ласково погладив дочь по голове. – Ты была права. Для нас этот инструмент – непозволительная роскошь. А кроме того, мистер Фробишер нашел мне новую скрипку. Она гораздо дешевле, но с прекрасным звучанием. Он приведет ее в порядок и уже на следующей неделе пришлет сюда.

– Ты ее возненавидишь, – прошептала Китти.

– Нет. Вовсе нет. – В глубине души Изабелла понимала, что дочь абсолютно права. – Китти, я совершила трагическую ошибку и теперь хочу все исправить. Музыка подождет. Чем скорее мы получим деньги, чтобы привести дом в порядок, тем скорее мы сможем вернуться в Лондон. – И тут она заметила выражение лица Тьерри, который отнюдь не выглядел довольным. – Тьерри, ты ведь хочешь вернуться обратно? Обратно в Лондон?

Ответом ей было молчание. Затем сын медленно покачал головой. Изабелла ошарашенно уставилась на сына, затем на Китти.

– Тьерри? – повторила она.

И тогда она услышала его голос.

– Нет, – тихо, но отчетливо произнес он.

Изабелла посмотрела на Китти, девочка упорно отводила глаза.

– Если честно, – начала Китти, – я не против того... чтобы остаться здесь. – Она оглянулась на брата. – Словом, я хочу сказать, что не прочь... еще чуть-чуть здесь пожить, если этого хочет Тьерри.

И у Изабеллы невольно возник вопрос: сможет ли она хоть когда-нибудь понять своих странных, изменчивых, как майский ветер, детей.

– Ладно, – тяжело вздохнула она. – Мы рассчитаемся с мистером Маккарти, а там будет видно. Но по крайней мере, теперь у нас есть варианты. А сейчас мне надо разобрать кое-какие бумаги.

За окном гостиной сгустились сумерки, и дети снова вернулись к телевизору. Изабелла тем временем принялась распечатывать накопившиеся письма и помечать для себя то, что еще предстоит сделать. Она буквально на физическом уровне ощущала потерю своего драгоценного инструмента; более того, ее отчаянно страшила неизвестность, но, как ни странно, она уже давно не чувствовала себя так хорошо.

Он сказал «нет», подумала она о сыне, вскрывая очередной конверт. Это все же лучше, чем ничего.

– Выглядела она ужасно, – с явным удовлетворением заметила миссис Линнет. – Бледная как смерть, под глазами тени. И вообще, во время поездки она точно воды в рот набрала. – (Асад переглянулся с Генри: что ж, беседа с миссис Линнет далеко не каждому доставляет большое удовольствие.) – Этот дом довел ее до нервного срыва. Вы ведь слышали, что две недели назад на нее буквально обрушился потолок? Одному Богу известно, что там еще могло случиться! А что, если бы потолок упал на детей?

– Но их же там не было, – резонно заметил Генри. – Значит, ничего страшного не произошло.

– Нет, и о чем только думает Мэтт Маккарти?! С его-то опытом! По-моему, первым делом ему следовало позаботиться о безопасности... Особенно если в доме дети.

– Ну, это по-вашему – ответил Асад, который пересчитывал банкноты на кассе.

– Уверен, то был единичный случай, – вмешался в разговор Генри.

– Не удивлюсь, если это призрак Сэмюэля Поттисворта специально спустился на землю, чтобы их преследовать, – театрально содрогнулась миссис Линнет.

– Да бросьте, миссис Линнет! Вы же не верите в призраков! – поддразнил ее Генри.

– Насчет призраков не знаю, а вот в злых духов мы точно верим. Правда, Генри? – Асад стянул резинкой пачку банкнот.

– Асад, сперва надо получить веские доказательства, а уж потом решать, верить или не верить, – многозначительно посмотрел на своего компаньона Генри.

– О, некоторые существа на редкость изворотливы!

– А некоторые люди умеют видеть то, чего нет!

Миссис Линнет, потерявшая нить разговора, удивленно уставилась на них.

Асад закрыл кассу.

– Генри, твоя способность замечать во всем только хорошее, меня просто умиляет. Но иногда эта трогательная черта характера мешает тебе видеть дальше своего носа.

– Я отлично понимаю, что происходит, но при этом считаю, что надо ограждать себя от негатива.

– «Для торжества зла необходимо только одно условие – чтобы хорошие люди сидели сложа руки»^[8].

– Но у тебя нет доказательств.

Миссис Линнет положила на прилавок свои пакеты.

– Похоже, я что-то пропустила, да? – спросила она.

В этот момент дверь распахнулась, на пороге появился Энтони Маккарти, и вся троица мгновенно замолчала. Энтони был занят разговором по телефону, а потому не заметил многозначительных взглядов, которыми обменялись Кузены, или того, как поспешно они вернулись к своим делам. Миссис Линнет тем временем неожиданно вспомнила, что забыла купить джем, и отправилась изучать полки в дальнем конце магазина.

Мальчик закончил разговор и захлопнул телефон. Шерстяная шапочка, из-под которой торчали длинные волосы, была низко надвинута на лоб, одежда висела на нем мешком, словно он специально купил ее на несколько размеров больше.

– Добрый день, Энтони, – улыбнулся Асад. – Чем могу быть полезен?

– Ой, да. – Энтони, прикусив губу, присел перед витриной-холодильником. – Мама просила купить оливок, копченой индейки и что-то еще. Но вот что именно, я забыл, – улыбнулся он.

– Все вы мужчины одинаковы, – заметила миссис Линнет.

– Может, сыра? – предположил Асад.

– Фруктов? – показал на корзину Генри. – У нас отличный виноград.

– Хлеба?

Мальчик очень похож на мать, подумал Генри. Тот же нос, приятная, но сдержанная манера держаться. Любопытная смесь ершистости и надменности, словно они одновременно и стыдились, и гордились родством с Мэттом.

– Она меня точно убьет, – жизнерадостно произнес Энтони.

– Я положу оливки к индейке, – сказал Асад. – Может, тогда ты вспомнишь?

– А это точно нечто съедобное? – поинтересовалась миссис Линнет, наслаждавшаяся происходящим.

– Фруктовый торт? Она его любит. – Генри поднял повыше кусок торта.

Энтони покачал головой.

– Молоко, – решительно заявила миссис Линнет. – Я вечно забываю купить молоко. А еще туалетную бумагу.

– Почему бы тебе просто не позвонить ей?

– Я только что пробовал. У нее включен автоответчик. Должно быть, вышла куда-то. Наверняка вспомню, когда уже буду в машине.

Асад положил два бумажных свертка в пакет и протянул его мальчику.

– Скажи, а ты по-прежнему помогаешь отцу отремонтировать тот большой дом? – взяв у Энтони деньги, поинтересовался он.

– Иногда.

– Ну и как продвигается работа? – продолжил допрос Асад, не обращая внимания на сердито нахмурившегося Генри.

– Она попросила нас на время прерваться, – ответил Энтони. – Хотя, по-моему, все нормально. Но откуда мне знать! Я просто делаю то, что папа велит.

– Не сомневаюсь, – отсчитывая сдачу, сказал Асад. – А как поживает наша юная Китти?

Мальчик неожиданно покраснел.

– Она... в порядке. Насколько я знаю, – потупился он.

Генри тотчас же отошел и теперь с трудом прятал улыбку.

– Прекрасно, что у нее есть хоть какие-то друзья, – заметила миссис Линнет. – Ведь молодой девушке, должно быть, очень одиноко в таком большом доме. Я вот тут говорила о том, что ее мать выглядит просто ужасно...

Проследив за взглядом Генри, Энтони обнаружил, что в магазин вошел его отец.

– Ты чего так долго? Мы еще пятнадцать минут назад должны были быть у мистера Никсона!

– Да вот, я совсем забыл, что мама еще хотела, – ответил Энтони.

– Ну, сынок, – ухмыльнулся Мэтт, – чего хотят женщины – одна из вечных загадок, а? – Неожиданно Мэтт понял, что, кроме Энтони, у него есть еще слушатели, и сразу перешел на серьезный тон. – Ладно, нам пора в путь.

– Мистер Маккарти, я как раз собирался рассказать Энтони, что вчера вечером смотрел страшно интересную передачу о строителях, – улыбнулся Асад.

– Да неужели? – Мэтт нетерпеливо поглядел на дверь, явно давая понять, что не желает тратить время на пустые разговоры.

– Там говорилось, как строители вытягивают деньги из доверчивых хозяев домов или придумывают дополнительные работы, которые вовсе не обязательно делать. Разве это не отвратительно, мистер Маккарти?

Неожиданно в магазине повисла мертвая тишина. Генри закрыл глаза.

Мэтт захлопнул дверь и сделал пару шагов вперед.

– Я что-то не понял, Асад, куда вы клоните.

Асад как ни в чем не бывало продолжал улыбаться:

– Мистер Маккарти, вы ведь такой опытный строитель. Вы явно себя недооцениваете.

Мэтт подошел поближе к сыну:

– Асад, мне очень лестно, что вы обо мне столь высокого мнения, но, уверяю вас, в нашей деревне такого не может быть по определению. Мы здесь очень дорожим своей репутацией. Как строители, так и торговцы.

– Ваша правда. В нашем магазине нам хорошо известно, кто чего стоит. Но я рад, что у вас такой позитивный взгляд на вещи. Хотя, согласитесь, каждый, кто знает о такого рода действиях, просто не вправе молчать.

Мэтт наградил Асада ледяной улыбкой:

– Асад, дружище, если бы я имел хоть малейшее представление, о чем вы тут толкуете, то непременно согласился бы с вами. Шевелись, Энтони. Нам пора.

И дверь захлопнулась чуть сильнее, чем обычно, заставив жалобно задрезбездать колокольчик.

Мэтт с пылающим лицом вышел из магазина. Но только оказавшись в своем минивэне, он дал волю чувствам:

– Чертов нахал! Энт, ты слышал, о чем он говорил? Нет, ты понял, на что он намекает? – Страх, что домашние узнают о проведенной им с Изабеллой ночи, придал Мэтту нежелательный заряд агрессивности. – Самодовольный ублюдок. Если уж на то пошло, я могу обвинить его в клевете. Проклятый святоша! Он всегда действовал мне на нервы.

У Мэтта так сильно стучало в висках, что он даже не услышал, как надрывно звонит мобильник. Энтони взял телефон с приборной доски и ответил на звонок.

– Это Тереза, – безучастно произнес Энтони и отвернулся от отца.

А на следующее утро, часов около семи, Изабелла обнаружила собак. Была суббота, и можно было вполне позволить себе подольше поваляться в постели, но спала она теперь плохо, урывками, а потому решила встать пораньше, чтобы проветрить голову.

И все же что за чертежи она случайно обнаружила в желтом экскаваторе? Они однозначно относились к Испанскому дому, и Мэтт, несомненно, по ним выполнял некоторые работы. На схеме ванная была обозначена именно там, где и предлагал Мэтт Маккарти, рядышком

с новенькой гардеробной. Однако Мэтт ни разу не упоминал ни о каких архитекторах или о заказанных чертежах. И вообще, чертежи были сделаны достаточно недавно, а следовательно, не могли принадлежать Сэмюэлю Поттисворту; более того, Изабелле почему-то не верилось, что ее двоюродному дедушке, десятилетиями не занимавшемуся домом, вздумалось бы затевать такую грандиозную стройку.

Но если Мэтт заплатил архитектору, чтобы тот сделал чертежи специально для нее, Изабеллы, ему следовало бы узнать ее пожелания и обсудить с ней детали, ведь так? При мысли о перспективе обсуждения чего бы то ни было с Мэттом Маккарти она снова почувствовала себя несчастной.

И потом, все упиралось в деньги. При жизни Лорана ей не приходилось думать о деньгах. Деньги входили в сферу его обязанностей как нечто абстрактное, призванное обеспечивать получение удовольствий от жизни, включая семейный отпуск, новую одежду, ужины в ресторанах. И теперь ее приводила в ужас их привычная расточительность.

Изабелла совершенно точно знала, сколько денег лежит у нее в кошельке и на банковском счете. После оплаты последнего счета Мэтта Маккарти денег на жизнь осталось ровно на три месяца – и никаких надежд на пополнение семейного бюджета. Три-четыре урока игры на скрипке в неделю позволят им еще немного протянуть. Если бы они сумели привести в порядок хотя бы одну комнату, ну и, конечно, ванную, можно было бы найти постояльцев, что приносило бы до сорока фунтов в неделю. Однако тут имелось одно большое «если». Они по-прежнему умывались в раковине на кухне, а чтобы воспользоваться уборной, приходилось спускаться вниз. «Сомневаюсь, что найдется слишком много желающих мыться в жестяной ванне», – заметила Китти.

Изабелла стояла, полусонная, у окна и наблюдала, как в воздух поднимаются гуси и утки, тревожными криками оповещая о присутствии хищника; неожиданно она заметила на берегу собак, весело гонявшихся друг за дружкой.

Поддавшись странному порыву, она накинула халат, натянула резиновые сапоги и открыла входную дверь. А затем побежала по лужайке в сторону озера, ежась от утреннего холода.

Она остановилась там, где только что видела собак. Ноги сразу же утонули в мокрой траве, уши заложило от утинового кряканья. Собак нигде не было видно.

– Байрон! – позвала Изабелла, ее голос эхом разнесся над водой.

Но Байрон как сквозь землю провалился. Должно быть, уже уехал на работу, подумала Изабелла. И тут неподалеку от нее на поверхности озера вдруг показалась темноволосая голова, а затем – блестящий от воды обнаженный мужской торс.

Изабелла наблюдала за пловцом, оставаясь при этом незамеченной. Ее поразило его мощное тело, широкие крепкие плечи, идеальный треугольник мускулистой спины. Он повернулся, смахнув с лица капли воды, и Изабеллу захлестнули противоречивые эмоции: восхищение его совершенной красотой, мучительный стыд при воспоминании о другом сильном мужском теле, прижимавшемся к ней накануне, и, наконец, душевная боль от осознания невозможности физической материализации любимого мужчины, которому она могла бы отдаться всем своим женским естеством, и необходимости навеки забыть о плотских радостях.

Поймав взгляд Изабеллы, Байрон вздрогнул от неожиданности, а она резко отпрянула в сторону.

– Простите, – произнесла Изабелла, убирая упавшие на лицо волосы. – Я... не знала, что вы здесь.

Он подошел поближе к берегу, явно чувствуя себя так же неловко, как и она.

– По утрам я частенько прихожу сюда поплавать, – объяснил он, и она увидела его одежду, небрежно брошенную под лавровым кустом. – Надеюсь, вы не против.

– Нет... Конечно нет. Вы невероятно смелый человек, – добавила Изабелла. – Вода, наверное, ледяная.

– К этому быстро привыкаешь, – ответил он, и в разговоре возникла неловкая пауза. Увидев подбежавших к нему собак, он натянуто улыбнулся. – Хм... Изабелла... А теперь мне надо как-то выйти из воды...

Она тотчас же поняла, что он имеет в виду, и поспешно отвернулась, залившись краской. Интересно, как долго, по его мнению, она тут стоит? Причем в одном халате. Неожиданно она словно увидела себя глазами другого человека. Рассказал ли ему Мэтт о той ночи? И вообще, пристало ли ей тут находиться? Внезапно Изабелла почувствовала себя полностью раздавленной. Ссутулившись, она поплотнее запахнула халат.

– Ладно, – сказала она. – Поговорим в другой раз. А сейчас мне пора идти.

– Изабелла, вы вовсе не должны...

– Нет. Мне пора. Я действительно...

И в этот момент она увидела своего сына. Он вышел из-за деревьев, оттянув низ фуфайки, где лежали грибы.

– Тьерри?! – удивилась Изабелла. – А я думала, ты еще спишь.

– Мне казалось, вы знаете, – раздался за ее спиной голос Байрона. – Он гуляет здесь со мной каждое субботнее утро.

Надо же, а она и не подозревала об этом. Хотя Мэри уж точно была бы в курсе, если бы Тьерри повадился на заре без спросу исчезать из дому. Изабелле вдруг стало холодно. Шелковый халат совсем не защищал от сырости.

– Ради бога, извините, – произнес Байрон, по-прежнему стоявший по пояс в воде. – Если бы я знал, то ни за что не разрешил бы ему сюда приходить.

– Ничего страшного. Если ему нравится... – слабым голосом отозвалась Изабелла.

Тьерри подошел поближе и протянул матери грибы, едко пахнущие листвой и хвоей.

– Грибы съедобные, – сказал Байрон. – Лисички. Я уже много лет их собираю. Правда, растут они на земле Мэтта, но он не возражает.

При упоминании этого имени Изабелла тряхнула головой, отчего волосы золотистой шторкой закрыли лицо, а затем наклонилась к сыну взять грибы. Она продолжала стоять к Байрону спиной, но по плеску воды поняла, что тот вышел на берег. Изабелла была настолько обескуражена присутствием в непосредственной близости от себя голого мужчины, что лишь смогла промямлить нечто невразумительное, когда Тьерри с видом опытного грибника принялся перебирать свой улов.

– На самом деле я собиралась попросить вас об одолжении, – не решаясь повернуться к Байрону лицом, сказала она. Байрон выжидающе молчал. – Я собираюсь использовать нашу землю, чтобы она могла нас хоть как-то прокормить. На днях вы говорили, что можете научить Тьерри выращивать овощи. Ну, может, заодно и мне покажете, что к чему. Я знаю, вы работаете на Мэтта и, наверное, ужасно заняты, но я буду весьма признательна вам за любую науку... Мне больше некого попросить. – Она попыталась определить его реакцию, но, не дождавшись ответа, продолжила: – Мне не нужны коровы, свиньи или типа того, и я не собираюсь распахать наши поля. Но мы ведь можем вырастить что-нибудь, что станет для нас хотя бы небольшим подспорьем.

– Вы испачкаете свои белые ручки.

Изабелла резко повернулась. Байрон уже успел надеть прямо на мокрое тело джинсы и футболку. Тогда Изабелла посмотрела на свои руки, тридцать лет не знавшие, что такое грязная работа, а сейчас все в земле от грибов.

– Ничего, привыкнут, – ответила она.

Байрон вытер волосы полотенцем и огляделся по сторонам.

– Ладно, для начала завтрак у вас уже есть. – Он ткнул пальцем в найденные Тьерри грибы. – Их можно собирать до осени. И если вы не слишком привередливы, то еды вам хватит на несколько месяцев. – На губах Байрона заиграла легкая улыбка, и он сразу же изменился до неузнаваемости. А потом Байрон задумчиво хмыкнул и кивком показал на ее шелковый халат. – Но в этом вы далеко не уйдете.

– Ой! – неожиданно рассмеялась она. – Ой! Пять минут. Дайте мне всего пять минут.

Оказывается, еда есть повсюду. Надо только взять себе за труд ее отыскать. Субботнее утро, проведенное с Байроном, не прошло даром. Изабелла крепко-накрепко усвоила этот урок. Пока Китти, сидя дома, болтала по телефону, они с Тьерри обошли вместе с Байроном сад и озеро. Во время прогулки Изабелла пыталась сохранить в памяти все, что тот говорил ей относительно потенциальных возможностей ее земли, которую она уже рассматривала не как ужасную денежную дыру, а скорее как источник продуктов питания.

– Самым простым для вас будет сажать картошку, а также выращивать помидоры, может быть, лук и бобовые. В нашей почве они на редкость дуракоустойчивы. А вот этот угол можно целиком отвести под ревень. Он здесь всегда хорошо рос. – Увидев, что Тьерри скривился, Байрон пихнул его в бок локтем. – Спорим, в тертом пироге он тебе очень даже понравится.

Пожалуй, я должна испечь такой, подумала Изабелла. Жаль, что она так и не удосужилась взять у Мэри рецепт.

– Около конюшен осталась старая теплица. Если посадите семена под стеклянной крышей, то после заморозков сможете смело высаживать рассаду в открытый грунт. Гораздо дешевле не покупать рассаду, а выращивать ее из семян, хотя в этом году вы, пожалуй, уже опоздали. Надо навести тут порядок. – Байрон выдернул сорную траву, росшую возле кирпичной стены. – И тогда, возможно, можно будет найти кусты малины... А вот и они. Обрежьте их на два пальца и получите хороший урожай. Ну а ежевика не подерется с черной смородиной.

Байрон, непривычно говорливый, размашистым шагом шел по саду. Тут он был в своей стихии, а потому его обычная настороженность куда-то исчезла и по лицу бродила странная улыбка. И говорил он непривычно тихо, словно боялся нарушить покой окружающей его среды.

– Вот тут у вас яблони всевозможных сортов. Осенью будете собирать урожай. Но вам непременно нужно обзавестись морозильной камерой, чтобы сохранить то, что не успеете съесть. Тогда хватит на целую зиму. И вообще, все, что сможете, сварите. Оставшиеся яблоки заверните в газету, причем не вместе, а по отдельности. А потом положите их в холодное место, например в один из сараев, но так, чтобы до них не добрались мыши. Еще у вас тут растут слива, груша, дикая яблоня, тернослива... – Байрон махнул рукой в сторону фруктовых деревьев. Хотя, если честно, для Изабеллы все они были на один лад. – Здесь у вас слива-венгерка. А это крыжовник. Тьерри, будешь собирать, не забывай о шипах. Пойдет на джем, чатни. Все это можно продавать. Масса людей торгует такими вещами на обочинах дорог.

– Неужели кто-то поедет в нашу глухомань за джемом? – удивилась Изабелла.

– Кузены с удовольствием возьмут у вас на продажу качественный джем. Ведь это экологически чистый продукт. Насколько я помню, кусты никогда не опрыскивались. – Байрон немного помолчал, а затем добавил: – А вот с чем у вас действительно могут возникнуть проблемы, так это с салатом и морковью.

– Кролики, – догадалась Изабелла.

– Угу. Но мы что-нибудь придумаем, чтобы они к вам не совались.

– Вы что, собираетесь их убивать?

– Ну, это как раз плевое дело! – сказал он, озадачив Изабеллу столь странным выбором

слов. – И вообще, свежевать кроликов проще простого. У Тьерри уже есть некоторый опыт. – Изабелла онемела от удивления, и Байрон внезапно смутился. – Мы очень осторожно. Я присматривал за ним, когда он орудовал ножом.

Причем Изабеллу потрясло даже не умение сына обращаться с ножом, а выражение застенчивой гордости, появившееся на лице мальчика после сдержанной похвалы Байрона.

– У него здорово получается. Правда, Ти? Он для этого подходит. Ваш парень.

– Скажи, Тьерри, а тебе действительно понравилось?

Изабелла надеялась, что в присутствии Байрона сын наконец-то заговорит, но Тьерри просто молча кивнул. Она поймала взгляд Байрона и увидела в его глазах отражение собственных чаяний. Однако Байрон промолчал и как ни в чем не бывало продолжил вводить ее в курс дела:

– А еще тут водятся фазаны, олени. Пары добрых кусков оленины вам вполне хватит на всю зиму. Можете повесить мясо на крюк в дворовой постройке. Оно вкусное. И совсем постное.

На минуту они остановились, когда Тьерри, петляя между деревьями, погнался за одной из собак.

– Вы не поверите, но человек способен очень на многое, – произнес Байрон. – Если, конечно, захочет.

Они медленно шли по тропинке вокруг озера в сторону дома, ласковое утреннее солнце уже пригрело землю, разбудив пчел. У Изабеллы голова шла кругом от открывшихся перед ней возможностей. Ведь пока все ее продовольствие, включая лук, фрукты, молоко в пластиковой бутылке, хранилось в неудобных корзинках за кухонным окном. Она живо представила, как завалит всю семью продуктами собственного производства, если, конечно, справится с чисткой овощей, разделкой мяса и со стряпней.

– А вы меня научите стрелять? – спросила Изабелла.

Теперь уже растерялся Байрон.

– Из помпового ружья научу. Но не из дробовика. Нет разрешения. Если хотите, я кое-кого знаю, кто даст вам парочку уроков.

– Мне это не по карману.

– Ну, кроликов можно стрелять и из пневматики, – сказал Байрон. – Для этого разрешения не требуется. Могу одолжить вам свое ружье, если желаете. Я покажу, как им пользоваться.

Изабелла отметила про себя, что буквально за двадцать четыре часа превратилась из уважаемой скрипачки в вооруженную фермершу.

Она сидела на колченогой скамье возле заднего крыльца с пневматическим ружьем 22-го калибра в руках, а на стене, ограждающей дом от поля, в качестве мишеней были выстроены в ряд пустые банки. Байрон велел ей продолжать тренироваться. Она плотно прижала приклад к плечу, прицелилась в банку. Вы должны прицелиться прямо в голову, сказал Байрон. Убить наповал. Ранить животных слишком жестоко.

Это вовсе не симпатичные пушистые кролики, уговаривала она себя. А еда для моих детей. Деньги, сэкономленные на ремонт дома. Наше будущее.

Ба-бах! Над садом прогремел выстрел и раздался ласкающий слух лязг металла. Ага, значит, пуля попала в банку. Изабелла увидела, как к ней подошел сын, почувствовала его руку у себя на плече. Она повернулась к нему и, встретив взгляд его сияющих глаз, махнула рукой, чтобы он отошел в сторону.

Вот так, Лоран, удовлетворенно подумала она, положив тонкий белый палец на спусковой крючок. Пора двигаться дальше.

Они думали, Энтони их не слышит. Плотнo закрыв за собой дверь кабинета, они, похоже, решили, что голоса их не будут эхом разноситься по дому, а обидные слова, будто пули, рикошетом отскакивать от стен.

– Мэтт, я не считаю, что требую от тебя слишком многого. Я просто хочу знать, когда ты вернешься домой.

– Я уже сказал тебе, что не знаю. Сама понимаешь, день на день не приходится.

– Раньше я имела хоть какое-то представление, что ты делаешь и когда вернешься. А теперь ты выключаешь телефон, и я понятия не имею, где ты.

– И с какой это стати, черт возьми, я должен докладывать тебе о каждом шаге?! Я не ребенок. Ты ведь хотела Испанский дом, да или нет? Так не мешай мне зарабатывать чертовы деньги, чтобы его получить!

Энтони плюхнулся на стул в гостиной и собрался было надеть наушники.

– Чего ты на меня взъелся?! Ведь я только и прошу, чтобы ты сказал, когда хотя бы примерно тебя ждать.

– А я уже в сотый раз повторяю тебе, что не знаю. Может, я буду работать в большом доме, где на каждом шагу засада. А может, меня срочно вызовут на другой конец города. Ты не хуже моего знаешь, что приходится подстраиваться под клиентов. Где моя чертова тетрадка с записью налогов?!

До Энтони донесся грохот выдвигаемых и задвигаемых ящиков.

– В синей папке. Там, где всегда. Вот. – (Пауза.) – Послушай, Мэтт, я все понимаю, но разве так трудно позвонить? Чтобы я могла спланировать вечер. И ужин.

– Женщина, просто засунь мой обед в духовку. Если я готов его есть остывшим, то почему надо делать из мухи слона?

– Потому что ты пытаешься уйти от ответа.

– Нет, это ты пытаешься меня контролировать. Тебе все нужно держать под контролем: этот дом, тот дом, наши финансы, Энтони, а теперь и меня. Сделай то, сделай это! Постоянно одна и та же песня.

– Как ты можешь так говорить?

– Я говорю правду. И это уже начинает действовать мне на нервы.

– Сдается мне, Мэтт, буквально все, что я делаю, действует тебе на нервы.

Третий раз за неделю. Папа вот уже почти десять дней весь из себя дерганый и раздражительный. По какой-то ведомой только ему одному причине он не сказал жене, что прекратил работу в Испанском доме, и Энтони гадал про себя, не связано ли это с тем, что у мамы Китти закончились деньги. Китти вечно твердила, что у ее мамы вообще их нет. Возможно, папа не говорит маме, потому что пытается придумать, как выкрутиться.

Но, так или иначе, у них дома что-то явно было неладно. Обычно Мэтт, принимаясь за очередную работу, всегда заезжал в школу за Энтони, чтобы поднатаскать его в строительном деле, поскольку рано или поздно наступит тот день, когда Энтони придется сменить отца. По крайней мере, отец именно так и говорил, хотя у Энтони имелось сильное подозрение, что тому просто нужна бесплатная рабочая сила. Но в последнее время отец почему-то перестал брать его с собой. Байрон сейчас работал в лесу и в поле. Выходит, отец его тоже перестал приглашать. Энтони даже не знал, на каком объекте в настоящий момент трудится отец. Возможно, в доме Терезы, если это, конечно, можно назвать работой. Хотя, по правде говоря, Энтони было наплевать, поскольку теперь у него появилась возможность проводить

больше времени с Китти. А это куда приятнее, чем присутствовать при разборках родителей. Он вытащил из кармана мобильник и отправил Китти сообщение.

Как думаешь, социальные службы возьмут моих родителей под свою опеку?

– Мэтт, я вовсе не хочу с тобой пререкаться...

– Я тебе удивляюсь. Ты по поводу и без повода затеваешь ссоры.

– Неправда. Я просто хочу, чтобы у меня был муж, а не пустое место. А ведь, похоже, именно так оно и есть. Даже когда ты здесь, ты все равно не с нами.

У Энтони запищал мобильник. Ответное сообщение от Китти.

Без понятия. Моя вот принялась размахивать ружьем. К. ХХ

– Кончай компостировать мне мозги. Я ухожу.

– Мэтт, пожалуйста...

– У меня нет на это времени.

– А на нее у тебя есть время!

Долгое молчание. Энтони захлопнул телефон и прислушался, словно ожидал услышать слабое потрескивание бикфордова шнура.

– Ты о чем?

Мать, со слезами в голосе:

– Мэтт, я вовсе не дура. Я знаю. И больше не собираюсь с этим мириться.

Отец, ледяным тоном:

– Понятия не имею, о чем ты.

– Мэтт, и кто на сей раз? Какая-нибудь продавщица? Официантка? Благодарная клиентка? Черт, может, та женщина из дома напротив? Ты проводишь там кучу времени.

И тут отец взорвался:

– А кто мне велел туда пойти? Кто хотел, чтобы я взялся за эту работу? Кто мне последние девять лет постоянно зудил, как ей хочется заполучить этот чертов дом? А ну кончай до меня докапываться, раз уж я делаю то, из-за чего ты мне всю плешь проела!

– А ты не смей передергивать мои слова! Ты не меньше моего хотел этот дом!

– Все, больше не желаю тебя слушать, – отрезал отец. – Мне пора на работу.

Не успел Энтони надеть наушники, как дверь кабинета распахнулась и оттуда стремительно вышел отец:

– Вернусь, когда вернусь. Договорились? Энтони, а ты почему вместо того, чтобы быть в школе, подслушиваешь под дверью, точно старая кумушка?

– Не держи меня за дуру, Мэтт. – Теперь мать уже, не скрываясь, рыдала. – Я не собираюсь спокойно смотреть, как ты трахаешь все, что шевелится. Ты уже чуть ли не половину баб в округе перепробовал.

Минивэн отца резко сорвался с места – только гравий из-под колес брызнул фонтаном, – и Энтони снял наушники, так как в комнату вошла его мать. При виде сына она остановилась и вытерла глаза, явно пытаясь вернуть самообладание.

– А я и не знала, что ты все еще здесь, дорогой. Ты ждешь, чтобы тебя подвезли?

– У меня сегодня нет первого урока. Мне в школу только к десяти. – Энтони принялся вертеть в руках телефон, чтобы дать ей возможность пригладить волосы. У матери всегда была идеальная прическа, и теперь, когда волосы у нее стояли дыбом, она казалась совсем беззащитной. – Просто хотел убедиться, что ты в порядке.

Глаза у нее были распухшие, лицо – в красных пятнах.

– У меня все отлично. Правда-правда. Ты же знаешь своего папу... Иногда с ним бывает нелегко, – сказала она, а затем спросила с нарочитой небрежностью: – А он, случайно, не рассказывал, где в данный момент работает?

– Нет, – отозвался Энтони и поспешно добавил: – Но точно не в большом доме. Китти говорит, он ни разу не появился за всю неделю.

– Да неужели?

– Уж кто-кто, а Китти знает.

Мать вздохнула, словно не могла решить, то ли радоваться, то ли огорчаться.

– Значит, он не там, – произнесла она, обращаясь скорее к самой себе. – Энтони, можно тебя кое о чем спросить? Как думаешь... между ним и миссис Деланси что-нибудь есть?

Энтони обрадовался, что не придется врать:

– Нет. Только не с ней. Она... другая. Не такая, как мы. – Он чуть было не ляпнул, что она совсем не в папином вкусе.

– Он стал настолько... – Лора выдавила слабую улыбку. Она всегда именно так улыбалась, пытаясь убедить Энтони, что у нее все в порядке. – Прости. Не стоило впутывать тебя в наши дела. Наверное, ты считаешь меня идиоткой.

И Энтони понял: ему хочется избить отца. Да-да, реально избить. И прежде чем он успел хорошенько подумать, слова сами слетели у него с языка.

– Мы можем бросить его. – (У матери мгновенно округлились глаза.) – Я хочу сказать, тебе не стоит с ним оставаться ради меня. Если он уйдет, это не станет для меня таким уж сильным ударом и вообще...

– Но, Энтони, он же твой отец!

Мальчик пожал плечами и поднял с дивана школьный рюкзак, понимая, что тут больше не о чем говорить.

– Что не делает его хорошим человеком. Ведь так?

Сперва она решила, что это Кузены. А кто еще мог оставить под ее дверью две упаковки свежих яиц, на которые она, кстати, чуть было не наступила? Она подняла одну коробку, открыла ее и принялась изучать пятнистые яйца неправильной формы, в грязных соломинках и перьях. А когда она разбила яйцо над сковородкой, оно не растеклось, а практически сохранило форму. Совсем как грудной имплантат из силикона, заметила Китти.

– Если верить Кузенам, это признак того, что яйца наисвежайшие.

Днем она зашла в магазин поблагодарить их за столь приятный сюрприз.

– Вкус у них совершенно изумительный, – сказала она. – Почти что мясной. Вот уж не думала, что яйца бывают такими. А цвет! Такой яркий!

Генри удивленно уставился на Изабеллу:

– Голубушка, я бы и рад приписать дополнительную сумму к вашему счету за яйца, но мы не производим доставку. Даже самым любимым клиентам.

А затем, несколько дней спустя, появились дрова. К дровам была прикреплена записка: «Нуждаются в просушке по крайней мере в течение года. Остальное сложено в амбаре за фруктовым садом».

Она прошла в сад и обнаружила аккуратную поленницу из свежесрубленных и распиленных деревьев, из некоторых еще шел сок. Она втянула в себя терпкий запах и пробежалась рукой по коре. Вид дров подействовал на нее на редкость успокаивающе, словно она вдруг осознала простую истину, что теперь в доме будет тепло.

Два дня спустя появилась проржавевшая железная клетка с шестью квохчущими, до смерти

перепуганными курами. В записке говорилось:

«Это куры-несушки (яйца скоро будут). Им понадобится зерно или комбикорм, вода и мелкий гравий. Старый курятник возле парника. На ночь их надо запирать. В качестве оплаты Колин с фермы Дорниса заберет старые палеты, сложенные в задней части гаража».

Они с Тьерри кое-как соединили старые куски проволоки и установили насесты, а затем принялись наблюдать за тем, как куры потешно ковыляют по саду. Тьерри, пришедший в восторг от возни с проволокой и стойками, довольно потирал руки. Когда он нашел первое яйцо, то приложил его к щеке матери, чтобы та почувствовала, какое оно теплое. А Изабелла только тихо молилась, чтобы все это стало для Тьерри поворотным моментом.

И в довершение всего появились кролики. Изабелла как раз чистила зубы в незаконченной ванной, когда услышала пронзительный визг Китти. Она спустилась вниз в халате, с полным ртом зубной пасты и обнаружила дочь возле задней двери. Китти стояла со скрещенными на груди руками, лицо ее побледнело от ужаса.

– Боже мой, нас кто-то действительно ненавидит!

– Что?! – воскликнула Изабелла. – Что случилось?

– Посмотри!

Изабелла открыла заднюю дверь, Тьерри вышел следом. На ступеньках лежали три мертвых кролика, задние лапы связаны бечевкой, кровавые пятнышки на лбу явно указывали на то, откуда подарок.

– Это своего рода «ввод во владение».

– Байрон, – радостно прошептал Тьерри.

– Что ты сказал? – переспросила Изабелла.

Но мальчик снова точно воды в рот набрал. Он взял кроликов, отнес их на кухню и осторожно положил на стол.

– Фу! Не смей их сюда класть! Они же дохлые! – Китти вжалась в стену, словно кролики могли внезапно ожить и прыгнуть на нее.

– Все нормально, дорогая, – успокоила ее Изабелла. – Нам оставили кроликов в подарок.

А Тьерри их для нас приготовит.

– Кто-то оставил нам сбитых машиной зверьков?

– Их никто не сбивал. Многие люди едят кроликов.

– Да, а еще они заставляют детей залезать в дымоход. Нет, так не пойдет. – Китти не скрывала своего возмущения. – Если вы рассчитываете, что я буду есть дохлого кролика, значит вы не в своем уме. Фи! Вы мне отвратительны. – И она выскочила из кухни.

На что Тьерри только ухмыльнулся.

– Покажи мне, дорогой, – сказала Изабелла. – Покажи мне, чему учил тебя Байрон, и мы все сделаем вместе.

Это продолжалось уже почти две недели. Ранний картофель, нежные саженцы, снабженные инструкциями конверты с семенами, два мешка удобрений. Изабелла хотела поблагодарить Байрона, но тот как сквозь землю провалился. Дом фактически опустел. Теперь там никого не было, кроме нее и детей. Мэтт тоже не показывался. По дому были разбросаны его инструменты, во дворе стоял забытый экскаватор, что рождало некоторые ассоциации с кораблем-призраком «Мария Селеста», экипаж которого загадочно исчез.

Тьерри накрыл стол пластиковым пакетом, положил кролика на спину, белым брюшком вверх. Затем взял небольшой кухонный нож, сделал надрез с левой стороны брюшины, немного оттянул мех и начал резать. Изабелла с трудом подавила в себе желание забрать у сына все колющие и режущие предметы, но его пальцы обращались с ножом не менее умело, чем ее со струнами, причем он был всецело поглощен выполнением своей задачи. Под восхищенным

взглядом Изабеллы Тьерри отложил нож и легко, словно одежду, снял с кролика шкурку, обнажив розовую плоть.

Изабелла не знала, что сказать Мэтту насчет той ночи. Она не могла объяснить свои действия, уж не говоря о его; хотя алкоголь, возможно, и сыграл определенную роль, дело было отнюдь не в лишнем бокале вина. И если честно, где-то в глубине души она чувствовала себя обязанной ему, однако откровенный цинизм его непристойного предложения превратил ее кровь в лед.

В тот вечер она совсем упала духом – и тут неожиданно появился он, сильный мужчина, привыкший все держать под контролем... и вот тогда, в темноте, она, уставшая от одиночества, забывшаяся в своей музыке, уговорила себя, что он вовсе не чужой человек, вовсе не посторонний. Что каким-то чудом ей удалось сквозь ветер и мрак достучаться до небес. Материализовать Лорана. И она не могла сказать в свое оправдание, что все вышло помимо ее воли. Нет, она действительно этого хотела.

Сын отсек голову кролика. Изабелла мысленно содрогнулась, когда Тьерри, прикусив от напряжения нижнюю губу, взрезал пах и брюшину, чтобы вытащить внутренности. Надо же, его пальцы, рассеянно подумала она, были сейчас совсем как в раннем детстве, когда он ими размазывал красную и коричневую краску.

Нет, она испытывала постыдное удовольствие от прикосновения рук Мэтта к своему телу, от его горячего дыхания, его жарких объятий – от возможности подарить ему всю себя без остатка. От его неприкрытого, почти животного желания. Она до сих пор помнила острое, чисто физическое наслаждение, когда их тела слились воедино.

Но затем чары рассеялись. Их хватило только на несколько минут. Нет, это был не ее муж. Не тот человек, которого она страстно хотела обнять, почувствовать внутри себя. Однако все зашло слишком далеко, чтобы останавливаться, а потому она закрыла глаза, представив, будто это происходит с кем-то другим, правда, тело, изначально предавшее ее, словно понимая, что за мужчина рядом с ней, съежилось от стыда, сделалось бесчувственным и холодным. Но самое ужасное, этот чужой мужчина был очень доволен, неожиданно став нежным и ласковым. Похоже, он поверил, будто она, возможно, захочет продлить удовольствие или даже повторить все снова.

И теперь, помимо всего прочего, она чувствовала себя чудовищно виноватой, причем не только из-за его жены, а скорее из-за того, что она сама, продолжавшая оплакивать мужа, трепетно хранившая мельчайшие воспоминания о нем, так безрассудно предложила себя другому мужчине. Она предала их с Лораном общее прошлое. Ей казалось, будто история с Мэттом перечеркнула все светлое, что было до того.

Изабелла буквально подпрыгнула на стуле, когда Тьерри с хрустом оторвал кролику лапы. Теперь у животного не было ни головы, ни лап. На столе лежал просто кусок сырой плоти. Неприятной, обнаженной. Встав на цыпочки, Тьерри вымыл мясо под краном и гордо протянул матери. Внутри ничего не было. Просто пустая полость, где когда-то билось сердце.

Ей с трудом удалось сдержать дрожь.

– Замечательно, милый. Отличная работа.

Даже не потрудившись отмыть руки от крови и шерсти, Тьерри положил на пакет второго кролика.

Изабелла сунула разделанную тушку в соленую воду, как и велел Байрон. Быть может, это действительно сделает мясо более аппетитным.

Сперва она увидела машину, разглядев ее между стволами деревьев на другом берегу озера. На том самом месте, которое она показала ему в день их встречи. С тех пор она не раз

вспоминала об этом случайном знакомстве, особенно в те дни, когда Мэтт становился совершенно невыносимым. В ушах у нее до сих пор звенели слова сына.

«Мы женаты, – сказала она Энтони. – Хочешь верь, хочешь нет, но это что-нибудь, да значит. А потому в трудные минуты жизни нельзя просто взять и уйти. Более того, мы должны вместе решать свои проблемы».

«Говори, говори», – пробормотал Энтони.

«И как прикажешь тебя понимать?»

«Ну, я никогда не женюсь, если это значит жить, как вы с отцом. Да посмотри, наконец, на себя! Разве вас можно назвать друзьями?! Вы никогда не смеетесь вместе. Вы никогда толком и не разговариваете».

«Ты к нам несправедлив».

«Вы оба будто из какого-то ситкома пятидесятых годов. Он тебя расстраивает. Ты его прощаешь. Он гадит там, где живет. Ты за ним убираешь. Какие же вы оба убогие!»

Его машина была припаркована в стороне от дороги, и когда она, проходя мимо, увидела карту и разбросанные клочки бумаги, то поняла: он мог вернуться только по одной-единственной причине. Лора одернула жакет, радуясь в душе, что не поленилась поправить макияж.

Он сидел на пне, но при ее появлении моментально вскочил, расплывшись в улыбке. Господи, как же давно кто-то, у кого не было рогов или копыт, не радовался встрече с ней!

– Это действительно вы! – воскликнул он. – Я так на это надеялся.

У него был приятный голос, низкий, интеллигентный, чуть резковатый. Немного напоминающий голос ее отца. И она неожиданно смутилась.

– Наслаждаетесь видом? – неуверенно спросила она.

Он наклонился погладить Берни, который тут же приветственно завилял хвостом.

– Сказочное место. Этот вид снился мне каждую ночь после... нашей прошлой беседы.

На другом берегу озера за деревьями виднелся Испанский дом, отражавшийся в прозрачной воде. В свое время она любила сидеть здесь, дав волю воображению. Она представляла, как они с мужем, рука об руку, спускаются по каменной лестнице к озеру. Представляла себе званые вечера, которые они будут устраивать на лужайках. Элегантные шторы, которые они повесят на окна. Хотя были и другие, причем не столь далекие времена, когда она обходила озеро стороной, когда она, снедаемая завистью и отчаянием, не могла спокойно смотреть на Испанский дом.

Но сегодня, впервые за долгие месяцы, все это уже не имело значения. Не было больше ни вождения, ни зависти. Просто ветхий дом, мирно глядевший в зеркало вод.

В разговоре вдруг возникла короткая пауза, и только слышно было, как крикают в камышах утки. Николас ласково почесывал собаку за ушами. Лора вспомнила вещи, о которых рассказала ему во время их первой встречи. Возможно, и вправду делиться секретами легче всего со случайными знакомыми.

– Вы выглядите... прелестно, – сказал он.

Она машинально пригладила волосы:

– Да уж, лучше, чем в прошлый раз.

– В прошлый раз вы выглядели восхитительно. Не хотите ли кофе? Я только что выпил целую чашку. Но я... я прихватил с собой запасную.

Фраза прозвучала столь многозначительно, что они не выдержали и рассмеялись.

Лора тоже присела на пенек.

– С удовольствием, – сказала она.

Ей неизвестно, кто это был, сказала она ему чуть погодя. Она уверена, что муж с кем-то

спит, но не знает, с кем именно.

– И от этого жизнь в деревне становится просто невыносимой. – Лора старалась на него не смотреть, чтобы забыть о том, что она здесь не одна, ведь только так она могла продолжать говорить. – Куда бы я ни шла, я вечно начинаю гадать: это ты? или ты? Но это может быть кто угодно. Девушка из супермаркета. Продавщица из магазина тканей. Официантка из ресторана, куда он меня как-то водил. Он всегда нравился женщинам.

Николас никак не прокомментировал ее слова. Он сидел рядом и внимательно слушал.

– И я никому не могу рассказать. Ни друзьям, ни соседкам. По крайней мере с одной из них он точно спал, хотя она и отрицает. А его спрашивать абсолютно бессмысленно. Он будет утверждать, что белое – это черное, и ты ему поверишь. Он уже много раз со мной такое проделывал. Даже сейчас он упорно не хочет сознаться. И заставляет меня чувствовать себя подозрительной душой.

Николас повернулся и внимательно посмотрел ей в лицо. Она догадывалась, о чем он, должно быть, думает. Действительно дура. Но выражение его лица говорило совсем о другом.

– Но в последний раз ему пришлось признаться. Он послал мне текстовое сообщение, предназначенное ей. Случайно перепутал. Там было написано: «Жди меня в „Тейлорс“. У меня есть два часа до комендантского часа». Никогда этого не забуду. Комендантского часа! Будто я тюремщица какая.

– И что вы сделали?

Она горько рассмеялась:

– Заявилась в тот паб. Он прямо-таки побелел, когда меня увидел.

Николас сочувственно улыбнулся. Лора нервно теребила манжету жакета.

– Он во всем признался и попросил прощения. Видите ли, мы тогда пытались зачать еще одного ребенка. Я надеялась, это нас сблизит, но он заявил, что не любит, когда на него давят, а потому и связался с той женщиной – той девушкой! Это случилось три года назад.

– А сейчас?

– Не знаю. Я разговариваю с продавщицами и парикмахершей, со своими подругами и соседками и... Я понятия не имею, кто из них спит с моим мужем. – Голос ее задрожал, но она справилась. – И понимаете, это самое ужасное. Ведь, возможно, она смотрит на меня и смеется надо мной. Одна из этих хорошеньких девчушек с упругим телом и идеальной кожей. По крайней мере, так я себе это представляю. Они оба смеются надо мной. – Она стиснула зубы, но через минуту добавила: – Извините. Вы просто хотели выпить чашечку кофе и насладиться видом, а я тут сижу и плачусь вам в жилетку. Простите, ради бога!

«Ой, только не надо меня жалеть, а иначе я просто не выдержу», – мысленно попросила она его.

Лора замолчала, уставившись на дом за озером, и неожиданно почувствовала, как он накрыл ее руку своей теплой, сильной рукой. А когда он заговорил, голос его прозвучал непривычно твердо.

– Этот человек – просто дурак, – произнес он.

Прошло еще два часа, и только тогда он посмотрел на часы.

– Надо же, ну прямо-таки перерыв на ланч, – заметила она, когда он сообщил ей, который час.

Он улыбнулся и кивнул, от уголков глаз лучиками разбежались морщинки.

– Да, но назвать такое ланчем даже язык не поворачивается.

И оба дружно посмотрели на обертку от шоколадки.

Они больше не обсуждали Мэтта. Николас галантно сменил тему и принялся рассказывать

ей о месте, чем-то похожем на это, где младшее поколение их семьи бродило по окрестностям, а потом разбивало палаточный лагерь. Затем они заговорили о домашних питомцах в далеком детстве и о престарелых родителях, старательно избегая темы личностных отношений или того, почему они оказались вдвоем на лесной опушке. Ну а после уже она посмотрела на часы и обнаружила, что прошло еще два часа.

– Надеюсь, вы потом позволите мне загладить вину? – поинтересовался он. – Предложить вам на ланч что-нибудь посущественнее.

Она сразу поняла, что он имеет в виду. И ее улыбка мгновенно погасла. Полноценный ланч. Но одно дело, выгуливая собаку, случайно повстречать незнакомца и даже поболтать с ним, а вот ланч... это вполне осознанное действие. Свидетельствующее об определенных намерениях.

И скорее в стиле Мэтта – пригласить завоеванную им женщину на обед.

Должно быть, он прочитал ее мысли, поскольку она увидела тень разочарования у него на лице.

– Простите, – сказал он. – Я понимаю... вам ни к чему лишние осложнения.

– Дело не в вас... Мне очень приятно... в вашем обществе.

– А мне в вашем, Лора. – Он поднялся и протянул ей руку. – Истинная правда. Я получил огромное удовольствие. Причем такое, что даже передать не могу.

– Пустые разговоры хныкающей домохозяйки... – Она одернула юбку.

– Нет. Откровенные. И я польщен. – Он продолжал держать ее за руку. – Знаете, я очень долго сторонился общества, причем отчасти потому, что мне так хотелось, но вы даже не представляете, как приятно иногда просто поговорить с кем-то... с кем-то умным, и добрым, и...

– Я, пожалуй, пойду, – прервала его Лора.

Он выпустил ее руку:

– Да-да, конечно.

– Быть может, мы еще снова случайно встретимся, – сказала она.

Она не могла ничего ему предложить. И не могла заставить себя признаться, что, возможно, сама хочет продолжения знакомства.

Он достал шариковую ручку и что-то нацарапал на клочке бумаги:

– На случай, если вы передумаете насчет ланча.

А когда она уже повернула в сторону дома – записка буквально обжигала кожу сквозь карман, – до нее долетели его прощальные слова:

– Обед из трех блюд или хотя бы плитка шоколада! Мне все равно!

Он проводил ее глазами до дороги. Ее походка казалась немного скованной, словно она спиной чувствовала его взгляд. Нет, она при всем желании не обернется, подумал он. Все в ней говорило о природной утонченности, что не часто встречается в наши дни. Она даже чашку держала удивительно элегантно. Он и не заметил, как пролетело время, – так бы все глядел и глядел на нее. Однако из осторожности ему приходилось делать вид, будто он смотрит не на нее, а любуется домом у озера. Он остро чувствовал присутствие этой удивительной женщины, и его нервные окончания вибрировали от запаха ее духов. А когда она поднимала на него свои печальные серые глаза, ему становилось трудно дышать. Теперь, когда можно было не таиться, он задумчиво смотрел, как ее силуэт постепенно исчезает между деревьями и только белокурые волосы время от времени мелькают светлым пятном.

Он очень хорошо ее понимал, эту красивую, кроткую женщину, которую практически не знал. С тех пор как от него ушла жена, он еще никогда и никого так сильно не желал; более того, сейчас его желание было не только плотским, но и несколько иного рода.

И уже направляясь к машине, он приказал себе перестать надеяться. Как и в случае с домом, все зависело от умения выжидать. И хотя он даже себе не решался в этом признаться, в глубине души Николас Трент, несмотря на жестокие удары судьбы, по-прежнему оставался торговцем. И осознание того, что у него есть соперник, пусть даже потенциальный, неизвестный и невидимый, еще больше обостряло его желание.

В тот вечер Байрон наконец появился. В кухонную дверь постучали, и Изабелла, увидев через стекло Байрона, впустила его в дом. Он остановился на пороге, заполнив собой дверной проем; на нем была поношенная синяя футболка – единственная дань вечерней прохлады.

– Привет, – поздоровался Байрон, и на лице его появилась улыбка – настолько неожиданная, что Изабелла улыбнулась в ответ. – Если вы не против, я бы хотел кое о чем с вами потолковать.

– Может быть, все-таки войдете? – предложила она.

Тьерри, который делал уроки, радостно вскочил с места.

– Нет-нет, – помотал головой Байрон. – На воздухе оно как-то спокойнее.

Он кивнул в сторону сада, и Изабелла вышла во двор, прикрыв за собой дверь.

Боже мой, подумала она. Неужели он собирается потребовать деньги за все свои подношения?

– Все в порядке? – спросила она.

– Я из-за Тьерри, – спокойно ответил Байрон.

– Что такое? – встрепелась Изабелла.

– Нет-нет, ничего страшного, – поспешно ответил он. – Дело в том, что я продал большую часть щенков... Ну, оставил их под заказ... Но есть еще два... Так, может, вы захотите взять одного? Видите ли, Тьерри очень к ним привязался. – (И тут Изабелла увидела двух черно-белых щенков, которые возились в стоявшей на земле коробке.) – Их уже скоро можно будет отдать, – продолжил Байрон. – И я просто подумал... Ну, он очень любит животных. – Байрон замолчал, словно испугавшись, что сболтнул лишнего. – Я заставляю Тьерри им кричать.

– Кричать?

– Учу Тьерри звать их к себе, чтобы дрессировать. Ну, когда мы в лесу.

– И он слушается?

– Кричит. Иногда очень даже громко, – кивнул Байрон.

Изабелла вспомнила звонкий голос своего онемевшего сына, и у нее в горле встал ком.

– А что он говорит?

– Говорит он, положим, не слишком много. Только выкрикивает их клички и команды: «Ко мне!», «Сидеть!», ну и всякое такое. И я подумал, пусть хоть так. Все лучше, чем ничего.

Секунду-другую они просто стояли молча лицом друг к другу.

– И почему вы продаете ваших щенков? – нарушила молчание Изабелла.

– О, по паре сотен за каждого, – ответил Байрон и, заметив выражение лица Изабеллы, поспешно добавил: – Но к вам это не относится. К Тьерри. Я собирался...

– Собирались – что?

– Отдать ему щенка просто так.

Изабелла густо покраснела:

– Я заплачу столько, сколько другие.

– Но я вовсе не...

– Нет, мне не надо никаких одолжений. И мы будем в расчете, – сказала Изабелла, сложив на груди руки.

– Послушайте, я пришел не для того, чтобы всучить вам щенка. Я пришел спросить, захочет ли Тьерри взять одного. В подарок. Но сперва я хотел узнать у вас, как вы на это

посмотрите.

Почему вы должны отдавать нам что-то задаром? – вертелось на языке у Изабеллы, но она вовремя спохватилась.

– Самый маленький в помете. – Байрон кивнул на щенка, который был потемнее.

Изабелла подозревала, что он лукавит, но ей не хотелось спорить. Она наклонилась и вынула щенка из коробки. Щенок извивался у нее в руках, пытаясь лизнуть в шею.

– Вы и так одарили нас сверх всякой меры, – мрачно заявила Изабелла.

– Вы ошибаетесь. В нашей округе люди привыкли выручать друг друга.

– Но все это добро, – не сдавалась Изабелла. – Дрова, куры...

– Они не совсем от меня. Я сказал Колину, что вы будете счастливы обменять те деревянные палеты на что-нибудь стоящее. Правда. Вам не о чем беспокоиться. – Байрон достал второго щенка. – Вот видишь, твой маленький дружок попал в хорошие руки.

Изабелла посмотрела на Байрона, этого загадочного человека, который чувствовал себя так же неловко, как и она. Он был явно моложе, чем она думала, но, похоже, за внешней сдержанностью скрывалась ранимая душа.

И она решила по возможности разрядить обстановку.

– Что ж, тогда спасибо, – улыбнулась Изабелла. – Я думаю... Я точно знаю, Тьерри будет счастлив иметь собственного щенка.

– Он такой... – начал Байрон и осекся, так как из-за деревьев показался минивэн.

Изабеллу бросило в жар, когда она узнала знакомый звук дизельного двигателя. У нее даже возникло детское желание спрятаться в доме и подождать, когда он уедет.

Но минивэн, естественно, никуда не делся. Из него выпрыгнул Мэтт. Небрежной походкой он направился к задней двери, однако, увидев Изабеллу с Байроном, резко остановился. Изабелле показалось, что при появлении Мэтта Байрон поспешно отодвинулся от нее.

– Байрон, ты забрал изоляционные материалы? – спросил Мэтт.

– Да.

– А дренаж прочистил?

Байрон кивнул.

Получив ответы на все вопросы, Мэтт отвернулся от Байрона, явно потеряв к нему всякий интерес. И, как успела заметить Изабелла, Байрон моментально ушел в себя, словно улитка в раковину. Его лицо стало непроницаемым.

– Простите, что долго не приезжал. – Мэтт остановился прямо перед Изабеллой. – Закопался с работой в Лонг-Бартоне.

– Не страшно, – ответила Изабелла. – Нет-нет, действительно ничего страшного.

– Но я хочу, чтобы вы знали. Завтра я как штык буду здесь. – Он смотрел на нее слишком пристально, явно вкладывая в свои слова какой-то особый смысл.

Изабелла прижала щенка к груди, радуясь возможности избежать зрительного контакта с Мэттом.

– Договорились, – бросила она.

Однако он остался стоять, как стоял, даже не подумав сдвинуться с места. Тогда она посмотрела ему прямо в глаза и расправила плечи. Мэтт окинул Изабеллу цепким взглядом, но, так и не сумев ничего прочесть на ее лице, недовольно отвернулся.

– Чей щенок? – поинтересовался он.

– Мой, – ответил Байрон.

– А не рановато ему гулять?

Байрон забрал у Изабеллы щенка и положил обратно в коробку.

– Сейчас отвезу домой, – сказал он.

Мэтт явно не торопился уходить. Он испытующе посмотрел на них обоих, а затем повернулся к Байрону:

– Кстати, совсем забыл. С завтрашнего дня будешь работать у Доусонов. Идет? Им надо расчистить участок земли. Ой, кстати, у меня для тебя кое-что есть. – Мэтт достал конверт и принялся демонстративно отсчитывать банкноты. – ...и двадцать. Твоя зарплата. Постарайся все сразу не спустить, – ухмыльнулся он.

Сверкнув глазами, Байрон неуклюже взял деньги.

– Ну что, Байрон, не будем портить миссис Деланси вечер? Подбросить тебя до деревни?

– Нет, – угрюмо произнес Байрон. – У меня машина на другом берегу.

Свистом подозвав к себе Мег и Элси, он развернулся и зашагал к озеру. Изабелле очень хотелось остановить его, но не было подходящего предлога.

Проводив глазами Байрона, Мэтт повернулся к Изабелле. Всю его развязность как рукой сняло.

– Изабелла, – вкрадчиво начал он, – нам надо поговорить...

Неожиданно кухонная дверь отворилась, и в саду появилась Китти, сердито покусывавшая прядь волос.

– Мама, ты собираешься помочь мне с ужином? Ты торчишь здесь уже целую вечность.

Изабелла облегченно повернулась к Мэтту:

– Прошу прощения, но сейчас я не могу говорить.

Китти протянула ей дуршлаг:

– Большая часть картошки проросла.

– Послушайте... – начала Изабелла и внезапно запнулась. – У нас есть... У меня есть деньги, чтобы заплатить за остальные работы. – Она заметила довольное выражение лица Мэтта и с ужасом поняла, что Мэтт решил, будто у нее есть свои резоны подольше задержать его здесь. – Прокладка труб, отопление, ванная комната. Нам очень нужна ванная комната.

– Хорошо, я вернусь завтра, – бросил Мэтт.

– Отлично. – Она проскользнула в кухонную дверь, с облегчением захлопнув ее за собой.

Байрон Ферт, в принципе, был реалистом и не ждал от жизни слишком многого, но даже он не мог не признать, что дом на Эпплбай-лейн превзошел его ожидания. Байрон предполагал, что дом Джейсона будет маленьким, заблокированным с соседним, возможно похожим на тот, из которого им с сестрой пришлось выехать, или на домик, где они жили еще раньше (постройки 1970-х годов, с крошечными передними и задними дворами).

Две спальни, говорила ему сестра, и Байрон вообразил, что это будет двухэтажный домик или муниципальная квартира. Однако его глазам предстал крытый соломой коттедж возле сельской дороги, на участке в треть акра. Своего рода пародия на идиллическую старую добрую Англию с ее клумбами и массивными балками.

– Байрон, может, добавки?

Он откинулся на спинку плюшевого дивана:

– Нет, спасибо. Все было очень вкусно.

– Джейсон уже ставит чайник. Он хочет поделиться с тобой нашими задумками насчет сада. Изгородь там и все остальное. Может, присоветуешь чего умного.

Байрон отлично понимал: у Джейсона и в мыслях такого не было. Ведь они с Джейсоном отнюдь не питали друг к другу теплых чувств. Байрон относился к парням Джейн, каждого из которых рассматривал в качестве потенциального отчима Лили, с некоторым предубеждением. Однако он понял тактический ход сестры и, памятуя об их гостеприимстве, решил ей подыграть.

– Не вопрос. Только скажи когда, – ответил он.

В этот маленький уголок Англии настоящее лето пришло неожиданно. В лесу снова закипела жизнь, молодые деревца дали новые побеги, а лужайки покрылись цветочным ковром, который еще многие недели будет радовать глаз.

Сестра вернулась в сияющую чистотой кухню, а Байрон положил голову на подушки и закрыл глаза. Да, ростбиф был выше всяких похвал. Но диван... После нескольких недель спанья на бетонном полу Байрон уже успел забыть, какое это удовольствие растянуться на настоящем диване. Он был крепким парнем, но сейчас ему даже не хотелось думать еще об одной ночи в бойлерной.

Вопреки его ожиданиям, продажа щенков несколько затянулась. Старик из Кэттон-Энда так и не рассчитался за самую маленькую суку, а миссис Дорни из садового центра сказала, что заберет своего щенка только после переезда в другой дом.

Байрон нашел коттедж для работников в трех милях отсюда, на крупной молочной ферме. Там не возражали против собак и даже могли подкинуть ему дополнительную работенку, но необходимые для внесения залога деньги могли появиться у Байрона только после продажи всех щенков. Хотя даже этого не хватит для покрытия названной хозяином суммы. Похоже, придется соглашаться на все сверхурочные, которые предложит ему Мэтт.

– Ты не сможешь мне собрать этот стул? – Лили, забравшись к нему на колени, протянула ему детали игрушечной мебели, которую Байрон принес племяннице.

Она уже успела похвастаться своей комнатой и подаренным ей дядей Джейсоном кукольным домом, крытым соломой и высотой в целых три фута.

«Джейсон хочет, чтобы она чувствовала себя свободно, – сказала Джейн. – А кукольный дом он сделал своими руками. Это копия нашего коттеджа».

Джейсон, умевший говорить только «да» или «нет», немало удивил Байрона, причем уже не в первый раз. Ведь Джейсон был отнюдь не похож на человека, способного мастерить

детские игрушки.

– Ладно. Передай мне, пожалуйста, клей. – Байрон наклонился вперед, чтобы не закапать диван.

– А кухонную утварь ты мне сделаешь?

– Обязательно.

Лили наградила его озорной улыбкой:

– Мамина подружка Сара запала на тебя. А мама сказала Саре, типа забирай его себе, но только вместе с грязным бельем.

Сестра уже успела все это высказать Байрону лично, когда тот попросил постирать его одежду.

«Боже мой, Байрон! Разве можно месяцами накапливать грязные вещи? – Она демонстративно держала мешок с бельем на вытянутой руке, подальше от себя. – Это совсем на тебя непохоже».

«Стиральная машина моего приятеля сломалась. Поэтому столько всего и скопилось», – сказал Байрон, поспешно скрывшись в саду.

Это было самое большое неудобство жизни в бойлерной. Ближайшая прачечная-автомат находилась в шестнадцати милях, и если ехать туда и обратно, только на одном дизельном топливе можно разориться. Ну а если стирать вещи в озере, они все равно будут иметь грязный вид, да и на просушку уйдет несколько дней. Иногда, когда он сидел и слушал, как играет Изабелла, у него возникала шальная мысль тайком прокрасться в прачечную и постирать вещи в хозяйской машине. Но этот вариант тоже не годился, ведь Байрон же не вор какой-нибудь. И вообще, а вдруг она найдет случайный носок?

И вот теперь он с удовольствием прислушивался к урчанию стиральной машины. Вкусный обед, мягкий диван, чистая одежда в перспективе. Байрон протянул Лили склеенный кукольный стул. Если хорошенько подумать, человеку для счастья нужно совсем немного.

– Она довольно красивая, – продолжила гнуть свою линию Лили. – И у нее длинные волосы.

– Байрон. – Вошедший в комнату Джейсон сел в кресло рядом с диваном.

Байрон сразу же выпрямился. Еще немного – и он бы заснул.

– Славное местечко, – сказал он. – И вообще... тут все очень славное.

– Мы с папой построили дом пару лет назад. Практически своими руками.

– Гораздо лучше, чем наш старый дом. – Лили увлеченно приклеивала стикеры к деревянной мебели. – Хотя тот я тоже любила.

– Что ж, приятель, ты вполне можешь заткнуть за пояс Мэтта Маккарти, – улыбнулся Байрон.

– Без обид, дружище, но этого человека я и близко не подпустил бы к своему дому. Особенно учитывая слухи, которые о нем ходят.

Какие такие слухи? – хотел спросить Байрон.

Лили не слишком музыкально напевала себе под нос, расставляя и переставляя кукольную мебель. Наконец Джейсон сказал:

– Лили, милая, поди узнай у мамы, не осталось ли у нее печенья? – Лили, замороженная волшебным словом, отправилась на кухню. Убедившись, что девочка их не слышит, Джейсон пробормотал: – Послушай, Байрон, я понимаю, ты не в восторге, что твоя сестра теперь со мной... – Байрон собрался было ему возразить, но Джейсон его остановил: – Нет уж, позволь мне закончить. Она сказала мне, что с тобой приключилось. Ну, тюрьма там и прочие дела. И я хочу, чтобы ты кое-что уяснил. – Взгляд его был пронзительным и очень искренним. – Обещаю, я в жизни не подниму руку ни на твою сестру, ни на Лили. Не тот я человек. Вот такие дела. А еще я хочу тебе сказать, что на твоём месте поступил бы точно так же.

Байрон тяжело сглотнул:

– Я вовсе не собирался его...

– Да?

– Он просто неудачно упал, – объяснил Байрон. – И это было давным-давно.

– Да. Она говорила.

В воздухе повис немой вопрос. Байрон слышал, как на кухне кипит чайник, позвякивают извлекаемые из буфета чашки.

– Ладно. Так или иначе, чисто для сведения, я собираюсь сделать ей предложение, когда они здесь немного обживутся.

Байрон снова откинулся на подушки, пытаясь переварить услышанное и посмотреть на человека, которого уже заранее успел невзлюбить, новыми глазами. Да, в своем доме Джейсон был совсем другим. Возможно, это свойственно большинству людей.

Прошло несколько томительных минут.

– Пойду проверю, как там дела с чаем, – сказал Джейсон. – С молоком и без сахара, да?

– Спасибо, – отозвался Байрон.

Тем временем из кухни с подносом в руках появилась его сестра.

– Не понимаю, с чего это вдруг ты вспомнил о печенье. – Она пихнула Джейсона в бок локтем. – Ты же знаешь, мы еще утром его прикончили. – Она налила кружку чая и протянула брату. – Ты так и не сказал мне, хотя и принес полтонны грязного белья... А что за приятель такой, у которого ты живешь?

Уже три дня подряд Тьерри преследовал этот звук. Он проходил мимо амбара у дальнего конца дома и неожиданно слышал жалобное поскуливание, но какое-то приглушенное, будто шедшее из-под земли.

– Наверное, лисята, – сказал Байрон, когда Тьерри рукой показал ему на источник загадочных звуков. – Наверное, где-то тут у них нора. Ну ладно, пошли! Пора фазанов кормить.

Байрон всегда говорил ему, что не следует без нужды беспокоить диких животных, особенно детенышей. Если ты подберешь детеныша или разворошишь гнездо, родители могут испугаться и больше не вернуться.

Но сегодня Байрона тут не было. Тьерри наклонил голову и застыл в лучах солнца, пытаясь определить, откуда идет звук. Из комнаты Китти доносилась музыка, они с мамой занимались творчеством. Мама сказала Китти, что та может украсить стены, как пожелает. Тьерри собирался попросить разрешения нарисовать у себя разные планеты. Ему понравилась мысль иметь Солнечную систему не только за окном, но и внутри тоже.

А вокруг перешептывались между собой высокие сосны, теплый ветерок доносил до Тьерри их смолистый дух. Неожиданно откуда-то снизу снова послышался загадочный звук. Тьерри, вынув руки из карманов, принялся медленно обходить дом кругом. И остановился у полусгнившей старой двери. Байрон научил его разбираться в следах, и мальчик, приглядевшись, понял, что дверь недавно открывали.

Он нахмурился. Интересно, как лиса может открыть дверь, тем более такую тяжелую? Он подошел поближе, ухватился за край двери и дернул. Затем шагнул внутрь, дав глазам привыкнуть к темноте. Скулеж прекратился.

Тьерри увидел перед собой Г-образное помещение. Когда он прикрыл дверь и спустился по лестнице, жалобное попискивание возобновилось. Мальчик пошел на шум и увидел знакомую картину. Он наклонился достать из коробки одного из щенков Байрона, а затем крепко прижал его к себе. Должно быть, Байрон оставил их здесь для безопасности, пока он где-то работает.

Тьерри уселся на бетонный пол, чтобы щенки могли забраться на него и лизнуть прямо

в лицо, что, по словам сестры, было отвратительно.

И только когда собачата немного успокоились, Тьерри заметил, что их коробка не единственная вещь в комнате. В углу стоял складной стул, на брезенте лежал спальный мешок, возле него – рюкзак и парочка мешков. Рядом собачьи миски. На краю крошечной раковины – стаканчик с пастой и зубной щеткой. Тьерри выдавил прямо в рот ментолового червячка из тюбика с пастой. Интересно, и зачем это Байрону понадобилось разбивать здесь лагерь?

– Тьерри! – послышался сверху голос матери. – Кушать пора! Тьерри!

Он осторожно положил зубную пасту на место.

– Тс! – сказал он собакам, приложив палец к губам. – Тс!

Тьерри знал о секретах абсолютно все, знал он и то, почему некоторые вещи лучше держать при себе, ну а кроме того, он не хотел, чтобы Байрон понял, что разворошили его гнездо.

Руки помнят ноты даже тогда, когда музыка давно отзвучала. И точно так же руки Изабеллы сохраняли тактильную память о прежней скрипке еще долго после того, как она с ней рассталась. Изабелла размышляла об этом, представляя, что исполняет Дворжака; она вспоминала дрожание струн и корпус скрипки Гварнери под подбородком. Наверное, у нее уже никогда не будет такой скрипки, она никогда не услышит ее бархатный тембр, не почувствует дрожание струн. Ну и ладно, пора успокоиться, незаменимых вещей не бывает, сказала она себе.

После суматошливых весенних месяцев лето принесло ей определенное спокойствие. Ее огород радовал глаз, она купила большую морозильную камеру для запасов, которую поставила в столовой, а теперь, с началом каникул, Китти взяла на себя кур, среди которых были кохинхинки, маленькие бентамки и огромные рыжевато-желтые орпингтоны. Яйца и цыплята приносили небольшой, но стабильный доход. Днем двери дома оставались распахнутыми настежь, поэтому Изабелла нередко находила на диване петушка с ярким оперением и глазами-бусинками или курицу-несушку, сидящую на груди выстиранного белья. Изабеллу все это не слишком печалило, ведь смотреть, как Китти и Тьерри возятся с цыплятами, было для нее как бальзам на душу. Какое счастье, что дети перестали оплакивать свои утраты и начали хоть чему-то радоваться!

Тьерри, хвостом ходивший за Байроном, большую часть времени проводил в лесу, откуда приносил грибы, листья для салата или вязанку хвороста на зиму. Изабелла с удовольствием представляла, как он криком подзывает к себе щенка, которого подарил ему Байрон. У Тьерри было такое счастливое лицо, когда он узнал о подаренной Байроном собаке, что Изабелла едва не расплакалась. Тьерри, ну скажи хоть что-нибудь, беззвучно умоляла она сына. Дай выход своей радости. Присвистни, завопи во все горло, как сделал бы на твоём месте любой нормальный мальчишка. Но Тьерри только молча подошел к ней, обхватив руками за талию. Изабелла обняла сына в ответ, скрыв от него свое разочарование.

– Ему скоро придется заняться дрессировкой щенка, – заметил стоявший рядом Байрон, и Изабелла вознесла к небесам безмолвную молитву, чтобы щенок, которого назвали Пеппером, заставил бы Тьерри снова заговорить.

В то утро Байрон учил ее колоть дрова. Конечно, она все делала не так. Топор оказался тупым. Просто поставить чурбак на колоду и разрубить его посередине опасно, поскольку можно повредить глаза. И вообще, лучше откалывать плахи ближе к краю. Байрон показал, как правильно извлечь топор, стукнув по нему молотком. А потом он разрубил чурбак одним мощным ударом.

– Вам полезно, – ухмыльнулся он. – Хорошо успокаивает нервы. Вроде терапии.

– Ну да, конечно. Если только я случайно не отрублю себе ногу.

Тем временем руки Изабеллы, не привыкшие иметь дело с колючими кустами крыжовника и малины, загубели и покрылись царапинами. Пальцы были в порезах от разделки кроликов, а ладони – в мозолях от малярных работ. Изабелле очень хотелось сделать дом ярче и веселее. Конечно, Лора Маккарти и компания назвали бы самопалом неровно покрашенные полы и настенную живопись, желто-зеленым плющом украсившую стены на лестничных площадках. Но Изабелле, собственно, было наплевать. С каждым ярким мазком их жилище из временного пристанища, где они с Китти и Тьерри оказались по воле судьбы, постепенно превращалось в настоящий дом.

Но Испанский дом обладал очень странной особенностью, в наличии которой она смогла признаться себе только после того, как Китти однажды заметила: «Мне нравится наш дом. Гораздо больше, чем тогда, когда мы только сюда въехали. Даже со всеми этими дырами в стенах и вечным бедламом. Но тут почему-то никогда не возникает ощущения настоящего дома, правда?»

Изабелла пыталась ее разубедить, говоря, что, дескать, никому полработы не показывают, а потому еще рано судить. Она что-то плела насчет новых окон и ваннх комнат, в глубине души отлично понимая, что Китти права.

Неужели это из-за того, что тут нет тебя? – мысленно обращалась она к Лорану? Неужели без тебя мы не можем чувствовать себя как дома?

И все это время Изабелла старательно избегала Мэтта Маккарти, насколько возможно было избегать человека, каждый божий день крутившегося поблизости. Иногда у нее неплохо получалось. Например, когда она давала уроки игры на скрипке, которые всей душой ненавидела. Изабелла разработала разнообразные стратегии с целью не оставаться с ним наедине: угощая чаем, старалась держаться поближе к Байрону или другим рабочим; просила детей составить ей компанию, если надо было что-то срочно решить; все деловые разговоры приберегала на тот случай, когда Мэтт приходил с сыном. Тем временем Мэтт, ставший чуть менее жизнерадостным и разговорчивым, словно нарочно тянул время.

Изабелла заметила, что в отношениях отца и сына образовалась трещина. Они практически не общались, а Энтони смотрел на Мэтта с плохо скрываемым отвращением. Однако с самой Изабеллой мальчик был крайне любезен, из чего она сделала вывод, что он ничего не знал о ее отношениях с Мэттом. Время от времени она спиной чувствовала обжигающий взгляд Мэтта, но ей удавалось путем сложного лавирования избегать выяснения отношений.

И вот однажды, когда она была одна на огороде, Мэтту все же удалось застать ее врасплох. Вечерело. Китти и Тьерри отправились в лес погулять с Пеппером, а Изабелла решила набрать к ужину картошки. Чтобы не повредить клубни лопатой, она, стоя на коленях на старом мешке, дергала ботву голыми руками, а затем кидала картофель в жестяное ведро. Изабелла находила странное удовольствие в этом занятии, ведь никогда не знаешь, что в следующий раз вытащишь из земли, и крупный картофель становился для нее своеобразным призом. Она остановилась передохнуть, а заодно убрать упавшие на лицо волосы и неожиданно обратила внимание на свои руки. Они были усеяны веснушками, под обломанными ногтями засела грязь. О боже, Лоран, видел бы ты меня сейчас! – улыбнулась она своим мыслям. А затем поняла – одновременно и с сожалением, и с некоторым облегчением, – что впервые за долгое время может думать о нем без печали.

Изабелла выдернула последний клубень, оторвала ботву и заровняла грядку. Затем принялась стряхивать с рук налипшую землю и подпрыгнула от неожиданности, услышав:

– Да, они по-прежнему прекрасны. – Опираясь на лопату, у нее за спиной стоял Мэтт. – Ваши руки по-прежнему прекрасны, – повторил он.

Изабелла окинула его внимательным взглядом, затем встала с колен и взяла мешок.

– Ну и как там моя ванная? – нарочито небрежно поинтересовалась она. – Вы вроде бы собирались закончить к началу недели.

– Давай сейчас не будем об этом, – сказал Мэтт. – Вот уж четыре недели мы ходим вокруг да около. Я хочу поговорить о нас.

– Мэтт, что за бред? Нет никаких «нас», – отрезала Изабелла, подняв с земли ведро.

– Ты не можешь так говорить. – Он подошел к ней вплотную, и Изабелла забеспокоилась, что их могут увидеть дети... или еще кто-нибудь. – Изабелла, я ведь был там. – Он перешел на интимный шепот. – И я помню, что с тобой было... что с нами было... А то, что я сказал потом, просто ошибка, недоразумение. Я все время думаю об этом. О нас.

Изабелла решительно направилась к дому.

– Мэтт, пожалуйста, прекрати, – сказала она.

– Изабелла, я все понимаю. Я еще тогда все почувствовал.

Она резко развернулась в его сторону:

– Возможно, будет лучше, если я сейчас заплачу за сделанную работу и мы на этом закончим.

– Изабелла, я нужен тебе здесь. Никто лучше меня не знает этот дом.

– Очень может быть, – бросила она в пространство, – но не думаю, что кому-нибудь из нас это пойдет на пользу, так? Заканчивай с ванной комнатой, а потом... – Она наконец дошла до двери на кухню. – Ладно, мне надо идти. – Она закрыла дверь и осталась стоять, бессильно прислонившись к ней.

– Изабелла? В чем я провинился перед тобой? Почему ты со мной так? – (Она надеялась, что ему хватит благоразумия не ломать дверь.) – Изабелла, той ночью я совсем другое имел в виду. Просто неудачно выразился.

– Я не желаю это обсуждать, – заявила Изабелла.

Прошла еще одна мучительная секунда. Затем она снова услышала его голос, бархатный, вкрадчивый, причем совсем близко, словно он прижался губами к двери.

– Ты не можешь делать вид, будто ничего не изменилось.

Изабелла долго вслушивалась в напряженную тишину за дверью, а когда его шаги стали удаляться и наконец стихли, облегченно вздохнула. Она поднесла к лицу испачканную в земле руку, которую и сама-то с трудом узнавала, и увидела, что пальцы мелко дрожат.

Домой Мэтт возвращался один. Байрон, который за весь день не сказал ему ни слова, исчез еще до того, как Мэтт закончил работу, а Энтони заявил, что хочет еще немного побыть с Китти.

– Тебя мама ждет, – сказал Мэтт, в глубине души завидуя возможности сына оставаться в этом доме сколько хочется.

– Нет, не ждет. Я предупредил ее, что останусь здесь посмотреть фильм. Ты никогда не слушаешь.

При иных обстоятельствах Мэтт наподдал бы сыну как следует за непочтительность, но его внимание отвлекла Изабелла, которая, пропустив мимо ушей их словесную перепалку, настраивала на верхнем этаже скрипку. Мэтту было невыносимо слышать ее игру. Музыка навевала непрощенные воспоминания о той ненастной ночи, когда она, тяжело дыша, извивалась под тяжестью его тела. Он решительно не понимал, что за черная кошка между ними пробежала. Ведь он точно знал: она тоже была не против. Тогда почему она все отрицает?

Мэтт свернул к своему дому и в сердцах хлопнул дверью машины. Берни, прихрамывая, выскочил ему навстречу, но Мэтт равнодушно прошел мимо старого пса, поскольку голова была занята совсем другим. Нет никаких «нас», сказала она, словно проведенная вместе ночь была ошибкой.

Он открыл духовку и обнаружил, что там пусто.

– Где мой обед? – крикнул Мэтт во всю глотку, чтобы Лора услышала на втором этаже. Но ответом ему была лишь мертвая тишина в доме. Тогда он принялся обходить кухню, заглядывая в кастрюльки. – Где мой обед? – повторил он, увидев в дверях Лору.

– Привет, дорогая. Хорошо провела день? Чудесно, спасибо, – произнесла Лора ровным голосом.

– Привет, любимая, – демонстрируя ангельское терпение, отозвался Мэтт. – Я только хотел узнать, где мой обед.

– Ну... в морозильнике есть отбивные, а в холодильнике – суп в коробке и холодный цыпленок. Сыр и печенье. Выбирай, что душе угодно. – (Мэтт злобно уставился на жену.) – Мэтт, ты уже несколько недель категорически отказываешься сообщать мне, когда придешь домой и придешь ли вообще. Поэтому я решила, чего зря беспокоиться. Ты и сам сможешь себя обслужить. Начиная с сегодняшнего дня.

– Это что, шутка такая? – встрепенулся Мэтт.

Жена ответила ему недружелюбным взглядом:

– Нет, Мэтт. Я не нахожу в этом ничего смешного, но я тебе не какая-нибудь там судомойка. И если ты даже не соизволишь сказать мне «привет», когда приходишь домой, то с какой стати я должна надрываться и готовить тебе ужин?

– Эй, не советую меня доставать. Я только прошу дать мне поесть.

– Вот я тебе и говорю, где что лежит. У нас полно еды. Единственное, что тебе надо сделать, – положить ее на тарелку.

Лора даже подпрыгнула от неожиданности, когда Мэтт изо всех сил хлопнул рукой по столешнице.

– Значит, это твоя месть, да?! Твоя мелкая, жалкая месть? Лора, интересно, а где, по-твоему, я провел весь день? В доме через дорогу, вместе с твоим сыном, делая то, что ты просила, то, что приближает нас к получению этого треклятого дома. Прокладывая трубы. Устанавливая ванны. Меняя окна. И только потому, что тебе, видишь ли, не хватает моего треклятого внимания, ты пытаешься взять надо мной верх, уморив меня голодом.

– Мэтт, нечего на меня наезжать. Ты не хуже меня знаешь, о чем идет речь.

– Все. Я пошел в паб. Только этого мне еще не хватало после тяжелого трудового дня! – Он протиснулся мимо нее к двери. – Там я получу ужин. И радушный прием, черт возьми!

– Отлично! – крикнула Лора, когда он забрался в минивэн. – Возможно, ты и постель там тоже получишь!

Даже двойная компенсация морального ущерба в виде лазаньи из микроволновки и нескольких пинт пива не смогла поднять Мэтту настроение. Он сидел за барной стойкой и, погруженный в мрачные мысли, односложно отвечал на вопросы назойливых посетителей.

Он заметил, что хозяин бара пихнул Терезу в бок и беззвучно произнес: «Присмотри за ним». Немногие завсегдатаи, любившие обычно переброситься с Мэттом шуткой, словно уловив исходящий от него негатив, старались держаться подальше.

– Мэтт, ты в порядке? – К нему подошел Майк, агент по продаже недвижимости. – Может, еще по одной?

Кружка Мэтта снова была пустой.

– Пинту. Спасибо.

– Как-то здесь сегодня тихо. – Майк обращался скорее к остальным, нежели к Мэтту, сообразив, что тот, похоже, не в духе.

– Футбол, – отозвался хозяин. – Это всегда так. Если не будет пенальти, народ повалит

поближе к десяти.

– Терпеть не могу футбол, – вступила в разговор Тереза. – Скука смертная. Хотя мне все быстро наскучивает.

– Ну как продвигается ремонт дома? – Майк придвинул к Мэтту полную кружку. – Я слышал, ты буквально разобрал его по кирпичику.

– Ты же знаешь, в каком он был состоянии, – кивнул Мэтт.

– Естественно. Я бы не отказался посмотреть, что там у тебя получается, если ты, конечно, захочешь мне показать.

– Дом будет красивым, – неожиданно поднял голову Мэтт. – Фантастически красивым. Дом мечты. Такой, что даже вообразить невозможно.

Майк внимательно посмотрел на Мэтта:

– Что ж, приятель, стораю от нетерпения увидеть все своими глазами. Я, пожалуй, позвоню тебе на этой неделе.

Дождавшись, когда Майк отойдет подальше, а хозяин скроется в подсобке, Тереза направилась к Мэтту:

– Эй, не гони лошадей! Ты что-то частишь.

В голубых глазах Мэтта появился воинственный блеск.

– Тереза, ты что, собираешься учить меня жить?

У нее вытянулось лицо.

– Не хочу, чтобы ты попал в беду. Я имею в виду пьяную езду.

Мэтт посмотрел на нее так, точно впервые видел:

– Неужто ты так сильно за меня переживаешь?

Она неуверенно накрыла его руку своей и осторожно провела по ней пальцем.

– Ты же знаешь, что да. Больше, чем за кого бы то ни было.

Мэтт выпрямился и окинул взглядом полупустой бар.

– Жди меня у задней двери, – тихо сказал он. – Мне нужно... с тобой потолковать.

На ее лице отразилась целая гамма чувств: и тревога, и восторг одновременно. Она подошла к хозяину и что-то шепнула ему на ухо.

– Пять минут, – пробурчал хозяин, метнув недовольный взгляд в сторону Мэтта.

Затем, чувствуя, как качается земля под ногами, Мэтт вышел на свежий воздух и направился в сторону парковки.

Тереза уже было во дворе, возле сложенных ящиков, над ее головой в свете фонаря кружили ночные бабочки. Мэтт подошел к ней, и она бросилась ему на шею.

– Господи, как же я по тебе соскучилась, – осыпая его поцелуями, приговаривала она. Ее дыхание отдавало освежителем для рта. Интересно, и когда это она успела? – Так что ты собирался мне сказать? А я уж грешным делом решила, что ты меня бросил. – Ее руки воровато прокрались ему под футболку. – Ненавижу, когда тебя нет. Без тебя вечера кажутся мне бесконечными.

– Значит, я тебе безразличен?

Она прижалась к нему грудью. От нее пахло ванилью.

– Конечно безразличен, глупенький. Ты для меня все, – прошептала Тереза, поглаживая пальцами его затылок.

– Тогда подними юбку, – отрывисто приказал Мэтт.

Если Мэтт и заметил, что она колеблется, то предпочел притвориться, будто ничего не видит. Грубо и напористо он расстегнул ее блузку, задрал юбку и прижал Терезу к ящикам.

– Мэтт, я не уверена, что... Не здесь...

Однако он не обращал внимания. Заставив Терезу обхватить его талию согнутой в колене

ногой, Мэтт впился губами ей в шею. Он ласкал ее грудь, поглаживал ягодицы, перебирал волосы... пока наконец она не затихла. Затем он грубо, бесцеремонно вошел в нее и, закрыв глаза, попытался восстановить все то, что чувствовал в темноте Испанского дома, вспомнить аромат ее волос, укутавших его, точно плащом. Он трахал ее, обладал ею, наслаждался ее музыкой. Ведь это была она. Она, и только она. Он забыл, где находится, потерял себя, движения его были резкими и судорожными. И пусть все видят, пусть все знают. Он не обращал внимания на то, что вздохи Терезы становились все более вялыми, словно из сдувшегося шарика выходил воздух. И вот он кончил с утробным стоном. Опустошенный. Безобразный.

Плохо дело. Хуже не бывает.

Мэтт сделал шаг назад и покачнулся, взмахнув рукой, чтобы не упасть.

Застегнул джинсы и внезапно заметил, что Тереза, пытаясь стянуть на груди растерзанную блузку, настороженно смотрит на него.

– Прости, – бросил он, увидев, что на блузке не хватает пуговиц.

Он ждал, что Тереза бросится ему на шею, преданно заглянет в глаза в своей обычной жеманной манере. Скажет, что ничего страшного не произошло. Что она примет его любим. Но Тереза, похоже, настолько растерялась, что даже оттолкнула его руку.

– Тереза...

– Мне пора возвращаться, – пробормотала она и, надев свалившуюся туфлю, кинулась к двери в паб.

Когда Мэтт вернулся, Лора уже лежала в постели. Он вошел в притихший дом, шторы были задернуты, на лестнице горела подсветка. Безупречный приветливый, мирный дом. Но только не тот. Мэтт еще не был морально готов подняться наверх, он даже не знал, где предпочтет лечь спать, если все же захочет подняться.

Он скинул ботинки, включил телевизор, налил стакан виски и опрокинул в себя. А поскольку легче ему не стало, он выпил еще, пытаясь обуздать путающиеся мысли.

Наконец в четверть первого он взял телефон и набрал номер.

– Это я, – сказал он.

Лора лежала на двуспальной кровати, прислушиваясь к тому, как Мэтт грузно топчется внизу. Он явно был пьян. Этого следовало ожидать, когда он не вернулся домой после закрытия паба. Под влиянием минуты, терзаясь угрызениями совести, Лора позвонила в «Длинный свисток». Ей ответила какая-то девушка. «Скажите, а Мэтт Маккарти у вас был сегодня вечером? – спросила она, с трудом сдержавшись, чтобы не добавить: – С вами разговаривает его жена». И тем не менее Лоре претила роль шпионящей за мужем сварливой жены. «Комендантский час», – написал он. Точно она тюремщица.

Ответом ей стала длинная пауза. Похоже, барменшам в пабах было не привыкать к дипломатическим уловкам.

«Да, – ответила девушка. – Но он уже ушел».

А десять минут спустя она услышала шуршание шин по гравийной дорожке. Лору терзали сомнения, то ли ей радоваться, что он действительно был в пабе и наконец вернулся, то ли расстраиваться, что он не поднялся наверх. Поскольку она не знала, как поступить, если бы он выбрал последнее. Она вообще теперь ничего не знала. Лора вспомнила, как Николас держал ее за руку и говорил, что ее муж – дурак. Она тогда ужасно смутилась и отдернула руку. Лора будто снова услышала, как рассказывает Николасу самые темные секреты своего замужества, и внезапно почувствовала себя предательницей. Николас так пристально на нее смотрел. И все, что ей оставалось сделать – тут уж она не сомневалась, – это подать сигнал. Да, она рассказала

ему слишком много, но в остальном совесть ее была чиста.

Ключок бумаги с нацарапанным на нем номером лежал в кармане штанов, в которых она работала в саду. Эх, надо было сразу выбросить его, говорила она себе. Хотя это, в сущности, ничего не изменило бы, ведь Мэтт в любом случае не узнал о ее благородном порыве. Он просто наорал на нее, укатил в паб и вернулся домой вусмерть пьяный.

Лора села на кровати, потирая виски. В голове царил полный сумбур, и она понимала: надо срочно что-то делать. А что говорили ей подруги? Ты хочешь быть правой или счастливой? Ей следует извиниться. Постараться сдвинуть их отношения с мертвой точки.

Она уже подошла к двери спальни, как вдруг услышала, что муж звонит кому-то по телефону. Должно быть, по сотовому, поскольку телефон возле кровати даже не звякнул. Лора бесшумно вышла на площадку, ступая босыми ногами по бежевому ковру.

– Это я, – донесся до нее голос Мэтта. – Мне надо кое-что тебе сказать. Возьми трубку. Я все понял. – Он замолчал, и Лора напряглась, пытаясь определить, отвечает ли Мэтту его абонент. – Ты должна взять трубку, – продолжил он. – Ну пожалуйста, возьми трубку... Послушай, я хочу сказать тебе о своих чувствах. Все, о чем мы говорили после той ночи, было досадной ошибкой. Ведь я знаю, почему ты расстраиваешься. Наверняка из-за Лоры. Ты ведь не похожа на... Ты не похожа на других женщин. Но я еще никогда тебя такой не видел... Понимаешь, о чем я? Для меня тот случай вовсе не легкая интрижка на стороне... Мы можем быть счастливы вместе, ты и я, в твоём доме. Есть только ты, Изабелла. Только ты...

Лора поняла, что жизнь кончена. Еще немножко – и она упадет в обморок.

– Позвони мне. – У ее мужа заплетался язык. – Если надо, я буду ждать твоего звонка всю ночь. Но я знаю...

Похоже, в конце концов он заснул. А этажом выше Лора Маккарти вошла, словно сомнамбула, в спальню и прикрыла за собой дверь. Сняла халат, аккуратно сложила его в изножье кровати, подошла к окну и раздвинула шторы. Сквозь деревья виднелись смутные очертания Испанского дома и одинокий огонек на верхнем этаже. Лора прислушалась к далеким звукам музыки. Зов сирены, подумала она, содрогаясь от душевной боли. Зов сирены.

Разумеется, Изабелла не стала бы в этом признаваться, но леса вокруг Испанского дома напоминали ей море, изменчивое и капризное, – источник опасности и радости одновременно. Уже несколько месяцев спустя Изабелла поняла, что ее восприятие леса было зеркальным отражением собственных эмоций. По ночам, когда ей было хуже всего, лес казался пугающе черным, несущим неведомое зло. Но когда ее дети, залившись смехом, бегали между деревьями вместе со своим щенком, лес казался ей чудесными райскими кущами. Ведь в лесной чаще Тьерри снова обретал голос, и вообще Изабелла не могла не видеть благотворного влияния леса на их жизнь, ведь он служил своеобразным барьером, отделяющим их семью от враждебного мира.

И вот теперь, в этот рассветный час, лес нес мир и покой ее душе, а пение птиц помогало справиться с сумятицей в голове. Лечило и успокаивало.

– Осторожнее. Смотрите под ноги. – Шедший рядом с ней Байрон указал на змеящиеся по земле толстые корни.

Она поправила висевшую на поясе корзину с грибами и замедлила шаг, чтобы положить ружье на плечо.

– Ничего не понимаю. Я вроде бы научилась целиться. И вполне наострилась стрелять по банкам. Могу даже попасть в кирпич с тридцати футов. Но здесь почему-то не успею я поднять ружье, как мои мишени моментально исчезают.

– Может, вы производите слишком много шума, – ответил Байрон. – И, сами того не подозревая, пугаете добычу.

– Не думаю, – ответила Изабелла, обходя заросли крапивы. – Я очень тихо.

– Скажите, а на охоту вы отправляетесь в положенное время? Ведь их тут просто великое множество.

– Поздним вечером, как вы и велели. Или рано утром. Байрон, их здесь действительно хватает. Я вижу их повсюду.

Он протянул ей руку, чтобы помочь перебраться через канаву. Изабелла с благодарностью приняла помощь, хотя, если честно, больше в ней не нуждалась. За последние несколько месяцев она окрепла и накачала мускулы от хождения по пересеченной местности, подъема тяжестей и бесконечных малярных работ. И если раньше она знала о своем теле лишь то, что ее рука может держать скрипку, то теперь не могла нарадоваться своей отличной физической форме.

– И вы больше не надеваете вашего ярко-синего пальто, – заметил Байрон.

– Нет. Я больше не надеваю своего ярко-синего пальто, – ухмыльнулась Изабелла.

– А вы учитываете направление ветра? – спросил он. – Если вы идете за ними по ветру, они учуют ваш запах гораздо раньше, чем вас увидят. Как бы осторожны вы ни были.

– А это мне зачем? – поинтересовалась она, показав на тонкий зеленый шарф, которым он велел обмотать шею.

– Маскировка. Чтобы кролик не видел вашего лица.

– Значит, чтобы он меня не узнал? – рассмеялась она. – Это что, вроде капюшона палача?

– Хотите верьте, хотите нет, но кролики очень смысленные. Ни одно животное не умеет так хорошо чуют хищников.

Изабелла проследовала за ним до опушки леса.

– Надо же, в жизни не подумала бы, что я хищник!

Сегодня он не взял с собой собак. Слишком уж они возбуждены по утрам, сказал он,

когда она, еще полусонная, открыла ему заднюю дверь. Спугнут любую дичь в радиусе пяти миль. Он явно давно ее ждал, хотя она просила зайти за ней около половины шестого.

Уже в третий раз он составлял Изабелле компанию, причем всегда рано утром, до начала работы у Мэтта. Сразу после рассвета лучшее время суток, сказал Байрон. Они видели молодых оленей, барсуков, лисицу с лисятами. Байрон показал ей фазанов, которых разводил для хозяина соседней фермы. Яркое оперение этих птиц плохо сочеталось со сдержанным зелено-коричневым ландшафтом; они напоминали индийских раджей, решивших почтить визитом английскую глубинку. Байрон надергал дикого щавеля и сурепки, нарвал листьев боярышника с живых изгородей, а потом рассказал Изабелле, как еще ребенком по дороге в школу лакомился лесными растениями. Однако Байрон не стал подносить дары леса к ее губам, как непременно сделал бы Мэтт, а осторожно положил их ей на ладонь. Изабелла избегала смотреть на его руки, она старалась не видеть в нем мужчину, поскольку боялась разрушить те хрупкие отношения, что между ними установились.

Байрон рассказал ей, что в свое время собирался стать учителем; ее неприкрытое удивление вызвало у него улыбку.

– Думаете, я не гожусь для этого дела? – спросил он.

– Ну что вы! Просто я ненавижу давать уроки игры на скрипке, и мне трудно представить, что кому-то на самом деле хочется учить детей. – Она подняла на него печальные глаза. – Но вы действительно умеете с ними обращаться. С Тьерри. Из вас получился бы хороший учитель.

– Да, – помедлив, кивнул он. – Это мне подходит.

Он не сказал, почему передумал быть учителем, а она не стала допытываться. Если человек имеет возможность жить здесь, вдали от условностей и соблазнов большого города, то подобный выбор вполне оправдан. Она чувствовала, что Байрону приятно проводить время с ней вдвоем: он сразу становился более разговорчивым и непринужденным. Возможно, потому, что он стал более раскованным, а возможно, потому, что ей не с кем было поговорить, она поделилась с ним своими опасениями насчет дома.

– Все очень сложно, – начала она, – потому что мне нравится жить здесь. И мне трудно представить себе, как я смогу вернуться в город. Но иногда мне кажется, что Испанский дом нас доконает.

Байрон, похоже, что-то собрался сказать, но вовремя прикусил язык. Ничего удивительного, подумала Изабелла. Он ведь работает на Мэтта.

Наконец Байрон небрежно обронил:

– Дом очень большой.

– Это не дом, а самая настоящая денежная яма, – уточнила Изабелла. – И он буквально съедает все мои сбережения. И мне очень хотелось бы, чтобы Мэтт в конце концов закончил ремонт. Байрон, я прекрасно понимаю, вы на него работаете, но меня его присутствие... начинает слегка напрягать. Я с удовольствием продала бы дом и переехала в место, более удобное для жизни, но Мэтт уже так много снес... Не осталось ни одной комнаты, которую бы он не тронул. У нас до сих пор нет нормальной ванной. Словом, в таком виде дом продать невозможно, а без этого мне не собрать достаточно денег, чтобы купить что-нибудь приличное. Но вся хитрость в том, что я не могу позволить Мэтту продолжать. Мне это больше не по карману. Даже если перейти на подножный корм. – Она показала на грибы в корзинке. – Мы на всем экономим, но сэкономленных денег едва хватает, чтобы заплатить ему за неделю работы. – Изабелла вспомнила об идиотском послании на автоответчик, разбудившем ее накануне ночью. Она поспешно стерла запись, чтобы дети, паче чаяния, не услышали этот бред. *Мы можем быть счастливы вместе*, сказал он, словно он вообще хоть что-нибудь о ней знал. – В любом случае безвыходных положений не бывает. Я уверена, как-нибудь выкручусь. –

Она храбро улыбнулась, чтобы Байрон не заметил слез в ее глазах. – Может, я когда-нибудь освою сантехническую премудрость и собственноручно установлю ванну.

Шутка была неудачной, и Байрон не стал смеяться. Дальше они шли уже молча. Неужели я его смутила? – спрашивала себя Изабелла. Она заметила, что у Байрона заходили желваки на скулах.

– Какое великолепное утро! – Изабелла наконец нарушила молчание, чтобы хоть как-то исправить ситуацию. Конечно, жаловаться на его начальника было не слишком деликатно с ее стороны. – Здесь так хорошо, что я готова сколько угодно пропадать в лесах.

Байрон согласно кивнул:

– Да, в лесу на рассвете порою кажется, что ты единственный человек на планете.

Изабелле было понятно, что он хочет сказать. Иногда по утрам, подобным этому, она радовалась своей оторванности от цивилизации, испытывая едва ли не первобытное чувство удовлетворения от возможности возвратиться домой с очередной добычей. Ведь умение правильно пользоваться дарами леса существенно облегчает жизнь.

Байрон предостерегающе поднял руку.

– Вон там, – тихо произнес он.

Она осторожно поставила на землю корзинку и припала к земле рядом Байроном. Перед ними расстилалось поле в тридцать акров, где колосилась пшеница.

– Тут кроличья нора, – прошептал Байрон. Послюнив палец, он поднял его вверх. – И направление ветра подходящее. Не шевелитесь и приготовьте ружье.

Изабелла натянула шарф на лицо, приложила приклад к плечу и, стараясь не шевелиться, принялась ждать. Байрон сказал, у нее здорово получается, и она поняла, что это все благодаря ее навыкам музыканта. Она обладала достаточной силой, а кроме того, хорошо владела верхней частью тела, поэтому ей не составляло труда сидеть неподвижно.

– Там, – прошептал Байрон.

Изабелла увидела через прицел кроликов, примерно в тридцати футах от них. Кроликов было три или четыре, серые пятна на узкой тропе. Кролики прыгали по полю, периодически замирая и настороженно вглядываясь в даль.

– Пусть отойдут от норы ярдов на пять, – еле слышно произнес Байрон. – И запомните, вы хотите убить, а не ранить. Вам надо попасть в голову. И у вас будет только одна попытка.

Кролик, в металлическом кружке прицела, явно решил, что опасности нет. Сперва он беспечно щипал траву, затем спрятался в зарослях сорняков, потом показался снова.

– Только не надо считать его милым пушистым созданием, – предупредил Изабеллу Байрон. – Помните, он пожиратель растений. Помните, он ужин для Китти и Тьерри. Кролик с грибами в чесночном соусе.

– Нет, лучше вы. – Изабелла попыталась отдать ему ружье.

Байрон решительно оттолкнул приклад:

– Нет.

– А что, если я промажу? – Изабелле очень не хотелось, чтобы кролик мучился.

Поднимая ружье и прицеливаясь, она чувствовала молчаливую поддержку Байрона. От него пахло мхом и чем-то сладким, словно от пропеченной солнцем земли. Однако Байрон не стал помогать Изабелле.

– Не промажете, – спокойно произнес он.

Изабелла закрыла глаза, затем снова открыла – и выстрелила.

Она уже давно не бывала в Лондоне, а в ресторане вроде этого – вообще никогда. Дома Лорины льняные брюки и туфли-лодочки считались вполне элегантными, но здесь они

буквально кричали о ее провинциальности. Я похожа на особу, специально вырядившуюся для поездки в город, думала Лора.

– У вас заказан столик? – Скучающая девушка бросила на нее равнодушный взгляд из-под идеально подстриженной челки.

– У меня здесь назначена встреча, – ответила Лора.

Ресторан был заполнен мужчинами в темных костюмах под цвет стен из серого гранита.

– Имя? – спросила девушка.

Лора заколебалась, словно его имя служило против нее уликой.

– Трент. Николас Трент.

Он так трогательно обрадовался ее звонку. И был так счастлив узнать о ее незапланированной поездке в Лондон. Он даже перекроил свой график, чтобы встретиться за ланчем.

«А вы разве не работаете?» – спросила она тогда, пытаясь припомнить, что он там говорил по поводу работы.

«Я только-только подал заявление об увольнении, – жизнерадостно сообщил он, – а это значит, что могу позволить себе потратить на ланч столько времени, сколько пожелаю. Что они теперь могут мне сделать? Уволить?»

Девушка, ни слова не говоря, направилась к столикам у атриума, словно полагала само собой разумеющимся, что Лора последует за ней. Тут, в Лондоне, все такие молодые, с горечью подумала Лора, такие стильные и ухоженные. И хотя она позаботилась о том, чтобы выглядеть достойно, и даже специально уложила волосы, она чувствовала себя недостаточно хорошо одетой, да и вообще неуместной в этом шикарном заведении. Лоре трудно было понять, какой она кажется со стороны. Наверное, не совсем старой, хотя и не первой молодости. Любимой, нелюбимой. Желанной... нежеланной. Лора сделала глубокий вдох и замерла, когда Николас, широко улыбаясь, поднялся из-за столика.

В этом интерьере Николас смотрелся на редкость гармонично и казался особенно привлекательным. Более того, он выглядел импозантнее, не таким пришибленным, что ли. И даже моложе. Хотя, возможно, раньше она просто смотрела на него другими глазами, поскольку на фоне Мэтта, с его ярко-выраженным мужским началом, остальные мужчины казались пресными.

– Вы пришли, – взял ее за руку Николас.

– Да, – отозвалась она.

И ее тихое «да», как хорошо понимала Лора, было знаком согласия переспать с ним. Знаком того, что она переступила черту. Хотя он, похоже, не воспринимал это как данность, и это было весьма трогательно. Он вообще не воспринимал как данность ничего из того, что касалось Лоры.

– Я боялся, вы не захотите. Мне показалось, в прошлый раз... – начал он и остановился.

– Он меня разлюбил, – сев за столик, заявила Лора. Она так часто мысленно повторяла эту фразу, что теперь могла произнести ее без запинки. – Я подслушала его разговор по телефону. И знаю, кто это. Ну и ладно, теперь я вольна делать все, что заблагорассудится, – с нарочитой беззаботностью добавила она, но, почувствовав, что вот-вот расплечется, поспешно схватила меню.

Николас заказал ей напиток, попросив официанта немного подождать. И к тому времени, как ей принесли джин с тоником, она уже сумела взять себя в руки.

– Я изложу вам все в общих чертах, и мы больше не будем возвращаться к этой теме. Хочется получить удовольствие от ланча и хотя бы на время забыть о проблемах. – Лора не узнала собственного голоса – звенящего и непривычно резкого.

Его ладонь лежала на столе, словно он собирался взять ее руку в свою, но боялся быть слишком настойчивым.

– Это хозяйка большого дома, – продолжила Лора. – Ну, того, у озера. Который вам понравился. – Ей показалось, он вздрогнул, и такая участливость ее даже растрогала.

– Мой муж делает там реновацию, так что, полагаю, они...

– Ваш муж?

Лору несколько озадачил тон вопроса, но она решила продолжить рассказ. Ведь если она остановится, то потом уже не сможет заставить себя говорить.

– Все это время он уверял меня, что взялся за ремонт дома ради нас. Видите ли, мы очень хотели его получить. Фактически прежний хозяин, старик, который там жил, обещал оставить дом нам. Поскольку мы взяли старика под опеку. Когда в дом въехала та самая женщина, вдова с двумя детьми, Мэтт предложил ей свои услуги по ремонту. Он говорил – само собой, только мне, – что вдова там не приживется, что ей не по карману ремонтные работы, что она съедет еще до Рождества. И тем самым заставил меня поверить, что делает это ради нас. – Лора остановилась и пригубила джин с тоником. – Ну, я подслушала их разговор. И знаете что? Он планирует переехать туда к ней. Выходит, эта женщина заполучила не только мой дом, но и моего мужа тоже. – Лора горько рассмеялась. – Он использует все наши задумки, которые мы с ним обсуждали. Вплоть до мельчайших деталей, которые я продумывала бессонными ночами. Он даже хотел, чтобы мы с ней подружились. Нет, вы можете в это поверить?!

Она надеялась, что Николас возьмет ее за руку, предложит слова утешения, еще раз скажет, что ее муж – дурак. Но Николас молчал, пребывая в глубокой задумчивости.

Боже мой, я его утомила! – запаниковала Лора. Он рассчитывал на обед наедине с веселой, жизнерадостной женщиной, а вместо этого получил в собеседницы обиженную на весь мир обманутую жену.

– Простите, – начала Лора.

– Нет, Лора. Это вы меня простите. Мне необходимо кое-что вам сказать. Кое-что, что вы непременно должны знать... Пожалуйста... И не смотрите на меня так испуганно. Я просто... Ох, ради бога! – Он отмахнулся от топтавшегося возле них официанта.

– Нет. – Лоре очень хотелось оттянуть неприятный разговор, а потому она снова подозвала официанта. – Давайте сделаем заказ, хорошо? Я буду леща.

– Тогда я тоже, – кивнул Николас.

– И воды, пожалуйста, – попросила Лора. – Только без льда.

Она страшилась услышать то, что собирался сообщить Николас. Наверное, он все-таки женат. Она ему разонравилась. И вообще, как женщина она его никогда не интересовала. Он умирает от неизлечимой болезни.

Лора снова повернулась к Николасу. Тот, казалось, буквально впился в нее глазами.

– Вы, кажется, что-то хотели сказать? – вежливо поинтересовалась Лора.

– Я не хочу иметь от вас никаких тайн. Не хочу никаких недомолвок. Для меня очень важно, чтобы мы оба были честны друг с другом. – (Лора пригубила джин с тоником.) – В тот день, когда мы встретились на проселочной дороге, я вовсе не заблудился. – (Лора нахмурилась.) – Я собирался еще раз взглянуть на Испанский дом. Я случайно набрел на него пару недель до того, узнал историю дома и понял: место идеально подходит для новой застройки.

– Застройки?

– Это то, чем я, в сущности, занимаюсь. Чем занимался раньше. Я девелопер. Я беру... пятна под застройку и пытаюсь создать что-то уникальное. – Он откинулся на спинку стула. – Ну и если не кривить душой, то, что дает хорошую прибыль. И я подумал, Испанский дом имеет неплохой потенциал.

– Но он же не продается.

– Знаю. Однако я слышал, что дом в плачевном состоянии, а у хозяйки нет средств, и подумал, почему бы не сделать ей выгодное предложение.

Лора нервно сворачивала и разворачивала салфетку. Накрахмаленную и изысканную. Которой суждено быть испачканной.

– Тогда почему вы этого не сделали?

– Полагаю, боялся торопить события. Хотел все хорошенько взвесить. И как можно больше узнать о доме. А еще я подумал, что если подождать, пока хозяйка окажется в безвыходном положении, то можно будет купить дом за минимальную цену. Конечно, это звучит ужасно, но именно так работает наш бизнес.

– Надо же, как вам повезло, что вы меня встретили, – заметила Лора. – Человека, который знает о доме буквально все.

– Нет, – отрезал он. – Наша встреча отвлекла меня от первоначального плана. Лора, ведь если оглянуться назад, мы даже не говорили о доме. И я понятия не имел, что вы с ним как-то связаны. Для меня вы были... прекрасным видением в лесу.

Лора здорово разочаровалась в людях и сейчас с трудом верила, что кто-то может испытывать к ней чисто человеческий, а не корыстный интерес.

Николас накрыл ее руку своей, и она не стала сопротивляться. Почему бы не позволить ему такую малость? Руки у него были мягкими, изящными, с идеальными ногтями. Совсем не похожими на руки Мэтта.

– Что ж, я всегда хотела Испанский дом. С тех пор, как вышла замуж за Мэтта, – сказала она. – Наша семья никогда не была особенно крепкой, и я надеялась, что если мы туда переедем, то жизнь наладится.

– Я заработаю для нас состояние. И построю дом гораздо лучше этого, – сказал он, на что Лора резко вскинула голову. – Простите. Я слишком тороплю события. В последний раз я испытывал такой эмоциональный всплеск, когда познакомился со своей женой, бывшей женой. Но это было давным-давно. Но я хочу, чтобы вы знали правду.

Бывшая жена. Лора пыталась переварить услышанное. И почему ее так удивляет тот факт, что он был женат?

– Я ведь о вас почти ничего не знаю, – улыбнулась она.

– Ради бога, спрашивайте обо всем, что вас интересует. О чем угодно. – Он снова откинулся на спинку стула. – Перед вами мужчина средних лет, долгие годы находившийся в депрессии, считавший себя полным неудачником, но внезапно ощутивший вкус к жизни. Мои дела снова идут в гору, я уже давно так хорошо себя не чувствовал, у меня есть деньги в банке, и я встретил самую прекрасную и удивительную женщину, которая просто не знает себе цену и не понимает, какое она чудо. – (Лора даже не сразу сообразила, что он говорит о ней.) – Лора, вы потрясающая. – Он поднес ее руку к своим губам. – Вы тонкая, добрая и заслуживаете гораздо большего.

Тем временем им принесли еду, и ему пришлось отпустить ее руку. Лора посмотрела на свою тарелку, где на подложке из ярко-зеленого шпината с капелькой соуса лежала жареная рыба. Лора понимала, что голова у нее идет кругом явно не от голода. Ей не хватало ласкового пожатия руки Николаса. Она всматривалась в его серьезное лицо с правильными чертами. Николай поблагодарил официанта, а когда тот отошел, Лора снова протянула своему спутнику руку.

– Когда, вы говорили, вам надо возвращаться на работу? – спросила она, наслаждаясь ласковым пожатием его пальцев. И на этот раз голос ее звучал более уверенно и даже интимно.

– Не надо. Я буду с вами столько, сколько пожелаете.

Она посмотрела на рыбу в тарелке, затем снова подняла глаза на Николаса, позволив себе немного задержать взгляд.

– Я не голодна, – сказала она.

Она почувствовала радостное возбуждение, попав в цель.

– Вы видели? Боже мой! Нет, вы видели?

Она схватила его за руку, затем спустила с лица шарф и вскочила на ноги.

Байрон тоже поднялся.

– Чистая работа, – похвалил он, подойдя к кролику. – Я и сам вряд ли справился бы лучше.

Вот ваш обед. – Он поднял с земли кролика. – А теперь надо пойти надергать чеснока.

Байрон еще раз проверил, что кролик мертвый, и, держа его за задние ноги, отнес Изабелле.

Она протянула было руку, но сразу отдернула ее, почувствовав, что животное еще теплое. У нее вытянулось лицо.

– Он такой хорошенький.

– Я смотрю на них по-другому, – ответил Байрон.

– Но у него открыты глаза. – Изабелла попыталась опустить кролику веки. – Боже мой, я действительно его убила! – воскликнула она и, заметив, что Байрон нахмурился, добавила: – Я знаю... Просто это такое странное чувство... Еще минуту назад он был жив... а теперь лежит мертвый из-за меня. Мне еще не приходилось убивать.

Что ж, для нее это действительно потрясение – погубить живое существо. Оборвать его жизнь. Байрон попытался найти объяснение, чтобы помочь ей снять камень с души:

– Тогда вспомните о курах на птицефабриках и сравните их с этим кроликом, которому на роду написано жить так, как он живет, а если придется, то и погибнуть. Что бы вы выбрали?

– Знаю, это звучит глупо. Но я ненавижу причинять боль другим.

– Он совсем не мучился, он даже не успел ничего почувствовать. – Байрон увидел, что Изабеллу буквально передернуло. – Вы в порядке? – обеспокоенно спросил он, заметив, что она стоит как вкопанная. – Изабелла?

– Примерно то же самое мне говорили, когда погиб муж, – не сводя глаз с мертвого кролика, сказала Изабелла. – Ехал по шоссе, торопился к сыну на выступление в школе. Быть может, пел. – Она улыбнулась. – Пел он отвратительно. У него абсолютно не было слуха.

А тем временем птицы вокруг снова защебетали. Байрон услышал голос черного дрозда, а также ритмичное токование лесной горлицы. А еще тихие, но отчетливые слова Изабеллы.

– Грузовик выехал на разделительную полосу и столкнулся с его машиной лоб в лоб. И когда мне пришли сообщить об этом, они сказали именно так: «Он даже не успел ничего почувствовать», – мрачно произнесла она.

Байрон хотел что-то сказать, но не смог. Он настолько привык все держать в себе, что почти разучился говорить.

На лице Изабеллы появилась грустная улыбка.

– Он слушал «Реквием» Форе. Парень со «скорой помощи» сказал, пока они вырезали его из машины, стерео продолжало играть. Последнее, что он слышал перед смертью... Не знаю почему, но мне от этой мысли становится легче. – Она тяжело вздохнула. – Чувствовать пришлось нам, а вот он, похоже, не успел ничего понять.

– Мне очень жаль, – обронил Байрон.

Изабелла бросила на него странный взгляд, и у Байрона мелькнула мысль, что она наверняка считает его идиотом. В глазах Изабеллы он увидел вопрос, словно она чего-то ждала. Нет, она явно была очень странной: еще минуту назад веселая, энергичная и живая, она в мгновение ока изменилась до неузнаваемости. Вчера – горюющая вдова, сегодня –

женщина, способная впустить Мэтта в дом на пороге ночи.

Наконец Изабелла очнулась, вернувшись в действительность. Страхнув что-то с носка туфли, она неожиданно призналась:

– Я вот что вам скажу. Сомневаюсь, что я отношусь к отряду хищников. Байрон, я вам весьма признательна, но, пожалуй, мне стоит сосредоточиться на выращивании картофеля.

Она торжественно, держа приклад обеими руками, вернула ему ружье. Он заметил, что ее ладони в пятнах въевшейся краски, а ногти в заусеницах. И ему вдруг захотелось их потрогать.

– Нам, наверное, стоит повернуть назад. Вам пора на работу. – Изабелла прикоснулась к его руке, а затем, обогнав, уверенно пошла в сторону знакомой тропы. – Ну давайте же! Вы еще успеете со мной позавтракать до прихода Мэтта.

Не высовывайся, посоветовала ему Джан, когда он поделился с ней своими подозрениями. У тебя сейчас каждый пенни на счету, а работодатели на дороге не валяются. *Тем более с таким пятном в автобиографии, как тюремное заключение*, осталось за скобками. Байрон смотрел, как Изабелла размашисто шагает впереди и, пробираясь между деревьями, что-то напевает себе под нос. Вот что делает с человеком тюрьма: она сужает круг его возможностей и даже на воле не позволяет вести себя, как пристало нормальному человеческому существу. Ему теперь до конца жизни придется подавлять свои эмоции, стараясь не обращать внимания на поведение людей, подобных Мэтту Маккарти, по крайней мере до тех пор, пока подозрения на их счет окончательно не подтвердятся.

– Байрон, ты что, спишь на ходу? – (Байрон действительно все утро клевал носом и, судя по замкнутому выражению лица, мысленно был далеко отсюда.) – Я попросил тебя передать мне трубу. Нет, не эту. Пластиковую. И поставь ванну к стене. А куда, интересно, подевался Энтони?

Сын почему-то с ним не разговаривал. И как только Мэтт вошел в комнату, Энтони поспешно вышел. Тем временем Мэтт, пытаясь докричаться до сына, вспоминал о вчерашнем визите Изабеллы к ювелиру в Лонг-Бартоне. Положа руку на сердце, он вовсе не собирался отслеживать Изабеллу. Но, выходя из банка, он заметил, как Изабелла паркует машину, и, движимый любопытством, изменил маршрут, чтобы посмотреть, куда это она направляется. Следить за ней оказалось до смешного просто: она сразу бросалась в глаза своей яркой одеждой и гривой спутанных волос. Он увидел, как Изабелла с маленьким бархатным свертком в руках быстро перешла через дорогу, и заинтересовался, что она собирается делать. В ювелирный магазин он зашел уже позже. Ювелир, развернув бархат, рассматривал что-то в лупу.

– Это на продажу, да? – по возможности небрежно поинтересовался Мэтт.

Он увидел жемчужное ожерелье и что-то красное.

– Да, но не сейчас.

Мэтт взял у ювелира визитку и вернулся в свой минивэн. Нет, ее решение продать драгоценности никак не может быть связано с тем, что он выставил ей очередной счет. Тут нет его вины. Должно быть, она просто решила начать жизнь с чистого листа, освободиться от оков памяти о покойном муже, уговаривал себя Мэтт, и тем не менее настроение у него сразу испортилось.

Мэтт позаботился о том, чтобы Байрон все утро занимался уборкой мусора из гостиной, который следовало загрузить в специальный контейнер. Присутствие в доме еще одного мужчины нервировало Мэтта, хотя он сам толком не понимал почему. Гораздо спокойнее было убрать Байрона с глаз долой. Мэтт и Энтони приступили к работам в ванной комнате. Изабелла ему уже всю плешь проела с этой ванной, и он решил хотя бы для видимости начать что-то делать. Целый час они вчетвером затаскивали чугунную ванну по лестнице наверх, и это вызывало у Мэтта приступ бессильной ярости. Через несколько месяцев, когда он наконец

завладеет домом, ванну все равно придется перетаскивать.

– Когда будешь снова настилать пол, убедись, чтобы гвозди попали в лаги, а не в трубы, а не то вычту из твоих денег, – предупредил он Энтони, который продолжал расхаживать по дому в своей дурацкой вязаной шапке. – А теперь помоги мне установить ванну. Вон там, где торчат две трубы, – сказал он, кряхтя от натуги.

Мальчик начал было передвигать ванну, но неожиданно остановился:

– Подожди, папа. Ее нельзя здесь устанавливать.

– Что?

– Лаги слишком тонкие. Ведь внизу у тебя проложены трубы. Когда ты поставишь ванну, пол прогнется и ляжет на трубы.

– Ну, в любом случае ванной комнаты здесь не будет, – пробормотал Мэтт.

Энтони озадаченно нахмурился, и Мэтт понял, что невольно выдал себя, озвучив свои тайные замыслы.

– Ничего не понимаю, – пробормотал сын.

– А тебе и не надо. Я тебе плачу за другое. Просто помоги мне передвинуть эту штуковину.

Энтони снова взялся за ванну, но остановился:

– Я серьезно, папа. Если миссис Деланси хочет установить здесь ванну, разводку следует пустить по периметру комнаты.

– А ты что, уже стал у меня квалифицированным водопроводчиком?

– Нет, но тут не надо быть водопроводчиком, чтобы понять...

– Я твое мнение спрашивал? Или ты успел получить повышение, о чем я пока не в курсе? Насколько мне известно, Энтони, я нанимал вас с Байроном для подъема тяжестей. На уборку. Черную работу для тупых.

Энтони судорожно вздохнул:

– Не думаю, что миссис Деланси обрадуется, узнав, что ты халтуришь.

– Ой, да неужели?

– Да, не думаю.

Кровь бросилась Мэтту в голову. Выходит, Лора успела настроить против него сына. Мальчишка начал перечить отцу.

– Все. Я больше не желаю этого делать, – заявил Энтони.

– Ты будешь делать то, черт возьми, что я тебе прикажу! – Мэтт вышел на середину комнаты, отрезав Энтони путь к выходу, и сразу заметил промелькнувшее в глазах сына сомнение. Ладно, по крайней мере, мальчишка знает, кто здесь главный.

– Мэтт?

Байрон. Вечно он появляется в самый неподходящий момент.

– Чего тебе?

– Мне кажется, это твое.

Мэтт машинально взял переноску для домашних животных. Он прекрасно понял, что стояло за словами Байрона, и эта недосказанность сделала тишину еще более гнетущей. Тем временем Энтони осторожно попятился к двери, явно намереваясь улизнуть.

– Я пошел домой. – Энтони снял пояс с инструментами и бросил его на пол.

Мэтт, казалось, пропустил замечания сына мимо ушей.

– Миссис Деланси, миссис Деланси. Все здесь, похоже, становятся ясновидящими, когда дело касается ее. Не уверен, что миссис Деланси очень обрадуется, если узнает твою историю. Ведь, в отличие от меня, большинство людей в нашей округе в жизни не предоставили бы тебе такого шанса. Уж они точно не наняли бы тебя на работу. – Мэтт поймал на себе холодный взгляд Байрона. – Твоя основная проблема, Байрон, что ты не понимаешь своего счастья.

– Мэтт, я не собираюсь с тобой ссориться, но я не могу спокойно стоять и смотреть, как...
Неожиданно на пороге появилась Изабелла.

– Я принесла вам чая, – сказала она, бочком входя в дверь. Она затянула узлом волосы и переделалась в шорты, демонстрирующие ее длинные загорелые ноги. – Энтони, вот твой холодный напиток. Ты ведь не любишь чай. Ой, кстати, Байрон, утром вы забыли ключи на кухонном столе. Советую вам их поскорее забрать. А то я чуть было не выбросила их вместе с очистками.

– Завтрак? – поинтересовался Мэтт, пытаясь переварить информацию. – Завтрак с семейством Деланси? Как трогательно!

Изабелла поставила чайный поднос на деревянный ящик. А Мэтт все никак не унимался:

– Похоже, ты здесь освоился, а?

– Байрон мне помогал. Чай с тостом – самое меньшее, чем я могла его отблагодарить.

Она вроде бы покраснела? Или это плод его воображения?

Сын с презрительной улыбкой протиснулся мимо него.

Мэтт почувствовал, как земля уходит у него из-под ног.

– Не думаю, что вы были бы столь гостеприимны, если бы знали все.

Ага, прямо в цель! Байрон на секунду прикрыл глаза, плечи его поникли.

– Знала – что?

– Выходит, он вам не сказал?

– Твоя взяла, я увольняюсь, – тихо произнес Байрон. – С меня хватит.

– Что здесь происходит? – сердито спросила Изабелла.

Байрон потянулся за ключами, но Мэтта уже было не остановить.

– Изабелла... Вы ведь понимаете, что я всегда стоял на страже ваших интересов. Так?

– Ну да, – осторожно согласилась она.

– Конечно, мне следовало сообщить вам об этом раньше, однако очень хотелось дать Байрону шанс. Но, по-моему, это несправедливо, ведь вы здесь единственная, кто не знает правды. А вы, похоже, частенько проводите время вдвоем. Ну и как, приятно вам будет узнать, что за одним столом с вами сидит преступник? Или что этот самый преступник остается в лесу наедине с вашим сынишкой? – Мэтт увидел тень смущения на лице Изабеллы. Да, он умел бить в самое больное место. – Разве вы не в курсе, что Байрон сидел в тюрьме? А я-то думал, он вам сообщил во время одной из ваших трогательных прогулок вдвоем. Байрон, скажи, какой тебе дали срок? Восемнадцать месяцев, да? За тяжкие телесные повреждения? Насколько я припоминаю, ты на славу отделал того малого. Усадил его в инвалидную коляску, так?

Изабелла не стала допытываться, не обманывает ли ее Мэтт. Да и зачем? Лицо Байрона было точно открытая книга. Мэтт, заметив, что ему удалось посеять зерно сомнения в душе Изабеллы, испытал истинный восторг победителя.

– А я думал, ты рассказал миссис Деланси...

– Все в порядке, – кивнул Байрон. – Я ухожу.

Он взял ключи, не глядя на Изабеллу. Лицо его, казалось, было высечено из камня.

– Да-да, скатертью дорога. И держись подальше от этого дома. – В голосе Мэтта звучали ликующие нотки. Он повернулся к Изабелле. Теперь они остались вдвоем в пустой комнате. Где-то внизу хлопнула дверь. – Вот и славно, – произнес он с довольным видом.

Изабелла посмотрела на него так, будто у нее с глаз вдруг спала пелена.

– Это не ваш дом, – сказала она.

Если хорошенько подумать, то все довольно просто. Почти идеальное решение. Мэтт осторожно вставил новое оконное стекло в раму и принялся пальцами разминать шпаклевку, чтобы сделать ее пластичнее. Затем выверенными за долгий опыт работы движениями осторожно обработал ею край стекла. На стекле играли лучи солнца, оживший лес звенел голосами птиц. Если подойти к чему-то слишком близко, то за деревьями можно не увидеть леса. Ему настолько понравилась своя собственная шутка, что он не смог сдержать улыбку.

Пока шпаклевка сохла, Мэтт надел пояс с инструментами и отнес изготовленную по шаблону деревянную деталь к другому окну. Это будет самая прекрасная комната из всех, что он когда-либо создавал. Он еще никогда так истово не отдавался работе, не вкладывал в нее всю душу. И здесь имелся еще один аспект. Он хотел, чтобы, проснувшись, они сразу видели бы окутанное утренним туманом озеро и парящих в небе птиц. Он заказал карнизы и молдинги в специализированной итальянской фирме, затем подогнал детали так, чтобы в собранном виде они смотрелись как трехмерный пазл. Он настолько мастерски оштукатурил потолок, что там не было ни одной вмятинки. Выходит, игра стоила свеч. И ради удовольствия создать для нее нечто божественное вполне можно было обрушить старый потолок. Он перестелил пол, дощечку за дощечкой, с тем чтобы она могла ходить босиком. Он представлял, как она, накинув на себя тот красный шелковый халат, встает с их огромной смятой постели. Вот она подходит к окну раздвинуть шторы, и на ее лицо, которое он сейчас видел, точно наяву, падают первые лучи солнца. А потом она с улыбкой поворачивается к нему, сквозь тонкий шелк просвечивает упругое тело.

И как он не додумался раньше?! Это мигом решило бы все проблемы. Он переедет к ней сюда и продолжит начатые работы. А раз уж они будут вместе, ей не придется ни за что платить. Ее тревоги по поводу денег рассеются. Ведь совершенно очевидно, что одной ей не справиться. Когда он с ней съедется, она сможет положиться и опереться на него. Это будет их общий дом. Он станет хозяином дома своей мечты. Собственником Изабеллы Деланси. А Лора, с ее утренними чаепитиями и вечными жалобами, обойдется и старым каретным сараем. Наверняка она уже по горло сыта их браком, как, впрочем, и он. Странно, но сейчас он практически выкинул из головы мысли о жене. Словно она была лишь досадной помехой. Изабелла отодвинула остальное на задний план. И стала для него всем. Всем, ради чего он так долго трудился. Всем, к чему он упорно стремился, но, по определению, не мог получить. Всем, что ему пришлось оставить, когда его отца вышибли из поместья. Иногда он даже не мог осознать, где проходила тонкая грань между ней и этим домом.

И окрыленный новой целью, Мэтт приколачивал карниз, подчиняясь какому-то иному внутреннему ритму. Он вполне мог убрать плохой кусок старого карниза, сохранив большую часть, но Мэтт давным-давно усвоил для себя, что иногда единственный выход сохранить дерево – полностью вырезать все засохшее.

Байрона разбудил стук молотка, под дверь уже просачивался утренний свет. Не сразу поняв, что происходит, Байрон посмотрел на часы. Половина восьмого. Мэтт уже приступил к работе.

Собаки с надеждой следили за каждым его движением. Он с трудом поднялся, растерянно потер лицо, голову. Птицы за окном, похоже, растратили свой рассветный энтузиазм, и их пение было едва слышно.

– Могли бы и разбудить, – укоризненно прошептал он Мег с Элси. – Ну и как, спрашивается, нам теперь выйти?

В эту ночь он практически не спал: до полуночи бродил по лесу, а когда вернулся в бойлерную, лежал с открытыми глазами, безуспешно пытаясь выработать план действий на ближайшее время. Он подумал было позвонить Джан, но ему не хотелось вторгаться в ее новую жизнь в маленьком уютном домике. И у него по-прежнему не хватало денег на залог за жилье на ферме. Байрон даже засомневался, не поспешил ли он уйти от Мэтта, но понял, что больше не в силах мириться с левыми делами. И вообще, если Мэтт продолжит над ним издеваться, то он, Байрон, вряд ли сможет за себя поручиться, о чем будет потом горько жалеть.

Он снова вспомнил выражение лица Изабеллы, когда она узнала о его прошлом. Удивление, тень сомнения. *Надо же, он казался таким милым, таким заурядным.* Байрон уже неоднократно сталкивался с этим прежде.

– Господи! – Байрон забился в угол, когда дверь открылась и в бойлерную вошел Тьерри; бежавший рядом щенок с радостным визгом прыгнул Байрону на грудь. – Тсс! Тсс! – Байрон безуспешно пытался заставить щенка замолчать. Наконец он поднял глаза и увидел, что Тьерри балансирует на одной ноге. Байрон моментально выпрямился. – Господи, Тьерри! Ты меня напугал... А как ты узнал, что я здесь?

Тьерри кивнул на Пеппера, который сейчас был занят тем, что обнюхивал свою мать.

– Ты... Ты кому-нибудь говорил? – Байрон вылез из спального мешка и выглянул в дверь.

Тьерри помотал головой.

– Боже мой! А я уж было подумал – это... – Он провел рукой по лицу, пытаясь отдышаться.

Тьерри, казалось, и не подозревал, какой переполох вызвало его появление в бойлерной. Опустившись на колени, он обнял собак, а те принялись лизать ему лицо.

– Я... Я тут решил переночевать пару раз, пока не будет готово мое новое жилье. Пожалуйста, не говори никому. Ладно? Это может показаться... странным. – Байрон вдруг засомневался, что Тьерри его услышал. – Мне не хотелось оставлять Мег и Элси. Ты же меня понимаешь, дружок?

Тьерри кивнул. А потом, сунув руку за пазуху, вытащил маленький квадратный сверток, обернутый белой салфеткой, и протянул Байрону. Развернув салфетку, Байрон обнаружил сэндвич из двух кусков чуть теплых тостов. Затем Тьерри достал из кармана смятую картонную коробку с соком, которую тоже отдал Байрону. После чего Тьерри, снова присев рядом с собаками, принялся почесывать Мег живот.

Последний раз Байрон ел вчера, во время ланча. Он впился зубами в сэндвич, который оказался с маслом и джемом. Затем, тронутый столь неожиданным проявлением доброты, положил Тьерри руку на плечо.

– Спасибо. Спасибо тебе, Ти, – произнес Байрон, и мальчик радостно ухмыльнулся.

– Ты почему задерживаешься? Ты же сказал, что встречаемся в три.

Китти лежала на одеяле на берегу озера, слушала стрекотание сверчков и любовалась безбрежной синевой неба. Время от времени у нее над ухом жужжал шмель, но она даже не пошевелилась, когда шмель сел ей на футболку. Стояла такая жара, что лень было двигаться. А кроме того, ей хотелось немного загореть. В одном женском журнале она прочла, что загорелые ноги смотрятся лучше. В Лондоне их крошечный садик выходил на север, и солнце туда вообще не заглядывало.

– Моя мама ведет себя как-то очень странно, – сказал Энтони.

Китти лениво пожевала травинку:

– Они все странные. У них работа такая.

– Нет. Она... По-моему, между нашими предками реально происходит нечто странное.

Китти выронила травинку и прислушалась. Мама внизу приколачивала плинтус. Стук

молотка эхом разносился над озером, нарушая его безмятежное спокойствие. Нет, Китти, пожалуй, предпочла бы, чтобы мама продолжала играть на скрипке.

– В каком смысле странное? – поинтересовалась Китти.

Энтони замялся.

– Только никому ни слова, хорошо? Но, похоже, мой папа сдирает с твоей мамы лишние деньги. Завышает цену.

– Завышает цену? – Китти сощурилась, прикусив прядь волос. – Энт, он же строитель. Мне казалось, они всегда так делают.

– Нет, я хочу сказать, здорово завышает. Речь идет о серьезных деньгах. – Энтони понизил голос. – Я зашел в кабинет сегодня утром и застал там маму. Она проверяла счета за работы в вашем доме. И вид у нее был реально странный...

– А что, вы с папой по-прежнему не разговариваете?

– В данный момент нам с ним не о чем говорить, – спокойно ответила Лора. Она бросила взгляд на копии счетов, выписанных Изабелле Деланси. А один даже взяла в руки. – Кажется, у нас с твоим отцом разные взгляды на то, что такое хорошо и что такое плохо.

– Мама, ты о чем?

Она подняла глаза, и у Энтони вдруг возникло такое чувство, будто она только сейчас его увидела. Она поднялась, отряхнула штаны и постаралась изобразить ослепительную улыбку:

– Знаешь что? Пожалуй, налью себе чая со льдом. Тебе принести?

Энтони говорил очень тихо и торопливо:

– Думаю, она обнаружила, что папа завышает цену. Ведь моя мама очень старомодная. И ей такие вещи не по нутру. А когда она спустилась вниз, я просмотрел парочку счетов. Взять, к примеру, бойлер – зуб даю, он содрал с твоей мамы вдвое больше, чем заплатил сам.

– Ну а разве сюда не входит стоимость работ? – (Ее мать вечно об этом твердила.) – То есть я хочу сказать, похоже, моя мама ничего плохого тут не видит. Она только говорит, что ремонт обходится ей в целое состояние, хотя если посмотреть, что он сделал...

– Ты не понимаешь...

– Но дом ведь буквально разваливается по частям...

Энтони наконец потерял терпение:

– Послушай, Китти, мой папа еще тот говнюк. Делает что хочет, и плевать ему на всех. Он уже много лет мечтает заполучить ваш дом, и сдастся мне, именно поэтому он и обдирает твою маму как липку. Чтобы выжить ее из дома.

Китти села, прижав колени к подбородку. Несмотря на удушающую жару, ее вдруг зазнобило.

– Значит, он хотел наш дом?

– Ага. До вашего появления. Он и мама. Но когда вы туда въехали, я решил, что они успокоились. Ведь это всего-навсего дом, так?

– Так, – неуверенно отозвалась Китти.

– Ну а кроме того, я не всегда обращаю внимание на то, что делает папа. Меньше знаешь – крепче спишь. Но тот счет, мамина реакция... Да и вообще, я не уверен, что папа все делает на совесть. А на днях я слышал, как Асад говорил ему странные вещи.

– Асад?!

Кажется, до Энтони дошло, что он сболтнул лишнего.

– Послушай... Не рассказывай ничего своей маме. Не сейчас. Моя мама наверняка заставит его вернуть деньги, чтобы все исправить. Тем более что папа перед мамой в долгу... – Энтони

замолчал, и Китти услышала, как он что-то кому-то отвечает. – Мне надо идти. Давай встретимся в пабе чуть позже? Сегодня вечером там устраивают барбекю на свежем воздухе. Приглашаются все. Я угощаю.

У берега вода была совсем темной, затянутой тонкой ряской.

– Ладно, – согласилась Китти.

Изабелла, стоя на коленях, красила пол в коридоре едкой бледно-серой краской.

– Только не подходи слишком близко, – предупредила она, когда Китти появилась из кухни. – А то наследишь! – Изабелла выпрямилась и обозрела плоды своих рук. У нее на скуле виднелось пятно серой краски, белая блузка свободно свисала с плеч. – Ну, что скажешь?

– Симпатично, – ответила Китти.

– Знаешь, я ни за что не стала бы красить пол, но он такой грязный, да и вообще выбивается из общей цветовой гаммы. И я решила немного его освежить.

– Я собираюсь уходить, – сообщила Китти. – В пабе устраивают барбекю. И я встречаюсь там с Энтони.

– Очень хорошо, солнышко. А ты, случайно, не видела Тьерри?

– Он с цыплятами в курятнике.

Тьерри разговаривал с ними, ругал тех, что покрупнее, за драчливость, но, увидев сестру, сразу замолчал.

– Похоже, я здесь надолго застряну, – сказала Изабелла. – Прежде чем приступить к другой стороне, придется подождать, пока не высохнет эта.

Внезапно на лестнице послышались шаги, и в коридоре появился Мэтт, на нем был пояс с инструментами, мокрая футболка прилипла к телу. Он остановился на нижней ступеньке.

– Я закончил. Думаю, мы можем пойти пропустить по стаканчику, если... – начал он и запнулся, увидев Китти, но сразу взял себя в руки. – Если вы, дамы, не против.

– Нет, спасибо, – ответила Изабелла. – Мне еще надо кое-что сделать. Ну так что, ванной комнатой наконец можно пользоваться?

– Я доделывал хозяйскую спальню. Хочу, чтобы вы взглянули.

Изабелла бросила на него недовольный взгляд:

– Но, Мэтт, я ведь просила вас сделать ванную. И мы четко договорились, что ею вы займетесь в первую очередь.

– Ладно, завтра начну. Но вы непременно должны посмотреть на спальню. – Казалось, он ее не слышит. – Вам понравится. Она прекрасна. Ну давайте же... пойдём посмотрим!

Китти заметила, что у матери окаменело лицо. Девочку буквально распирало от злости. Ей безумно хотелось высказаться, но она обещала Энтони держать язык за зубами.

– Мне осточертело мыться в жестяной ванне, – заявила Китти. – Неужели так сложно провести водопровод в ванную комнату?

Однако Мэтт, казалось, ее не слышал.

– Кто бы мог подумать, что потолок обрушится? Но теперь, я бы сказал, карнизы в этой комнате лучше, чем тогда, когда был построен дом. Ну пойдёмте... я хочу, чтобы вы видели.

Изабелла тяжело вздохнула и откинула со лба потную прядь волос. Было видно, что она с трудом сдерживается.

– Мэтт, не могли бы вы побыстрее пройти, чтобы я наконец могла докрасить пол? Китти, дорогая, только, пожалуйста, возвращайся до темноты.

– Ладно, – ответила Китти, удивленно уставившись на Мэтта.

– Надеюсь, Энтони тебя проводит?

– Конечно проводит.

– Ты что, собираешься на барбекю? Тебя подвезти? – спросил Мэтт.

– Нет, – сверкнула на него глазами Китти и, заметив укоризненный взгляд матери, неохотно добавила: – Спасибо.

– Как хочешь, – бросил Мэтт. – Изабелла, так, значит, мне вас никак не соблазнить?

Китти подождала, пока машина Мэтта не исчезнет вдаль, затем направилась через лес в сторону дороги. Тенистый лесной полог нес спасение от жары, накрывшей долину удушливой волной и не спадавшей даже к вечеру. Китти больше не мерещились притаившиеся за деревьями привидения или сумасшедшие лесорубы. Теперь она знала наверняка, что реальная угроза находится не в лесу, а в непосредственной близости от дома. Она подумала о Мэтте, с его шуточками и прибаутками, вспомнила, как он приносил им еще горячие круассаны и как притворялся их другом. Как они все притворялись их друзьями. Интересно, сколько человек знало о его темных делишках?

Когда она вышла из леса, голова у нее буквально раскалывалась. Китти обещала Энтони встретиться в шесть, но в магазине еще горел свет, а внутри были люди. И Китти Деланси решила немного изменить маршрут.

– А он и говорит: «Как вы смеете?» – произнес Генри, стараясь сохранять серьезность. – «Мое имя Хакер. Рудольф Хакер». – Генри хлопнул рукой по прилавку и зашелся в приступе смеха.

– Ладно, кончай меня смешить, – прохрипел сидевший за кассой Асад. – А не то я сейчас задохнусь.

– Нет, я так ничего и не поняла, – заметила миссис Линнет. – Расскажите еще раз.

Дверь распахнулась, и, впустив внутрь поток горячего воздуха и грохот музыки из сада возле паба, в магазин вошла Китти.

– Наша любимая юная леди, – сказал Генри. – О, как бы я хотел снова стать молодым.

– А вот и нет, – возразил Асад. – Ты мне сам говорил, что это был несчастнейший период твоей жизни.

– Тогда я хотел бы вернуть себе свое подростковое тело. Если бы я тогда понимал, каким оно было красивым и гладким, то не стал бы отыскивать у себя несуществующие физические недостатки. И вообще постоянно ходил бы в плавках!

– Вот доживете до моего возраста, – не выдержала миссис Линнет, – и будете благодарить Господа, что ваше тело еще хоть как-то функционирует.

– Можешь начинать хоть сейчас, – хмыкнул Асад. – Можем взять это за правило. И повесить объявление «По четвергам обслуживаем в плавках».

Генри погрозил ему пальцем:

– По-моему, хозяину магазина не пристало выставлять напоказ свои сливы.

– Да неужто сливы? – захихикал Асад.

Генри усиленно пытался сохранять серьезный вид:

– Полагаю, я еще должен сказать тебе спасибо, что ты не сказал «изюм».

– Миссис Линнет, вы на него дурно влияете, – укоризненно покачал головой Асад. – Посмеялись – и будет.

– Да-да, миссис Линнет! Посмеялись – и будет. Не стоит задевать нежные чувства присутствующей здесь юной особы. Китти, что я могу для тебя сделать? Или ты принесла еще яиц на продажу? Последняя партия уже кончается, – перегнулся через прилавок Генри.

– Как давно вы в курсе, что Мэтт Маккарти пытается выжить нас из дома?

В магазине повисла гробовая тишина. Генри бросил на Асада выразительный взгляд, который Китти успела перехватить.

– Следует ли это понимать как «уже довольно давно»? – Голос ее был полон горечи.

– Пытается выжить вас из дома? Но как? – удивилась миссис Линнет.

– Заставляя нас за все переплачивать. Вот как, – сухо ответила Китти. – И похоже, мы узнали об этом последними.

Асад вышел из-за прилавка:

– А ну-ка присядь, Китти. Давай-ка выпьем по чашечке чая и поговорим.

– Нет уж, спасибо. – Девочка воинственно скрестила на груди руки. – Меня ждут. Я только хотела узнать, кто еще потешался над нами за нашей спиной. Глупые горожане, да? Небось, думали, что смогу привести в порядок тот старый дом?

– Нет, все было не так, – не выдержал Асад. – У меня имелись кое-какие подозрения, что тут дело нечисто, но не было доказательств.

– Да, Асад хотел поделиться своими сомнениями, – вмешался в разговор Генри, – однако я сказал, что не стоит наводить тень на плетень. Ведь мы понятия не имели, что именно происходит в доме и что он там делает.

– Но вы ведь знали, что он жаждал заполучить наш дом. Еще когда нас здесь не было.

Генри беспомощно посмотрел на Асада:

– Конечно знали. Об этом все знали.

– Все, кроме нас, – не сдавалась Китти. – Нам бы очень помогло, если бы хоть кто-нибудь сообщил нам, что человек, который разносит наш дом по кускам, выставляя за это заоблачные счета, уже давным-давно положил на него глаз. Вот и хорошо, по крайней мере теперь я знаю цену своим друзьям. – И она повернулась к выходу.

– Китти! – окликнул ее Асад. – А твоя мама в курсе? Ты с ней говорила об этом? – Тяжелое, с присвистом дыхание Асада свидетельствовало о его сильном волнении.

– Я даже спрашивать ее об этом не хочу. Чтобы не создавать лишние проблемы. – Неожиданно она снова стала ребенком, кем, в сущности, и была. – Я не знаю, что делать. Хотя теперь это уже не имеет особого значения. Ему в любом случае скоро придется все прекратить. У нас закончились деньги. И теперь мы просто сидим в нашем полуразрушенном доме, подсчитываем убытки и думаем, как нам жить дальше.

Откровения Китти прозвучали несколько мелодраматично, но Генри не стал ее за это осуждать.

– Китти, ради бога, постой. Дай я тебе объясню...

Колокольчик жалобно звякнул, и за Китти закрылась дверь.

– Ну надо же! – нарушила тишину миссис Линнет. – Ну надо же!

– Она еще вернется, – сказал Генри. – Когда одумается. Одному Богу известно, что этот человек сотворил с их домом. Прости, Асад. – Генри обошел магазин, опуская жалюзи на окна. – Теперь можешь меня упрекать своим «я же тебе говорил». Согласен, мы не должны были этого так оставлять, даже если у нас и не было доказательств. Всего лишь одни подозрения.

– Выходит, вы знали, что у него на уме, а? – удивилась миссис Линнет.

– Не совсем так, – ломая руки, произнес Генри. – В том-то и беда. Мы действительно ничего не знали. Ну и как нам теперь быть? На нашем месте вы ведь тоже не стали бы выдвигать голословных обвинений, да? Особенно когда речь идет о таком человеке, как он.

– Он сейчас в пабе, – сообщила миссис Линнет. – Вошел туда минут десять назад. Надо же, этакий тихоня, типа воды не замутит. – (Асад начал развязывать передник.) – А знаете, – продолжила она, – мне всегда казалось, будто с ним что-то неладно. Взять хотя бы дом миссис Баркер. Когда он его перестраивал, то, по словам миссис Баркер, установил ручки слишком близко к дверным рамам. И она, бедняга, теперь постоянно себе костяшки на пальцах обдирает.

- Куда это ты собрался? – поинтересовался Генри, заметив, что Асад решительно снял передник.
- Мне еще никогда в жизни не было так стыдно. Никогда, – с жаром произнес Асад. – Генри, девочка абсолютно права. Все, что она здесь сказала, – сущая правда. Мы вели себя просто позорно.
- И все-таки куда ты собрался?
- Потолковать с мистером Маккарти, – ответил Асад. – Пока миссис Деланси не узнала, что происходит. Я собираюсь попросить его вести себя так, как подобает честному человеку. А еще я собираюсь выложить ему все, что о нем думаю.
- Асад, не надо, – взмолился Генри, загородив ему путь к двери. – Не лезь к нему. Это нас не касается.
- Вот именно что касается. Это наша святая обязанность. Как друзей и как хороших соседей.
- Наша святая обязанность? Асад, а здесь хоть кому-нибудь было до нас дело? – Генри уже орал во всю глотку, не заботясь о том, что его слышат. – Хоть кто-нибудь заступился за нас, когда по приезде сюда мы столкнулись с религиозными фанатиками?! Хоть кто-нибудь протянул руку помощи, когда они били нам окна?! Писали нам на дверях гадости?!
- Генри, она совершенно одна.
- Как когда-то и мы с тобой!
- Все это было давным-давно и уже быльем поросло. – Асад упрямо покачал головой. – Интересно, чего ты так сильно боишься? – спросил он и захлопнул за собой дверь.

На человеке, стоявшем за грилем, был передник с накладными грудями и нарисованными штанишками в оборочках. Время от времени он хлопал себя по фальшивым грудям или поднимал вверх зажатую в щипцах сосиску и облизывал губы, словно совершал нечто непристойное. Иногда он кружился под музыку, гремевшую из стереосистемы, установленной на шатком столике возле дверей. Но Китти сейчас ничего не замечала. Она была как натянутая струна. Да, Кузены ужасно расстроились из-за ее обвинений, и тем не менее они явно были в курсе. Тогда почему они не предупредили?

– А вот и она, – бросил Энтони, когда какая-то женщина подошла к человеку, орудовавшему за грилем. У нее были мелированные, нарочито небрежно уложенные волосы, светлые пряди перемежались с рыжими. – Это та женщина, с которой путается мой папаша.

Китти даже поперхнулась.

– Что? – переспросила она, решив, что ослышалась.

– Тереза Диллон. Барменша. Папаша путается с ней уже много месяцев. – Энтони сообщил об этом с таким небрежным видом, словно не видит ничего странного в том, что его отец спит, помимо матери, с кем-то еще.

Китти опустила стакан с кока-колой:

– А ты уверен?

– На все сто. – Он бросил презрительный взгляд на женщину с мелированными волосами. – Причем она у него не первая.

Весь прошлый год Китти казалось, что она самый умудренный опытом подросток в мире. Она была единственным человеком в их семье, умевшим принимать разумные решения, оплачивать счета, вести домашнее хозяйство, поскольку мама постоянно находилась в растрепанных чувствах. И тем не менее иногда, например сегодня, ей казалось, будто она путешествует по неведомой земле, которую умом не способна объять. Когда она села рядом с Энтони, Мэтт тотчас же подошел к ним. Он даже пошутил насчет того, что если бы она

воспользовалась его предложением подвезти ее, то могла бы сэкономить на напитках. Энтони решительно отказывался на него смотреть, Китти же задыхалась от ярости, и в результате Мэтт со словами «ох уж мне эти подростки» пересел к каким-то знакомым.

– Но если ты знаешь наверняка, – небрежно спросила Китти, – почему не расскажешь своей маме?

Он посмотрел на нее, точно на слабоумную, и она вспомнила, что рассказывала ему, как любили друг друга ее папа с мамой, а когда умер папа, мама была буквально в кусках.

Энтони угостил ее хрустящим картофелем, а затем пренебрежительно бросил:

– Ты не знаешь моего папашу.

Они сидели на скамье, заходящее солнце приятно припекало спину.

– Хочешь картофеля? Давай принесу с солью и уксусом, пока он еще не закончился. – Энтони порылся в карманах в поисках мелочи. И неожиданно остановился. – Ух ты! Интересно, что там такое творится?

Асад стоял напротив Мэтта, сидевшего на скамье за столом в другом конце сада. Китти слышала только отрывки их разговора, но, судя по застывшему лицу Мэтта и напряженной спине Асада, дело принимало серьезный оборот.

– Асад, ты не понимаешь, о чем говоришь. Я искренне советую тебе не лезть в чужие дела, чтобы не сесть в лужу. – Зычный голос Мэтта перекрывал музыку.

– Ты бесчестный человек. Пользуешься тем, что всех запугал. Так вот, я тебя не боюсь. И я не боюсь сказать правду.

Когда присутствующие поняли, что разгорается крупный скандал, все разом притихли.

– Правду?! – взъярился Мэтт. – Деревенские сплетни. А вы сидите там в своей дурацкой лавке и распространяете их, словно старые бабы. Вы оба. Курам на смех. – Мэтт расхохотался.

Китти почувствовала, как у нее замирает сердце. Она посмотрела на Энтони, тот сердито покачал головой:

– Ой, нет! Только не это.

Мэтт поднялся с места, Китти собралась было подойти поближе, но Энтони удержал ее.

Тем временем в саду появился Генри в сопровождении миссис Линнет. Обнаружив Асада, Генри поспешил к нему, бурча что-то невнятное себе под нос.

Но Асаду, похоже, было не до него.

– Я хочу, чтобы ты поступил по совести, – невозмутимо произнес он.

– А кто ты, собственно, такой, чтобы мне указывать? Тоже мне моральный авторитет выискался!

– Я тот, кто не может спокойно смотреть, как обманывают хорошую женщину.

– Асад, мой тебе дружеский совет. Лучше иди поиграй со своим консервированным горошком, – ледяным тоном ответил Мэтт.

Теперь голос Асада звучал уже громче.

– Все эти деньги... А ведь она вдова. Стыда у тебя нет!

– Миссис Деланси очень довольна тем, как я ремонтирую ее дом. Можешь сам у нее спросить. Ну что? Спроси, довольна она или нет.

– Это потому, что она не знает правды.

– Асад, оставь меня в покое. – Мэтт резко взмахнул рукой и глотнул пива. – Ты начинаешь меня утомлять.

– Она не знает, что ты систематически грабишь и обдираешь ее...

Генри потянул Асада за рукав:

– Асад, пойдём.

– Да, Асад. Лучше тебе уйти... Пока ты не сказал что-нибудь такое, о чем потом будешь

горько жалеть.

– Единственное, о чем я жалею, так это о том, что до сих пор молчал. Ты не хуже меня знаешь, что я...

– Какого хрена?! Что это все значит?

– Я собираюсь ей рассказать. – Асад уже начал задыхаться. – Я собираюсь встретиться с миссис Деланси и рассказать ей о том, что ты творишь.

При этих словах Мэтта будто подменили. Он вскочил на ноги и навис над Асадом.

– Отправляйся домой, старый дурень, – злобно прошипел он, приблизив лицо вплотную к Асаду. – А не то я за себя не ручаюсь.

– Ага, значит, тебе не нравится, что она узнает правду?

Мэтт ткнул его пальцем в грудь:

– Нет. Мне не нравишься ты. Почему бы тебе не отвалить подобру-поздорову и больше не пугаться у меня под ногами? Почему бы тебе не заняться своими делами и не совать нос куда не надо?

– Мэтт...

Какой-то человек положил Мэтту руку на плечо, но Мэтт его оттолкнул.

– Нет! Этот придурок уже несколько недель постоянно мозолит мне глаза. Занимается инсинуациями, на что-то там намекает... Асад, по-хорошему прошу. Уйди с дороги, чтобы не пришлось потом плакать.

У Китти так сильно билось сердце, что стучало в висках. Какая-то мамаша, схватив за руку свое чадо, поспешно повела его к выходу.

Теперь уже Генри попытался оттащить Асада:

– Асад, прошу тебя, давай уйдем. У тебя же астма.

Но Асад даже не тронулся с места.

– Мне всю жизнь приходилось сталкиваться с негодьями вроде тебя, – тяжело дыша, произнес он. – Все вы одним миром мазаны. Все вы рассчитываете на то, что люди побоятся с вами связываться.

Мэтт пихнул Асада в грудь раскрытой ладонью:

– Что, не хочешь по-хорошему? Ты, старый осел, кончай до меня докапываться! – Он с силой толкнул Асада, и тот покачнулся.

– Мэтт! – Барменша с мелированными волосами потянула его за рубашку. – Не надо...

– Вечно суешься не в свое дело, да еще и угрожаешь... Но ты ничего не знаешь, понятно? – выкрикнул Мэтт в лицо Асаду. – Ничего.

Китти задрожала от ужаса, а Энтони бросился к отцу. Однако Мэтт был настолько ослеплен яростью, что уже ничего не видел и не слышал.

– Так что закрой свой рот и вали отсюда, понятно? – (Толчок.) – И кончай разносить свои грязные сплетни, старый дурак! – (Толчок.) – Понятно? Закрой свой поганый рот и вали отсюда!

Мэтт снова толкнул Асада, тот едва устоял на ногах и начал уже всерьез задыхаться.

– Тебе... меня... не... запугать, – прохрипел Асад.

Выражение лица Мэтта заставило Китти содрогнуться.

– Асад, ты меня вконец задолбал, твою мать!

– Мэтт, прекрати сейчас же! Он старый человек. – К Мэтту подошел стоявший за грилем повар со щипцами в руках. – Генри, уведи, ради бога, отсюда Асада. Мэтт, похоже, нам всем надо немного остыть.

Но Мэтт ловко обошел его и снова пихнул Асада в грудь:

– Хоть слово скажешь Изабелле Деланси – и ты покойник, твою мать! Ты меня понял?

– Кончай базар! – К повару присоединились еще несколько человек. И все они попытались

оттащить Мэтта от Асада. – Держи себя в руках, Маккарти. Ступай домой и маленько охолони.

– Покойник, слышишь меня?! – Мэтт ловко вывернулся из державших его рук. – Я ухожу. Просто отвяжись от меня. И вообще, убирайся отсюда!

– Боже мой!

Асад, находившийся в полукольце зевак, начал оседать на землю. Его длинные ноги подогнулись, смуглая рука прижалась к груди.

– Принесите его прыскалку! – истошно завопил Генри. – Кто-нибудь, принесите его ингалятор! – Он склонился над Асадом. – Дыши глубже, дорогой.

Глаза Асада были зажмурены. Пока толпа не заслонила Асада, Китти успела заметить, как побагровело его лицо. Кто-то бормотал что-то насчет астмы. Миссис Линнет перебирала ключи в связке.

– Я не знаю какой! – причитала она. – Не знаю, какой ключ от двери магазина!

Энтони, уже стоя в воротах, взволнованно говорил с отцом.

На гриле горело мясо, отравляя клубами едкого дыма ароматный вечерний воздух. Китти смотрела на все так, будто является не одним из участников драмы, а сторонним наблюдателем за стеклянной перегородкой. Она даже подсознательно отметила для себя, что птицы по-прежнему продолжают петь.

– Подержите его! Вместо меня, пожалуйста! О, ради бога... Вызовите «скорую»! Пусть кто-нибудь вызовет «скорую»!

А затем Генри промчался мимо Китти в сторону магазина, и она услышала, как он что-то бормочет себе под нос, словно разговаривая сам с собой. «Вот так, Асад... – Генри почти рыдал, его лицо покраснело от напряжения, и дышал он тоже с большим трудом. – Вот так. Вот то, чего я и боялся».

Николас Трент еще никогда в жизни не видел у мужчин таких безупречных ногтей, как у Андреаса Стефанидеса: ровные, отполированные, напоминающие розовые морские раковины. Должно быть, делает маникюр, рассеянно подумал Николас. Шальная мысль относительно того, а не узнать ли у Андреаса, действительно ли он делает маникюр, вызвала у Николаса нервный смех, который пришлось маскировать легким покашливанием.

– Вы в порядке?

– Отлично. – Николас помахал рукой, чтобы развеять сомнения Андреаса. – Кондиционер...

Что-то с горлом...

Андреас снова сел в кресло и показал рукой на лежащие перед ним документы:

– Вот что я вам скажу. Вы оказали мне большую услугу. Моя жена, понимаете, она в том возрасте... когда ей нужен какой-то проект. – Он взял со стола лист бумаги. – Теперь все жены так делают, да? Дети уезжают из дому, и они принимаются менять шторы. Разрабатывают цветовые гаммы для интерьеров подруг. Возможно, интересуются благотворительностью. А моей вот теперь захотелось заняться перестройкой домов. – Он пожал плечами. – Ради бога. Я не против. Если это делает ее счастливой. А дом ей нравится. Очень нравится.

– Он имеет большой потенциал. – Николас скрестил ноги, стараясь не измять новый костюм.

Впервые за много лет он смог позволить себе костюм столь высокого качества. И дело было не только в мягкости ласкающей тело тонкой шерсти: сшитый на заказ костюм, помимо всего прочего, дал ему возможность снова почувствовать себя человеком. И вообще, не могло быть и речи о том, чтобы появиться в этом кабинете в чем-то менее достойном. Тем более что первый платеж Андреаса покрыл все расходы.

– Она с вами полностью согласна. И, как я уже говорил, очень счастлива. А если она счастлива...

Николас выжидал. Он по опыту знал: в присутствии таких людей, как Андреас, лучше не говорить лишнего. Этот человек был игроком в покер, а потому воспринимал собеседника всерьез только тогда, когда считал, что тот оставил что-то недосказанным. «Только дурак будет выкладывать все карты на стол», – обожал повторять он. Николас ждал, любясь видом Гайд-парка из окна. Погода стояла теплая, и офисные работники ели ланч прямо на траве, рукава рубашек закатаны, юбки подняты выше колен. Вокруг было плотное дорожное движение, транспорт двигался короткими, сердитыми рывками, но Николас практически не слышал ни гудков, ни рева двигателей. В этом кабинете, с отделанными панелями стенами и толстыми оконными стеклами, человек был полностью огражден от шума, выхлопных газов и суматохи повседневной жизни. Ведь деньги могут защитить практически от всего.

– Вы хотите получить налом?

– Пять процентов меня вполне устроит, – улыбнулся Николас.

– Рассчитываете заниматься этим и дальше?

Теперь Николас был весь внимание.

– Андреас, вы не хуже меня знаете, что такого рода недвижимость на дороге не валяется, особенно в этом районе Лондона. Но я всегда держу нос по ветру.

Да, он, Николас, провернул выгодную сделку: оценил недвижимость по минимуму для ускорения продажи, получив при этом деньги в карман налом и от покупателя, и от продавца, действуя как невидимый посредник. Конечно, это не вполне законно, но операции с недвижимостью частенько остаются, так сказать, в серой зоне. Продавец,

сын покойного хозяина, был просто счастлив, что не пришлось платить комиссионные агентству.

– Ну и как, много удастся наварить?

– Да так, если честно, кое-какие деньги на мелкие расходы.

Андреас, сохранивший в свои шестьдесят лет густые темные волосы, был импозантным мужчиной; безупречной манерой одеваться и обманчивой отрешенностью он чем-то напоминал ресторанный певца времен 1950-х. Его манжеты были усыпаны крошечными бриллиантами. Весь его облик, впрочем, так же как и его кабинет, буквально кричал о больших деньгах.

Андреас поднял трубку и вызвал секретаря.

– Шула, принесите нам, пожалуйста, что-нибудь на ланч. И напитки. – Он выразительно посмотрел на Николаса. – Надеюсь, вы никуда не торопитесь?

Николас пожал плечами, желая показать, что совершенно не ограничен во времени.

Андреас положил трубку и закурил сигарету.

– Скажите, а в чем ваш интерес? Это уже второй объект недвижимости по цене ниже рыночной, который вы для меня находите. Николас, вы ведь неглупый человек. И к тому же девелопер. С чего вдруг вы оказываете мне такую услугу?

Николас рассчитывал, что этот вопрос возникнет после крепких напитков. Он сделал глубокий вдох, очень надеясь, что не выдал своей заинтересованности.

– Ну... Я тут подумал, что вы сможете помочь мне с одним маленьким проектом... Имеется интересный объект недвижимости, – осторожно начал он. – Весьма специфический. Я хочу сам заняться застройкой, но мне нужна финансовая поддержка.

– А почему вы отказались от этих двух объектов? – Андреас ткнул пальцем в лежащие на столе бумаги. – Вы вполне могли заработать шестизначную сумму на дальнейшей перепродаже. А при хороших строителях и коротких сроках застройки – возможно, и вдвое больше.

– Не хотел отвлекаться. Этот проект потребует от меня максимального внимания. И мне надо действовать быстро.

– Но почему вы не хотите, чтобы я занялся этой «специфической» недвижимостью вместе с вами? На условиях партнерства?

Николас положил руки на стол:

– Мне нужна ссуда. Я верну вам ссуду или дам процент от прибыли, если угодно. Андреас, это мой личный проект.

– Личный?

– Есть одна женщина...

– Ха! Всегда ищите женщину!

Но тут им пришлось прервать разговор, поскольку в кабинет вошла секретарша с подносом, на котором стояли маленькие тарелочки с различными лакомствами: кусочками пиццы, хумусом, соусом цацки, оливками и сыром халуми. Секретарша налила им вина, расстелила перед каждым по салфетке и вышла из комнаты.

– Угощайтесь. – Андреас махнул рукой в сторону подноса.

Николас был слишком напряжен, чтобы получать удовольствие от еды, однако заставил себя взять пару оливок.

Андреас пригубил вино и развернул кресло лицом к окну.

– Лучший вид во всем Лондоне, – оценил он зеленые просторы внизу.

– Очень изысканно, – согласился Николас, гадая, куда бы положить косточку от оливки.

– Тот объект недвижимости. Он у вас в собственности?

– Нет.

– А разрешение на перепланировку или застройку у вас есть?

– Нет.

– Ни собственности, ни разрешения, – заметил Андреас так, словно разговаривал с полоумным.

– Я могу получить и то и другое. Я знаю, что делаю.

Они отвлеклись на еду, но через пару минут Андреас снова завел разговор:

– Знаете что, Николас? Я был удивлен вашему звонку. Весьма удивлен. Когда ваш бизнес пошел ко дну, многие считали, что вам конец. Что у вас сдали нервы. Говорили, что без денег вашей жены вы пустое место. – Николас молчал, и тогда Андреас продолжил: – Хорошо, буду предельно откровенен. Люди по-прежнему говорят, что вы вышли в тираж. И что мне им на это сказать?

Николас судорожно смял салфетку. Банки не дадут ему и половины нужной суммы. И вообще, мало кто из инвесторов соизволит хотя бы назначить ему встречу. Андреас это прекрасно знал. После секундного раздумья Николас сказал:

– Ваши информаторы абсолютно правы. Официально мою затею точно не назовешь хорошим риском. Поэтому не буду тратить ваше время на то, чтобы вас разубеждать, но вы, Андреас, не хуже моего знаете: самые большие деньги делаются именно на рискованных предприятиях.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем Андреас соизволил улыбнуться. У Николаса уже успела вспотеть спина, несмотря на работающий кондиционер.

– Ха! – рассмеялся Андреас. – Приятно видеть, что ваша бывшая жена заодно не отрезала вам яйца... Ладно, Николас. Люблю истории со счастливым концом. Расскажите-ка поподробнее о вашем проекте. А потом поговорим о деньгах.

Она ответила уже после нескольких гудков. Голос у нее был запыхавшийся, словно она откуда-то бежала, чтобы взять трубку.

– Это я, – улыбаясь, сказал он.

– Знаю.

– Ты что, забила мое имя в телефон? – Его удивила подобная смелость.

– Не совсем так. Ты у меня значишься как Шейла.

Он стоял посреди улицы, мимо с грохотом проносился транспорт, выбрасывая ядовитые газы, от витрин и дверей ближайших магазинчиков пахло пылью и фастфудом. Но если плотно прижать телефон к уху и заткнуть второе, то можно услышать вдали пение птиц. Он представлял, как она стоит в поле, за которым начинается лес, и буквально чувствовал медовый запах ее волос.

– Я должен был тебе сказать. Знаешь, я нашел деньги.

У него возникло странное чувство, будто он прошел своеобразное испытание и преодолел последнюю ступеньку на пути к новой жизни. Он снова ощущал себя человеком. Ему не терпелось с ней поделиться, ведь он не сомневался, что она поймет. Он хотел сделать это именно для нее. Она дала ему стимул к новой жизни.

– Ой!

– Возможно, после выходных я приеду, чтобы встретиться с хозяйкой дома. Я очень хочу тебя видеть. Как думаешь, это возможно?

– Ты собираешься сделать ей предложение?

– Типа того.

В ответ она промолчала. Пауза так затянулась, что он всерьез забеспокоился:

– Ты в порядке? – Рядом со скрежетом остановился грузовик, и он едва расслышал ответ.

– Все так странно. Не могу представить, что берег озера будет застроен.

– Неужели ты предпочла бы, чтобы они жили там вместе? – Запрещенный прием, и он сразу пожалел о своих словах. – Прости! – Он изо всех сил старался перекричать уличный шум. – Я не должен был так говорить.

– Нет, ты совершенно прав. Это было бы невыносимо. Пусть уж достается кому-то другому, – ответила она с едва уловимым надрывом в голосе.

– Послушай, – сказал он, не обращая внимания на любопытные взгляды прохожих, – мы найдем что-нибудь получше. Что-нибудь, не омраченное дурными воспоминаниями. – Ее ответа он не расслышал. – Лора, я люблю тебя. – Он уже целую вечность не произносил подобных слов. А потом он повторил еще раз: – Я люблю тебя.

– Я тоже тебя люблю, – после короткой паузы отозвалась она.

Лора выключила телефон и, прежде чем вернуться домой, несколько раз выдохнула, чтобы прийти в себя. Ей не верилось, что Мэтт не замечает происходящих с ней в последнее время изменений, ведь ее лицо всегда было для него открытой книгой.

Ее кожа до сих пор хранила воспоминания о прикосновениях Николаса. А в памяти постоянно всплывали слова восхищения. Конечно, комплименты не избавили Лору от душевных страданий, но притупили боль, вернув ей растоптанное Мэттом чувство собственного достоинства. Этот человек любил ее. Этот добрый, образованный человек любил ее. И она не только переспала с ним в их последнюю встречу, но и сказала, что тоже его любит. В свои почти сорок лет Лора Маккарти была всего-навсего одним из унылых столпов местного общества, посуда в ее буфете была расставлена почти с военной педантичностью, а в холодильнике всегда достаточно еды, чтобы в любое время дня и ночи посадить за стол двенадцать человек. И у Лоры невольно возник вопрос: в кого она, в конце концов, превратится, если ничего не изменится?

Мэтт был у себя в кабинете.

– Я собираюсь за покупками. А ты что, сегодня не идешь на работу? – вежливо поинтересовалась Лора. Она больше не приносила ему чая, поскольку чай в любом случае оставался нетронутым и Лоре приходилось убирать полные кружки со столов и буфетов. – Я думала, ты сейчас занят в доме напротив.

– Жду стройматериалов.

– А почему бы тебе тогда не поработать у Доусонов?

– Они отказались от моих услуг.

– С чего вдруг? По-моему, цена их вполне устраивала?

– Не знаю. Просто отказались, и все.

– Мэтт, скажи, это как-то связано с происшествием в пабе? – (Однако Мэтт с упорством пьяного продолжал бесцельно перебирать бумажки на письменном столе.) – Энтони мне кое-что рассказал, но я все же надеялась, что ты посветишь меня в подробности.

Лора старалась говорить ровным тоном. Чтобы не провоцировать очередную ссору. Поэтому она не стала рассказывать мужу о том, что соседи, сталкиваясь с ней в супермаркете, стыдливо отводят глаза, а миссис Линнет, которую она встретила на парковке, мрачно пробормотала нелестные слова в адрес Мэтта.

– Распускает сплетни, как и все остальные, – отмахнулся Мэтт.

– Мэтт, Асад в больнице.

– Это просто астма. Ничего, оклемается.

– Нет, это не «просто астма». Он старый человек, Мэтт. И ты мог его убить. Что происходит?

Он протиснулся мимо нее к шкафу для хранения документов и, выдвинув ящики, принялся

рыться в папках.

– Он меня задолбал, поняла? Мы поссорились. У него случился приступ астмы. Всего и делов!

– Всего и делов? А почему ты вычеркнул Байрона из платежной ведомости? Ты ведь еще совсем недавно принял решение о том, чтобы официально его оформить.

Похоже, Мэтт что-то искал. Неожиданно Лора обнаружила, что счета разбросаны как попало. Все бумаги, касающиеся различных работ, свалены в кучу. А ведь Мэтт отличался крайней педантичностью при работе с документами. И обычно записывал все, до последнего пенни, с целью иметь четкое представление о положении дел. Лора еще никогда не видела, чтобы его бумаги валялись в таком беспорядке. Мне наплевать, мысленно сказала она себе. Очень скоро это станет проблемой кого-то другого. Очень скоро я буду с тем, кто меня ценит. *Неужели ты предпочла бы, чтобы они жили там вместе?*

– Мэтт!

Этот замкнутый, недружелюбный мужчина был ее мужем.

Лора не могла понять, почему они так быстро стали чужими. Разве ты не понимаешь, чем все может закончиться? – беззвучно спросила она мужа. Другой мужчина сказал, что любит меня. Мужчина, который в номере лондонского отеля восторгался моим телом. Мужчина, который сказал, что рай в его представлении – это просыпаться каждое утро в одной постели со мной, и только со мной. Мужчина, который сказал, что я для него дороже всего на свете. *Всего на свете.*

Но Мэтту было наплевать. Он любил Изабеллу Деланси. Лора постаралась принять равнодушный вид.

– Мэтт, я должна знать, где сейчас Байрон, чтобы оформить документы должным образом.

– Я не желаю о нем говорить, – ответил Мэтт, продолжая листать гроссбух. Он даже не соизволил посмотреть на жену.

Лора постояла еще немного, а потом резко повернулась и спустилась вниз.

Еще один длинный жаркий день плавно переходил в вечер. И над лужайкой происходило настоящее наложение звуков: плач скрипки, звон убираемой после ужина посуды, тьяканье возбужденного щенка, гонящегося за мячом, хихиканье девочки-подростка, болтающей по телефону, предсмертный писк комара, прихлопнутого безжалостной рукой. И все это доносилось из открытых окон старого, уставшего дома.

Байрон сидел на стуле в бойлерной и смотрел в пространство. За последние два месяца он уже успел привыкнуть к этим звукам как к завершающему аккорду трудового дня. А теперь, пытаясь представить звуковой ряд своей будущей жизни, Байрон понял, что это отнюдь не то, о чем он мечтал: непрерывный грохот транспорта, проникающий сквозь тонкие стены рев телевизора, музыкальные сигналы соревнующихся между собой мобильных.

Когда он впервые очутился в бойлерной, ему было ужасно стыдно. А теперь, как ни странно, он чувствовал себя здесь почти как дома. Его до сих пор преследовали тюремные звуки: бесконечное лязганье открывающихся и закрывающихся металлических дверей, бьющая по ушам музыка из другого отсека, протестующий крик, а как фон – неумолчный гул, состоящий из угроз, страха, злости и сожалений. По сравнению с тюрьмой его нынешняя спартанская обстановка говорила не об отсутствии крыши над головой, а о некоей странной свободе, о том, что совсем рядом есть тепло и уют. Другая жизнь. А еще жизнь в бойлерной означала возможность быть возле Тьерри, Изабеллы и Китти, слышать радостный смех Изабеллы и жалобный стон ее скрипки, видеть легкую тень печали на ее лице, хотя он принял твердое решение не смотреть на нее. Будь его положение – ну и, конечно, прошлое – несколько иным, он мог бы предложить

ей нечто большее, чем съедобные сорняки и дрова для растопки.

Байрон заставил себя встать. Воспоминания лишь еще больше травят душу. Он кружил по комнате, складывая свои немногочисленные пожитки в аккуратные кучки, его мускулистое тело легко и свободно двигалось в темноте. Внезапно дверь отворилась, и Байрон услышал, как в бойлерную вошел Тьерри в сопровождении щенка. Мальчик протянул Байрону миску, наполненную малиной и земляникой со сливками, а еще домашнее печенье.

– Небось, сказал маме, что хочешь поесть на свежем воздухе?

В ответ Тьерри только довольно ухмыльнулся.

Байрон посмотрел на этого добродушного, молчаливого ребенка и внезапно почувствовал себя виноватым, поскольку ему волей-неволей придется расстроить мальчика.

– Входи. – Байрон сделал широкий жест в сторону двери. – Давай угощу тебя пудингом. Поделим его пополам.

Этим летом ей здорово повезло с погодой, подумал Байрон, когда они с Тьерри после ужина сели играть в карты, приспособив ящик вместо стола; шkodный щенок все норовил стянуть карту, и им приходилось постоянно его шугать. Во рту у Байрона до сих пор стоял вкус ягод. Возможно, она рождена для того, чтобы выращивать овощи и фрукты. Ведь такие люди и правда встречаются.

– Я вышел, – сказал он.

Тьерри по-прежнему практически не говорил. Он только что-то пробурчал и в сердцах хлопнул ладонью по столу. Байрон взял карты и с улыбкой посмотрел на грустное лицо Тьерри. Со времени переезда из Лондона Тьерри здорово вытянулся и больше не походил на печального Пьеро: на его усыпанном веснушками лице теперь играл здоровый румянец. Но если к нему вернулась былая веселость, которую он демонстрировал, гуляя по лесу или играя со щенком, почему он так упорно отказывается говорить?

Байрон осторожно покашлял, чтобы прочистить горло. Снова раздал карты. И, не глядя на мальчика, произнес:

– Тьерри, мне надо кое-что тебе сказать. Я... хм... собираюсь уехать отсюда. – (Мальчик сразу насторожился.) – Тут нет для меня работы, мне негде жить, поэтому пора собирать барахлишко и отправляться в путь. – (Тьерри удивленно уставился на него.) – Я бы ни за что не ушел, но нужда заставляет. У взрослых всегда так. Без работы и крыши над головой не выдюжить. – (Тьерри показал пальцем в сторону потолка.) – Я не могу прятаться тут вечно. Мне надо найти нормальный дом, и желательно до холодов.

Тьерри изо всех сил старался держаться, но Байрон прекрасно видел, что мальчик буквально убит горем, и это было зеркальным отражением его, Байрона, собственных чувств.

– Прости, Ти. Мне было очень хорошо в твоём обществе.

Он успел привязаться к мальчику, ему нравилось смотреть, как тот лазает по деревьям, бегают наперегонки с собаками, задумчиво исследует на предмет насекомых похожие на медовые соты сморчки. У Байрона внезапно встал ком в горле, сейчас Байрон был даже благодарен царившей в комнате темноте. Отвернувшись, он принялся гладить Мег. А затем Тьерри обошел служивший столом ящик и уселся рядом с Байроном, положив голову ему на плечо. И вот так они сидели несколько томительных минут. Над головой музыка Изабеллы достигла крещендо. Одна и та же нота звучала снова и снова, точно знак вопроса.

– Я обязательно сообщу тебе свой адрес, – тихо произнес Байрон. – Напишу письмо, если хочешь. Ты приедешь ко мне в гости. – (Нет ответа.) – Ты же знаешь, я останусь твоим другом. У тебя есть Пеппер, а у меня – его мама, и это нас будет связывать. Ну и конечно, всегда можно позвонить по телефону. – Телефон. Абсолютно бесполезное устройство. Байрон посмотрел на макушку Тьерри с копной непослушных темных волос. И, выждав несколько секунд,

спросил: – Тьерри, а почему ты не говоришь? Я же знаю, ты можешь. Что такого у тебя на душе, о чем так трудно сказать? – Байрон посмотрел на застывшее лицо мальчика и испугался. Слова застревали у него в горле, но он все же продолжил: – Тьерри, с тобой случилось что-то очень плохое, да? – (Тьерри ответил слабым кивком, который Байрон скорее почувствовал, нежели увидел.) – Что-то еще, кроме смерти твоего папы? – (Еще один кивок.) – Ты не хочешь говорить?

Мальчик помотал головой. Байрон немного подождал, а потом тихо произнес:

– Знаешь, как я поступаю, когда случается что-то плохое? Я говорю Мег или Элси. Собаки очень полезные существа. Ты им говоришь, и они всегда слушают. Но никому ни о чем не рассказывают. А что, если ты поделишься с Пеппером, а я посижу рядышком, но слушать не буду?

Тьерри даже не шелохнулся. Снаружи громко захлопала крыльями испуганная птица.

– Ну давай же, Ти! Тебе сразу станет легче. Вот увидишь.

Байрон сидел, уставившись в стенку, он так долго ждал, что уже отчаялся. И тут внезапно до него донесся сбивчивый шепот. Такой тихий, что слышно было, как на руках у мальчика скребется щенок, пытаясь освободиться. А когда голос Тьерри замер, Байрон устало закрыл глаза.

Солнце, огненный красный шар, зашло за деревья, его лучи едва проблескивали сквозь полог листвы. Изабелла шла по тропинке, перебирая невидимые струны и пытаясь удержать в памяти мелодию. Когда-то музыка так прочно сидела в ее голове, что Изабеллу не могли сбить ни приставания детей, ни разговоры с мужем. Но сейчас ей приходилось постоянно отвлекаться на реалии повседневной жизни.

Сегодня, впрочем, как и всегда, это были деньги. Последний счет от Мэтта еще не пришел, но, если верить ее записям, она задолжала ему несколько тысяч за прокат экскаватора и новые окна. Ей казалось, что продажа скрипки создаст им некую подушку безопасности и позволит увидеть свет в конце туннеля, но дом так и остался недоделанным, а теперь мистер Картрайт заговорил еще и о налоге на полученные доходы. «Почему я должна платить налог с продажи того, что принадлежит мне? – возмутилась Изабелла, когда в телефонном разговоре он затронул данную тему. – Я только пытаюсь выжить». Ответа у него не было. Она продала драгоценности, все, за исключением обручального кольца. И тем не менее ее сбережения таяли прямо на глазах.

– Брамс, – громко сказала она. – Вторая часть.

Нет, сегодня вечером, похоже, ничего не получится, но она уже давно заметила, что прогулки по лесу ей помогают. И дело было даже не в постоянном фоновом шуме в доме: от телевизора, от Тьерри с его щенком, от мобильного Китти. Настоящий шум был не столь явным, но от этого не менее надоедливым. Дом являлся для нее уже не убежищем, а скорее источником неприятностей, напоминанием о невыполненных работах и неоплаченных счетах.

Она бросила взгляд в сторону видневшегося между деревьями озера. В это время суток озеро было особенно красивым, последние лучи закатного солнца ложились на поверхность воды яркой дорожкой, птицы постепенно замолкали, устраиваясь на ночлег. Что ж, она может попросить отсрочки платежа, пока не продаст дом. Она может попробовать взять в долг. Она может оплатить выставленные Мэттом счета, отдав все оставшиеся деньги, и попытаться как-то продержаться до лучших времен. Изабелла устало опустилась на пенек. Ей хотелось свернуться калачиком, чтобы забыть обо всем.

– Изабелла?

Это был Байрон. Его силуэт чернел на фоне деревьев. Она поспешно вскочила на ноги, стараясь не выдать своего испуга.

– Ой, а я и не слышала, как вы подошли. – Его лица она не видела.

– Я вас пытался окликнуть.

– Все в порядке. – Она старалась, чтобы ее голос звучал беззаботно.

У него были очень широкие плечи, а крепко сбитое тело – большим и сильным. И теперь Изабелла никак не могла заставить себя не думать, сколько зла может причинить эта скрытая сила. За время, прошедшее после их последней прогулки, Байрон превратился из друга в опасного незнакомца. После разоблачений Мэтта человек, которого, как ей казалось, она знала, перестал для нее существовать.

– Я уже собиралась возвращаться домой, – сообщила она нарочито беспечным тоном. – Вы что-то хотели?

Наверное, стоит пройти к озеру. Ей казалось, на открытом месте она будет чувствовать себя в большей безопасности.

Байрон повернулся к ней, и она заметила, что он нервничает. Он протягивал ей какие-то письма. Она автоматически взяла их, отметив про себя, что почерк на конвертах ей смутно знаком. Оба конверта были вскрыты.

– Я их не читал, – сказал Байрон, – но Тьерри прочел. Я должен был вам сообщить... Он думает... ему небезопасно говорить.

Изабелла прочла первые четырнадцать строчек, написанных изящным каллиграфическим почерком. Письмо было от незнакомой женщины. Женщины, которая не знала о смерти Лорана и считала, что он ее избегает. Изабелла еще раз перечитала письмо, пытаясь осмыслить его содержание, чтобы заставить себя посмотреть правде в глаза. Это, должно быть, розыгрыш, уговаривала она себя и даже попыталась улыбнуться. Затем перечитала письмо снова.

У Изабеллы в руках было то самое письмо, которое Китти пыталась заставить ее прочесть еще много месяцев назад, когда мистер Картрайт пристыдил их за гору скопившейся корреспонденции. Одно из первых писем, полученных буквально через неделю после гибели мужа. Но она не вскрыла конверт – она месяцами не притрагивалась к почте. Почему Тьерри взял именно это?

Нет, тут явно что-то не так. Второе письмо было отправлено из офиса Лорана, и когда Изабелла прочла это срочное сообщение, ее сердце – или то, что от него осталось, – провалилось в черную бездну.

Нет, молча твердила она себе. И музыка внезапно исчезла. Она осталась в оглушительной тишине, один на один со своим собственным эгоистичным нежеланием знать. *Нет. Нет. Нет. Нет.* Байрон по-прежнему стоял рядом, внимательно наблюдая за ней. И она поняла: он в курсе содержания писем. А что ей сказал Байрон? *Он думает, ему небезопасно говорить.* Не ее муж. Ее сын. И под напором захлестнувших Изабеллу эмоций обида от предательства была отодвинута на задний план.

– Он был в курсе? – требовательно спросила она, хотя голос ее дрожал. – Тьерри был в курсе? И все время держал это в себе?!

Байрон кивнул:

– Первое письмо та женщина доставила лично. И он ее узнал. А затем увидел второе письмо среди прочей корреспонденции.

– Узнал ее? Боже мой!

Вот теперь все встало на свои места. Она была морально уничтожена изменой мужа и собственной изменой сыну, который не осмеливался говорить, потому что слишком много знал. От маленькой семьи, некогда жившей в уютном доме в Мейда-Вейл, не осталось и следа. Ни любви, ни верности – ничего, что она могла бы извлечь из-под обломков той автокатастрофы. Изабелла снова опустила на пень. И нет никого, кто сумел бы помочь, кто сумел бы исправить ситуацию. И она не могла теперь оплакивать любимого мужа, которого потеряла, поскольку

буквально минуту назад узнала, что потеряла его гораздо раньше.

– Изабелла? С вами все в порядке?

Нелепый вопрос так и остался висеть в воздухе без ответа.

Тьерри, мысленно твердила она. Ей надо идти к Тьерри.

Изабелла неуверенно поднялась.

– Спасибо вам, – вежливо сказала она, удивляясь, что ей еще удастся справиться с голосом. – Спасибо, что сообщили мне.

Она решительно направилась в сторону дома, спотыкаясь о кочки, едва различимые в сгустившихся сумерках. И лес, с его размытыми краями, словно расступался перед ней.

– Простите, – тихо сказал Байрон, который все это время шел рядом.

Изабелла резко повернулась к нему:

– За что мне вас прощать? Разве вы спали с моим мужем? Или сидели за рулем убившего его грузовика? И разве вы нанесли моему сыну психологическую травму, из-за которой он отказывается говорить? Нет. Поэтому не будьте смешным. К вам это не имеет ни малейшего отношения. – Слова ее обрушивались на Байрона с жестокой неумолимостью.

– Простите, что принес вам дурные вести, – сказал он. – Мне казалось, вы должны знать. Ради Тьерри.

– Очень мило с вашей стороны. – Она едва не упала, споткнувшись о поваленное дерево.

– Изабелла, я...

– А кто еще знает? Возможно, вам стоит поспешить к Кузенам. Пусть получают информацию из первых рук. Не сомневаюсь, так или иначе к утру об этом будет судачить вся деревня.

– Никто не знает.

Впереди уже виднелся дом. Сын, должно быть, внутри. Наверное, сидит у себя наверху, погрузившись в компьютерную игру. *Как я могла быть настолько слепой?! Как я могла позволить ему так страдать?!*

– Изабелла. Не торопитесь. Передохните хотя бы минуту, прежде чем начинать разговор с ним.

Байрон положил руку на плечо Изабеллы, но та яростно ее стряхнула:

– Не прикасайтесь ко мне!

Он отшатнулся, точно от удара. И, помолчав, сказал:

– Если бы я мог, то с удовольствием сжег бы эти письма. Я просто пытаюсь помочь Тьерри.

– Я не нуждаюсь в том, чтобы вы ему помогали. И вообще, мы не нуждаемся ни в вашей помощи, ни в чьей-либо еще.

Он заглянул ей в лицо, а затем зашагал прочь, стиснув зубы.

Изабелла проводила его взглядом.

– Я сама способна его защитить! – крикнула она ему вслед. А когда Байрон уже был достаточно далеко, повторила: – Я способна защитить их обоих!

Байрон даже не замедлил шага, и Изабелла, горько всхлипнув, сказала дрогнувшим голосом:

– Байрон, скажите мне почему?!

Байрон остановился и повернулся к ней. Она стояла, подбоченившись, возле поваленного дуба, лицо ее пылало.

– Почему он сказал вам, а не мне? Почему он не мог во всем мне признаться? Ведь я его мать, разве нет? Возможно, я была не слишком хорошей матерью, но я всегда любила его. У него никого не осталось, кроме меня. Тогда почему он сказал вам, а не мне?

Байрон заметил, что лицо ее страдальчески исказилось. Похоже, за маской разъяренной фурии скрывались растерянность и боль. Она была точно раненый зверь, способный накинуться на первого встречного.

– Он боялся, – ответил Байрон.

Изабелла переменялась в лице. Подняла глаза к небу и на секунду их закрыла. Будь я другим человеком, неожиданно подумал Байрон, любим другим, только не тем, кто я есть, я бы мог подойти к ней и нежно обнять. Хоть как-то утешить эту исстрадавшуюся женщину.

– Своим молчанием он хотел защитить вас.

Он подождал, пока она повернется к нему спиной, и решительно зашагал в сторону дороги.

Когда Изабелла вернулась, сын еще не спал. Даже в царившем в комнате полумраке она видела, что его глаза устремлены прямо на нее. Она поняла: он ждал ее прихода. Должно быть, догадался, о чем будет говорить с ней Байрон. Но теперь, оказавшись наедине с сыном, Изабелла искала, но не могла найти нужные слова. Впрочем, она даже не была вполне уверена в том, что поверила в сказанное Байроном. И тем не менее она твердо знала, что ее долг – избавить Тьерри от этой непосильной ноши. Она погладила его по голове, ощутив привычную мягкость его волос.

– Я все знаю, – прошептала Изабелла, стараясь говорить спокойно. – Ничего, мы справимся. Люди... не всегда ведут себя должным образом, но это не имеет значения. Я по-прежнему люблю твоего папочку и уверена, он тоже любил меня. – Из-под одеяла показалась худенькая рука, и Изабелла сжала пальцы сына. – Тьерри, то, что ты узнал из тех писем, тоже не имеет значения. Это ни капельки не умаляет нашу любовь к папочке или его любовь к нам. Пусть тебя это не беспокоит. – Она закрыла глаза. – И я хочу, чтобы ты знал одну вещь. Очень важную вещь. Нет ничего такого, пусть даже самого ужасного, чем ты не мог бы поделиться со мной. Ты понял, Тьерри? Не надо ничего держать в себе. Ведь именно поэтому я и здесь.

Изабелла замолчала, в комнате повисла гнетущая тишина. На их дом опустилась ночь. Изабелла прилегла на кровать рядом с сыном. За окном мерцали булавочными головками звезды, скупо освещая землю внизу.

Так что же она за мать такая, если ее малыш не может на нее опереться?! Какой, должно быть, никчемной, слабой и эгоцентричной она выглядела в глазах собственных детей, если они считали своим долгом защищать ее?!

– Ты можешь рассказать мне абсолютно все, – сказала она, причем скорее не ему, а себе.

Перенесенный шок лишил ее последних сил, и у нее мелькнула мысль, а не остаться ли спать здесь. Ей было даже страшно подумать о том, что надо подняться наверх.

И тут голос Тьерри разорвал тишину.

– Я сказал ему... – прошептал мальчик. – Я сказал ему, что ненавижу его.

Изабелла тотчас же очнулась:

– Ничего страшного. Ты вправе говорить то, что чувствуешь. Я уверена, папочка все понял.

Я правда...

– Нет.

– Тьерри, дорогой, ты не можешь...

– В тот день я их видел. Перед концертом. Она была у нас дома, и я их видел... А папа притворился, будто это все ерунда. Но я ведь не такой глупый. И я сказал ему... Я сказал ему, что хочу, чтобы он умер.

Тьерри разрыдался, уткнувшись в материнскую грудь, сжимая в маленьких кулачках ее блузку. Изабелла крепко зажмурилась, чтобы отгородиться от темноты, от черной дыры, засосавшей Тьерри, и, подавив рвущийся из груди крик, крепко обняла сына.

В тот день она дважды выходила из дома, причем в первый раз для того, чтобы нарвать на грядке зелени; она прошла в огород, опутив голову, с дуршлагом в руке. На ней была выцветшая футболка и обрезанные шорты, непокорные волосы, небрежно сколотые шпилькой, грозили вот-вот рассыпаться по плечам. Стояла такая жара, что одежда прилипала к телу. И действительно, от изнурительной духоты жизнь вокруг будто замерла, и только легкий ветерок с озера нес относительное облегчение.

В лесу было немного прохладнее, но если смотреть сквозь деревья, то казалось, что дом окутан красным маревом. Новая черепица сверкала на солнце, выделяясь на фоне поросших мхом старых участков крыши, которые не успели заменить. Новая деревянная обшивка резко контрастировала со старыми досками. Со временем все будет выкрашено одним цветом, но даже сейчас не возникало сомнений относительно высокого качества работы. Реставрация полностью преобразит здание.

Когда Мэтт Маккарти строил по своим архитектурно-строительным чертежам, то о расходах уже не думал. Он ценил красоту истинного мастерства, а за долгие годы приобрел достаточный опыт, чтобы понять простую истину: скупой платит дважды. Желание сэкономить, например на осветительных приборах или полах, всегда выходит боком. Если вы действительно хотите получить нечто стоящее, не пытайтесь удешевить проект. Его дом будет идеальным.

На первых порах за его хороший вкус и внимание к деталям Изабелле Деланси действительно приходилось платить высокую цену, но Мэтта это даже радовало, поскольку неотвратимо приближалось тот заветный день, когда его семья сможет перебраться в Испанский дом, а она – вернуться в свой Лондон. Ко всем просьбам и пожеланиям Изабеллы Мэтт относился крайне небрежно, выполняя работу кое-как. Ведь какой смысл делать то, что через пару месяцев так или иначе придется переделывать? А когда она безропотно оплачивала заоблачные счета и мирилась с подстерегавшими на каждом углу с опасностями, будь то крыса или прогнившие полы, он придумывал дополнительные работы: например, снос стены или замену лагов. Положа руку на сердце, он и сам искренне удивлялся, что у нее не возникало к нему никаких вопросов.

Мэтт отмахнулся от мухи, влетевшей в открытое окно. Во второй раз она вышла из дома вскоре после ланча. Она усиленно терла глаза, словно недавно проснулась. Он собрался было подойти, чтобы поговорить, но тут из дома выбежал ее сын со своей твякающей собачонкой и бросился за ней. Она наклонилась поцеловать ребенка, и Мэтт вспомнил, как их губы сливались в поцелуе, а ее тело прижималось к его.

Должно быть, он ненадолго задремал, откинувшись на спинку сиденья минивэна. В последнее время у него начались проблемы со сном. Собственный дом стал неприветливым и враждебным. Мэтта преследовал полный немой упрека взгляд Лоры и раздражал ее убийственно вежливый тон. Поэтому ему было гораздо проще по мере возможности вообще не появляться дома. Похоже, Лора перебралась в гостевую комнату. Когда он проходил мимо, дверь оказалась плотно закрытой. Как, впрочем, потом и дверь их супружеской спальни.

Последние недели прошли словно в тумане. Жара была настолько изнуряющей, что он просыпался и засыпал в неурочное время, чувствуя то безумную усталость, то дикий прилив энергии. Сын его избегал. Байрон куда-то запропастился. Мэтт, грешным делом, забыл, что со скандалом уволил Байрона, а дозвонившись до него, был потрясен, когда Байрон ему об этом напомнил. Наверное, все дело в жаре, пытался объяснить Мэтт Байрону. Оттого и сумбур в голове. Байрон не ответил. Мэтт еще что-то там говорил, пока наконец его не осенило, что он,

оказывается, разговаривает сам с собой.

Побывал Мэтт и в пабе «Длинный свисток». Он уж и забыл, когда в последний раз нормально ел. Он рассчитывал, что Тереза накормит его, согреет ласковой улыбкой. Вместо этого Тереза заявила ему, что еду здесь больше не подают, а когда он начал ее упрашивать, принесла черствую булочку с ветчиной. Тереза демонстративно его игнорировала, даже когда он прошелся насчет длины ее юбки. Она стояла, скрестив руки на груди, у барной стойки и смотрела на него так, как смотрят на кусачую собаку. Он просидел в пабе достаточно долго, прежде чем до него дошло, что бывшие приятели его явно избегают.

– У меня что, вторая голова отросла? – раздраженно бросил он, когда его окончательно вывели из себя их испытующие взгляды.

– Похоже, тебе не мешало бы навести порядок хотя бы в той, что у тебя есть, приятель. Доедай свою булочку и проваливай. Мне не нужны неприятности. – Хозяин взял со стойки газету и исчез в подсобке.

– Шел бы ты домой, Мэтт. – Подошедший к нему Майк Тодд специально понизил голос, чтобы их не могли слышать. Тодд даже потрепал Мэтта по спине. В его глазах сквозило нечто, смахивающее на жалость. – Ступай домой и чуток отдохни.

– А когда ты наконец придешь посмотреть на мой дом? – спросил Мэтт, но Майк, кажется, его не слышал.

– Ступай домой, Мэтт, – повторил он.

Поэтому проще всего было оставаться в машине. Мэтт уже потерял счет времени, но, похоже, сидел он тут достаточно долго. Он забыл зарядить мобильник, хотя это не имело значения, ведь он ни с кем не желал говорить. Мэтт уставился на фасад Испанского дома, не замечая ни строительных лесов сзади, ни переполненного контейнера для мусора, ни затянутых брезентом окон. Нет, он видел свой дом. Огромный дом, который снова обрел былое величие. А еще он видел себя самого, идущего по лужайке к озеру. Он помнил, как еще мальчишкой именно здесь сидел, широко расставив ноги, на велосипеде и вынашивал план мести. Они обвинили его отца в краже двух запасных колес от их раритетных автомобилей, а потом, когда инкриминируемые отцу Мэтта колеса нашлись в гараже, им было то ли неловко, то ли просто лень дать делу обратный ход, хотя Джордж Маккарти почти пятнадцать лет служил верой и правдой их семье. Но все выяснилось слишком поздно. Мэтт с сестрой переехали в муниципальный дом в Литл-Бартоне, а имя его семьи было опорочено вследствие преступной небрежности Поттисвортов. Именно в этот день Мэтт понял: дом должен принадлежать ему. Он еще всем покажет. И особенно родителям Лоры, которые смотрели на его ботинки и на то, как он держит нож с вилкой, с вежливым, но явным неодобрением.

Он получит этот дом во имя мести за семейство Маккарти. Он покажет всем в округе, что важно не твое происхождение, а то, чего ты добился. Он восстановит этот дом и репутацию своей семьи.

И поначалу ему казалось, что убрать со своего пути вдову, занявшую чужую территорию, будет проще простого. Но однажды в ветреную летнюю ночь вдова вдруг стала Изабеллой. Изабеллой, которая наполнила его душу музыкой и заставила осознать всю убогость, серость и однообразность его существования. Изабеллой, которая легко скользила между деревьями и чьи бедра плавно покачивались в такт музыке. Изабеллой, которая дерзко смотрела на него раскосыми глазами и благодаря которой он понял, чего именно ему не хватало все это время, пока он занимался рутинными вещами и мыслил квадратными футами. Единственной женщиной, осмелившейся бросить ему вызов. Он по-прежнему хотел Испанский дом, то есть он по-прежнему считал его своим. Но теперь ему этого было недостаточно.

Мэтт Маккарти закрыл глаза, затем снова открыл, пытаясь избавиться от шума в голове.

Включил CD-плеер на приборной доске и поставил «Музыку на воде» Генделя. А затем, когда убаюкивающие звуки скрипки привели его в чувство, достал из бардачка блокнот и принялся методично составлять список того, что еще предстояло сделать, начиная с прокладки труб и кончая установкой последнего окна. Он помнил все до последнего гвоздя, до последнего неоштукатуренного куска. Никто не знал этот дом лучше его. Он сидел и чиркал в блокноте, не обращая внимания на то, что замусоленные листки падали на пол и что, по мере того как солнце заходило за Испанский дом, в салоне постепенно темнело.

Изабелла не спала три дня и две ночи. Она лежала без сна и вела бесконечный мысленный диалог с покойным мужем. Она обвиняла Лорана в неверности, корила себя за то, что подолгу оставляла его одного, в результате чего он стал искать удовольствий на стороне. Она снова и снова прокручивала воспоминания о семейных праздниках, о каникулах, о своих зарубежных гастролях, пытаясь включить в события ту самую женщину. Его чрезмерные расходы, более частые деловые поездки в последний год – все это приобрело новый смысл, а детали, встав на свое место, дали возможность получить целостную картину, причем весьма неприглядную. Оказывается, Лоран не принадлежал ей одной: и она сама, и дети делили его с кем-то еще. Его интрижка замарала память об их прошлой жизни. Изабелла ненавидела себя за то, что была слишком эгоцентричной, чтобы заметить неладное, слишком самодовольной, чтобы потрудиться проверить счета или распечатки с кредитных карт.

В полночь она швырнула обручальное кольцо в озеро, а потом, не услышав характерного всплеска, не знала, то ли смеяться, то ли плакать. Но в основном она плакала, потому что из-за предательства Лорана пострадал их сын. Она вспомнила, как в тот роковой день Лоран поцеловал сына в голову, попутно заметив, что Тьерри стал совсем взрослым. Может, это было некое зашифрованное послание? Может, Лоран именно так предупреждал Тьерри, чтобы тот держал рот на замке? Неужели сокрытие факта неверности для Лорана было важнее душевного здоровья собственного ребенка? Или Лоран просто констатировал тот факт, что сын действительно стал взрослым?

Да, теперь все события она видела в новом свете. И от этого голова у нее шла кругом.

Мэтт появился на следующее утро после того, как открылась ужасная правда, и когда Изабелла услышала знакомый звук мотора его минивэна, а затем и стук в дверь – запасные ключи были предусмотрительно из-под коврика убраны, – она встретила его на пороге и сообщила ему, что возобновление ремонтных работ сегодня крайне нежелательно.

– Но вы же просили доделать ванную, – сказал Мэтт. – Уже несколько недель только об этом и твердили. Все, что необходимо, у меня в машине.

Вид у него был ужасный. Подбородок зарос многодневной щетиной, а футболка грязная. Причем грязная не от строительной пыли, а просто серая и жеваная, словно он спал не раздеваясь.

– Нет, – ответила Изабелла. – Сейчас не самое подходящее время.

– Но вы же сами говорили, что хотели...

– Уже много месяцев мы моемся в жестяной ванне. Так какая разница – месяцем больше или месяцем меньше?

И она захлопнула дверь прямо у него перед носом, особо не беспокоясь, что ведет себя не слишком вежливо или что Китти снова заведет свою вольнку на тему, что они живут как первобытные люди. Изабелла ненавидела Мэтта за то, что он был мужчиной. За то, что переспал с ней, будучи женатым, но не раскаялся в этом, хотя бы ради приличия. Изабеллу аж передернуло, когда она вспомнила о своем непростительном поведении, которое иначе как двуличным невозможно было назвать. Разве она сама не поступила с Лорой так же подло,

как в свое время поступили с ней?

Больше никто к ней не приходил. На телефонные звонки она решила не отвечать. Но держалась она, можно сказать, безупречно. Приготовила обед, полюбовалась на крошечных цыплят, терпеливо выслушала рассказ Китти, которая вместе с Энтони ходила навещать лежавшего в больнице после приступа астмы Асада. И в очередной раз порадовалась, что слышит наконец голос сына. Говорил Тьерри не слишком уверенно и явно стесняясь. Однако он попросил дать ему завтрак вместо того, чтобы, как обычно, молча положить в миску овсяных хлопьев, громко подозвал Пеппера, а днем, залиvisto смеясь, погнался за кроликом у озера.

Изабелла была рада, что дети больше не заговаривали о возвращении в Лондон. Ведь в мгновение ока дом в Мейда-Вейл превратился из потерянного рая в место, напоминающее об обмане и предательстве.

Ночью, когда дети уснули, Изабелла, забыв о своей скрипке, решила пройтись по незаконченному дому. Над ухом назойливо пищали комары, под половицами и карнизами шебаршились невидимые ночные существа. Но Изабелла больше не обращала внимания на голый гипсокартон. Несмотря на ветхие стены, дом этот был не хуже и не лучше райского уголка в Мейда-Вейл. Дом – это не только внутренняя отделка, меблировка или качество пола. Не только материальный достаток или безопасность.

Изабелла и сама точно не знала, что означает для нее слово «дом». Но одно она знала наверняка. Дом для нее – это двое мирно спящих наверху детишек.

Чесночница черешковая. Сердечник шершавый. Чабрец и лисички. Байрон шел по опушке леса, где за вековыми деревьями начинались огороженные не одним поколением фермеров пастбища, и при тусклом вечернем свете собирал съедобные растения себе на ужин в знакомых еще с детства местах. Он похудел, но скорее от отсутствия аппетита, чем оттого, что пришлось перейти на подножный корм.

Последние несколько дней он прятался от людей. Днем, в самую жару, спал, а ночью бродил по лесам, пытаясь разработать хоть какой-то план действий.

Теперь Изабелла явно его боялась. Ясно как дважды два. Встретив его в лесу, она подпрыгнула от испуга, а улыбка ее была слишком широкой, слишком ослепительной. И, здороваясь, она тоже держалась не совсем естественно, словно не хотела показывать своего страха. Байрону было не впервой видеть такую реакцию у деревенских жителей, наслышанных о его репутации, но не знакомых с ним лично.

Когда Байрон думал о том, что Изабелла его боится, а ее дети его избегают, ему начинало казаться, будто он вдруг оказался в могиле, из которой не выбраться.

Он понимал: больше нет смысла задерживаться в Бартоне. Его прошлое, обросшее мифами, будет преследовать его, точно шлейф вонючего дыма, пока здесь будут такие люди, как Мэтт. А поскольку здешние земли постепенно скукоживаются под напором так называемой уникальной застройки, технопарков и пахотных хозяйств, очень скоро он, Байрон, просто-напросто останется без работы. Он имел полное представление о карьерных перспективах для людей вроде него: подсобный рабочий в супермаркете, охранник, таксист. Читать объявления о такой работе было для него точно нож острый. Он живо представлял себя на автостоянке, где диспетчер указывает ему, можно или нельзя сделать перерыв, а потом неохотно выдает грошовую зарплату.

Зря я пошел против Мэтта, уже в сотый раз говорил Байрон себе. Надо было держать рот на замке. Правда, он сам плохо в это верил.

– Алло?

Та женщина написала на конверте свой адрес: Вичтри-Гарденс, Бофорт-Хаус, 32. Нетипично для любовницы, подумала Изабелла. Такая точность. Как будто он мог спутать ее с кем-то еще.

Через сорок восемь часов после того, как письма попали ей в руки, она позвонила в справочную службу и выяснила, что по данному адресу проживает только одна Карен. Карен Трейнор – губительница семейного очага и воспоминаний. Кто бы мог подумать, что это имя окажет такое влияние на судьбы стольких людей? Изабелла представляла себе высокую, белокурую, спортивную женщину, возможно, чуть моложе тридцати. Должно быть, у нее безупречный макияж – у бездетных женщин всегда такой, ведь у них полно времени заняться собой. Интересно, а она играет на музыкальных инструментах? Или Лоран сознательно нашел себе женщину, которая не витает в облаках?

Изабелла еще не решила, что будет говорить, хотя уже успела продумать сотни доводов, тысячи убийственных фраз. Только бы не сорваться на крик. Она потребует сказать, куда девались их деньги. Куда возил ее Лоран. Сколько было отелей, поездок в Париж, дорогих обедов, пока она, Изабелла Деланси, считала, что муж в командировке? Она расскажет этой женщине, что та наделала, объяснит ей, что, несмотря на все слова Лорана (а что именно он говорил?), та пыталась разрушить брак, полный страсти и любви. Она поставит ее на место, эту легкомысленную, эгоистичную девчонку. Она ей еще покажет.

Длинные гудки, а затем женский голос – интеллигентный, совершенно обыкновенный, чем-то похожий на голос самой Изабеллы – сказал: «Алло? – И после паузы снова: – Алло?»

И тут Изабелла, женщина, считавшая, что без звуков музыки в голове жизнь будет пустой и никчемной, поняла, что способна лишь слушать чужое молчание.

На третий вечер тепловую волну вытеснил грозовой фронт. Небо внезапно потемнело, вдалеке громыхнул гром, точь-в-точь как литавры, предвещающие грандиозный финал, набежали черные тучи – и начался проливной дождь. Все зверюшки попрятались в норках, в сточных канавах забурлила вода.

Байрон сидел в бойлерной, прислушиваясь к голосам обитателей дома. Сперва он услышал, как Изабелла и Китти, шлепая по лужам, с криками бегут снимать с веревки белье, затем – как Тьерри, проходя мимо бойлерной, радостно и без тени стеснения поет: «Дождик, дождик, кап-кап-кап! Старикашки слышен храп!» Насторожившиеся собаки переводили взгляд с Байрона на дверь и обратно в ожидании сигнала, любого сигнала, что им тоже можно выбежать во двор, но Байрон предупреждающе поднял руку, и они, недовольно поскуливая, вернулись на место.

«Он пошел спать, треснулся головой о кровать и утром уже не смог встать».

Когда звук шагов Тьерри постепенно затих в доме, Байрон медленно встал. Он уже успел аккуратно упаковать свои пожитки в две сумки. Когда дождь немного успокоится, он пройдет через лес к машине и уедет отсюда.

Хлопнула дверь. У него над головой неожиданно заиграла музыка. Целый оркестр – нечто драматическое, но, похоже, знакомое. Затем послышался умоляющий голос Китти:

– Ой, только не это!

Кто-то закрыл окно, и музыка почти стихла. Он слышал лишь стон скрипок и взмывающие ввысь неистовые голоса.

Байрон достал ручку, написал коротенькую записку и положил на бойлер. Затем сел и стал ждать в полной темноте.

– Николас?

– Ты их получила, да? – Он даже не спросил, кто это.

– Они чудо, – ласково сказала она. – Просто чудо. Принесли как раз перед тем, как я села

пить чай.

– Я волновался. Подумал, а вдруг он захочет узнать, кто тебе это прислал. Но ты говорила...

– Его здесь нет. Не знаю, где он болтается, но теперь он тут практически не появляется.

Она решила не рассказывать Николасу, что когда выгуливала собаку, то видела в лесу машину мужа. Почему бы не припарковаться у дома вдовы? – мысленно спросила она Мэтта. По крайней мере, так было бы гораздо честнее.

– Я хотел прислать розы, но решил, это будет слишком откровенно.

– Все равно розы теперь почти не пахнут.

– Многие женщины предпочитают лилии. Но тебе не кажется, что они слишком помпезные?

И вообще немного траурные?

Ему хотелось показать ей, с какой любовью и как тщательно он выбирал для нее цветы.

Она была явно тронута.

– Пионы – мои любимые цветы. Ты такой внимательный.

– Я почему-то так и решил. И хочу, чтобы ты знала... я постоянно думаю о тебе. Нет, я вовсе на тебя не давлю, но...

– Николас, обещаю, я приму решение.

– Знаю...

– Просто все так быстро закрутилось. Обещаю, я не буду тянуть с ответом. – Она присела на край постели и рассеянно посмотрела на левую руку, где сияло кольцо из мелких бриллиантов, которое ее мать в свое время нашла вульгарным. Но, может, вульгарное кольцо лучше, чем адюльтер? – У меня все достаточно сложно. Мой сын и вообще...

– Я не собираюсь тебя торопить.

Жаль, что его сейчас нет с ней. Рядом с ним она не сомневалась в правильности своего решения. Но для этого необходимо было чувствовать нежное пожатие его рук, видеть его искреннее лицо. Однако, оставшись одна в пустой супружеской спальне, над которой нависала тень болтающегося, один Бог знает где, Мэтта с маячившим перед глазами Испанским домом, она вдруг почувствовала себя совсем несчастной. Интересно, он сейчас там? Смеется над ней? Занимается любовью с этой женщиной?

Теперь она стыдилась лишней раз показаться в деревне. Магазин Кузенов был по-прежнему закрыт. После того как Мэтт подрался с Асадом, люди воровато прятали от нее глаза, словно вина мужа отчасти лежала и на ней. Она избегала подруг: не хотелось рассказывать им о семейных неурядицах. О ее браке, трещавшем по швам. Лора уже достаточно давно здесь жила, а потому не могла не понимать, что стоит ей открыть рот, как о ее личной жизни начнут судачить все, кому не лень.

Слеза капнула ей на штанину, оставив темное пятно.

– Но я увижу тебя во вторник?

– О, Николас, – вытирая мокрое лицо, ответила она. – И ты еще спрашиваешь?!

Впервые за все это время крыша не протекла после дождя, и Изабелла, которая уже ничему не верила, восприняла это как маленькое чудо. Возможно, от Мэтта все-таки есть какая-никакая, но польза. Прошедший дождь оказался очистительным. Он открыл перед Изабеллой новые горизонты, позволив на время забыть о счетах, предательстве Лорана, и просто наслаждаться буйной радостью детей и каплями дождя на коже после долгих недель удушающей жары. В тот вечер Изабелла с удовольствием слушала болтовню Китти и Тьерри, она даже не стала одергивать их, когда дети, под аккомпанемент возбужденного лая щенка, принялись швыряться мокрыми носками. Днем она заснула в незастланной постели, а проснувшись, почувствовала себя спокойной и отдохнувшей, словно мучившая ее лихорадка внезапно прошла. И вообще,

после грозы все как-то сразу приободрились.

Изабелла вошла в комнату Тьерри. Он лежал в кровати, щенок – на пуховом одеяле. Но Изабелла не стала ругать сына: пара грязных следов на одеяле – не самая большая цена за счастье ребенка. Она задернула шторы, прислушавшись к отдаленным раскатам грома; грозовой фронт уходил на восток, и небо окрасилось в странный темно-синий сумеречный цвет. А когда она наклонилась поцеловать сына на ночь, он обхватил ее худенькими ручками за шею.

– Я люблю тебя, мама, – сказал он, и от этих слов у нее буквально запела душа.

– И я тебя люблю, Тьерри, – ответила она.

– А еще я люблю Пеппера, – продолжил сын.

– Я тоже, – кивнула она.

– И мне очень хотелось бы, чтобы Байрон не уезжал.

– Не уезжал куда? – Она подоткнула одеяло, невольно бросив взгляд на карту звездного неба, прикрывавшую дыру в стене.

Еще одна недоделанная работа.

– Ему негде жить, – объяснил Тьерри. – Поэтому он и хочет уехать, чтобы найти другую работу.

Изабелле вдруг стало безумно стыдно, что она тогда напустилась на Байрона. Она вспомнила, как держала в руке письма, а от упавшего дерева сладко пахло плесенью. Как кровь бросилась ей в голову после ужасного открытия. Как в бешенстве она наговорила Байрону массу обидных и несправедливых вещей.

– А ты не могла бы дать ему работу? Пусть присматривает за нашей землей.

Изабелла снова поцеловала сына:

– Ох, солнышко, если бы у нас были деньги, я бы...

Пожалуй, надо пойти извиниться, подумала она. Байрон не должен уехать с обидой в душе. Ведь он столько хорошего сделал для нее и для Тьерри. *Я не нуждаюсь в том, чтобы вы нам помогали*, бросила она ему прямо в лицо.

– Я с ним поговорю. А где он остановился?

Бывают паузы, которые по праву можно назвать тягостным молчанием. Тьерри испытующе посмотрел на мать, и она, к своему смятению, поняла: тот секрет был у Тьерри далеко не единственным.

– Все, что угодно, Тьерри! Помни, ты можешь сказать мне все, что угодно. Я не буду сердиться. – Она взяла сына за руку, стараясь не выдать своего беспокойства.

Еще один миг сомнения. Ответное пожатие маленькой руки.

– Он под домом, – сказал Тьерри.

Изабелла бесшумно спустилась по лестнице, разбрызгивая босыми ногами воду на каменных ступенях. Она была настолько ошарашена признанием Тьерри, что забыла надеть туфли, и вспомнила о своем упущении только тогда, когда ступила на мокрый гравий. Но сейчас это уже не имело значения. Темнело, дождь продолжал моросить, хотя гроза давным-давно закончилась. Изабелла обошла вокруг дома, стараясь не стукнуться о строительные леса и не наступить на застрявшее между камней битое стекло. А вот, наконец, и лестница, ведущая в бойлерную. Раньше Изабелле как-то в голову не приходило ею воспользоваться.

Увидев слабый свет, она вдруг на секунду замешкалась. Затем внезапно зарычала собака. Дверь скрипнула и отворилась. Поначалу Изабелла ничего не увидела, но чуткий слух музыканта помог ей уловить слабое движение.

Сердце ее тяжело колотилось. А затем из-за облака неожиданно вышла луна, и в этом призрачном свете в глубине комнаты возник смутный силуэт мужчины. Изабелла сощурилась,

дав возможность глазам привыкнуть к темноте. Поначалу она даже не заметила лежавших у ног мужчины собак.

– И как давно вы здесь обретаетесь? – спросила она с порога.

– Пару месяцев, – отозвался из темноты Байрон и, дав Изабелле возможность переварить информацию, продолжил: – Простите. На рассвете я отсюда уйду. У меня есть парочка предложений из... – неуверенно начал он и замолчал, поскольку речь его звучала не слишком убедительно.

А дождь тем временем все продолжался, листья на деревьях недовольно шуршали, было слышно, как вода с полей, громко журча, стекает в канавы, промокшая земля буквально источала теплый запах сырости, который пропитывал неподвижный воздух.

Значит, он все время, думала Изабелла, был здесь, прямо под нами.

– Я понимаю, как это выглядит со стороны... Но мне нужна была крыша над головой.

– Но почему вы не спросили меня? Почему не объяснили, что вам некуда идти?

– Вы ведь помните, что говорил Мэтт. Я не хотел, чтобы вы знали, что я совсем рядом и... – Он запнулся. – Господи! Послушайте, Изабелла, мне... очень жаль.

Оставив дверь открытой, она вошла в бойлерную, движимая не испугом, а, как ни странно, чувством облегчения: оказывается, все последние дни она была не одна.

– Нет. Мне не следовало слушать Мэтта. Все его слова для меня пустой звук, – покачала головой Изабелла.

– Мне надо вам кое-что сказать насчет Мэтта.

– Не желаю о нем слышать, – отрезала Изабелла.

– Тогда я хочу, чтобы вы знали: я вовсе не склонен к агрессии или жестокости. Тот человек – мужчина, о котором говорил Мэтт, – постоянно избивал мою сестру. Она это скрывала от меня, но Лили, моя племянница, рассказала. А когда он обнаружил, что Лили проболталась, то принялся и за нее. – Голос Байрона дрогнул. – Ей тогда было четыре года.

Изабелла поежилась:

– Байрон, не надо. Вы отнюдь не обязаны...

– И тем не менее это был несчастный случай. Правда. – В его голосе звучала неприкрытая боль. – Я потерял все. Дом. Надежды на будущее. Репутацию.

И тут она вспомнила свой давнишний разговор с Байроном.

– Вы не смогли стать учителем.

– До того случая я ни разу пальцем никого не тронул. Ни разу в жизни. – Он понизил голос до шепота. – Изабелла, после подобных испытаний ничего не остается прежним. Ничего. И дело не только в чувстве вины. Дело в восприятии вещей. В восприятии себя самого. – Он помолчал и добавил: – Ты начинаешь смотреть на себя глазами других людей.

– Но ко мне это точно не относится, – ответила Изабелла.

Они стояли в темноте, практически не видя друг друга. Два темных силуэта. Две размытые тени. Долгие месяцы Изабелле в каждом встречном мужчине мерещился Лоран. Она узнавала его в незнакомцах с похожей фигурой, слышала его смех на людных улицах. Она говорила с ним в сновидениях, а потом рыдала, что сон не может стать явью. В приступе безумия она идентифицировала его с Мэттом. И вот наконец она поняла: Лорана больше нет. Однако чувство безвозвратной утраты почему-то исчезло. И у нее, скорее, возникло ощущение, будто он просто отсутствует. Навсегда отойдя в мир иной.

Но кто для нее этот мужчина?

– Байрон? – прошептала она, неуверенно подняв руку. Но что видели в жизни ее пальцы? Музыка, которую они извлекали, была фальшивкой, пустым развлечением. Она, Изабелла, вложила все, что имела, в то, что оказалось глупой иллюзией. – Байрон?

Она нашла в темноте его ладонь, и он крепко сжал ее руку. Его кожа была шершавой и, несмотря на ночную прохладу, неожиданно теплой. Все поплыло у нее перед глазами. Она чувствовала только аромат примул во влажном ночном воздухе да едкий запах, исходящий от бойлера. Внезапно заскулила собака, и Изабелла, очнувшись, взгляделась в темноту. Она догадалась, что Байрон сейчас смотрит прямо на нее.

– Вам не надо здесь оставаться, – прошептала она. – Поднимайтесь наверх. Поднимайтесь и оставайтесь с нами.

Он осторожно вытер пальцем слезинку у нее на лице. Она наклонила голову, прижав его руку к своей щеке. Неуверенно шагнула ему навстречу, но внезапно услышала:

– Изабелла... Я не могу...

Изабеллу захлестнуло жгучей волной стыда. Она вспомнила руки Мэтта, шарившие по ее телу, свою неожиданную податливость и отшатнулась от Байрона.

– Нет, – пролепетала она. – Простите меня...

Она бросилась к двери, взлетела по лестнице, не чуя под собой ног, и выскочила во двор. Ее бегство было настолько стремительным, что она не услышала, как он, запинаясь, бормочет слова извинения.

Одиннадцать яиц, одно до сих пор теплое. Китти прижала его к лицу, стараясь не раздавить хрупкую скорлупу. Хватит на завтрак, а еще и останется полдюжины, чтобы отнести Кузенам. Асад собирался сегодня открыть магазин, и Китти уже приготовила для него четыре коробки с яйцами.

– Вам скоро будет нечем торговать, – сказала Китти, когда два дня назад сидела у его постели, отгороженной светлой занавеской в цветочек.

– Тогда мы откроемся для того, чтобы поболтать, а не продавать.

Выглядел он по-прежнему неважно. После приступа у него появились черные мешки под глазами, а угловатое лицо стало мертвенно-бледным. И, если верить Генри, Асад начал более-менее нормально есть только несколько дней назад.

Китти боялась, что Кузены не захотят с ней разговаривать, поскольку в тот ужасный день именно из-за нее заварилась вся эта каша. Но когда Китти извинилась – Энтони стоял рядом, – Асад сжал ее руку жесткими ладонями:

– Нет, это ты меня прости, Китти. Мне давным-давно следовало предупредить тебя о своих подозрениях. Я получил хороший урок. Полагаю, это даже неплохо, что я еще не настолько стар, чтобы не уметь учиться на собственных ошибках.

– Ну, я тоже умею учиться на собственных ошибках. Теперь, выходя из дома, я непременно беру с собой палку и ингалятор. – Генри поправил Асаду подушку. – Знаешь, ему теперь нельзя поднимать тяжести. Тот человек... Он до сих пор работает в вашем доме?

– Нет, он давно не появлялся.

– Лично я без понятия, где он и что с ним, – заметил Энтони. – Мама видела его на днях, но сказала, что он был не слишком-то разговорчив.

– Не представляю, как он теперь покажется людям на глаза. – Генри еще раз яростно взбил подушку. – Похоже, решил убраться от греха подальше. Немного везения – и твоей маме больше не придется ничего платить.

Асад покосился на Энтони:

– Мне страшно неприятно, что тебе приходится выслушивать столь нелестные отзывы о своем отце.

– Ну, вы не сказали ничего такого, чего я не слышал бы раньше.

Энтони небрежно пожал плечами, словно ему было наплевать, хотя Китти знала, что это не совсем так, и поэтому чуть позже, когда они уже сидели на пластиковых стульях для посетителей, девочка сочувственно стиснула его руку.

Тьерри вошел в дом через заднюю дверь и устался на коробки с яйцами:

– Сколько?

– Одиннадцать. Было двенадцать, но одно я уронила.

– Знаю. На лестнице. Пеппер его уже съел. Угадай, кто у нас в спальне?

– В какой?

– В хозяйской. Той, что отремонтировал Мэтт. – Тьерри ухмыльнулся. – Байрон.

– Что? Работает?

– Нет, спит, – покачал головой Тьерри.

– А почему он остановился у нас в доме?

– Ну, он только на время, – отмахнулся от сестры Тьерри. – Пока не разберется с делами.

Китти тут же прикинула, что к чему. Квартплата! Возможно, им удастся хоть чуть-чуть разжиться деньгами. Она подумала о ланче в честь своего дня рождения через пару дней,

на который пригласила Асада, Генри и вообще полдеревни. Правда, мама еще не знает о том, что придет так много гостей.

Да, лишняя пара рук им точно не помешает. Байрон может помочь таскать тяжести, например вынести мебель на улицу. Поскольку в столовой по-прежнему зияли дыры, а погода, по прогнозу, должна была быть хорошей, они с мамой решили организовать пикник на лужайке. Воображение рисовало Китти, как это будет: стол под трепещущей на ветру белой скатертью, уставленный разными вкусностями собственного приготовления, и гости, любующиеся видом на озеро. Более того, они могут искупаться, если, конечно, захотят. Она непременно скажет школьным друзьям, чтобы захватили с собой купальные костюмы. Китти сладко поежилась от предвкушения. Сейчас она была даже рада, что они живут в таком странном доме. Непонятно почему, но с приходом тепла царящий в доме кавардак – строительные леса и вечно грязные полы – раздражал уже не так сильно. Ей бы еще нормальную ванную, и она могла бы жить здесь вечно. И тут зазвонил мобильник.

– Китти?

– Да?

– Это Генри. Прости, дорогая, за ранний звонок. Ты, случайно, не знаешь, где я могу найти Байрона? У нас есть для него кое-какая работа, а мы не хотим спрашивать о нем Ты-Сама-Знаешь-Кого.

Китти услышала над головой незнакомые шаги.

– Как ни странно, но знаю, – ответила она.

Байрон лежал на мягкой двуспальной кровати, уставившись в белоснежный потолок над головой. А ведь он почти два месяца вставал под шипение и бульканье пробуждающегося к жизни бойлера, видя перед собой лишь грязный бетонный пол. Этим утром он проснулся словно в раю: сквозь отреставрированные окна в комнату лились потоки солнечного света, слышалось пение птиц, ноздри щекотал аромат кофе. Он прошлепал босиком по отшлифованному полу и в восхищении застыл у окна, из которого открывался вид на озеро.

Собаки лежали на ковре, явно не собираясь вставать. Байрон почесал Мег за ухом, в ответ она пару раз лениво махнула хвостом.

Изабелла провела его в эту комнату накануне ночью. Похоже, ей до сих пор было неловко после той случайной встречи в темноте.

– Комната уже отремонтирована, – сказала она. – Я постелю вам постель.

– Ну что вы, я сам. – Он взял у нее аккуратную стопку постельного белья и вздрогнул, коснувшись ее руки.

– Чувствуйте себя как дома, – улыбнулась Изабелла. – И не стесняйтесь, берите все, что нужно. Вы ведь знаете, где что лежит.

– Я вам заплачу. Как только найду работу.

– Да ладно вам. Сперва постарайтесь встать на ноги, а уж потом поговорим о деньгах. Поможете мне с провизией. Присмотрите за Тьерри, когда у меня уроки. Для начала этого вполне достаточно. – Она сухо улыбнулась и наконец отважилась поднять на него глаза. – И вообще, работы здесь непочатый край.

Значит, она полностью ему доверяет. Байрон сел на кровать, удивляясь своей удаче. Изабелла вполне могла обвинить его в нарушении границ частной собственности или хуже того. Любой другой на ее месте поступил бы именно так.

Но вместо этого она распахнула перед ним двери своего дома, пригласила за стол, доверила ему детей. Он почесал голову и снова лег. Затем, разглядывая ювелирную работу Мэтта, невольно задался вопросом, что же тогда произошло между Мэттом и Изабеллой, но сразу отогнал от себя

эту мысль. Изабелла освободила его от груза прошлых ошибок, а потому была вправе рассчитывать, что он сделает то же самое и для нее.

А кроме того, когда он представлял их вдвоем, у него сразу начинало ныть под ложечкой. При мысли о том, что Мэтт пользуется ею, как пользовался всеми остальными, в нем просыпалось нечто первобытное, что, как ему казалось, он давным-давно подавил. Господи, сколько зла должен причинить один человек, прежде чем его остановят?!

Однако созерцание идеально ровного потолка внезапно натолкнуло Байрона на мысль о том, что хозяйку Испанского дома и его, Байрона, разделяет самая настоящая пропасть. Да, Изабелла позволила ему остаться, но ведь только на время. Ночевать здесь еще не значит быть частью этого дома.

От мрачных мыслей Байрона отвлек стук в дверь. На пороге показалась улыбающаяся рожица Тьерри, который был явно рад видеть у себя в гостях своего нового друга.

– Мама приглашает вас на кухню завтракать. – Тьерри вытер нос рукавом и добавил: – А Китти просит вас позвонить Кузенам. У них есть для вас работа.

Он вообще ничегошеньки не заметил. Лора грациозно двигалась по спальне, сортируя вещи: те, что возьмет с собой, и те, что оставит здесь, попутно размышляя над неадекватным поведением мужа. Это ж надо, три дня отсутствовать, а по возвращении домой преспокойно завалиться спать! Вернулся он незадолго до рассвета, а поскольку Лора с сыном были в доме одни, она чутко реагировала на малейший шум. Возможно, он вернулся, потому что узнал. И Лора приготовилась к семейной ссоре. Но Мэтт поднялся наверх, прошел мимо двери ее спальни, и Лора через стенку услышала, как он тяжело рухнул на кровать. А буквально через пару минут Мэтт уже всюду храпел.

И он до сих пор спал. Хотя вот-вот наступит полдень.

Лора взяла костюм, который надевала в прошлом году на свадьбу. Дизайнерский костюм-двойка, с юбкой, выкроенной по косой. Респектабельно и не слишком вызывающе. Мэтт предпочитал, чтобы она одевалась именно в этом стиле. Она делала все так, как хочет Мэтт, думала Лора, прислушиваясь к шорохам в соседней комнате. Еда, одежда, образование Энтони, убранство дома. И спрашивается, ради кого? Ради мужчины, который исчезает на три дня, а вернувшись домой, заваливается спать как ни в чем не бывало. Ради мужчины, способного путаться с соседкой, прямо под носом у жены и не видеть в постоянных изменах ничего плохого.

Нет, теперь она в своем праве. Лора твердила это себе неустанно, а когда она теряла уверенность, это твердил за нее Николас. Николас, который всегда ждал ее звонка. Николас, который был счастлив слышать ее голос. Николас, который держал ее в объятиях и повторял ее имя так, словно он усталый путник, увидевший оазис в пустыне.

Николас никогда ей не изменит. Не такой он человек. Он демонстрировал свое выстраданное счастье, точно завоеванный тяжелым трудом знак отличия, и был безмерно благодарен ей за него. Так почему же ты повел себя по отношению ко мне как неблагодарная свинья? – мысленно обратилась она к храпевшему за стенкой Мэтту. Неужели тебе было мало меня одной?

Она вспоминала, сколько раз за годы совместной жизни поведение Мэтта вынуждало ее ночевать в гостевой комнате. Это был ее молчаливый протест против его постоянных отлучек, против его неоправданной жестокости, против его чудовищной неверности. Но он всегда добивался прощения, само собой. Для этого ему надо было просто-напросто лечь рядом, а потом заниматься с ней любовью до тех пор, пока она полностью не покорялась. Словно ничего такого и не было. Словно для него не имело значения, в чьей кровати лежать.

Она посмотрела в окно на Испанский дом, почувствовав вдруг прилив ненависти к нему

за то, что он с ними сотворил. Если бы вдова не въехала туда... Если бы Мэтт не положил на него глаз... Если бы Сэмюель Поттисворт не находил извращенного удовольствия в том, чтобы годами измываться над ней... Если бы она не уверовала в то, что жизнь в Испанском доме разом решит их проблемы...

Лора сунула костюм, который надевала на свадьбу, обратно в шкаф. Но ведь именно Испанский дом свел нас с Николасом, напомнила она себе. И вообще, дом не может отвечать за чужие ошибки. Люди сами кузнецы своего счастья.

Интересно, когда вернется Энтони? Ведь именно он предложил ей бросить Мэтта. И вот теперь ей предстоит опробовать его идею на практике.

Изабелла сидела за кухонным столом и смотрела, как Байрон с Тьерри готовят пирог с кроликом. Байрон резал лук и чистил фасоль, Тьерри опытной рукой разделявал мясо. За окном солнце золотило верхушки деревьев в саду, радио на буфете уютно бубнило о чем-то своем. Легкий ветерок шевелил белые муслиновые занавески, время от времени впуская внутрь муху или пчелу, которые, покружив, поспешно улетали прочь. Собаки Байрона с довольным видом лежали возле горячей плиты. Атмосфера на кухне была какой-то домашней и умиротворенной. Даже Китти смирилась с варварской разделкой кролика, тем более что в данный момент она занималась тестом для печенья к своему празднику.

Байрон вернулся полчаса назад от Кузенов, где по их просьбе врезал дополнительные замки. Он вошел на кухню, нагруженный двумя пакетами с продуктами.

– Честно говоря, я не собирался брать с них плату за работу, но они буквально заставили меня взять продукты, которые надо съесть поскорее, так как срок годности у них ограничен. – И он с довольным видом человека, принесшего славную добычу, поставил пакеты на буфет.

– Шоколадное печенье! – заглянув в пакет, воскликнул Тьерри.

– Оставлю его для гостей. И сырные палочки. Оливковое масло! Рис для ризотто! Картофельные чипсы!

А когда Изабелла проверила даты на банках с супом и пакетиках с элитным печеньем, то, к своему удивлению, обнаружила, что срок годности истекает еще очень не скоро. Однако она решила промолчать, если такой обмен устраивал как Байрона, так и Кузенов, не говоря уж о том, что лишние продукты ей точно не помешают.

– Ой... А как вам кажется, этого будет достаточно? Жаль, что у нас так мало денег. Мы могли бы приготовить лосося, или зажарить свиной окорок, или еще что-нибудь. – Китти неожиданно покраснела. – Хотя на самом деле у нас и так полно еды. Мы даже не надеялись, что будет столько всего.

Китти улыбнулась Изабелле, и та, тронутая деликатностью дочери, наградила ее ответной улыбкой, хотя в глубине души ей было обидно, что их финансовая ситуация не позволяет более пышно отпраздновать шестнадцатилетие дочери. Изабелла с любовью смотрела на то, как дочь раскатывает тесто, волосы Китти заправила за уши, а личико ее благодаря прогулкам на свежем воздухе стало как персик. Изабелла решила не рассказывать Китти о письмах, а Тьерри наверняка будет держать язык за зубами. Нет, Изабелла ни за что не станет омрачать воспоминания Китти о своем отце. Своего рода подарок на день рождения.

А на другом конце обшарпанного соснового стола Байрон, низко склонив темноволосую голову, внимательно слушал взволнованный рассказ Тьерри о последних достижениях Пеппера. Если верить Тьерри, то в лесу Пеппер демонстрировал качества настоящего суперпса: лазил по деревьям, бегал быстрее, чем зайцы, и мог учуять оленя уже за несколько миль. Байрон терпеливо выслушивал небылицы Тьерри и что-то одобритительно шептал в ответ.

От этого зрелища у Изабеллы даже на миг защемило сердце, ведь рядом с мальчиком

должен был быть не Байрон, а родной отец. Однако именно Байрон заставил Тьерри вылезти из своей раковины. Тьерри снова стал прежним веселым, живым, озорным ребенком. И Изабелла знала: всем этим она обязана Байрону.

Иногда Изабелла ловила себя на том, что слишком открыто глазеет на Байрона, и тогда она смущенно утыкалась в свой гроссбух. Байрон деликатно отклонил все ее выданные под влиянием минуты авансы. А через несколько недель он вообще их покинет. Она ненавидела себя за так некстати проснувшиеся плотские желания. Нет, пожалуй, для всех, особенно для детей, будет лучше, если она будет видеть в нем исключительно друга.

Ему позвонили сразу после ланча. Все обитатели дома расположились подальше от строительных лесов на лужайке, растянувшись на потрепанных шезлонгах, которые удалось откопать в одной из дворовых построек. А установленный на стремянке старый пляжный зонт худо-бедно защищал их от солнца. Тьерри, вытянувшись на траве, читал вслух детскую юмористическую книжку со страшилками, подсказывая своим слушателям, беспечно потягивающим бузинный напиток, в каких местах надо испуганно ахать. Байрон услышал через открытое окно, что звонит телефон, и исчез в доме.

– Изабелла? – Она подняла глаза и увидела склонившегося над ней Байрона. Вид у него был весьма довольный. – Мне предложили работу в Бранкастере. Очистить от сухостоя лес. Человек, у которого я работал пару лет назад, купил его и теперь хочет привести в порядок. И за хорошую плату.

– О... – разочарованно протянула Изабелла. – И как далеко от нас этот самый Бранкастер? – Заслонив глаза ладонью от солнца, она взгляделась в лицо Байрона.

– Пару часов езды. Но этот человек хочет, чтобы я там остался. На все про все уйдет дня два, самое большее три. Хотя там полно работы.

Изабелла выдавила слабую улыбку:

– А когда вы уезжаете?

– Прямо сейчас. Он меня ждет.

Изабелла видела: мысленно Байрон уже там. И у нее ни с того ни с сего вдруг возникли дурные предчувствия.

– А можно мне с вами? – Тьерри вскочил на ноги, уронив книжку.

– В другой раз, Ти.

– Тьерри, ты должен помочь нам подготовиться к празднику. Байрон, надеюсь, вы успеете вернуться? К ланчу в честь дня рождения Китти? – как бы между прочим поинтересовалась Изабелла.

– Постараюсь, но все будет зависеть от объема работы. Китти, я дам тебе список того, что ты можешь приготовить. Думаю, тебе вполне по силам сделать шербет из бузины. При наличии морозильной камеры это совсем нетрудно.

Байрон принялся записывать рецепт, и Изабелла невольно порадовалась за него. Ведь ему было отнюдь непросто довериться другим людям. Однако перспектива хорошо оплачиваемой работы, осознание своей нужности – все это сразу изменило его манеру поведения.

– Ну как, справитесь без меня? – Байрон отдал Китти листок бумаги и посмотрел на Изабеллу.

– О, полагаю, справимся.

– Кстати, я хотел вам сказать. Позвоните в муниципалитет. Попросите прислать вам инспектора по надзору за строительными нормами. Это их обязанность проверять работу строителей. Чтобы быть уверенной, что Мэтт ничего не нарушил.

Изабелла скорчила недовольную гримасу:

– Неужели я даже сейчас должна думать о доме? – (Ну почему все разговоры вечно переходят на дом?) – Смотрите, как красиво кругом...

– Так вам легче будет надавить на Мэтта, когда встанет вопрос о деньгах. Ладно, я сам им по дороге позвоню.

– Тогда я приготовлю вам сэндвичи. – Изабелла встала и разгладила шорты. – И чего-нибудь на вечер.

Байрон уже торопливо шагал к дому.

– Не стоит, – обернувшись, бросил он и на прощание помахал им рукой. – У меня кое-что есть. Желаю хорошего дня.

– Не понимаю, почему это тебя так удивляет.

Лорина улыбка сразу потухла. Ведь она так старательно выбрала момент, дождавшись, когда Мэтт уйдет из дома, а Энтони закончит ланч. Она приготовила сыну жареного цыпленка и картофельный салат, его любимые блюда, но сама есть не стала, поскольку ей сейчас кусок в горло не лез.

Она очень осторожно изложила суть дела, представив все не как свершившийся факт, а как представившуюся возможность. Счастливым случаем. Что-то, что улучшит жизнь им обоим. Она боялась открыто продемонстрировать свое счастье, а потому, чтобы скрыть краску смущения, когда прозвучало имя Николаса, принялась без особой нужды поправлять волосы.

Однако Энтони, похоже, подобная перспектива привела в ужас.

Когда затянувшееся молчание стало угнетать, Лора снова начала говорить, нервно переставляя на столе солонку и перечницу:

– Энтони, ты ведь сам не раз советовал мне бросить его. Причем весьма настоятельно. Ты разве забыл?

– Но я не говорил, что ты должна оставить его ради кого-то другого. – Она протянула к Энтони руку, но он отстранился. – Поверить не могу. Я просто... Ты осуждала папу за то, что он путается с кем попало, а сама все это время путалась с тем мужиком.

– Энтони, не смей произносить таких слов. Это... некрасиво.

– А то, что ты делаешь, очень красиво, да?

– Энтони, ты сам мне посоветовал. Именно ты посоветовал мне уйти от него.

– Но не к кому-то другому.

– Ну и что ты хочешь этим сказать?! И мне теперь что, до конца жизни куковать в одиночестве? – (Энтони только передернул плечами.) – Выходит, ему можно делать все, что вздумается, а когда мне раз в жизни выпадает шанс стать по-настоящему счастливой, завязать с кем-то прочные отношения, я у тебя сразу становлюсь плохой, да? – (Энтони упорно отводил глаза.) – Энтони, а ты знаешь, сколько лет я была одинокой? Пусть даже под одной крышей с твоим отцом. А ты знаешь, сколько раз он мне изменял? Сколько раз я ходила по деревне как оплеванная, понимая, что, возможно, сейчас я разговариваю с той, у которой еще постель после него не остыла?

Столь явная несправедливость возмущала Лору до глубины души, а потому она говорила такие вещи, которые, конечно, не следовало говорить. И все же почему вдруг она оказалась в роли единственной обвиняемой?

Энтони подтянул костлявые коленки к груди.

– Ну, я не знаю, – сказал он. – Это просто... у меня в голове не укладывается.

Из холла послышался бой настенных часов. Уставившись в стол, они сидели напротив друг друга и молчали. Обнаружив царапину, Лора провела рукой по столешнице. Надо же, раньше она ее как-то не замечала.

Наконец Лора снова протянула к сыну руку. На сей раз он не стал отодвигаться. Губы его были скорбно сжаты.

– Энтони, познакомься с ним, – взмолилась Лора. – Он хороший человек. Добрый человек. Дай нам шанс. Дай мне шанс. Пожалуйста.

– Так, значит, ты хочешь, чтобы я с ним познакомился, а потом жил бы с вами вместе в вашем новом доме, да?

– Ну... полагаю, можно и так сказать...

Энтони вскинул глаза, обратив на нее холодный взгляд, и впервые за все эти годы Лора увидела, как он похож на отца.

– Господи! – сказал Энтони. – Ты такая же дрянь, как и он.

Она почти сорок пять минут пыталась исполнить симфонию Брукнера, но теперь бессильно опустила руки. Сегодня, похоже, душа не лежала к музыке. Китти, получив срочный вызов от Энтони, отправилась в деревню, а Тьерри пошел со щенком в лес, откуда время от времени доносился его веселый голос. Байрон уехал больше часа назад.

Он провел в ее доме всего одну ночь. И Изабелла не понимала, почему она теперь в таких растрепанных чувствах.

Изабелла снова приладила скрипку под подбородком, предварительно протерев ее специальным увлажнителем, чтобы та не рассыхалась и не трескалась. «Романтическая». Именно так называлась Четвертая симфония Брукнера. Вторую часть сам композитор охарактеризовал как «пасторальную любовную сцену». Надо же, какая ирония судьбы! Ну давай же, скомандовала она себе. Сосредоточься!

Но ничего не получалось. Никакого романтического настроения. Возможно, все дело в новой скрипке, которую она так и не смогла заставить себя полюбить. А возможно, в отсутствии практики. Изабелла села за пустой кухонный стол и устала на лужайку.

Она потеряла счет времени, но неожиданно очнулась, услышав стук в дверь. И опрометью бросилась ее открывать. Наверное, он передумал.

Однако когда она открыла дверь, то увидела Мэтта с сумкой для инструментов в руках.

– Ой! – Она была не в силах скрыть разочарование.

Волосы его примялись с одной стороны, словно он долго спал на боку, но выглядел он уже более спокойно, не так изнуренно, как в их последнюю встречу, и вообще снова походил на прежнего Мэтта. Изабелле сделалось неловко за столь неадекватную реакцию.

– Ну так что, я могу продолжить? Штукатурные работы, плитуса в столовой и ванная комната, если я все правильно помню. – Он заглянул в измятый клочок бумаги.

Изабелла не хотела, чтобы он был здесь. Она не хотела чувствовать от него флюиды той ночи, которую они провели вместе. Что ж, если потребуется, придется расставить все точки над «і». Довольно, она сыта по горло.

Казалось, ее сомнения не ускользнули от внимания Мэтта.

– Так вы хотите, чтобы я наконец подсоединил трубы в ванной? Как просила Китти.

Да, подумала Изабелла, для Китти это будет лучшим подарком на день рождения. Возможность понежиться в нормальной ванне. А она купит дочери пену и масло для ванны.

– Значит, вы действительно собираетесь сегодня закончить ванную комнату?

– Могу закончить основные работы уже к полудню. Китти точно понравится.

– Только эти три вещи, и все, – неохотно согласилась Изабелла. – И на этом подведем черту. У меня уже приготовлены для вас деньги.

– Да ладно вам, поговорим о деньгах позже, – бросил он и, насвистывая на ходу, двинулся в сторону столовой. – Мне с двумя кусками сахара. Надеюсь, помните?

Теперь, когда он снова оказался здесь, можно было и расслабиться. Последние несколько дней, пока его здесь не было, он чувствовал себя как-то неуютно – испытывал странную ностальгию, что ли. И вот теперь, вернувшись в Испанский дом, где Изабелла снова заваривает ему чай, он неожиданно успокоился. Туман в голове рассеялся. Он поспал, поел, а теперь вот вернулся туда, где ему и надлежало быть.

Он прибил плинтуса в столовой, аккуратно подогнал каждый кусок, заделал щели наверху. Пожалуй, здесь подойдет светло-серый цвет, подумал он. А для стен – бледно-голубой. Комната смотрит на юг, и холодные цвета будут в самый раз.

Внизу Изабелла играла на скрипке, и он на время прервался, чтобы послушать. Он вспоминал ту ночь, Изабеллу, которая стояла, прижав скрипку к плечу, отрешенная от земной суеты. Он тогда подошел к ней, она подняла на него глаза, словно заранее знала, что он придет. И слова были им не нужны. Это было слияние душ. А затем и тел. Ее спутанные, разметавшиеся волосы. Ее длинные, изящные пальцы, которые впивались ему в спину.

На плите засвистел чайник, и музыка стихла. Прибив плинтуса, он слегка отступил назад, чтобы полюбоваться своей работой. Без плинтусов ни одна комната не имеет законченного вида. Для хозяйской спальни, учитывая высоту потолков и пропорции комнаты, он выбрал самые широкие, гнутые. Она не заметила, но в том не было ее вины. Она не разбирается в строительстве и архитектуре, хотя и он, со своей стороны, ни черта не смыслит в музыке. Разве что чисто инстинктивно понимает, как это красиво. Услышав какой-то шорох, он открыл дверь и, к своему разочарованию, обнаружил, что она оставила чай в коридоре. А он так надеялся, что она войдет, оценит его работу, возможно, поговорит с ним. Он бы тогда объяснил ей, как важно, чтобы ключевые элементы помещения перекликались между собой. Людям ведь и в голову не может прийти, что строитель способен разбираться в подобных вещах.

Но ей надо репетировать, напомнил он себе. Надо заниматься своей музыкой. Ладно, может, оно и к лучшему. Он сделал большой глоток горячего чая. И вообще, она его только отвлекает. Если он будет думать лишь о том, что она рядом, то так до скончания века не закончит работу. Хотя, честно говоря, если учесть, что в дальнейшем она каждый день будет рядом с ним, то вряд ли ему вообще захочется работать.

Изабелла была на кухне, стук молотка Мэтта доносился даже сюда. Похоже, он занимался именно тем, что и обещал сделать. И вид у него вроде вполне спокойный. Когда Китти увидит действующую ванну, то будет на седьмом небе от счастья. Тогда почему так тревожно на душе?

Наверное, потому, что она неделями нормально не репетировала, уговаривала она себя. Слишком длинные перерывы в занятиях музыкой причиняли ей почти физические страдания. Хотя для музыки нет ничего лучше, чем этот дом на отшибе, где под окнами не шумит транспорт, не переговариваются прохожие, не хлопают двери – словом, никто и ничто не возвращает тебя на грешную землю. Ладно, пора сосредоточиться на скерцо, и к тому времени, как она его отработает, Мэтт наконец-то закончит и навсегда уйдет из их жизни. Станет самым обычным соседом, которому она кивнет при встрече, а возможно, даже позвонит, если возникнет надобность в ремонтных работах. Но постарается держаться от него подальше.

Мэтт ненадолго покинул ванную, чтобы проверить штукатурку в комнате у Тьерри. Он потрогал рукой розовую поверхность на предмет пузырей. На ощупь штукатурка была холодной, как алебастр. Вокруг в беспорядке валялись одежда и игрушки, словно в комнате прошел торнадо. Детали от лего застряли в отверстиях пижамных штанов. Джинсы, носки, книжки рассованы по углам.

В детстве Энтони был точно таким же. Мэтт построил ему деревянный гараж с работающим лифтом и специальными столбиками для парковочных мест. Однако Энтони отказался с ним играть, предпочитая лепить из глины и пластилина – Лора называла их развивающими, – кусочки которых затем втапывались в бежевый ковер.

Мэтт взял постер, который снял, чтобы заделать дыру в стене, и положил на кровать. Затем поднял с пола защитную пленку и вышел на лестничную площадку вытрясти и сложить ее. Пока он возился с пленкой, взгляд его невольно упал на открытую дверь хозяйской спальни. Кровать была застелена.

Мэтт окинул взглядом белое белье. Она наконец-то въехала в комнату, которую он создавал для нее – для них. Почему она ему ничего не сказала? Ведь это знаменательное событие. Она была там, в его комнате.

А внизу музыка ее звучала уже гораздо лучше, практически без заминок и повторов, более плавно. До его ушей донесся длинный романтический отрывок, и Мэтт подумал, не является ли это неким посланием лично ему. Ведь, в конце концов, музыка была для нее способом выразить себя. Мэтт уронил пленку на пол и медленно, словно повинувшись звукам ее волшебной скрипки, вошел в спальню. Он сразу обратил внимание на солнечный свет, отражающийся от покрытого лаком пола, на молочную голубизну неба, виднеющегося через эркерные окна. От такой красоты просто дух захватывало, хотя он и не сомневался, что все будет именно так.

Но затем его глаза остановились на рабочих ботинках на полу у изножья кровати. Два огромных грязных ботинка в засохшей глине, причем земля на подошве явно говорила о том, что в них недавно выходили на улицу.

Мужские ботинки.

Ботинки Байрона.

Мэтт оторвал от них взгляд, поднял голову и увидел сумки в углу. Полотенце на батарее, которую он, Мэтт, недавно установил. Зубную щетку на подоконнике. У него внутри что-то сжалось, захлопнувшись намертво, оставив после себя пустоту, большую черную дыру там, где когда-то были чувства.

Байрон и Изабелла в хозяйской спальне. В его спальне.

В его кровати.

Мэтт помотал головой, словно пытаясь привести в порядок мысли. Затем застыл точно соляной столб. Громкие свистящие звуки, которые он слышал, были его собственным тяжелым дыханием. Он вышел из спальни, пересек лестничную площадку и стал медленно спускаться по лестнице. Туда, откуда доносилась музыка.

Конечно, имеется масса преимуществ исполнения с оркестром, размышляла Изабелла, дойдя до заключительных тактов финала. Она знала, что многие музыканты считают себя в некотором роде фабричными работниками, а группу струнных инструментов оркестра – чем-то типа музыкальной машины для производства колбасы, где играть надо в определенном порядке, согласно инструкции. Однако Изабелла любила их оркестровое братство, волнение, охватывающее при создании мощной стены звука; даже дружно настраивать инструменты перед выступлением было настолько волнующе, что становилось трудно дышать. Ну и нельзя, конечно, забывать о тех редких моментах вдохновения, когда оркестром управлял гениальный дирижер. Если она сможет снова выступать с оркестром, хотя бы пару раз в месяц, то сумеет достаточно быстро восстановить форму. Поскольку снова станет той, кем была до переезда в Испанский дом.

Она как раз натирала канифолью смычок, когда услышала нечто странное.

– Мэтт! – позвала она, решив, что он где-то рядом, но ответа не получила.

Изабелла снова прижала скрипку к подбородку и проверила струны, тщательно отрегулировав высоту нот. Эта скрипка, рассеянно подумала она, никогда не будет звучать так, как Гварнери. Возможно, прямо сейчас кто-то играет на ее Гварнери, наслаждаясь густым тембром струны соль малой октавы и мягким матовым тембром ля первой октавы. Ну и что я получила взамен? – усмехнулась она. Двенадцать квадратных метров замененной черепицы и новый септик.

Она уж собралась было продолжить репетировать, но неожиданно услышала непрерывно повторяющиеся глухие удары. Изабелла застыла, судорожно вспоминая, что именно просила сделать Мэтта. Значит, так, плитуса он прибил. Штукатурные работы, вообще-то, бесшумные. А в ванной, насколько ей известно, осталось только подсоединить трубы. Но удары все продолжались – бух, бух, бух, бух, – затем что-то треснуло, и с потолка посыпалась пыль от штукатурки. Изабелла метнулась к двери:

– Мэтт! – (Нет ответа. И снова бух, бух, бух. Зловещий звук.) – Мэтт!

Изабелла положила скрипку на кухонный стол и вышла в коридор. Мэтт был на втором этаже. Тогда она поднялась по лестнице. Теперь звук доносился абсолютно явственно: Мэтт бил чем-то тяжелым по чему-то твердому.

Она медленно подошла к хозяйской спальне и увидела Мэтта: вспотев от натуги, он долбил стену огромной кувалдой. В стене между спальней и незаконченной ванной зияла дыра примерно четыре на пять футов.

Изабелла потрясенно смотрела на его сосредоточенное лицо, на стальные мускулы, напрягавшиеся каждый раз, как он взмахивал кувалдой. На гигантскую дыру в стене.

– Что вы творите?! – возмутилась она.

Но он, похоже, ее не слышал. Кувалда в очередной раз обрушилась на стену, выбив еще несколько кирпичей. Куски штукатурки упали на белую постель.

– Мэтт?! – взвизгнула Изабелла. – Что вы творите?

Мэтт остановился. Лицо его было каменным. Глаза, две ярко-голубые льдинки, пронизывали ее насквозь.

– Никуда не годится, – произнес он так спокойно, что Изабелле стало не по себе. – Эта комната никуда не годится.

– Но это... это очень красивая комната, – запинаясь, пробормотала Изабелла. – Я не понимаю.

– Нет, – произнес он сквозь стиснутые зубы. – Ты все испортила. А теперь надо все снести.

– Мэтт, но вы же потратили...

– Мне просто не остается ничего другого.

Изабелла поняла, что старается вразумить человека, потерявшего разум. Она оказалась наедине с безумцем с кувалдой в руках. Она лихорадочно искала способ заставить его остановиться, пока он не разнес следующую комнату. Подсознательно она пыталась оценить степень угрозы. Держись, твердила она себе. Только не показывай ему, что ты боишься.

Она выглянула из окна и увидела Тьерри: мальчик шел по лужайке в сторону дома. У нее снова тревожно забилося сердце.

– Мэтт?! – в очередной раз позвала Изабелла. – Мэтт! Послушайте, вы правы, – сказала она, подняв дрожащие руки. – Вы совершенно правы. – (Он удивленно уставился на нее, словно не ожидал такого поворота событий.) – Мне надо все хорошенько обдумать.

– Тут все не так, – произнес он.

– Да-да. Совершенно справедливо, – согласилась Изабелла. – Я наделала ошибок. О, массу ошибок.

– Я просто хотел сделать комнату красивой. – Он посмотрел на потолок, и в выражении его

лица было нечто такое, что обнадежило Изабеллу.

Она украдкой посмотрела в окно. Тьерри исчез. Наверное, направляется к задней двери.

– Нам надо поговорить, – сказала Изабелла.

– Ведь я только этого и хотел. Поговорить с тобой.

– Знаю. Но не сейчас. Давайте успокоимся, все взвесим на свежую голову и завтра поговорим, быть может.

– Только ты и я? – Дыра за его спиной была похожа на рваную рану.

– Только вы и я. – Она положила руку ему на плечо, будто успокаивая его и одновременно удерживая на некотором расстоянии. – Но не сейчас, хорошо?

Он заглянул ей в глаза, словно желая узнать правду. У нее перехватило дыхание, но она выдержала его взгляд.

– Мэтт, я должна идти. Мне надо репетировать. Вы же знаете...

Он точно очнулся от гипнотического сна. Оторвал от нее глаза, почесал в затылке, кивнул.

– Ладно. – Казалось, он не замечает хаоса, который собственноручно устроил. – Ты репетируй, а позже поговорим. Ты ведь не забудешь, да?

Изабелла молча покачала головой.

Наконец он направился к двери, неохотно опустив руку, в которой держал кувалду.

Она четырнадцать раз набирала номер Байрона, но так и не решилась позвонить. Собственно, какое она имела право? Она никогда еще не видела Байрона таким счастливым: ведь его ждали приличные деньги, ужин со старым приятелем, честно заработанный ночлег. И вообще, что она могла ему сказать? Мне страшно? Я чувствую угрозу? Но для того чтобы объяснить все это Байрону, придется совершить небольшой экскурс в историю ее взаимоотношений с Мэттом. А ей совершенно не хотелось рассказывать Байрону о том, как низко она пала много недель назад. Изабелла помнила, как он сжал ее руку накануне вечером, словно желая сказать, что не хочет близких отношений. Она не имела права просить его о чем бы то ни было.

Несколько раз она порывалась позвонить Лоре, но не стала этого делать, поскольку не знала, что сказать. Как сообщить женщине, с чьим мужем она, Изабелла, в свое время переспала, что теперь он ее терроризирует и что у него, похоже, самый настоящий нервный срыв. Вряд ли ей стоит ждать от Лоры каких-либо проявлений сочувствия.

Ну а кроме того, возможно, Лора обо всем знает. Возможно, она выгнала Мэтта из дома, тем самым спровоцировав у него душевное расстройство. Возможно, Мэтт рассказал жене об измене. Но что происходит сейчас вне стен этого дома ей, Изабелле, знать не дано.

Изабелла попыталась представить, что Байрон по-прежнему живет в бойлерной. Возвращайся, мысленно попросила она. А затем неожиданно для себя произнесла вслух:

– Возвращайся домой.

В тот вечер Изабелла не позволила детям задерживаться в саду до темна. Китти она заманила в дом под предлогом приготовления еще одной порции печенья, а Тьерри попросила почитать вслух. Она вдруг сделалась необычно заботливой и веселой. А свои тревожения по поводу того, крепко ли заперты двери и окна, объяснила тем, что Мэтт оставил наверху дорогие инструменты, за которыми следовало присмотреть.

Наконец, когда дети неохотно улеглись спать, Изабелла, выждав примерно час, достала из пустой коробки для украшений маленький латунный ключ и сунула в карман. Байрон спрятал его на чердаке, подальше от любопытных детских глаз. И вот теперь она поднялась наверх и, пытая от натуги, поскольку футляр был сделан из дерева, спустила его по шаткой лестнице вниз и отнесла в спальню.

Стараясь не смотреть на дыру в стене, которая ночью выглядела еще более зловеще, Изабелла открыла футляр, достала ружье и зарядила его. Охотничье ружье Поттисворта, которое Байрон обнаружил тогда на старом буфете.

Она проверила предохранитель и прицел. Обошла все комнаты, в сотый раз удостоверившись, что замки крепко-накрепко заперты, и выпустила Пеппера из кухни, где он обычно спал, сторожить дом.

Затем достала телефон – посмотреть, не звонил ли Байрон. Когда же совсем стемнело, а птицы за окном наконец утомнились, Изабелла села на верхнюю ступеньку, откуда просматривалась входная дверь, положив ружье на колени.

Изабелла слушала и ждала.

Проснулась она оттого, что услышала, как кто-то беспечно и громко насвистывает. Она открыла глаза и замерла. Часы показывали без четверти семь. Мэтт был в ванной, откуда доносилось журчание бегущей воды. Похоже, Мэтт брился. Лора вспомнила, что не купила ему новые лезвия. Мэтт терпеть не мог пользоваться затупившимися.

Она с трудом заставила себя сесть, гадая, как долго он находился в ванной, пока она спала. И заметил ли два упакованных чемодана. Хотя если бы заметил, то вряд ли стал бы так беззаботно свистеть.

Лора выскользнула из кровати, прошлепала по спальне и остановилась на пороге ванной, рассматривая обнаженного по пояс Мэтта. Зрелище, от которого она уже успела отвыкнуть.

– Привет, – поймав ее отражение в зеркале, сказал Мэтт, причем настолько небрежно и буднично, будто здоровался с соседкой.

Она натянула халат и прислонилась к дверному косяку. Она уже несколько недель не находилась в такой близости от Мэтта. Его тело казалось ей до боли знакомым и одновременно совершенно чужим, словно она подглядывала за незнакомцем.

Лора убрала упавшую на лоб прядь волос. Мысленно она уже тысячу раз репетировала предстоящий разговор.

– Мэтт, нам надо поговорить.

Однако Мэтт даже не повернул головы.

– Некогда. Важная встреча, – небрежно обронил он и принялся рассматривать щетину на подбородке.

– Боюсь, это важнее, – не повышая голоса, произнесла Лора. – Мне нужно тебе кое-что сказать.

– Не сейчас. – Он бросил взгляд на часы. – Я убегаю через двадцать минут. Самое позднее.

– Мэтт, мы...

Он повернулся к ней, укоризненно покачав головой:

– Лора, ну почему ты никогда меня не слушаешь? Ты никогда не слушаешь, что я тебе говорю. Все, проехали. У меня еще куча дел.

Было нечто странное в его тоне, слишком уж размеренно звучал его голос. Хотя одному только Господу Богу известно, что сейчас происходило в голове у Мэтта. И Лора предпочла обойтись без комментариев.

– Ладно. А когда ты вернешься домой? – с тяжелым вздохом поинтересовалась она.

Мэтт только передернул плечами, продолжая скрести бритвой по подбородку.

Значит, вот так все и закончится? – спросила она себя. Без лишних слов? Без ссор? И без скандала? И при этом она, Лора, стоит и смотрит, как муж бреется ради кого-то другого, и тем не менее пытается сделать все по-человечески. И неужели это она, Лора, со своими манерами воспитанной женщины и дурацким соблюдением правил хорошего тона, пытается сейчас вежливо заставить признать мужа, что их брак себя исчерпал?

– Мэтт, нам пора наконец-то принять решение. Относительно того, что происходит. С нами, – с трудом выдавила Лора, словно у нее внезапно распухло горло. – (Он не ответил.) – Мы сможем поговорить сегодня вечером? Ты собираешься вернуться домой?

– Наверное, нет.

– Тогда хотя бы скажи, где тебя можно найти. Должно быть, в Испанском доме? – Лоре не удалось скрыть страдальческих ноток в голосе.

Он протиснулся мимо нее и пошел по коридору, словно она, Лора, пустое место. Лора

прислушалась к его веселому свисту и закрыла глаза. А когда открыла их, то увидела, что мягкое белое полотенце, небрежно брошенное Мэттом на держатель, сплошь в пятнах крови.

– Салфетки. Тебе нужны салфетки. Если, конечно, у вас нет тех, что из камчатого полотна.

– А зачем, если мы собираемся накрыть стол на лужайке?

Генри включил левый поворотник и свернул на соседнюю проселочную дорогу. Китти сидела на заднем сиденье и записывала очередной пункт в своем безразмерном списке. Прежде она еще никогда не устраивала вечеринок. А потому даже не представляла, какую уйму организационной работы предстоит проделать.

– Когда-то у нас были правильные салфетки, но они куда-то подевались при переезде, – сказала она.

– Так же как и мои роликовые коньки, – добавил сидевший возле сестры Тьерри. – Мы их тоже не нашли.

– Полагаю, ваши салфетки найдутся. Годика через два. Как только вы обзаведетесь новыми. И лежать они будут в картонной коробке в дальнем углу, – философски заметил Генри.

– Но я не хочу ждать своих роликов целых два года. – Тьерри вытянул ногу, уперев ее в спинку водительского сиденья. – Они мне точно станут малы. Интересно, а нас накормят завтраком, когда мы приедем?

Китти решила взять Тьерри с собой, когда утром обнаружила мать спящей на диване в той же одежде, что была на ней накануне. Должно быть, репетировала всю ночь напролет. Причем не в первый раз. Но если оставить дома Тьерри с Пеппером, здраво рассудила Китти, мама проснется через пять минут, а потом будет весь день ходить как сонная муха.

– Кола. Молодежь любит колу. Ее выгоднее покупать в мелкооптовых магазинах, – задумчиво произнес Генри. – И фруктовый сок. Его можно смешать с газированной водой.

– Не уверена, что у меня хватит денег на фруктовый сок. Лучше сделаю побольше бузинного напитка.

Асад подпевал в такт музыке из стереосистемы, ритмично постукивая рукой по приборной доске.

– Кубики льда, – сказал он. – Большой пакет. Ведь у вас по-прежнему нет холодильника, поэтому можете одолжить наш переносной, чтобы лед не растаял.

– А кто их понесет? – поинтересовался Генри. – Они весят целую тонну.

– Мы сами и понесем, – заявил Тьерри. – За шесть недель я вырос на целых полтора дюйма. Мама делает отметки на двери.

– Ты должна определить свой бюджет, – посоветовал Генри. – Вот увидишь, только начни – и оставишь здесь кучу денег, а тебе ведь еще надо накормить чуть ли не целый полк. Сколько у тебя наличности?

– Восемьдесят два фунта, – ответила Китти.

Вообще-то, у нее было всего шестьдесят два фунта, но сегодня утром она получила от своей французской бабушки чек в подарок на день рождения.

– Барбекю, – задумчиво протянул Генри. – Что скажешь, Асад?

– Слишком дорого. Придется обойтись хот-догами. Ну а еще много-много чудесных салатов с рисом и пастой для вегетарианцев. Могу приготовить. А твоя мама по-прежнему консервирует ягоды для пудинга?

Это будет лучшая вечеринка на свете, думала Китти. И придут почти все ребята из класса. Когда она рассказала им про озеро, они чуть с ума не сошли от радости. Один из друзей Энтони обещал принести надувную лодку, а у Энтони есть надувной матрас.

– У нас в кладовке вроде бы завалялась материя для праздничных декораций, – сказал

Генри. – Можно сделать драпировки, чтобы замаскировать строительные леса.

– Мы так давно не расчищали завалы в кладовке, что там, возможно, написано: «С серебряным юбилеем», – заметил Асад.

– И конечно, чайные свечи, – добавил Генри. – Осветим ими путь к озеру, когда стемнеет. Можно поставить их в пустые банки из-под джема. За пару фунтов можно купить сотню свечей.

Поездка за покупками затянулась, но Китти, сидевшая в машине вместе со своими новыми друзьями, неожиданно поняла, что навсегда избавилась от тоски по дому. Если бы еще шесть месяцев назад ей хоть кто-нибудь сказал, что она застрянет в этой дыре, а самым большим развлечением для нее будет посещение мелкооптового магазина с двумя престарелыми геями, Китти, наверное, проплакала бы целую неделю. А теперь, думала она, ей, пожалуй, не хочется возвращаться в Лондон. Она по-прежнему тосковала по папе. Не было ни дня, чтобы при мысли о нем комок не вставал у нее в горле, но, быть может, мама была права. Быть может, оно даже к лучшему начать все с чистого листа именно здесь, где ничего не напоминало о папе.

– А еще фруктовое пюре со взбитыми сливками. Клубничное или крыжовниковое.

– Как правильно готовить крыжовниковое пюре? – спросил Асад.

– Проще простого. Надо положить ягоды в машину между двумя старыми педиками, дурак, – расхохотался Генри, на что дети только удивленно переглянулись.

– Но что конкретно он сказал? – Николас прижал телефон к уху плечом. – Погоди. Сейчас сверну на обочину. – Не обращая внимания на возмущенные гудки, он сделал извиняющийся жест в адрес водителя, которого невольно подрезал.

– Откуда такой шум? Ты где?

По словам Лоры, она была в данный момент в саду. Он представил, как она стоит, зажав рукой свободное ухо, а легкий ветерок игриво треплет ей волосы.

– Я на шоссе, на двенадцатом перекрестке.

– Мэтт здесь, – прошептала Лора.

– Я еду не для того, чтобы тебя повидать, – посмотрев в зеркало заднего вида, произнес он. Господи, до чего же плотное движение! – Как бы мне этого ни хотелось.

– Ты что, собираешься с ней сегодня поговорить?

Николас притормозил, пропустив перестраивающуюся в другой ряд машину, затем съехал на обочину, оставив мотор включенным.

– Лора, я не могу больше ждать. Деньги уже получены... Лора?

– Да?

Ее затянувшееся молчание нервировало Николаса.

– Ты в порядке?

– Полагаю, что да. Просто все... как-то странно. Странное чувство. Наконец-то все и свершится.

Мимо проехал грузовик, и машину Николаса здорово потрянуло.

– Послушай, перемены всегда...

– Знаю.

– Лора, я понимаю. Я сам через это прошел. – (Она не ответила.) – Выходит, ты до сих пор хочешь этот дом. Да?

– Не совсем так...

– Ладно, тогда я откажусь от проекта застройки на месте Испанского дома.

– Что?

Слова вылетели изо рта Николаса раньше, чем он успел подумать. И тем не менее он повторил:

– Я откажусь от проекта. Если ты действительно хочешь этот дом.

– Но это же такой крупный проект. И разве тогда ты сможешь двигаться дальше? Ты же сам говорил...

– Я справлюсь.

– Но твои планы. Твои инвесторы...

– Лора! Послушай меня! – Теперь он уже орал в трубку, пытаясь перекрыть шум от проезжающих мимо машин. – Если ты действительно хочешь Испанский дом, я сделаю все, чтобы ты его получила. Мы по-прежнему можем превратить его в дом нашей мечты.

Она молчала, но теперь ее молчание было совсем иного рода.

– Так ты сделаешь это ради меня?

– И ты еще спрашиваешь?!

– О, Николас. – Ее голос был преисполнен благодарности, хотя Николас не совсем понимал, за что именно она его благодарит. Они немного помолчали, а затем Лора продолжила: – Знаешь, а ведь он может быть там. Ты ведь ему ничего не скажешь, да?

– О нас с тобой?

– Мне кажется, я должна сама сказать.

– Словом, ты намекаешь на то, что я не имею права сказать: «Мистер Маккарти, я сплю с вашей женой. И между прочим, попка у нее совсем как спелый персик», да?

Лора не выдержала и рассмеялась:

– Ну пожалуйста. Позволь мне самой ему сообщить. Чуть позже.

– Лора, твой муж – набитый дурак, и я был бы счастлив заявить ему это прямо в лицо. Но тебе решать. Послушай, мне пора ехать дальше. Я позвоню тебе после того, как переговорю с миссис Деланси. – Он выключил телефон и остался сидеть в машине, мимо которой проносился поток транспорта, уповая на то, что Лора не заставит его сделать выбор и сдержать обещание.

Мэтт достал из внутреннего кармана маленькую кожаную коробочку, открыл ее, и кольцо с рубином в россыпи мелкого жемчуга засверкало на солнце. Ее вещи невозможно ни с чем спутать. «Красивое кольцо, – сказал ювелир. – Викторианское. Очень необычное». В ювелирной лавке кольцо это сияло ярче других. Впрочем, так же как и его хозяйка.

Мэтт подозревал, что за кольцо с него взяли вдвое больше, чем получила на руки Изабелла, но ему было наплевать. Ему не терпелось увидеть ее лицо, когда она откроет коробочку. Увидеть ее благодарность, когда она поймет, что он для нее сделал.

И вообще, не в деньгах счастье. Они с Лорой годами копили деньги в банке. Ну и сильно им это помогло? Ему так и не удалось поведать Изабелле о своих чувствах. И кольцо докажет ей, что он понимает, чего она действительно хочет и чего именно лишилась. Мэтту грело душу, что никто, кроме него, не знал о кольце. Рубин – цвет страсти, желания, секса. Это кольцо для него – словно частичка ее, Изабеллы.

Он уже собрался было свернуть на подъездную дорожку, но неожиданно увидел, как возле дома остановился незнакомый автомобиль и из него вылез какой-то мужчина в костюме.

Незнакомый мужчина принялся внимательно рассматривать дом. Должно быть, старый друг. Или должностное лицо. И чувство сладостного предвкушения тотчас же испарилось. Ведь Мэтту надо было очень тщательно выбрать момент и, между прочим, убедиться, что детей нет рядом. Все сработает лишь в том случае, если они с Изабеллой останутся наедине.

Он положил кольцо обратно в карман. Терпения ему было не занимать. У него вся жизнь впереди.

– Да?

Николас на секунду даже растерялся. Он не меньше десяти минут стучал в дверь, а затем, решив, что хозяева отсутствуют, немного отступил назад, чтобы получше рассмотреть дом, уже столько времени занимавший его воображение.

По всему фасаду от верхнего окна змеилась здоровая трещина – результат вспучивания почвы, обусловленного тем, что с одной стороны дом граничит с озером, а с другой – с лесом. Новое окно было установлено кое-как, между кирпичами и деревом зияла незаделанная щель. Над стеклом беспомощно развевался кусок бледно-голубого пластика. Крыша не закончена, пластиковые водосточные трубы не прикреплены, стены в строительных лесах, в чем Николас не видел особой нужды.

Он сделал еще шаг назад. На лужайке стояла разномастная обшарпанная садовая мебель, но даже она не портила вида, поскольку озеро все скрашивало. Прекрасное тихое место с удивительной аурой. Николасу практически не доводилось встречать такое. Здесь царила та самая непередаваемая атмосфера покоя, которую можно найти на берегу уединенного шотландского озера или в заповедной глуши. Однако, если верить Майку Тодду, транспортное сообщение в этой части Норфолка было вполне приличным. *Работать в Лондоне, а жить в деревне.* Николас сразу представил себе глянцевую брошюру. Возможно, они с Лорой поселятся в одном из построенных здесь домов – слишком уж соблазнительно выглядело это живописное место.

А затем он увидел ее: растрепанную женщину в мятой льняной блузке. Женщина удивленно прищурилась и спросила:

– Да?

От неожиданности Николас растерял все слова. Он так долго готовился к встрече с хозяйкой дома, что ее внезапное появление сбilo его с толку. Ведь именно она причинила Лоре столько страданий.

– Извините за беспокойство, – произнес Николас, протягивая ей руку, которую она неохотно пожала. – Наверное, стоило сперва позвонить. Я насчет дома.

– Боже мой! Как быстро. А который сейчас час?

Николас посмотрел на часы:

– Без четверти десять.

Она явно удивилась.

– Надо же, а я и не заметила, как задремала... – сказала она, обращаясь скорее к себе, чем к Николасу. – Послушайте, мне необходимо срочно выпить кофе. Не составите компанию?

Николас проследовал за ней в дом, и она, шагая чуть-чуть впереди, привела его на кухню. Он изо всех сил попытался скрыть свою инстинктивную неприязнь. Правда, он и сам толком не знал, кого ожидал увидеть. Наверное, кого-то менее безалаберного и более предсказуемого.

– Сюда, пожалуйста, – пробормотала она. – Присаживайтесь. Простите за дурацкий вопрос, но вы, случайно, не видели где-нибудь поблизости детей?

Кухня безнадежно устарела. К ней, похоже, десятилетиями вообще не притрагивались. От внимания Николаса не ускользнули ни лопнувший линолеум, ни поблекшая краска. Странные фотографии на стенах, сухие цветы и кусок разрисованной глины, на взгляд Николаса, были просто жалкой попыткой навести домашний уют там, где по определению нельзя жить. За окнами, в тени карнизов, были вывешены похожие на разноцветные слезинки оранжевые сетки с овощами и фруктами.

Хозяйка налила воды в чайник и поставила его на плиту, затем порылась в кладовке, достала коробку молока, понюхала, не скисло ли оно.

– У нас нет холодильника, – объяснила она.

– Я буду черный. Спасибо, – сухо произнес Николас.

– Что ж, вполне разумно, – согласилась хозяйка, убирая коробку с молоком на полку. Она налила ему кофе и, заметив, что он неприятно удивлен окружающей обстановкой, сказала: – Кухня – единственная комната, где не было ремонтных работ. Полагаю, она не изменилась со времен моего двоюродного дедушки. Может быть, хотите осмотреться?

– А вы не возражаете?

– Полагаю, вам надо увидеть все своими глазами.

Интересно, кто предупредил ее о визите? Николас опасался, что она займет оборонительную позицию, возможно, проявит подозрительность, но его появление, казалось, ее нисколько не удивило.

Она взяла со стола какую-то небрежно исписанную бумажку и принялась сосредоточенно изучать содержание. Затем, выглянув в окно, посмотрела на озеро.

– Можете начинать, – отхлебнув кофе, сказала она. – Я вас догоню буквально через минуту. Мне надо собраться с мыслями. – Она сконфуженно улыбнулась и махнула рукой в сторону ступенек. – Все нормально. Вам никто не мешает.

Повторного приглашения Николасу, естественно, не потребовалось. Он взял свою кружку и отправился осматривать дом, от которого зависело его будущее.

Она появилась лишь спустя двадцать минут, успев переодеться в чистую футболку, свободную юбку и стянуть на затылке волосы.

Николас оторвался от своих записей. Через выходящую на лестничную площадку открытую дверь он увидел большую комнату. Не иначе как хозяйская спальня.

– Вы что, собираетесь соединить две комнаты? – поинтересовался он, заметив на кровати куски штукатурки.

– Ах, это... – вздохнула она. – Долгая история. Но нет. Мы не собираемся соединять комнаты.

– Вам нужно поскорее заделать дыру или попросить кого-нибудь закрыть ее стандартным двутавровым профилем. Ведь это несущая стена, ее нельзя трогать. – Он внимательно осмотрел трещину в углу, а когда повернулся к хозяйке, то обнаружил, что та снова смотрит в окно. – Миссис Деланси?

– Да? Простите ради бога. Я сегодня... почти не спала. Быть может, поговорим о делах позже.

– Тогда, если не возражаете, давайте выйдем во двор. Все, что мне надо было, я здесь уже увидел.

Он действительно увидел достаточно, чтобы разложить все по полочкам. Лорин муж был халтурщиком и пройдохой. Ремонтные работы представляли собой причудливую смесь высококачественной отделки и откровенного брака, словно к ремонту приложили руку не один, а двое мастеров, причем с диаметрально противоположными взглядами на конечный результат. Но вот одно Николас мог сказать наверняка: восстановить этот дом будет непосильной задачей, о чем Лора пока не догадывается. Когда Николас был тут в последний раз, дом выглядел обветшавшим, но не требовавшим слишком масштабных работ. Но то, что он увидел сегодня, лишь укрепило его решимость снести здесь все, к чертовой матери, и на этом месте возвести новое жилье. Но как объяснить Лоре?

Николас спустился вслед за хозяйкой по лестнице и вышел на солнцепек. Солнце немилосердно жгло спину, и Николас сразу же пожалел, что надел пиджак. Лениво отмахиваясь от мух, он подошел к строительным лесам.

– На этой трубе будет установлен оголовок, – сказала Изабелла. – Да, насколько я помню,

кажется, на этой. А вот здесь проложена новая дренажная труба... Да, вроде бы тут... – Она перечислила еще ряд работ, явно не поддающихся количественному определению.

И Николасу внезапно стало ее жалко. Дом рушится буквально у нее на глазах, а она, бедняжка, и понятия не имеет, что происходит.

– Ну, что скажете? – спросила она, возможно заметив, как он помрачнел.

– Миссис Деланси. Я... – начал Николас и замолчал, не в силах подобрать нужные слова.

Они молча созерцали трещины в кирпичной кладке, горы бутового камня и мешки с цементом.

– Вы считаете, что все так ужасно, да? – осторожно поинтересовалась она и даже не стала ждать ответа. – Господи, я и сама понимаю, что здесь самый настоящий бедлам. Ведь когда живешь среди всей этой разрухи, постепенно перестаешь ее замечать.

Она выглядела совершенно раздавленной, и Николас с трудом поборол желание ее утешить. Теперь он понял, что именно привлекло к ней мужа Лоры. Она была женщиной-девочкой, настолько хрупкой и беспомощной, что хотелось ее защитить. Любой мужчина рядом с ней невольно становился рыцарем в сияющих доспехах.

– Итак, что же мне теперь делать? – Она попыталась изобразить храбрую улыбку.

– Полагаю, – сказал Николас, – для начала следует определить все, что, по моему мнению, сделано неправильно. Если вы действительно этого хотите.

– Да, – решительно кивнула она. – Я должна знать.

– Ладно. Тогда начнем с крыши...

Мэтт внимательно следил через ветровое стекло за Изабеллой и незнакомым мужчиной. Мужчина показал Изабелле свой блокнот, а затем ткнул пальцем туда, где черепица на коньке крыши примыкала к дымовой трубе. Поначалу Мэтт было решил, что загадочный гость – музыкант, хотя, возможно, и учитель, поскольку в их краях мужчины обычно не носят костюмов, но неожиданно понял: они обсуждают его, Мэтта, дом и его, Мэтта, работу. И, судя по тому, как мужчина в костюме укоризненно покачивает головой, а Изабелла все больше мрачнеет, отзывы были не слишком лестными.

Переложив коробочку с кольцом в другой карман, Мэтт вышел из машины. Осторожно захлопнул дверь и подошел поближе, стараясь не высовываться из-за деревьев. Нет, человек этот явно не из муниципалитета. Мэтт знал практически всех из отдела надзора за строительными нормами. Однако этого обходительного мужчину с явным налетом учености, похожего на профессора, он видел впервые.

– Что касается самой конструкции, то здесь она явно ослаблена, – показав на стену, произнес мужчина. – Лето не было чересчур засушливым, а зима – влажной, но поскольку трещина выглядит достаточно свежей, полагаю, она возникла в результате строительных работ.

– Строительных работ? – потрясенно переспросила Изабелла.

– Боюсь, это так. А внутри много пришлось снести? Стена выглядит так, будто по ней прошлись отбойным молотком.

Она невесело рассмеялась:

– Ну, вы сами видели. Внутри было столько разной работы, что я просто не могла за всем уследить.

Сердце у Мэтта стучало, словно отбойный молоток. Чего, черт возьми, добивается этот мужик?

– Насчет дренажа и канализации я ничего сказать не могу, но ванная комната явно не закончена. Кухня нуждается в полной модернизации. Но это все косметические работы. Единственная комната, ремонт которой более-менее удовлетворяет современным стандартам, –

хозяйская спальня, но там имеются повреждения в несущей стене... Кроме того, в восточной части дома я обнаружил следы сырости и, вероятно, сухой гнили. Я взял на себя смелость поднять кусок плитуса, и, боюсь, здесь потребуются более тщательный осмотр. А деревянные части лестницы, возможно, поражены точильщиком. Система горячего водоснабжения готова лишь на пятьдесят процентов, причем в некоторых местах разводка сделана совершенно непостижимым образом.

– Так вы считаете, во всем виноват наш строитель, да?

Мужчина в костюме, похоже, тщательно обдумывал ответ. Сунув блокнот под мышку, он наконец сказал:

– Нет. Полагаю, дом изначально был в ужасном состоянии. Однако он по-прежнему находится в ужасном состоянии, а ваш строитель умышленно или неумышленно только усугубил ситуацию.

У Изабеллы округлились глаза.

– Умышленно? – повторила она.

И тут терпение Мэтта лопнуло. Он выскочил из-за деревьев и быстрым шагом направился к незнакомому мужчине.

– Какого хрена ты ей тут вкручиваешь?! И кто ты такой, черт тебя подери?! – заорал он. – Что ты ей тут наплел?

Изабелла дотронулась до его руки:

– Мэтт, пожалуйста.

Она выразительно посмотрела на своего гостя, но тот ничего не заметил. Он оценивающе, несколько свысока, посмотрел на Мэтта:

– Вы Мэтт Маккарти?

– А ты что за хрен с горы?

Мужчина не ответил, только смерил Мэтта презрительным взглядом, отчего тот вызверился еще больше.

– По какому праву ты тут торчишь и плетешь Изабелле всякие небылицы? А? Я все слышал! Это все чертовы враки! Ты ни хрена не знаешь об этом доме и о моей работе! Ни хрена!

Однако мужчина оказался явно не из робкого десятка. Он посмотрел на Мэтта с нескрываемым презрением:

– Я открыл миссис Деланси глаза на плачевное состояние ее дома после ремонтных работ. И вообще, мистер Маккарти, я уже был наслышан о том, что вы здесь наворотили, еще до того, как увидел все своими глазами.

– Были наслышаны о том, что он здесь наворотил? – эхом отозвалась Изабелла. – Что вы имеете в виду?

У Мэтта потемнело в глазах. Эти слова подействовали на него, как красная тряпка на быка. И он занес кулак, чтобы врезать как следует этому надутому субъекту в костюме.

– Думаешь, ты самый умный, а? Думаешь, ты все знаешь об этом доме?!

Изабелла умоляла Мэтта успокоиться, пыталась его оттащить, но Мэтт уже окончательно слетел с катушек.

Лора срезала в саду увядшие розы с кустов, когда неожиданно услышала голос Мэтта. Это был яростный вопль – пронзительный, безобразный. Затем до ее ушей донесся голос другого мужчины, чуть более спокойный. И крик женщины, пронизанный страхом. У Лоры все похолодело внутри. Значит, Николас ему сказал.

– Мама? – В окне появилось заспанное лицо Энтони. – Что происходит?

Лора бросила на сына беспомощный взгляд. Она уронила секатор и, свистнув собаке,

ринулась в сторону Испанского дома. Энтони поспешил за ней.

Эта самая Деланси стояла между ними, умоляюще сложив руки, словно в ожидании очередного удара. Николас прижимал к носу платок. По его лицу струилась кровь, оставляя красные пятна на бледно-голубой рубашке. А Мэтт, с искаженным от ярости лицом, выкрикивал нечто нечленораздельное. И на фоне пасторального пейзажа вся эта сцена смотрелась еще более ужасающе. Боже мой, подумала Лора, что же я наделала?!

– Тебя сюда никто не звал! – вопил Мэтт. – Убирайся, а не то я тебя урою!

– Мэтт?

Он попятился и, обернувшись, увидел рядом Лору.

– Прости меня, ради бога, – сказала она. – Я не хотела, чтобы все так получилось.

Она не узнавала своего мужа. Еще не далее как утром Мэтт был холодным и отчужденным, а сейчас перед ней стоял человек с диким взором, буквально излучавший злобу.

– Какого черта ты лезешь! И что за ерунду ты несешь? – взвился Мэтт.

– Лора, не надо... – начал Николас.

Но его перебила Изабелла Деланси.

– Это правда? То, что он сказал? – обратилась она к Мэтту. – Что вы хотели завладеть моим домом? И целенаправленно разрушали его?

И Лора, наверное, впервые в жизни увидела своего мужа таким растерянным.

– Нет, – запротестовал он. – Нет... Все совершенно не так. Я только хотел сделать дом красивым.

– Ха! Да вы его просто разломали! – не выдержал Николас. – Превратили в грудку строительного хлама.

– Я его восстанавливал.

– Замечательно. Только теперь дом вообще восстановлению не подлежит! Уму непостижимо, как он до сих пор не развалился!

– Все это время?! – Голос Изабеллы звенел от волнения. – Эти ваши шуточки, ваши советы, ваше участие, ваши пакеты с круассанами... И все это время вы просто хотели нас выжить отсюда?

Мэтт побелел как мел.

– Нет, Изабелла. – Он шагнул к ней, и Лора вздрогнула, будто ее ударили. – Нет... Все было по-другому. По крайней мере, потом. – Он принялся озираться по сторонам, словно в поисках доказательств. – Хозяйскую спальню я ремонтировал не ради денег. Посмотри, как прекрасна эта комната! Я вложил в нее частичку своей души!

– Да что вы такое говорите?! Вы пробили в стене огромную дыру! Словно маньяк! – Изабелла жестом показала, что он сделал. – Мне вас было не остановить.

– Но всему виной Байрон! – заорал Мэтт. – Байрону не место в хозяйской спальне!

Лора уже окончательно запуталась. Бред какой-то.

– Ладно, – вмешался Николас, вернувший себе привычное самообладание. – Давайте перейдем к делу. – Он промокнул губу окровавленным платком. – Ситуация явно нестандартная. Мой вам совет, миссис Деланси, решить, что делать дальше с этим домом. Причем не откладывая.

– Но у меня ничего не осталось. Он вытянул из нас все деньги.

– Тут не только моя вина, – умоляюще посмотрел на нее Мэтт. – Да, возможно, поначалу я и был с тобой не совсем честен, но потом я изменился.

– Миссис Деланси, предлагаю вам...

– Изабелла, не слушай его! Я исправлю то, что испортил. Ну скажи, разве я не заботился

о тебе?

Повисла длинная пауза. Лора ошеломленно уставилась на Изабеллу, на лице которой было написано отчаяние.

– Вы нас разорили, – обреченно произнесла Изабелла. – Мы вам верили, а вы нас разорили.

И тут Лора неожиданно для себя обрела голос:

– Я все улажу. Полностью возмещу ущерб, который причинил вам Мэтт. И возмещу ущерб из собственных сбережений.

Извиниться перед этой женщиной было выше ее сил, но тем не менее Лора категорически не желала быть ей должной.

– Предлагаю другой вариант, – перебил Лору Николас. – Я могу купить у вас дом. Причем его состояние на данный момент меня мало волнует.

– Продать дом? – нахмурилась Изабелла Деланси.

– Да, – кивнул Николас. – И я даже рад, что представилась возможность об этом поговорить.

– Но чего ради муниципалитету покупать мой дом? – удивилась Изабелла.

– Муниципалитету?

На секунду все буквально онемели. Наконец Изабелла спросила:

– Вы хотите сказать, что Байрон вам не звонил?

– А кто такой Байрон? – равнодушно поинтересовался Николас. – Мое имя Николас Трент. И я застройщик.

Изабелла Деланси была явно сбита с толку.

– Застройщик? Выходит, вы приехали сюда, чтобы купить мой дом. – Неожиданно она поняла. – Боже мой! Вы все хотите этот дом! – Она попятилась, прижав руки ко рту. – Пока я здесь билась как рыба об лед... – Теперь она почти смеялась. – Ну, кто еще на очереди? Может, кто из деревни? Кузены? Молочник? Оказывается, вы только того и ждали, чтобы заполнить этот чертов дом!

– На самом деле нет, – растягивая слова, произнесла Лора и посмотрела на мужа. И повторила, уже более уверенно: – Лично я больше его не хочу.

Мэтт тотчас же повернулся к жене. Он отлично понял, что имела в виду Лора, и нахмурился, заметив, как Николас улыбнулся его жене, словно близкому человеку. Он вспомнил путаные извинения Лоры, более того, Николас откуда-то знал ее имя. Мэтт посмотрел на жену, и Лора, не в силах выдержать его пронзительного взгляда, поспешно отвернулась. Энтони за ее спиной пристально смотрел на Николаса, лицо его оставалось непроницаемым.

Вот и все, подумала Лора. Возврата нет.

– Я оставлю вам свою визитную карточку. – Николас невозмутимо достал из внутреннего кармана визитку, вручил ее Изабелле и придвинулся поближе к Лоре. – Что ж, утро сегодня выдалось на редкость странное. Тем не менее советую вам подумать о моем предложении, миссис Деланси. Полагаю, мы с вами можем прийти к взаимовыгодному соглашению.

Возраст тонких побегов орешника составлял не более семи лет, их вполне можно использовать для плетней или как основу для соломенных крыш, а более толстые отростки пустить на трости или стойки для изгородей. Он уже нарезал толстых веток каштана для перекладин и кольев, однако поскольку орешник приносит гораздо больший доход, Байрон согласился учесть это при расчистке лесных зарослей. Он бродил между кустами, внимательно рассматривая побеги на предмет вредителей. Люди наверняка считали, будто работа Байрона – это ходить по лесу и убирать подлесок или выкорчевывать пни. Они и понятия не имели о том, что правильно обрезанные древесные растения способны каждую неделю давать отростки длиной более фута, что обрезанное дерево живет гораздо дольше необрезанного. Байрон не сомневался: из этого можно извлечь неплохой жизненный урок, хотя толком и не понимал, какой именно.

Нагруженный очередной партией веток, он уверенно направился туда, где посреди леса была проложена дорога. Люди часто выбирают старые дороги, и с прореживанием подлеска та же самая история. На садовой мебели можно сделать большие деньги, оценив плоды его, Байрона, трудов, сегодня утром сказал ему Фрэнк. Или на заборах в деревенском стиле. В садовых центрах это теперь идет нарасхват. И, кроме того, любые остатки можно пустить на древесный уголь. А еще сейчас выделяются гранты на восстановление низкоствольных лесов. Более того, фонды, направленные на сохранение живой природы, поощряют землевладельцев сохранять и беречь леса.

Байрон внезапно вспомнил о Мэтте и невольно напрягся, стиснув зубы. Он с трудом отдышался, чтобы прийти в себя. Мэтт Маккарти практически выжил Байрона из родных мест и практически выжил Изабеллу из собственного дома. Несколько раз Байрон порывался рассказать ей о крысе, о жестокости и коварстве Мэтта, когда тому надо было добиться своего. Но накануне Изабелла выглядела такой счастливой, словно наконец осмелилась поверить во что-то хорошее. А Байрон не хотел омрачать ее настроение. Его размышления прервал звонок мобильного.

– Это Изабелла.

– Привет, – сказал Байрон, не в силах скрыть своей радости, и повторил: – Привет.

– Я хотела узнать, как у вас дела. Как продвигается ваша работа. – Она сделала паузу и добавила: – Тьерри просил меня позвонить.

– Отлично. – Он с довольным видом оглядел обрезанные кусты ежевики. – Тяжелая работа, но... хорошая. – Его руки были сплошь покрыты царапинами.

– Да.

– И вообще тут очень здорово. Рядом с морем. Больше смахивает на каникулы, чем на работу.

– Не сомневаюсь.

– А Фрэнк, хозяин, классный парень. Предложил мне еще работу.

– О... Замечательно.

– Угу. Мне было приятно. А как ваши дела?

Именно в этот момент до Байрона дошло, что Изабелла как натянутая струна. Мимо него уже успели проехать три машины, и только тогда она заговорила снова:

– Я не знала, стоит ли вам об этом рассказывать, но у нас здесь произошел небольшой инцидент. Ко мне приехал человек, он назвался застройщиком. Хочет купить дом. Но тут неожиданно объявился Мэтт и затеял с ним драку.

– А вы сами в порядке?

– Да, мы прекрасно. Тот, который назвался застройщиком, можно сказать, отбил атаку Мэтта, а потом появилась Лора, и страсти улеглись, – сказала Изабелла и тихо добавила: – Байрон, мне кажется, у Мэтта что-то вроде нервного расстройства.

– У Мэтта Маккарти?

– Он... на себя не похож. – (Байрон промолчал.) – На самом деле... он слишком возбужденный.

Как ни горько это признавать, наверняка так оно и есть, подумал Байрон. Мэтту явно не понравилось, что дом могут увести прямо у него из-под носа.

– Не волнуйтесь за него, – ответил Байрон чуть-чуть более резко, чем следовало бы. – Уж он точно не пропадет.

– Предложение того человека звучит довольно заманчиво, – вздохнула Изабелла.

Байрон медленно пошел вдоль опушки, уже не обращая внимания на природу вокруг.

– А что вы ответили застройщику?

– Я не знала, что говорить. И вообще у меня голова идет кругом. Он сказал, что Мэтт... специально разрушал дом, чтобы меня оттуда выжить. – (Байрон закрыл глаза.) – После вашего отъезда Мэтт пробил огромную дыру в стене спальни. Там, где вы ночевали.

У Байрона сдавило грудь. Эх, не стоило их оставлять! Надо было предупредить Изабеллу, заставить ее выслушать правду. Остановить Мэтта. И сейчас Байрон был буквально раздавлен чувством вины, грузом лежавших на душе сомнений.

– Байрон, я не знаю, что делать.

– Почему бы немного не подождать? – спросил он. – К чему такая спешка?

– Нет, я не могу больше так жить.

Он понял ответ по ее тону. Она приняла решение.

– Значит, вы все же решили продать дом, – сказал он.

– А что, по-вашему, мне остается делать?

У Байрона не было аргументов ее остановить. Ведь он стоял в стороне и спокойно смотрел, как Мэтт затягивает ее в омут. И теперь он, Байрон, перед ней в неоплатном долгу, хотя она предпочитает этого не видеть. Но что он может предложить ей взамен? Нарубить ей дров? Освежевать кролика? Поселиться под ее крышей? В таком случае он никогда не будет с ней на равных. Он не сможет дать ей ничего, кроме своей благодарности.

Байрон проглотил ком в горле:

– Ну, полагаю, с вашей стороны будет разумно выбратья оттуда до наступления зимы.

– О... – разочарованно вздохнула Изабелла после продолжительной паузы.

– Конечно, если вы считаете, что это правильное решение.

– Думаю, вы абсолютно правы. – Изабелла закашлялась. – И как долго, по-вашему, вы будете отсутствовать?

– Еще не знаю. Послушайте... Я собирался сообщить вам об этом по приезде, ну да ладно. Фрэнк думает, у него найдется для меня работа.

– Там? На полный рабочий день?

Полученного гранта вполне хватит Байрону на зарплату, сказал ему Фрэнк. Ну а помимо расчистки лесов, отыщется еще кое-какая работенка. Байрон напомнил Фрэнку о своей отсидке, на что тот сухо спросил: «А что, это мешает тебе орудовать пилой?»

– Здесь есть вполне приличный дом на колесах, в котором я мог бы остановиться. Речь идет самое меньшее о шести месяцах. Очень заманчивое предложение.

– Я догадываюсь. Но знаете... живите у нас. Сколько хотите. По-моему, не стоит так резко сниматься с места.

– Изабелла, мне нужно зарабатывать себе на жизнь. А такая работа на дороге не валяется.

Тем более что вы собираетесь переезжать... – Он сердито пнул ногой бульжник.

И снова в разговоре возникла длинная пауза.

– Значит, вы решили принять предложение?

– Скорее всего, да. Но это не помещает мне время от времени приезжать к вам повидаться.

И брать к себе Тьерри на уик-энды. Если вы, конечно, не против... – Он пытался понять, что означает ее молчание.

– Ну, уверена, он будет счастлив...

Байрон присел на пень неподалеку от каменной стенки вдоль прибрежной части дороги.

Воздух был пропитан морской солью, у него внезапно защипало глаза.

– А вы сможете выбраться на день рождения Китти?

– У меня еще куча дел, но я постараюсь.

Телефон внезапно отключился.

Байрон взял топор и с яростным воплем зашвырнул его чуть ли не на середину близлежащего поля.

Изабелла положила телефон. Дети уже вернулись после поездки за покупками и теперь занимались украшением дома. Они бегали по освещенной закатным солнцем лужайке, разматывая рулон драпировки и залиvisto хохоча над Пеппером, который путался под ногами, так и норовя схватить зубами легкую ткань.

Да, дети снова смогли стать счастливыми, здесь им было гораздо вольготнее, чем в свое время в Лондоне. И безответственное решение Изабеллы оказалось для них благом. Но вот сама Изабелла теперь категорически не желала, чтобы соседи бросали алчные взоры в сторону Испанского дома, служившего для семейства Маккарти вечным напоминанием об утраченных возможностях.

И вообще, в доме теперь везде чувствовалась хозяйская рука Мэтта. И даже те уголки, что члены семьи Деланси облюбовали для себя, теперь казались Изабелле чужими.

Еще не все пропало, уговаривала себя Изабелла. Она вполне может переехать куда-нибудь поблизости, чтобы дети могли продолжить учиться в своей школе. Изабеллу вполне устроит коттедж поменьше в одной из окрестных деревень. Ведь как приятно жить без бремени долгов и необходимости вести натуральное хозяйство. Правда, иногда было даже забавно наблюдать за реакцией людей, когда она сообщала им свой адрес. Все, словно сговорившись, сразу начинали смотреть на нее как-то более уважительно, если не сказать почтительно. Большой дом дает хозяевам определенный статус. Интересно, изменилось бы отношение всех этих снобов, если бы они увидели, как Изабелла собственноручно собирает сорняки, чтобы заварить детям чай? Или как Китти продает яйца, чтобы было чем оплатить счета за электричество? Ну да ладно, в доме поменьше выращивание овощей будет уже не жестокой необходимостью, а приятным разнообразием. И ей не придется каждый день смотреть на дырявые стены.

Выглянув в окно, Изабелла увидела, как Тьерри, залезший на дерево, привязывает к ветке декоративную ткань. Тьерри вряд ли охотно расстанется с этим местом: отсутствие нормальной ванны его не слишком беспокоило, а вот без привычного леса мальчику будет явно нелегко.

Возможно, Байрон все-таки приедет на праздник, хотя, возможно, и нет. Теперь, когда Байрон больше в ней не нуждался, он даже заговорил по-другому: более отчужденно, что ли, словно уже успел порвать связующие их нити. Пожалуйста, не надо обижать моего сына, мысленно обратилась она к Байрону, не решаясь признаться в том, что имеет в виду себя.

Изабелла отвернулась от окна, и ее взгляд упал на брешь в стене спальни. Эта зияющая пустота пугала ее, как ничто другое в Испанском доме. Она видела во всем этом определенный

символизм: собственное туманное будущее – и ничего за душой, черную дыру, в которой они оказались всей семьей.

– Боже правый, ведь это всего-навсего дом – треклятый дом, – громко сказала Изабелла, и голос ее эхом разнесся по пустой комнате с отлакированными полами.

Ладно, довольно страдать. Сейчас самое время собраться и взять себя в руки. Это вовсе не ее дом и, положив руку на сердце, никогда таковым не был.

Она закрыла дыру между спальней и ванной куском гипсокартона, а затем, отыскав внизу шуруповерт, посадила его на шурупы. Нашла старый рисунок пером в рамке, портрет Хосе Каррераса, который в свое время привезла с музыкального фестиваля в Испании, и прикрепила его к стене. Образовавшуюся в стене ванной нишу Изабелла задрапировала старой белой простыней.

Она непременно позвонит тому застройщику и узнает, сколько тот готов предложить за дом, а также попросит одного-двух местных риелторов сделать независимую оценку. Их семья найдет себе стандартное жилье, а жизнь в Испанском доме в скором времени станет для них всего-навсего странной интерлюдией. И она, Изабелла, позаботится о том, чтобы оставшиеся несколько недель прошли без сучка без задоринки. Праздник в честь шестнадцатилетия Китти будет волшебным. Это было правильное решение. Очень разумное.

Изабелла окинула довольным взглядом плоды своих рук. Затем спустилась на кухню, где лежали книги по ремонту из серии «Сделай сам», взятые в скудной библиотеке Лонг-Бартона. Что ж, придется самой установить ванну.

А неподалеку от Испанского дома Лора, разбиравшая вещи в гараже, точно так же пыталась решить, как ей жить дальше. Она пришла в гараж за большим чемоданом, но, споткнувшись о сваленный в кучу запасной инструмент Мэтта, решила немного прибраться. Вероятно, просто в силу привычки. Даже навсегда покидая родной дом, она не могла оставить его в беспорядке.

Лора отодвинула в угол мойку высокого давления, откатила в сторону два газовых баллона и прошла мимо бюро, доставшегося им от мистера Поттисворта. Собрала мусор, сложив его в тачку, чтобы потом сжечь. Лора знала, что домашние дела отлично помогают избавиться от сумятицы в голове. На разборку основных завалов у нее ушло часа два. Затем она сделала перерыв, чтобы полюбоваться аккуратными полками с ровными рядами банок с красками; на каждой банке на всякий случай было написано, для какой комнаты она предназначена. Мэтта, естественно, дома не было. Он куда-то ушел, не обращая внимания на ее мольбы, а Энтони, несмотря на то что был жутко обижен на мать, не осмелился последовать за ним.

«Дай ему время остыть. А уж потом попытайся поговорить, – посоветовал ей Николас. Его носовой платок насквозь пропитался кровью, хотя нос был практически не поврежден. – Он должен многое осмыслить».

Лора даже и не пыталась звонить мужу, поняв всю бессмысленность этого занятия.

Николас уехал час назад. Они сидели в его машине, оставленной на дороге. Он сказал Лоре, что очень ею гордится. А еще, что впереди их ждет новая, счастливая жизнь. Этот дом принесет им удачу.

«Николас, – Лора упорно смотрела на свои аккуратно сложенные на коленях руки, – скажи честно, а ты, случайно, не использовал меня, чтобы подобраться к этому дому?»

Он пришел в ужас. Лора заглянула ему в глаза и неожиданно поняла, что общего у них с Николасом. Она увидела вечные подозрения, недомолвки и недоверие. Она увидела раковину, где скрывается боль.

«Ты единственный честный поступок за всю мою сознательную жизнь», – ответил Николас.

Лора сняла резиновые перчатки, вытерла руки бумажным полотенцем и вышла из гаража.

Она была еще не готова вернуться в дом. Ведь там все будет напоминать ей о том, с чем придется расстаться: о семье, которую она собирается разрушить, о клятвах, которые готова преступить. И сейчас ее ум занимали самые дурацкие вещи. Как быть с фамильными картинами? С серебром, принадлежавшим еще ее тете? И стоит ли взять наиболее ценные вещи с собой, чтобы Мэтт, не дай бог, не повредил их в приступе ярости? Но что подумает Николас, если она заявится к нему с ящиками, набитыми фамильными ценностями. И не спровоцирует ли Мэтта на очередные безумства тот факт, что она их забрала? Мэтт вообще стал на себя не похож. Когда он уходил из дому, то был холоден как лед. Но теперь, учитывая, что он в курсе измены Лоры, от него можно ожидать чего угодно. А что подумает ее семья? Она не решалась спросить у Николаса, где они будут жить, пока не переедут в новый дом, чтобы он, паче чаяния, не счел ее расчетливой эгоисткой. И она еще не была в его лондонской квартире. А что, если квартира ей не понравится? Что, если она вообще не сможет жить в Лондоне? И как ей быть с Берни? Берни слишком старый, чтобы приспособиться к городским условиям, но Мэтт вряд ли за ним присмотрит. Ведь он и дома-то практически не бывает. И имеет ли она право пожертвовать Берни ради будущей семейной идиллии? И сможет ли она себя уважать после этого? Когда Николас предложил ей переехать к нему, Лора восприняла это как широкий романтический жест. Но если ты сорокалетняя мать семейства, у которой есть дом, собака, сын и определенное положение в местном обществе, для того, чтобы оборвать прежние связи, совершенно недостаточно просто выйти из дому с чемоданом в руках.

Лору терзал миллион сомнений, и неожиданно ей в голову пришла горькая мысль: «Вот почему Мэтт больше не находит меня привлекательной. Потому что я не способна целиком отдаться порыву страсти. Я всегда буду женщиной, которая вечно упирается, пятится и волнуется, покормит ли кто-нибудь ее глупого старого пса».

Она снова вошла в гараж. Рассортировала контейнеры для перерабатываемых отходов. Подмела пол. И тут ее взгляд упал на бюро покойного мистера Поттисворта. Бюро было старое, обшарпанное, с потрескавшимся ореховым шпоном, с некомплектными ручками. Лора решила, что обработает бюро от личинок древооточца, отполирует и отнесет в дом. Тогда она со спокойной совестью сможет забрать свой письменный стол – тот, который родители подарили ей на восемнадцатилетие. Ведь Мэтта по большому счету мало интересовала мебель, лишь бы она не была слишком мягкой или, наоборот, жесткой.

Лора натянула резиновые перчатки и проверила полки. А потом с дотошностью, о которой в кругу ее друзей и соседей слагались легенды, принялась разбирать викторианское бюро, осторожно вынимая ящики, протирая их губкой и хорошенько пропитывая специальным средством против личинок. И вот когда Лора уже вытащила последний ящик и, перевернув его, положила на столешницу, она увидела это. Два листка бумаги, сложенные в несколько раз и небрежно прикрепленные липкой лентой ко дну ящика.

Лора сняла перчатки и аккуратно, чтобы не капнуть на руки ядовитой жидкостью, закрыла баночку с антисептиком. Осторожно отодрала липкую ленту, развернула документы и, напрягая глаза в тусклом свете гаража, принялась читать.

Она внимательно прочитала первый документ, перечитала его, проверила гербовую печать, адрес незнакомого поверенного. Затем изучила дубликат. Бросила взгляд на горевший во дворе костер. И наконец прочла приписку, нацарапанную явно позже синей шариковой ручкой. Почерк мистера Поттисворта – такой же колючий и малопонятный, как и он сам.

*А теперь посмотрим, настоящая ли вы леди, миссис М.
Noblesse oblige, а?*

Дрель, верстак, сумка с различными металлическими инструментами, которую в одиночку невозможно поднять, лобзик, электропила, уровень и рулетка. Блокнот, сплошь исписанный цифрами, транзисторный радиоприемник без батареек, фуфайка, от которой едва уловимо пахло тем, что она предпочла бы забыть. Изабелла перетащила вещи в коридор и вытерла пыльные руки о шорты. Она хотела, чтобы в этом доме и духа его не осталось. После вечеринки она отнесет все в одну из надворных построек и отправит через его жену сообщение, чтобы он забрал свое барахло.

Большой кусок ветчины на деревянной доске, восемь багетов, сырная тарелка, два подноса с фруктами под алюминиевой фольгой. Картонная коробка с ингредиентами для салатов, два запечатанных контейнера с маринованным мясом и рыбой, большие миски с салатами двух видов: с пастой и рисом. Ящик с фруктовыми соками, две бутылки шампанского.

– Господи, – выдохнула Китти, когда Кузены разгрузили машину. – Неужели это все нам?

– Прибереги комплименты на потом, дорогая. Гвоздь программы еще впереди, – сказал Генри, доставая с заднего сиденья квадратный серебряный поднос с огромным тортом. Торт украшала марципановая девочка со стриженными волосами, которая кормила курочек серебряным драже.

– Ух ты! – восхитилась Китти. – Полный улет!

– А что, сейчас у подростков принято так изъясняться?

– По-моему, ей понравилось, – заметил Асад.

– Поверить не могу, вы сделали это специально для меня!

– Ну, – сказал Генри, направляясь с этим шедевром кондитерского искусства к установленному на лужайке столу, – гулять так гулять! Шестнадцатилетие следует праздновать с размахом. Потому что потом уже начинается путь под горку.

Два элегантных туалета, две пары джинсов, вечернее платье, несколько комплектов ненадеванного белья «Ла Перла», а на каждый день несколько пар скромных трусиков из сетевых магазинов. Сапоги, туфли, кроссовки, шелковая ночная рубашка и новая пижама. Косметичка, фен с насадками, альбом с фотографиями и четыре серебряные рамочки с подкрашенными сепией семейными снимками. Сумочка с драгоценностями. Серебряный чайник. Крестильная кружка и фарфоровая баночка с первым выпавшим зубом Энтони. Папка с инвестиционными договорами, выписками из банковских счетов, сертификатами акций, паспортом и водительскими правами. Вот такие дела: вся ее жизнь уместилась в чемодане «Самсонит» три на четыре фута.

Лора вынесла в коридор чемодан и присела на него, нервно теребя ремешок часов, на которые уже раз сто успела посмотреть. Пес, с пристегнутым к ошейнику поводком, мирно лежал у ее ног, не подозревая о грядущих катастрофических изменениях своей жизни. Лора, смахнув непрошеную слезу, погладила его по бархатистой шерстке.

Энтони так и не появился. Еще утром он объявил ей, что предпочитает остаться у бабушки.

– Но я думала, ты поедешь со мной.

– Это ты так думала. А не я.

– Но тебе понравится в Лондоне. Поверь мне, там чудесно. У тебя будет собственная комната и...

– А мой дом? Мои друзья? Нет, мама. Ты сейчас говоришь о своей жизни. Я уже достаточно

взрослый, чтобы иметь право на выбор. И я решил остаться здесь.

– Но ты же не можешь вечно жить у бабушки. Ты там рехнешься.

– Тогда я поживу у миссис Деланси. Она сказала, если я не слишком боюсь беспорядка, то гостевая комната в моем полном распоряжении. У них вроде бы появилось свободное помещение.

Дом Изабеллы Деланси?

– Ну почему ты хочешь остаться именно там? – Лора была буквально убита этой новостью.

– Потому что она никого не напрягает, – ответил Энтони. Он был в своей неизменной вязаной шапке, хотя на улице было почти двадцать шесть градусов. – Она со всеми ладит. Не шпыняет Китти. Живет своей собственной жизнью.

Если Энтони хотел побольнее уколоть мать, то ему это удалось. И теперь Лора еще сильнее возненавидела эту женщину. Она играючи украла у нее, Лоры, не только мужа, но и сына.

– А тебе известно, что она спала с твоим отцом? – Лора была больше не в силах терпеть подобную несправедливость.

Однако он воспринял ее слова с убийственной насмешкой.

– Ой, не болтай ерунды! – фыркнул он. – Ты там была и все слышала. И знаешь, что он сделал с ее домом. Она ненавидит папу. – Энтони невесело рассмеялся. – Хотя почему бы и не сказать, что он и ее тоже поимел?

– Энтони!

– Знаешь, мне ужасно не нравилось, когда папа заявлял, что у тебя паранойя. Хотя теперь думаю, возможно, он прав. – Энтони только отмахнулся, когда Лора попыталась ему возразить, и, протиснувшись мимо нее, направился к двери. – Позвони, когда будешь в наших краях. И не рассчитывай в ближайшее время увидеть меня в Лондоне.

Лора прислушалась, как затихают его шаги на гравийной дорожке, и с трудом подавила рвущийся из груди горестный всхлип.

Он непременно вернется, строго сказала она себе, поправляя оставшиеся на столике в холле фотографии. Что ж, поболтается пару недель между папой и бабушкой и вернется. Она категорически отметала от себя мысль, что он может переехать в Испанский дом. Так как в противном случае она швырнула бы чемодан в лес и кинулась бы догонять сына.

В дверь позвонили, и пес настороженно поднял голову. Она открыла дверь, низко опустив голову, чтобы Николас не заметил ее покрасневших глаз.

– Ты готова? – Он поцеловал Лору и покосился на чемодан. – Это все?

– На первое время, – ответила Лора. – И... собака. Если, конечно, ты не против. Прости, насчет собаки мы не договаривались.

– Бери хоть лошадей, если хочешь, – беспечно рассмеялся Николас. – Мы вполне можем разместить парочку в патио, если сильно постараемся.

Лора рассмеялась, но смех тут же перешел в рыдания. Она закрыла лицо руками.

– Эй... Эй... Прости. Все хорошо.

– Нет, – всхлипнула Лора, уткнувшись Николасу в грудь. – Вовсе нет. Мой сын меня ненавидит. Он хочет поселиться у этой женщины. Нет, ты только представь себе, он хочет поселиться у этой женщины!

Николас бережно обнял Лору.

– В любом случае это ненадолго, – немного помолчав, произнес он.

– Что ты имеешь в виду?

– Будем надеяться, что скоро этот дом станет нашим. Так что чисто теоретически он будет жить с тобой под одной крышей. Под одной крышей с нами. – Он протянул ей носовой платок.

Она взяла платок и вытерла глаза:

– Льяной... Тот самый?

– Мой счастливый...

Лора аккуратно сложила платок и уже более твердым голосом спросила:

– Значит, она сказала «да»?

– Не совсем так... – Николас взгляделся в лицо Лоры. – Но я общался с ней сегодня утром, и когда она узнала, что я буду в ваших краях, то попросила меня зайти поговорить.

– Так, по-твоему, она все же хочет продать дом?

– А как еще можно объяснить ее желание встретиться?

– Может, она хочет соблазнить заодно и тебя, – фыркнула Лора.

Николас осторожно убрал упавшую ей на лоб прядь волос:

– Сомневаюсь, что ее чары на меня подействуют. Но если хочешь, можешь пойти со мной.

Проследишь, чтобы я хорошо себя вел.

Он взял ее чемодан и положил в багажник автомобиля. Лора закрыла за собой дверь, стараясь не думать о символическом значении этого жеста. Она помогла Берни запрыгнуть на заднее сиденье, а сама села впереди. Оказывается, за это время Николас успел сменить прежний побитый автомобиль на более элегантный, с бесшумно закрывающимися, как у всех дорогих машин, дверьми.

– На самом деле мне бы не хотелось, – сказала Лора.

– Ты о чем?

– Выходить из машины. Не желаю ее видеть. Не желаю их видеть. Я даже не желаю видеть треклятый Испанский дом. – Лора с несчастным видом уставилась на приборную доску. – Ты сам с ней поговори. А я подожду в машине.

Николас взял Лору за руку. Надо же, подумала она, Николас всегда такой невозмутимый, словно его невозможно вывести из себя.

– Вот увидишь, все будет хорошо, – сказал он, целуя ей пальцы. – Главное, пережить сегодняшней день, который, естественно, будет для нас нелегким. Но Энтони непременно вернется.

Лорина свободная рука крепко сжимала в кармане документ, являвшийся своеобразным оселком для проверки ее представлений о нравственности.

Лора прикусила губу, когда машина свернула в сторону Испанского дома. В душе она была благодарна Николасу за его твердую уверенность в их светлом будущем. Что ж, его слова да Богу в уши!

Как все же приятно готовить кофе на собственной кухне. Байрон достал из кухонного шкафчика кружку и окинул довольным взглядом свой дом на колесах. Роскошным его, конечно, не назовешь, но и конурой тоже. Домик оказался светлым, чистеньким, и, что самое главное, Байрон был тут хозяином. Одежда в комод, умывальные принадлежности в ванной. Газета лежала ровно на том же месте, где он ее перед уходом оставил. Этот дом он вполне мог считать своим, по крайней мере на время.

Набегавшиеся собаки бессильно растянулись на полу. Байрон потер глаза, пытаясь прогнать усталость. Он уж начал было подумывать о том, чтобы слегка вздремнуть, но, по опыту зная, что потом будет не проснуться, отказался от этой идеи.

Две ложки кофе непременно помогут. Лишний кофеин точно не повредит. Ну и для ровного счета он положил побольше сахара.

Байрон уже собирался сесть, но тут кто-то сердито забарабанил в дверь. Он устало поднялся и пошел открывать. Фрэнк размахивал листком бумаги, его и так румяное лицо побагровело от ярости.

– Ну и что это значит?

– Не хотел тебе мешать, – ответил Байрон. – Ты ведь сказал, что займешься счетами.

– Байрон, ты здесь всего ничего. И что, уже хочешь слинять?

– Фрэнк...

– Я тебе не Фрэнк. Я дал тебе шанс, место, где жить, усадил тебя за свой стол, а ты и обрадовался. Я не вчера родился, Байрон Ферт.

– Послушай...

– Нет, это ты послушай. Я нанял тебя расчистить лес, и как можно быстрее. А если ты думаешь, что можешь валять дурака, бегая туда-сюда, чтобы повидаться с девчонками или с кем там еще, то все, проехали, забудь о нашем уговоре. – Он повернулся спиной и напялил шапку. – Может, зря я не послушал, что люди говорят. «Ой, нет, – говорила Мюриэль. – Дай мальчику шанс. Он раньше был таким хорошим парнем...» Ну и скатертью дорога, – пробормотал Фрэнк и сердито пошел прочь.

– Но я ведь уже закончил.

– Что закончил?

– Лес.

Фрэнк резко остановился:

– Все четырнадцать акров?

– Да. А орешник сложил за амбаром. Как и договаривались.

Фрэнк, который носил один и тот же старый пыльник и в жару, и в холод, недоверчиво пожал плечами:

– Но...

– Я работал всю ночь. – Байрон ткнул пальцем в лист бумаги. – Ты не дочитал до конца. Просто я кое-кому обещал приехать на день рождения, а потому и решил закончить с лесом одним махом. Я вернулся туда сразу после обеда прошлым вечером.

– Так ты осилил все за одну ночь? Что, в темноте? – Байрон в ответ только ухмыльнулся, а Фрэнк еще раз прочитал записку, и его лицо расплылось в улыбке. – Что б мне пусто было! Ты всегда был еще тот жучара, Байрон Ферт! И нисколько не изменился. Твою мать! Это ж надо, работал всю ночь! – выдал он, закончив свою речь громким «ха!».

– Ну так что, не возражаешь, если я уеду? А к утру понедельника буду как штык, хорошо? Займусь тем участком в двадцать три акра. – Байрон сделал большой глоток кофе.

– Располагай своим временем как хочешь, сынок. Если, конечно, мне не придется подзаряжать тебя от фонарика. Ха! Нет, слыханное ли дело, работать всю ночь напролет?! Пойду скажу Мюриэль. Зуб даю, она испечет тебе сладкий пирог.

Все подтянулись довольно рано, как и предполагала Китти. Ее новые друзья приехали на машинах, которые оставили на подъездной дорожке, или дошли веселыми стайками до Испанского дома пешком по проселку. Китти, счастливая, что ее наконец-то приняли за свою, радостно помахала рукой. Теперь ее нисколько не заботило прискорбное состояние дома, поскольку внимание гостей было приковано к озеру. Накануне вечером мама сказала ей, что, быть может, они снова переедут. Но когда мама добавила, что они останутся жить в той же деревне и Китти не придется менять школу, девочка почувствовала огромное облегчение. Она прижилась в этих краях. Здесь был ее дом.

– Ты в порядке? – спросила она Энтони, который, пряча от нее лицо, пихал ногой резиновую лодку. – Спорим, она вернется. – Китти положила Энтони руку на плечи. – Она не сможет тебя оставить.

– Я ее видел, – ответил Энтони. – Она уже выставила собранный чемодан в коридор.

Уж кто-кто, а Китти знала, как тяжело потерять одного из родителей. Правда, она не знала, каково это, когда родитель покидает тебя по собственной воле, да и вообще, Энтони выглядел таким несчастным, что она побоялась сморозить глупость.

Итак, они сидели в полном молчании, болтая в воде ногами. Над головой порхали бабочки-капустницы, а стрекоза с радужными крыльями пролетела буквально в нескольких дюймах от сидевшей на берегу парочки, уставившись на них круглыми, навывкате глазами.

Когда стрекоза исчезла в густой листве, Китти повернулась к Энтони.

– Все наладится, – сказала девочка, и Энтони угрюмо посмотрел на нее из-под низко надвинутой на лоб вязаной шапки. – Я имею в виду жизнь. Иногда она реально бывает дерьмовой, но когда ты начинаешь считать, что жизнь прошла мимо, она вдруг поворачивается к тебе светлой стороной.

– У нас что? «Домик в прерии»?

– В прошлом году, – продолжила Китти, – мне казалось, что ни я, ни мама, ни Тьерри уж больше никогда не будем снова счастливы.

Энтони проследил направление ее взгляда. Китти смотрела на мать. Изабелла в ожерелье из маргариток на шее беседовала с каким-то солидным мужчиной в костюме. Девочка перевела глаза на брата – тот бросал Пепперу в озеро палочки, а щенок приносил их обратно.

И тогда Китти обняла Энтони за талию, чтобы своим теплым прикосновением облегчить его душевную боль. Девочка улыбнулась, и Энтони неохотно, но все же улыбнулся в ответ. И тогда она рассмеялась. Вот так-то! Она заставила его улыбнуться. И вообще, ей уже шестнадцать. И весь мир у ее ног.

– Вперед, – сказала она, стаскивая с него шапку. – Пошли купаться.

Боже мой, очередной мистер Картрайт, подумала Изабелла. Она тихонечко слушала, а ее собеседник терпеливо объяснял ей очевидные вещи, словно не рассчитывая, что она поймет.

– Новая застройка должна быть максимально вписана в окружающую среду. В идеале я хотел бы сохранить ваш сад за стеной. И желательно, чтобы все дома смотрели на озеро. Это будет очень романтично.

– Но насколько я понимаю, вы хотели бы купить и дом, и прилегающие к нему земли. Но тогда нам придется отсюда уехать.

– Совершенно необязательно. Если вас заинтересует коттедж в нашем комплексе, мы можем прописать в договоре, что вы получаете жилье на льготных условиях.

Перед Изабеллой на обшарпанном столике лежал исписанный цифрами блокнот. Рядом сидел мистер Трент, его костюм из светлого льна казался на редкость неуместным на фоне потрепанных шезлонгов и ржавых строительных лесов.

– Поскольку вам вряд ли хорошо знаком местный рынок недвижимости, я изучил несколько девелоперских сайтов, чтобы вы могли получить хотя бы примерное представление о цене предложения на сегодняшний день. – Вытащив из папки очередной лист бумаги, Николас Трент протянул его Изабелле.

– Это что, стоимость земли в каждом конкретном случае? – поинтересовалась Изабелла.

– В принципе, да. Здесь указаны суммы, которые продавцы получают за дом и землю, хотя в большинстве случаев дома будут снесены.

– Но если мое место, как вы изволили выразиться, настолько уникальное, то представленные вами цифры недостаточно репрезентативны.

– Не спорю, сравнительный анализ в вашем случае провести достаточно сложно.

– И вы полагаете, что дома в таком уединенном месте будут пользоваться спросом?

– Бартон и прилегающие районы сейчас рассматриваются как привлекательное место

для жилья, дающее возможность работать в городе. А кроме того, озеро, безусловно, привлечет покупателей, желающих иметь загородный дом. По моему мнению, это обдуманый риск.

Изабелла оглянулась на дом, спрятавшийся за строительными лесами, его красные кирпичи блестели на жарком полуденном солнце. А где-то рядом лениво пел дрозд и кричали в камышах утки. На лужайке подростки, успевшие надеть купальники, сгруппировались вокруг Китти, восхищаясь подарками. Посетитель, должно быть, заметив смятение Изабеллы, осторожно положил ей руку на локоть и сказал с необычным жаром:

– Буду с вами достаточно откровенен, хотя любой другой человек в моем положении не стал бы этого делать. Я действительно считаю ваше место особенным. С тех пор как я увидел ваш дом, я уже ни о чем другом не мог думать. – Он явно чувствовал себя неловко, словно подобная открытость была ему несвойственна. – Но с учетом плачевного состояния дома вложения в него не оправдаются.

– Но, мистер Трент, чего ради я должна вам поверить, если уже и так жестоко поплатилась за свою доверчивость?

Николас на секунду замялся.

– Потому что деньги решают все. И если вы продадите дом мне, я гарантирую вам финансовую безопасность, а также возможность остаться здесь, если, конечно, вам так будет угодно.

– Мистер Трент, вы должны понять, что как... единственный родитель я должна максимально защитить интересы детей.

– Естественно, – улыбнулся он.

– Итак, по зрелому размышлению я пришла к выводу, что меня устроит следующая цифра. – Изабелла что-то нацарапала в блокноте и протянула его Николасу Тренту.

– Это... очень большая сумма.

– Всего-навсего цена продавца. Как вы сами изволили заметить, мистер Трент, это место особенное.

Изабелла явно застала Трента врасплох, но ей было наплевать. Неожиданно рядом возник Тьерри:

– Мама!

– Секундочку, Ти.

– А можно мне устроить себе логово в доме?

Изабелла страстно прижала к себе сына. Последние несколько дней он всячески пытался копировать уехавшего Байрона. Занимался «расчисткой» леса, приносил вязанки хвороста, а также еду и дрова для растопки, а теперь, значит, захотел устроить логово. Изабелла все понимала. Она тоже остро переживала отсутствие Байрона.

– А ты разве не хочешь поплавать с другими ребятами?

– Хочу, но потом.

– Ладно, поступай как знаешь, – разрешила Изабелла. – Но если собираешься устроить себе логово в бойлерной, не вздумай оставлять там хорошие чашки и тарелки. Договорились?

Тьерри сломя голову умчался прочь, и Изабелла снова повернулась к Николасу Тренту:

– Вернемся к нашим делам, мистер Трент. Чтобы уехать, мне нужна именно такая сумма. Это цена за то, что мне снова придется срывать с места детей.

Николас Трент явно начал терять терпение:

– Миссис Деланси, а вы отдаете себе отчет в том, что восстановление дома обойдется вам в целое состояние?

– Мы несколько месяцев жили в этом бедламе. И даже, кажется, успели с ним свыкнуться.

Изабелла вспомнила о ванне, которую подключила сегодня утром. Она затянула все,

до последней гайки, затем включила краны и стала смотреть, как грязная вода постепенно светлеет и с веселым журчанием уходит в сливное отверстие. Изабелла испытала такую неподдельную гордость, словно осилила партию в сложнейшей симфонии.

– Но ваша цена значительно выше рыночной, – возразил Николас Трент.

– Насколько мне известно, рыночная цена – это ровно столько, сколько покупатель готов заплатить.

Изабелла видела, что застала его врасплох. Однако он явно хотел этот дом. А она уже все подсчитала в уме. Определила необходимый минимум для покупки приличного жилья и создания финансовой подушки безопасности для своей семьи. Ну и естественно, немного накинула сверху.

– Такова моя цена. А теперь, с вашего позволения, мне надо заняться гостями.

Да, все это до боли напоминало встречи с мистером Картрайтом, однако на сей раз она отлично понимала, что происходит. Даже лучше, чем могло показаться со стороны.

– Если не возражаете, я хотел бы в последний раз осмотреться, – сказал Николас Трент и, тяжело дыша, принялся собирать бумаги. – А затем вернусь и сообщу вам о своем решении.

Китти не поверила своим ушам, когда мама сообщила ей о своем достижении.

– Ты сама это сделала? И она работает?

– Посмотри на мои руки. Это руки профессионального водопроводчика. – Изабелла осторожно обняла дочь, завернувшуюся после купания в старое полотенце. Изабелла не стала рассказывать Китти о проведенных над непонятными схемами бессонных ночах, о неподдающихся болтах и гайках, о фонтанах воды, окатывавших ее с головы до ног. – С днем рождения, дорогая. Кстати, я купила тебе замечательную пену для ванны.

– Боже мой! Настоящая ванна. А можно мне прямо сейчас пойти помыться? У нас теперь есть горячая вода и все такое?

– Сейчас? – удивилась Изабелла. – Но у тебя же гости.

Китти бросила взгляд в сторону друзей, которые в настоящий момент были заняты тем, что выпихивали друг дружку из надувной лодки.

– Ой, они и не заметят, если я на полчаса отлучусь! А я хоть смою с себя эту зеленую дрянь. Боже мой, ванна! Настоящая ванна! – Забыв, что ей уже шестнадцать лет, Китти с детской непосредственностью принялась скакать на одной ножке.

– Ну ладно, беги, – махнула рукой Изабелла. – Я пока накрою стол к ланчу.

Китти одним махом взлетела по лестнице и вихрем ворвалась в дом. Она по-быстрому примет ванну с мыльной пеной, вымоет голову и появится на ланче свежая и душистая, а ребята к тому времени как раз вылезут из воды. Она открыла дверь ванной комнаты и улыбнулась, когда поняла, что мама действительно сделала ей королевский подарок. На краю ванны стояли бутылочки с ее любимыми, причем очень недешевыми, шампунем и кондиционером, которые не шли ни в какое сравнение с их обычной косметикой из супермаркета. А на полу красовалась перевязанная красной ленточкой бутылочка французской увлажняющей пены для ванны. Китти подняла бутылочку, осторожно отвернула крышку и с наслаждением вдохнула божественный аромат.

Затем она заткнула сливное отверстие сверкающей латунной пробкой и открыла краны. Вода хлынула мощным потоком, обдав струей пара зеркальный шкафчик на противоположной стене. Китти заперла дверь, сняла купальник и снова завернулась в старое полотенце. Не хотелось пачкать новое болотной тиной. И пока ванна потихоньку наполнялась, Китти прошлепала к окну.

На лужайке мама накрывала на стол и болтала с Асадом, который готовил салат. Генри

лениво потягивал вино и заигрывал с плескавшимися в воде девчушками, а те в ответ весело хохотали. Он бросил им мяч и что-то прошептал на ухо маме, которая тоже рассмеялась. Хорошим залиvistым смехом, совсем как в те далекие времена, когда еще был жив папа.

Китти почувствовала, как у нее защипало глаза, и смахнула рукой непрошенные слезинки. Все будет хорошо. Впервые после смерти папы у нее возникло ощущение, что все будет хорошо. Мама наконец-то взяла на себя дом, и Китти смогла снова стать обыкновенным шестнадцатилетним подростком. Да, пока лишь шестнадцатилетним.

Она увидела, как Тьерри, с полной тарелкой в руках, пробирается в бойлерную, и постучала по оконной раме, желая привлечь его внимание. А затем скорчила страшную рожу, – дескать, она в курсе его проделок. На что Тьерри показал ей язык, и Китти едва слышно рассмеялась.

Внезапно она услышала зловещий треск и буквально подскочила на месте от страха.

Она в ужасе повернулась: белая простыня за ванной трепетала, как от порыва ветра, странные звуки доносились именно оттуда. Неожиданно простыня отъехала в сторону – и в проломе возник Мэтт Маккарти. Китти пронзительно взвизгнула.

– Что... Что вы здесь делаете?! – завопила Китти, закрываясь полотенцем.

Он пролез через дыру в ванную комнату и вытер пыльные руки о волосы.

– Собираюсь заделать это, – как ни в чем не бывало сообщил он.

Мэтт был небрит, на бедрах косо висел пояс с инструментами.

Китти в ужасе попятилась:

– Мэтт, вы не можете здесь оставаться. Я собираюсь принять ванну.

– Я должен все исправить. Комната была прекрасной. Нельзя оставлять ее в таком состоянии.

У Китти громко стучало сердце, и стук этот, казалось, заглушал шум льющейся воды. Девочка увидела валяющийся на полу купальник и горько пожалела, что слишком рано его сняла. Ведь под полотенцем на ней абсолютно ничего не было.

– Мэтт, пожалуйста, уйдите.

– Я недолго. – Согнувшись, он пробежал пальцами по краю пролома. – Мне только надо это заделать. А то какой же я, к черту, строитель, если оставил после себя такую огромную дыру?!

Китти принялась осторожно пробираться к двери.

И тут Мэтт внезапно выпрямился.

– Успокойся, Китти. Я не собираюсь стоять у тебя на пути, – произнес он со странной улыбкой.

У Китти задрожала нижняя губа. Она молилась, чтобы пришла мама или хотя бы Энтони. Пусть увидят, что Мэтт пробрался внутрь. Стены ванной комнаты, казалось, сомкнулись вокруг нее, голоса на лужайке звучали в тысяче миль от нее.

– Мэтт, – тихо сказала Китти, стараясь сдержать дрожь в голосе. – Я действительно хочу, чтобы вы ушли. Прямо сейчас. – Но, похоже, это был глас вопиющего в пустыне. Тогда Китти повторила еще раз: – Мэтт, пожалуйста, уходите.

– Знаешь, – вдруг сказал он. – А ведь ты очень похожа на свою маму.

Он вытянул руку, чтобы погладить Китти по щеке, но девочка как ошпаренная бросилась к двери. Она протиснулась мимо Мэтта, повозилась с замком и кубарем слетела вниз по лестнице, спиной чувствуя горячее дыхание Мэтта. Китти отодвинула задвижку парадной двери, выскочила во двор и, с трудом сдерживая рыдания, со всех ног рванула на лужайку.

– Меня бессмысленно спрашивать, – говорил Генри. – Я полнейший профан в музыке. Уважаю лишь ту, что в финале выжимает из меня слезу.

– Его музыкальное развитие застопорилось на Джуди Гарленд, – заметил Асад, снимая

пленку с очередной миски.

Некоторые из друзей Китти уже успели вылезти из воды и теперь вытирались или топтались, глотая слюнки, возле стола с угощением.

– Не думаю, что знаю песенки Джуди Гарленд, – ответила Изабелла и, обратившись к детям, добавила: – Кстати, если нужно, там есть еще полотенца.

– А вы исполняете только классическую музыку? – Разложив в центре стола сервировочные ложки, Асад бросил в рот оливку.

– Да. Хотя классическая музыка вовсе не обязательно должна быть мрачной.

– Не уверен, что классическая музыка обладает таким же эмоциональным накалом, как мелодии из шоу, – покачал головой Генри. – Словом, я не сомневаюсь, что они могут заставить меня уронить скупую слезу.

– Эмоциональный накал? Мистер Росс, вы плохо информированы.

– Что? Вы думаете, что сможете заставить меня плакать? Играя на скрипке?

– Насколько мне известно, и даже большие упрямы, чем вы, были посрамлены.

– Ну, тогда вперед! – Генри взял посудное полотенце. – Бросаю вам перчатку! Так что вы уж постарайтесь, миссис Ди. Выжмите из меня слезу.

– Ой, у меня, наверное, не получится. Я уж и забыла, когда нормально играла на скрипке.

– Ничего страшного. Нам и так сойдет.

– Но моя скрипка на кухне.

Генри наклонился и вытащил из-под стола скрипку:

– Уже нет.

– У меня такое странное чувство, будто меня разыграли, – вздохнула Изабелла.

Кузены переглянулись с хитрой усмешкой.

– Но мы ведь должны были заручиться вашим согласием сыграть лично для нас, – сказал Генри. – И вообще, вы же не продаете билеты или типа того. Ну давайте! Сыграйте что-нибудь по-быстрому. Так и быть, уважьте стариков в честь дня рождения вашей дочери.

Изабелла прижала скрипку подбородком. Затем провела по струнам смычком, и в пронизанном полуденным зноем воздухе зазвучали первые такты Концерта для скрипки с оркестром си минор Элгара.

Она покосилась на восхищенные лица Кузенов, а затем закрыла глаза, чтобы не думать ни о чем, кроме музыки. Изабелла играла, и внезапно новая скрипка показалась ей не такой уж плохой. Скрипка пела о грусти расставания с домом, о тоске по мужу или, скорее, по тому мужчине, за которого она его принимала. Она пела о страхе потерять человека, которого нежданно-негаданно встретила на своем пути.

Изабелла открыла глаза и обнаружила, что гости Китти начали рассаживаться на траве. Странно притихнув, они замороженно слушали. Изабелла слегка изменила положение скрипки и, уже заканчивая первую часть, неожиданно увидела между деревьев его, поначалу решив, что ей померещилось. Он поднял руку, и Изабелла, сама того не желая, встретила его сияющей улыбкой.

Кузены повернулись посмотреть, чему это она так радуется, и Асад украдкой пихнул Генри локтем в бок.

Байрон улыбнулся в ответ. Конечно, он пока был для Изабеллы посторонним мужчиной, но теперь это уже не имело значения.

– Вы приехали! – воскликнула она, опуская скрипку.

Он показался Изабелле очень усталым, но каким-то непривычно спокойным. Похоже, работа помогла ему справиться с внутренним разладом.

– Принес Китти подарок, – кивнул он. – Сестра выбирала. Сам-то я не слишком разбираюсь

в том, что любят девочки.

– Китти понравится. – Изабелла продолжала, не отрываясь, смотреть на него. – Я так рада, что вы все-таки выбрались. Правда.

Вся его прежняя скованность куда-то исчезла. Казалось, он даже стал выше ростом.

– Я тоже, – ответил он.

Теперь, когда Байрон больше не находился в тени Мэтта, он выглядел вполне представительно.

Они стояли лицом друг к другу, безразличные к любопытным взглядам.

– Прекрасно, прекрасно! – похлопал в ладоши Генри. – Садись, Байрон. Не мешай ей играть.

Я уже начинаю проникаться светлой грустью.

– Простите, – ухмыльнулся Байрон. – А где Тьерри? – Он по-прежнему не сводил с Изабеллы глаз, и та почувствовала, что краснеет.

Она снова подняла скрипку.

– Тьерри, кажется, на кухне, или в бойлерной, или где-то еще. Устраивает себе... логово.

Байрон удивленно поднял бровь. Отлично, теперь это будет нашей шуткой, подумала Изабелла. Надо же, и ни следа былой скованности.

Байрон опустил на траву, вытянув длинные ноги, а Изабелла, устремив взгляд на Кузенов, начала играть, стараясь сосредоточиться на музыке и не думать о том, что означает его возвращение. И мне все равно, кто он такой и что совершил в прежней жизни, думала Изабелла. Я рада, что он здесь. Она закрыла глаза, с головой погрузившись в музыку, чтобы, не дай бог, не обнажить перед зрителями свои чувства.

Она любила вторую часть, с ее мощными пианиссимо и крещендо, с распевным песенным мотивом, но именно сейчас, извлекая рвущие душу низкие звуки, она поняла, почему бессознательно выбрала именно этот отрывок. Эта музыкальная фраза, эти страстные горько-сладкие ноты, которыми заканчивалась симфония, словно говорили – нет, кричали! – о том, что к прошлому возврата нет. Сам Элгар считал симфонию «слишком эмоциональной», но именно за это композитор ее и любил.

Изабелла открыла глаза. Асад сидел погруженный в глубокую задумчивость, Генри украдкой вытирал глаза. Финальные ноты повисли в воздухе, словно Изабелле хотелось остановить мгновение.

– Вот так-то, – сказала она, опуская скрипку. – Я же говорила, что смогу... – начала она и внезапно осеклась, так как к ней вихрем бросилась Китти.

Одной рукой Китти цеплялась за Изабеллу, а другой придерживала край полотенца. Захлебываясь слезами, она с трудом могла говорить.

– Китти! – Слегка отстранившись, Изабелла заглянула в лицо дочери. – Что случилось?

– Это он, – всхлипнула Китти. – Мэтт Маккарти. Он в доме.

– Что? – вскочил на ноги Байрон.

Изабелла бросила тревожный взгляд в сторону дома, но, заметив, что, кроме полотенца, на Китти ничего нет, испуганно спросила:

– Он тебя трогал?

– Нет... – прошептала Китти. – Он просто... Он был в хозяйской спальне... И влез в ванную через дыру... Он меня напугал. – (У Изабеллы все помутилось в голове. Она с надеждой посмотрела на Байрона.) – Он вел себя реально странно. Я не могла заставить его уйти... – Китти продолжала цепляться за мать.

– Что будем делать? – подскочил к Изабелле Асад.

– Не знаю, – сказала она.

– Чего он, собственно, добивается? – Лицо Байрона окаменело, тело напряжилось.

Изабелла неожиданно испугалась. Испугалась того, что он способен совершить во имя ее, Изабеллы.

– Он говорил, что хочет все исправить, – прошептала Китти. – Заделать дыру. Но он явно был не в себе. Мама, он совсем ненормальный. Он...

– Тьерри! – воскликнул Байрон и ринулся в сторону дома.

А наверху в ванной Мэтт Маккарти протер пальцем запотевшее оконное стекло и обвел глазами собравшихся на лужайке. Он увидел, как Изабелла подняла голову, и на секунду ему показалась – он мог в этом поклясться, – что их взгляды встретились. Теперь она непременно придет.

Возможно, теперь они смогут поговорить.

Он не заметил, как после бегства Китти вода стала переливаться через край чугунной ванны. Он не услышал, как затрещали тонкие лаги, не выдержавшие тяжести ванны с водой.

Мэтт Маккарти вернулся через пролом в хозяйскую спальню, сел на краешек кровати и...

Байрон медленно поднимался по лестнице, заглядывая в каждую комнату, мимо которой проходил, в тщетной попытке отыскать мальчика. Многолетний опыт охотника сделал его походку бесшумной, ни одна ступенька, ни одна деревянная доска не скрипнула у него под ногами.

Он остановился на лестничной площадке и услышал звук льющейся из крана воды. Дверь ванной комнаты распахнута настежь, но внутри оказалось пусто. Байрон открыл дверь в хозяйскую спальню и первое, что он увидел, был Мэтт. Он сидел на кровати, вперившись невидящим взглядом в чудовищную дыру в стене спальни. Неожиданно Мэтт поднял голову и удивленно моргнул.

Он явно ждал кого-то другого, понял Байрон. Байрон застыл на пороге. Нет, он больше не боялся Мэтта Маккарти.

– А где Изабелла? – спросил Мэтт.

Несмотря на загар, лицо его посерело, и только на щеках пылали два алых пятна.

– Ты должен уйти, – твердым голосом произнес Байрон.

От резкого прилива адреналина у него так громко стучало в висках, что казалось, будто звук этот колоколом разносится по всей комнате.

– Где Изабелла? – повторил Мэтт. – Она должна была подняться сюда поговорить со мной.

– Ты только что напугал Китти до полусмерти, – сказал Байрон. – А ну, живо убирайся отсюда!

– Уйти из этого дома? А кто ты такой, чтобы мне приказывать?!

– Ты любишь запугивать, да? – Байрон чувствовал приближение приступа слепой ярости, которую он многие годы держал под спудом. – Ты готов даже запугать молоденькую девушку, чтобы заполнить дом. Помяни мое слово, все кончено, Мэтт.

Но Мэтт, казалось, не слышал Байрона, его взгляд был устремлен на пролом в стене. Он безучастно смотрел, как вода переливается через край ванны.

– Убирайся! – Байрон расправил плечи, приготовившись силой поднять Мэтта с кровати. – Повторяю еще раз...

– Или что? Ты меня уроешь? Одно слово, Байрон. – Мэтт криво ухмыльнулся, словно услышав только им одним известную шутку. – Одно слово. Если ты, конечно, сможешь его написать. Т-Ю-Р-Ь-М-А...

Кровь бросилась Байрону в голову. Эта насмешливая ухмылка, эти мертвые змеиные глаза... И Байрон понял: ему наплевать на последствия. Самое главное – остановить этого безумца,

чтобы тот прекратил запугивать людей, наживаться на Изабелле. Он занес сжатую в кулак руку...

И задохнулся от ужаса, когда с чудовищным треском и скрежетом пол в ванной начал проваливаться...

Байрон, подумала Изабелла. Она снова взяла в руки скрипку, намереваясь исполнить что-нибудь веселое и жизнеутверждающее. Все будет хорошо, раз уж он там. Он обязательно позаботится, чтобы ничего не случилось... Но, услышав, как за ее спиной что-то с ужасающим грохотом начало ломаться и падать, она уронила скрипку и резко повернулась...

Шум, точно выстрел, разорвал тишину. Ужасный, леденящий душу шум. Он словно засосал в гигантскую воронку весь воздух, а затем обрушился вниз с глухим рокотом, протяжным стоном, оглушительным треском черепицы, под барабанную дробь бьющегося стекла. Испанский дом разваливался посередине, будто в земле открылась гигантская трещина, разорвавшая дом пополам. Земля задрожала, утки, тревожно крякая, взлетели над камышами, когда рухнула центральная часть дома. И прямо на глазах у остолбеневшей Изабеллы, Китти и всех гостей стены сложились, словно карточный домик, и осыпались, подняв в воздух гигантский столб пыли. А когда пыль рассеялась, все увидели два полуразрушенных крыла дома. Треснувшие балки торчали, точно переломанные кости, а посреди всего этого хаоса из лопнувшей трубы тонкой струйкой сочилась вода, совсем как праздничный фонтан.

Никто ничего не говорил. Время остановилось, звуки словно замерли. Изабелла в ужасе ахнула, прижав руки ко рту, а затем после короткой паузы Китти начала выть – высоким, протяжным, замогильным голосом. Ее тело тряслось как в лихорадке, глаза были прикованы к тому месту, которое еще недавно было ее домом. И когда она обрела способность говорить, все услышали:

– Где Тьерри?!

Лора смотрела в окно машины и не верила своим глазам. Масштаб и невероятность произошедшего приковали ее к сиденью. Еще секунду назад дом был, и вот теперь его нет, остался только устрашающий остов с выставленными напоказ внутренностями комнат – обоями и державшейся на честном слове картиной. Половиной спальни с прикрепленными к стене постерами.

За ее спиной, на заднем сиденье, завыл старый пес.

Дрожащими пальцами она с трудом открыла дверь и выбралась из машины. На подъездной дорожке толпились сбившиеся испуганной стайкой подростки. Изабелла смотрела на дом, прижав руки ко рту. Рядом с ней стояли Кузены, Генри что-то кричал в мобильник. Поттисворт, рассеянно подумала Лора. Во всем этом она видела его зловещую невидимую руку, ей слышался его гнусный одышливый смех и в треске крошащегося дерева, и в звоне разбитого стекла.

А затем она увидела бегущего к ней Николаса. Лицо его было пепельно-серым, к груди он прижимал папку с бумагами.

– Какого черта?! – повторял он. – Я был в гараже. Какого черта?

– Тьерри! – раздалось где-то поблизости.

Они завернули за угол, и у Лоры вдруг екнуло сердце.

– Тьерри! – В нескольких ярдах от них стояла Изабелла. Лицо искажено ужасом, волосы всклокочены. Она попыталась сделать шаг в сторону дома, но ноги ее подкосились, и она рухнула на траву.

– Ох... Ох, только не это, – выдохнула Лора. – Только не ребенок...

Николас попытался взять Лору за руку, но ее рука бессильно повисла вдоль тела.

– Это Мэтт, – сказал Николас. – Должно быть, он ослабил несущие конструкции. – Хотя голову могу дать на отсечение, когда я осматривал дом, они были еще в порядке.

Лора не могла отвести взгляд от Изабеллы Деланси. Изабелла была бледной как смерть, глаза побелели от ужаса.

Рядом рыдала ее дочь.

– Мама! – вдруг услышала Лора чей-то голос. И снова: – Мама!

Изабелла стремительно обернулась, и Лора поняла, что ей до конца жизни не забыть выражения лица этой женщины. Мальчик вышел из-за деревьев, следом за ним выскочил щенок.

– Мама!

Изабелла вскочила на ноги и, не разбирая дороги, опрометью кинулась мимо Лоры с Николасом навстречу сыну. Прижала его к груди и разразилась такими душераздирающими рыданиями, что Лора не выдержала и тоже заплакала. Лора смотрела на эту женщину, прислушивалась к ее судорожным всхлипываниям, видела ее боль и отчаяние, вызванные отчасти вовремя не обузданными страстями.

Лора, вдруг почувствовав себя соглядатаем, повернулась лицом к дому – чудовищным развалинам посреди леса. Фасад казался маской из красного кирпича, выбитые окна были точно незрячие глаза, а дверной проем – как разинутый в немом крике рот.

Тем временем именно из этого проема неожиданно появился ее муж, голова окровавлена, рука неестественно согнута. Мэтт шел спотыкаясь и падая, но выглядел абсолютно спокойным, словно он просто решил оценить объем работ.

– Боже правый! – пробормотал Николас.

И Лора внезапно осознала всю глубину безумия Мэтта.

– Лора? – удивленно спросил Мэтт, перебираясь через груды битого кирпича, и она поняла: находясь всего в нескольких сотнях футов от родного дома, Мэтт Маккарти заблудился и окончательно потерялся.

– Спасибо Тебе, – крепко прижимая к себе сына, благодарила Изабелла всемогущего Бога. – О, спасибо Тебе. О Господи, я уже было подумала... Уж этого я точно не смогла бы перенести. – Она вдыхала родной запах сына, роняя слезы ему на лицо.

– Мы пересчитали всех детей, – сообщил Генри. – Они в порядке.

– Отведи их сторону, – потянувшись за ингалятором, сказал Асад. – Пусть соберутся на берегу озера.

Внезапно тишину разорвал глухой рокот.

– Что это? – испуганно спросила Китти.

И тут прямо на их глазах задняя стена с уцелевшей половиной хозяйской спальни наклонилась и, точно в замедленной съемке, обрушилась ливневым дождем из стекла и кирпичей, вырвав из груди гостей на лужайке испуганный крик. Изабелла обхватила руками своих детей, ладонями прикрывая их лица от острых осколков.

– Все хорошо, – шептала она. – Все хорошо. Главное, что вы живы.

– Но где Байрон? – спросила Китти.

– Байрон? – безучастно повторил Тьерри.

– Он ведь пошел искать Тьерри, – медленно произнесла Китти и повернулась туда, где некогда была бойлерная.

– Боже милостивый! – воскликнул Генри.

Изабелла бросилась на траву, а затем, опустившись на колени, принялась разгребать кучу битого кирпича.

– Господи, только бы это не повторилось! Только не тебя! – бормотала она охрипшим

от страха голосом.

А затем, словно она кинула им клич, гости бросились ей помогать, разбирать завалы, оттаскивать лаги; тонкие руки подростков покраснели от кирпичной пыли, ладони самой Изабелла были исцарапаны и разодраны в кровь.

– Байрон! – кричала она. – Байрон!

Кузены суетились возле Китти и Тьерри, укутывая их, несмотря на палящее солнце, в полотенца. Тьерри трясся как в лихорадке, от шока его лицо побледнело, утратив все краски. Генри поил мальчика сладким соком и как мог успокаивал.

– Это я виноват, да? – услышала Изабелла голос сына, и ее лицо сморщилось от подступивших к горлу слез.

Киттины друзья, периодически предупреждая друг друга о гвоздях и битых стеклах, разбирали тяжелую черепицу. Две девочки, не скрываясь, рыдали, а еще одна звонила кому-то по мобильному телефону.

– Они скоро будут, – сообщил Генри так, словно в первую очередь хотел успокоить в себя. – Пожарные и «скорая помощь». Они непременно его найдут.

Изабелла, как заведенная, продолжала разгребать завалы. Она отбрасывала кирпичи в сторону – один, второй, третий, – пытаясь разглядеть, нет ли под ними воздушного кармана, и снова один, второй третий... Дыхание с хрипом вырывалось из легких, сердце, казалось, вот-вот выскочит из груди.

– Не разрешайте никому ходить по обломкам, – скомандовал Асад. – Если он внизу, его может еще больше завалить.

И словно в подтверждение его слов двое ребят взвизгнули, когда доска, на которой они стояли, начала уходить из-под ног. И только стараниями друзей их удалось вытащить из образовавшейся ямы.

– Уберите их оттуда! – надрывался Асад. – Живо вон! Сейчас доски рухнут вниз.

Все бесполезно, отойдя в сторону, подумала Изабелла. Она посмотрела на часы и поняла, что прошло уже целых двадцать минут, а они до сих пор не имеют ни малейшего представления о том, где может быть Байрон. У нее возникло стойкое ощущение постепенно нарастающего хаоса и общей истерики. За ее спиной кто-то спорил о том, как поднимать лаги. Генри с Асадом уговаривали подростков прекратить разборку завалов и не путаться под ногами. А Китти убеждала Тьерри, что все обойдется.

Нет, не обойдется. Байрон сейчас под развалинами дома. И счет уже идет на минуты. Помоги мне, мысленно обратилась к нему Изабелла, оттаскивая в сторону кирпичи и камни. Помоги мне найти тебя! Я не хочу потерять и тебя тоже. Я этого просто не переживу. Она присела на корточки и закрыла глаза руками.

Она сидела так, застыв как изваяние, не меньше минуты. Затем обернулась на своих добровольных помощников.

– Тише! Всем успокоиться! – крикнула и прислушалась. До ее ушей донесся яростный лай. – Тьерри! – позвала она сына. – Где собаки Байрона? Выпусти собак!

У Тьерри сразу просветлело лицо. Провожаемый взглядами озадаченных гостей, он со всех ног бросился к машине Байрона и выпустил собак. Элси и Мег стрелой помчались к задней части того, что когда-то было домом.

– Тихо! Никому ни звука! – приказала Изабелла.

И кругом воцарилась тишина, мертвое спокойствие, еще более зловещее, чем предшествовавший обрушению жуткий треск. Китти, в объятиях Генри, перестала всхлипывать и, затаив дыхание, смотрела, как мать бросилась на землю рядом с собаками.

– Байрон! – крикнула она каким-то чужим, страшным голосом. И снова: – Байрон!

А в ответ тишина, только всепоглощающее молчание, растянувшееся, казалось, на целую вечность. От отчаяния у Изабеллы замерло сердце. В этой гробовой тишине лишь слышно было, как у Китти от страха стучат зубы. Замолкли птицы, перестали перешептываться сосны. В этом крошечном уголке английской глубинки время на миг замерло и остановилось.

Затем, когда вдали уже завывали сирены, собаки вдруг зашлись в истерике и принялись отчаянно скрести когтями по груде упавших балок, и тогда она услышала.

Его крик.

Ее имя.

Самую сладкую музыку, когда-либо ласкавшую слух Изабеллы.

Он еще легко отделался, учитывая обстоятельства, сказали парамедики. Подозрение на перелом ключицы, рваная рана на ноге и множественные порезы. Его оставят на ночь в больнице, чтобы убедиться в отсутствии внутренних повреждений. Он лежал на носилках, рядом переговаривались парамедики, трещали полицейские рации, и тут Лора Маккарти увидела, как к нему подошел сын этой женщины Деланси. Мальчик беззвучно, не замеченный толпящимися вокруг взрослыми, опустил голову на руку Байрона и погладил его по укрытой одеялом груди. Байрон удивленно поднял голову, а затем потрепал мальчика по щеке рукой в синяках и порезах.

– Все хорошо, Тьерри, – проронил он так тихо, что Лора с трудом его расслышала. – Я все еще здесь.

И когда носилки с Байроном стали загружать в машину «скорой помощи», Лора осторожно выступила вперед. Порывшись в сумочке, она достала какие-то бумаги и вложила их в забинтованную ладонь Байрона.

– Не уверена, насколько это важно с учетом сложившихся обстоятельств, но это адресовано вам, – произнесла она и, не дав Байрону возможности хоть что-то сказать в ответ, развернулась и пошла прочь.

– Лора! – услышала она голос Мэтта.

С перевязанной головой, с накинутым на плечи одеялом, с двумя полицейскими по бокам, он был как ребенок – беспомощный и ранимый. От прежнего Мэтта не осталось и следа, подумала Лора. Он оказался полностью уничтожен, совсем как тот дом.

Ну вот, все само собой и разрешилось. Она повернулась к Николасу и легонько провела кончиками пальцев по его щеке, ощутив скрытую в упрямом подбородке силу. Хороший человек. Человек, сумевший себя возродить.

– Прости, – ласково сказала она.

Лора взяла своего несчастного, запутавшегося мужа под руку и прошла вместе с ним к полицейской машине.

Первую ночь они провели у постели Байрона. Тьерри категорически отказался его оставлять, да и идти им, собственно, было некуда. Сестры, наслышанные о произошедшем, выделили им место в той же палате, и когда Тьерри и Китти улеглись наконец на узкие больничные койки и заснули – их личики были омрачены трагическими событиями минувшего дня, – Изабелла села на стул между ними, изо всех сил стараясь не думать о том, что ждет ее маленькую семью впереди.

Она прислушивалась к окружающим ее больничным звукам: тихим шагам по линолеумным полам, приглушенным разговорам, периодическому пиканью тревожной кнопки, предвещающему крик о помощи. А когда ей удавалось ненадолго задремать, в ее сны врывались ужасающий грохот, жалобный вой дочери, это растерянное «Мама!» Тьерри, и она моментально просыпалась.

Еще полгода назад, когда она во всем искала знаки свыше, она непременно сказала бы, что это Лоран их спас, это Лоран их защитил. Но сейчас, глядя на мужчину на кровати напротив, она понимала: все гораздо сложнее. Не стоит искать причины и смыслы. Тебе или везет, или не везет. Ты или умираешь, или остаешься жить.

Ближе к пяти начало светать. Комнату теперь заливал холодный голубой свет, который пробивался сквозь бледно-серые занавески. Изабелла потянулась, чтобы размять затекшие шею и плечи. Затем, убедившись, что дети спят, она пересела на стул возле постели Байрона. Во сне его лицо разгладилось, утратив привычное настороженное выражение. Кожа уже не была такой бледной, к Байрону вернулся обычный здоровый загар человека, работающего на свежем воздухе. И никаких следов сомнений, злости или опасений.

Изабелла вспомнила, как Байрон без лишних колебаний ринулся в дом спасать Тьерри. Вспомнила она и широкую уверенную улыбку, которая играла на его лице, когда он приехал поздравить Китти. Его прямой взгляд говорил откровеннее любых слов о том, что она и так в глубине души подозревала. И Изабелла увидела, что у нее есть будущее, возможно, впервые после смерти Лорана. Увидела улыбку сына, услышала его звонкий голос. Увидела, как дочь постепенно освобождается из оков преждевременного взросления. Увидела если не счастливое существование, то хотя бы шанс снова обрести счастье.

И он чувствовал то же самое, в этом она совершенно не сомневалась. Нет, это отнюдь не порыв под влиянием импульса, говорила она себе. Это самое взвешенное решение, которое она когда-либо принимала. Она медленно наклонила голову и оставила поцелуй на его губах – неожиданно мягкие, они пахли больницей, антисептиком, хозяйственным мылом, ну и немножко лесом.

– Байрон, – прошептала Изабелла и поцеловала Байрона еще раз, позволив его израненным рукам обнять себя, чтобы он, проснувшись, мог произнести ее имя.

Она прилегла рядом с ним, оросив его грудь слезами благодарности – благодарности за то, что он есть, за то, что она снова любима, снова желанна. Изабелла чувствовала несказанное облегчение, что призрак Лорана больше не стоит между ними, что она не слышит доносившихся с небес упреков, не ощущает своей вины. Лоран больше не нависал над ней потусторонней тенью, как это было в случае с Мэттом.

Теперь рядом был Байрон. Байрон, и только Байрон.

Ведь человек сам выбирает себе право быть счастливым.

А когда спустя какое-то время она подняла голову посмотреть на Байрона, то неожиданно для себя обнаружила, что лицо его стало встревоженным.

– Тебе больно? – Она провела пальцем по его виску, наслаждаясь остротой новых ощущений.

Он не ответил. Синяк на его виске успел расцвести всеми цветами радуги.

– Я могу принести тебе обезболивающие. – Она попыталась вспомнить, куда медсестра положила таблетки.

– Прости, – тихо обронил он.

– Прости? – удивленно повторила она, но он только покачал головой. Тогда она спросила, слегка отстранившись: – Простить за что?

– Я не могу. Прости.

В воздухе повисла длинная, тяжелая пауза.

– Ничего не понимаю. – Она села на постели.

Он немного помолчал и только потом заговорил тихим, запинаящимся голосом. Было слышно, как за дверью тщетно надрывается телефон.

– Ничего не выйдет.

Я знаю, что чувствую, хотелось ей сказать. И знаю, что чувствуешь ты. И тем не менее эти слова были всего лишь парафразом заклинаний Мэтта.

– Это глупо. – Она силилась улыбнуться. – Почему бы нам просто не посмотреть... что получится?

– А ты действительно на это способна? Кинуться очертя голову и надеяться на лучшее? – Он пытался, чтобы слова его звучали небрежно.

– Я вовсе не это имела в виду.

– Изабелла, мы слишком разные. И ты знаешь, что это так.

Она уставилась на него непонимающим взглядом – на упрямую линию рта, на грустные глаза, упорно отказывающиеся на нее смотреть. И тогда она еле слышно спросила:

– Ты ведь знаешь, да?

– Знаю о чем?

Дети по-прежнему крепко спали.

– О Мэтте. – (Он вздрогнул, впрочем, ничего другого она и не ожидала.) – Так я и думала. Конечно, все, что я скажу, – лишь пустые оправдания. Просто в ту ночь отключилось электричество, и я напилась, и я чувствовала себя ужасно одинокой, да и вообще со дня смерти Лорана я еще никогда не была такой несчастной, ну и, положила руку на сердце, где-то в глубине души мне буквально на миг показалось, будто это именно то, чего я хочу.

– Ты вовсе не обязана мне объяснять...

В ее голосе появились отчаянные, яростные нотки.

– Нет, обязана. Потому что это случилось и было ужасной ошибкой. Не проходило и дня, чтобы я не сожалела об этом. Но то, что я совершила тогда, никоим образом не касается моих чувств к тебе.

– Я вовсе не обязан выслушивать...

– Нет, обязан. Потому что я совсем не такая. И я не привыкла разбрасываться своими чувствами.

– Я не хотел...

– Вот что я тебе скажу. До Лорана я вообще ни разу ни с кем не спала! Когда он умер, мне было тридцать шесть, и за всю свою жизнь я спала с одним-единственным мужчиной... Иногда мне и самой становилось смешно... Мэтт...

– При чем тут Мэтт?! – Его голос буквально взорвал крошечное помещение. Китти беспокойно заворочалась во сне, и Байрон поспешно сбавил тон. – Я знаю, что в ту ночь он приходил к тебе. Я был там. Ты ведь помнишь? Но я не стал тебя осуждать. Я никогда, пойми,

никогда, тебя не осуждал. Просто Мэтт и его темные делишки – все это так или иначе маскировало правду.

– Правду?

Он тяжело вздохнул:

– Нет, ничего не выйдет.

– Как ты можешь так говорить? И вообще, откуда тебе знать?

– Изабелла...

– Почему ты даже не хочешь попытаться?

– Мне нечего тебе предложить. Ни дома. Ни финансовой безопасности.

– Меня это совершенно не волнует.

– Потому что у тебя это есть. Легко говорить, когда все есть. – (Она ждала продолжения.) –

И я не хочу, чтобы через год ты стала смотреть на меня другими глазами... и изменила свое отношение ко мне... Потому что у меня нет ни гроша за душой.

Несколько минут они сидели в тишине. Наконец Изабелла нарушила молчание:

– Байрон, знаешь, что я вчера пережила? Такое, что и врагу не пожелаешь. Ведь вы с Тьерри могли погибнуть. – Она наклонилась к нему поближе. – Но вы не погибли. Вы оба выжили. Выжили. И вообще, за этот год я поняла одну очень важную вещь. Надо использовать любой, пусть даже самый маленький шанс, чтобы стать счастливым. – Она услышала, как Тьерри что-то бормочет во сне, но решила не обращать внимания. – Ты помог нам встать на ноги и двигаться дальше. Помог Тьерри, да, в сущности, им обоим... Ты вернул нам всем нечто очень важное. – Изабелла уже чуть не плакала. – То, в чем они нуждались. То, в чем я нуждалась. Не поступай так со мной, Байрон. Не отталкивай меня. Ну а все остальное совершенно неважно.

У Байрона заходили желваки на скулах.

– Изабелла... Я реалист. И я не в состоянии изменить порядок вещей, – произнес он, не глядя на нее. – Все, что ни делается, все делается к лучшему. Поверь мне.

Изабелла ждала. Может, он скажет что-нибудь еще. Но он упорно молчал. Тогда она поднялась с кровати, слегка пошатываясь то ли от усталости, то ли от потрясения.

– Значит, вот так? И это после всего, что случилось? После всего, через что мы вместе прошли? Значит, ты собираешься меня судить за то, что я владею домом?

Байрон покачал головой. Морщась от боли, он перевернулся на другой бок и закрыл глаза, чтобы не видеть Изабеллу.

Кузены предоставили им крошечную квартирку над магазином. Друзья и соседи тоже не остались в стороне, предлагая им кров. Но только здесь, у Кузенов, члены семьи Деланси могли жить вместе. Сейчас Изабелла больше всего хотела, чтобы ничто не напоминало ей об Испанском доме, но, как это ни парадоксально, слишком далеко уезжать от него она категорически не желала. Ведь там остались страховые свидетельства, а также все важные документы.

Асад протянул ей ключи от квартиры.

«Живите сколько хотите, – сказал он. – Квартирка совсем простенькая, но с голоду вы здесь точно не умрете. Мы убрали все лишнее и достали раскладушки. Как говорится, в тесноте, да не в обиде. По крайней мере, у вас будет постель и ванная комната».

Изабелла тяжело опустилась на диван-кровать – дети примостились у нее под боком – и рассмеялась странным истеричным смехом. Ванная. Наконец-то у них есть ванная. Тьерри внимательно посмотрел на нее, словно спрашивая, что же будет дальше. У Изабеллы не осталось ни моральных, ни физических сил, но тем не менее она заставила себя улыбнуться. Ведь это ее работа.

Когда утром они покидали больницу, у них не было ничего: ни сумок со сменной одежды, ни даже бумажника. Ничего. Только скрипка. Пустяки, беспечно сказала она Асаду. «Ведь это всего-навсего вещи, ведь так? А наша семья прошла хорошую школу выживания на подножном корме».

«Ничего, скоро сами увидите, что у вас есть гораздо больше, чем вам кажется», – успокоил ее Генри. И действительно, когда новость об Испанском доме распространилась по деревне, к Кузенам потянулись местные жители, которые несли все, что может пригодиться в хозяйстве: зубные щетки, кастрюли, одеяла. «Мы с Асадом проверили. Тут добра более чем достаточно, чтобы вы могли продержаться, пока не получите страховку».

Поначалу Изабелла решила, что вещи из магазина Кузенов. Но теперь она обнаружила массу предметов домашнего обихода, некоторые совсем новые. Все было аккуратно запаковано и доставлено в квартиру над магазином.

«Но они же нас совершенно не знают», – удивилась Китти, вынимая теплое клетчатое одеяло.

«Мне кажется, на деревенских иногда просто наговаривают, – сказал Генри. – Они хорошие люди. Щедрые люди. Просто их нужно узнать поближе. И отнюдь не все похожи на...»

Китти выудила из груды вещей пакет и отнесла на диван. Она начала изучать содержимое пакета, демонстрируя Изабелле каждую вещь. Некоторые были собраны с такой заботой и любовью, что у Изабеллы слезы навернулись на глаза: косметичка с набором косметики и лосьоном для рук, упаковка разнообразных хлопьев для завтрака на любой вкус, контейнеры с едой. Бисквиты. А еще аккуратные стопки выстиранной одежды, подобранной по размеру каждого члена их маленькой семьи. Тьерри с неожиданным удовольствием продемонстрировал футболку для катания на скейтборде. А еще открытки, много открыток с телефонными номерами, словами поддержки и сочувствия.

– Полиция нашла вашу сумочку с бумажником внутри, – сказал Асад. – А еще ключи от машины, – поспешно добавил он.

– Ну, тогда, полагаю, мы богатые люди, – улыбнулась Изабелла. – Ведь самое главное, что мы есть друг у друга. А все остальное – просто вещи. Просто вещи.

И когда она разрыдалась, Асад положил ей руку на плечо и стал что-то объяснять насчет запоздалого шока. Он включил чайник и велел детям найти печенье. Изабелла не стала мешать им суетиться вокруг себя. Она сидела, закрыв лицо руками. Ну как она могла признаться Асаду, что плачет вовсе не из-за потери имущества, а из-за того, что человек, которого она полюбила, не пожелал ответить взаимностью?

Машина была припаркована на поляне. Можно сказать, даже не припаркована, а брошена примерно тридцать шесть часов назад человеком, спешившим на празднование дня рождения. Он так торопился присоединиться к гостям на лужайке, что даже забыл ее запереть.

Он швырнул сумку на переднее сиденье. Сосед оставил на ветровом стекле записку с предложением помощи, и он аккуратно убрал бумажку, тронутый этим широким жестом. Он только что забрал собак от присматривавшего за ними фермера и теперь стоял возле своего «лендровера» и наблюдал, как собаки, радуясь возвращению к привычной жизни, нарезают круги возле озера.

На другом берегу полицейские огородили лентой развалины дома, и теперь эта лента развевалась на ветру, словно пародия на разбросанные на траве праздничные драпировки. Поездка на праздник, залитая солнцем лужайка, звуки музыки, – казалось, все это было тысячу лет назад. У него в голове не укладывалось, как всего за несколько секунд мог исчезнуть дом, еще недавно полный жизни. А еще он прекрасно понимал: катастрофа не только не напугала его,

как могло показаться, а в каком-то смысле даже спасла.

От себя самого.

Внезапно Байрон почувствовал ужасную усталость. Ему было даже страшно подумать об утомительной обратной дороге к Фрэнку. Джан, приехавшая днем в больницу, уговаривала брата немного пожить у них с Джейсоном.

«Ты выглядишь ужасно, – сказала она. – Нужно, чтобы хоть кто-нибудь за тобой присмотрел». Но Байрону хотелось побыть одному. Он не желал быть гостем в чужом доме, соглядатаем чужого счастья. «Я собираюсь вернуться в Бранкастер», – сказал он. На что сестра ответила: «Иногда мне кажется, что твой самый главный враг – это ты сам».

Байрон медленно подошел к развалинам, чтобы бросить на дом последний взгляд. Дом, в котором ему удалось прожить на законных основаниях только двадцать четыре часа. У него еще никогда не было так светло на душе, как тогда, когда он проснулся в той комнате. И тем не менее он не имел морального права остаться. Ему не хотелось видеть, как она занимается самообманом.

Байрон остановился там, где некогда была восточная часть дома, и поднял с земли белый кувшинчик с отбитой ручкой. Сколько вещей погребено здесь, под руинами! Обломки семейной жизни Изабеллы преданы земле, чтобы потом быть закопанными на свалке. Байрон держал кувшинчик, пытаясь представить его на кухне и одновременно отгоняя от себя образ Изабеллы. Ее опрокинутое лицо на фоне развалин. Но ему абсолютно нечего ей предложить. Обладать ею, а потом потерять, смотреть на то, как ее любовь сменяется раздражением, когда ему предложат работу вдали от дома или он не сможет принести в семью достаточно денег, видеть ее настороженное лицо всякий раз, как она будет слышать обрывки старых сплетен, наблюдать за тем, как постепенно угасает ее страсть. Нет, лучше уж вообще отказаться от этой женщины, чтобы потом лишний раз не страдать.

Он останется один со своими собаками. Так будет гораздо проще.

Собак явно пора было кормить, но все его деньги остались в Бранкастере. Он залез в карман в надежде найти завалящую мелочь и нащупал сложенный лист бумаги. Похоже, какое-то официальное письмо. Он попытался припомнить, откуда оно могло взяться, и в памяти всплыла Лора Маккарти, сунувшая ему в руку письмо, перед тем как его погрузили в машину «скорой помощи».

Наверняка уведомление об увольнении, подумал он. Черт, эти Маккарти умеют выбрать подходящий момент! Он развернул бумагу, пробежал глазами напечатанный текст и неожиданно замер. Тогда он уже более внимательно прочел документ, подписи свидетелей и приписку, сделанную рукой Поттисворта и адресованную Лоре Маккарти. Затем перечитал документ в третий раз, не веря своим глазам. Неужели там действительно напечатано его имя? На секунду он было подумал, что это шутка, но затем вспомнил лицо Лоры, когда та отдавала ему бумагу. Лора выглядела мрачной, но на лице ее было написано нечто вроде странного облегчения. Ему на память пришел мистер Поттисворт, вечно бормотавший что-то насчет семейства Маккарти, их корыстолюбии и самомнении. «Они ждут не дождутся, чтобы заграбастать этот дом, – ворчал Поттисворт. – Людишки типа их вечно считают себя в своем праве». Но Байрон тогда не обращал внимания на брюзжание вредного старикашки. Поттисворт никогда не выказывал ему особого расположения или хотя бы капли симпатии. Тогда чего ради он так поступил? Хотя, скорее всего, Поттисворт просто хотел усть Лору Маккарти, а не осчастливить его, Байрона. Это была последняя злорадная проверка Лоры на прочность: старик отдал ей оба экземпляра завещания, с тем чтобы она могла, если захочет, уничтожить то, что было в пользу Байрона. Это была фига, показанная Мэтту.

«Надо же, и все это время, – размышлял Байрон, осознавший наконец, что все это правда, –

я вечно извинялся, что нарушаю границы владений, которые на поверку оказались моими, и жил, точно бомж, в собственной бойлерной. Ситуация показалась ему настолько абсурдной, что он рассмеялся, и собаки тотчас же наострили уши. У Байрона даже закружилась голова при мысли о том, что он стал землевладельцем. Теперь он, Байрон, хозяин этого поместья.

А затем он вспомнил об Изабелле. Она потеряет все. Не только дом, но и страховку. Свои сбережения. Ведь все, что она имела, ушло на эти стены. Он находит, а она теряет.

Байрон сел на поваленное дерево, держа перед собою письмо. Он посмотрел на другой берег озера взглядом полноправного собственника. Которого уж точно нельзя назвать человеком без гроша за душой.

Она прошла последнюю сотню ярдов по лесу пешком, остановилась там, где проселочная дорога упиралась в поляну, да так и осталась стоять, скрестив на груди руки и глядя на развалины дома. Китти и Тьерри она оставила с Кузенами под предлогом, что ей надо съездить за продуктами. Однако вместо того, чтобы отправиться в банк или супермаркет, она машинально выбрала поворот на свиноферму, а затем поехала по разбитой проселочной дороге туда, где по-прежнему виднелось несколько запоздалое предупреждение «Сave!».

Ей казалось, что она никогда больше даже не посмотрит в сторону Испанского дома. И все же она не могла не приехать сюда. Она должна была это видеть. Правда, пока она ехала через лес, ее терзали сомнения, не совершает ли она ошибки. Но вся штука в том, что развернуться на этой дороге было невозможно, а значит обратного пути у нее нет.

Уже подъезжая к поляне, она увидела, что все пространство впереди залито светом. И только тогда до нее дошло, что стены из красного кирпича уже нет и теперь ничто не заслоняет солнце. Она сбросила скорость и остановила машину на подъездной дорожке у груды камней и досок, когда-то бывшей ее домом.

И несмотря на теплый вечер, ее вдруг зазнобило. Она могла сколько угодно убеждать себя, что это было для них скорее не домом, а всего лишь временным пристанищем, и тем не менее Испанский дом дал новый импульс их семье, а в его стенах завязались в один тугий узел надежды и устремления, любовь и история. И теперь вид этих печальных руин причинял ей острую душевную боль, словно вместе с домом рухнул фундамент их маленькой семьи.

Изабелла разрыдалась, сама толком не понимая, кого или что оплакивает. Она испытывала целую гамму противоречивых чувств. И горечь потери. И шок от осознания бренности бытия. И страх перед будущим.

Она стояла у груды камней, потеряв счет времени. Однако вскоре благодаря безмятежности озера и умиротворяющим голосам леса первоначальные шок и ужас уступили место смиренному осознанию. Ведь дом – это всего-навсего дом, о чем красноречиво свидетельствуют его развалины. Он ничего не значил тогда, не значит и теперь. И не стоит искать зловещих предзнаменований в его разрушении. Это был безрадостный, холодный дом – просто кирпичи, строительный раствор, дерево и стекло. И собственно, в нем не было ничего такого, чего нельзя было бы заменить.

«Можете его забирать», – сказала она Николасу Тренту, когда тот связался с ней сегодня днем. Он специально позвонил справиться о том, как они пережили эту катастрофу. А в конце разговора он добавил: «Я не собираюсь отказываться от своих слов, что состояние дома меня не волнует».

«Забирайте его на ваших условиях. Меня вполне устроит цена вашего первоначального предложения, – перебила его Изабелла. – Если вы поскорее закончите со всеми формальностями. Мне хочется наконец сдвинуться с мертвой точки».

Ее размышления прервала собака, ткнувшаяся ей в ладонь мокрым носом.

Она обернулась и увидела его. Он стоял на груде кирпича в нескольких футах от нее; синяки на лице и руках потемнели, приобретя зловещий сине-зеленый оттенок.

Она не знала, что сказать. Он был совсем не похож на того мужчину, с которым этим утром она рассталась в больнице. Они встретились случайно, почувствовав странное притяжение, а затем разбежались в разные стороны. Она жалела, что он не успел уехать до ее появления здесь. И в то же время радовалась, что застала его.

– Я хотела это увидеть, – объяснила она свое присутствие. Он молча кивнул. – Все не так страшно... как я думала. – Последняя фраза была настолько абсурдной, что она не выдержала и расхохоталась. – Я имела в виду, что теперь это выглядит не настолько пугающим.

– Нам повезло, – заметил он.

– В каком-то смысле да, – с затаенной горечью сказала она.

Слегка наклонившись, она стала обходить развалины дома, вытаскивая из-под обломков то случайную фотографию, то щетку для волос, стараясь не слишком расстраиваться из-за погребенных под камнями вещей. Пожарные еще в день обрушения постарались извлечь все более-менее стоящее. «Вы особо не переживайте из-за мародеров, – сказал ей один из них. – Вряд ли кто знает, что в этой глуши есть дом».

Нелепое замечание. Не было никакого дома. Ну и ладно, не стоит расстраиваться, уговаривала она себя. У нее больше не осталось ничего сколько-нибудь ценного. И она не будет расстраиваться из-за Байрона. Теперь она точно знала, что проживет и одна. Начнет все с чистого листа. Она обернулась и обнаружила, что он смотрит на нее. На секунду ей показалось, будто он собирается что-то сказать, но он промолчал. И она продолжила свой скорбный обход обломков прежней жизни, хотя его взгляд по-прежнему обжигал ей кожу.

Байрон смотрел, как она, в обтягивавшей грудь тесной футболке, бродит между разбросанными по траве вещами. Он заметил царапины и зарубцевавшиеся шрамы на ее руках: появившиеся явно не вчера, они были результатом года жизни в Испанском доме. Он не знал, как объяснить ей свое поведение. Не знал, как рассказать ей о том, что с ним произошло, а именно о том, что человек, считавший, будто жизнь прошла мимо, может за один миг воскреснуть, словно феникс из пепла. Наконец она подняла голову и покраснела, встретившись с ним глазами.

– Меня ждут дети. Вернусь как-нибудь в другой раз. – Она явно ждала от него хоть каких-нибудь слов и, не дождавшись, натянуто улыбнулась. – Ну, тогда пока. – И заправила прядь волос за ухо.

Всего-навсего случайная встреча людей, некогда знакомых, но ставших чужими.

– Изабелла, – произнес он, и его голос прозвучал неестественно громко в застывшем воздухе.

Она заслонила глаза ладонью, как щитком, чтобы лучше видеть его в лучах закатного солнца.

– Вот смотри, что я нашел. – Он протянул ей смятые листки.

Она подошла, остановившись в паре шагов от него. Молча взяла бумажки.

– Мои партитуры, – кивнула она.

Он не мог отвести от нее глаз.

– Я знаю, как много они для тебя значат.

– Откуда тебе знать о том, что много для меня значит, а что мало? – огрызнулась она.

Ее лицо сделалось по-детски беззащитным, и Байрон понял, как жестоко ее обидел. Нет, тут не было ничего наносного, никаких тайн за семью печатями. И в этом ее приступе ярости он узнал собственные чувства, а именно то, что давным-давно скрывал от самого себя.

Еще несколько секунд – и она навеки уйдет из его жизни. Что же я делаю?! – спросил он себя. Ведь мне казалось, что всему свое время. И торопиться не стоит.

– Что ж, желаю удачи в Бранкастере, – сухо произнесла Изабелла и пошла прочь, в сторону своей машины.

Байрона буквально пронзило болью неутоленного желания. Охватившее его чувство было столь сильным и непривычным, что он оказался не в силах терпеть. И тогда он наконец принял решение.

– Изабелла! – крикнул он, но она даже не обернулась. – Изабелла! Послушай... Я был неправ, – сказал он, и она вопросительно склонила голову набок. – В отличие от тебя.

Байрон направился к ней, переступая через кирпичи и спотыкаясь о праздничную драпировку.

И вот теперь они стояли лицом к лицу. Он терпеливо ждал приговора, понимая, что от ее слов зависит их будущее.

– Я хочу, чтобы ты мне честно призналась, – произнес он. – Ты действительно веришь в то, что говорила мне ночью? Будто для тебя неважно, кто чем владеет?

Изабелла удивленно уставилась на Байрона. Неужели ты так ничего и не понял? – подумала она. Ведь я реально смотрю на вещи. И мне на собственной шкуре пришлось узнать, что в этой жизни важно, а что нет. И ты будешь нужен мне всегда – такой, какой есть. Мужественное лицо Байрона внезапно смягчилось, и она вспомнила, как, оказавшись чуть ли не похороненным заживо, он звал именно ее, Изабеллу. Ведь она прекрасно улавливала все оттенки голоса и еще тогда поняла правду, гораздо раньше, чем он сам. Изабелла, твердил он тогда с такой надеждой, словно напрочь забыл о своем отчаянном положении.

Морщась от боли, Байрон протянул Изабелле руку:

– Ну так что будем делать?

– Байрон, это всего-навсего дом. – Она доверчиво вложила свою узкую ладонь в его натруженную руку. Только не вздумай снова сказать мне «нет», молча взмолилась она; ее лицо, ее глаза, ее руки говорили о том, что она желает его всем своим существом. Раз уж я могу взять на себя такой риск, значит можешь и ты. – Это... всего-навсего... дом.

Она встретила серьезный взгляд его темных глаз, и от волнения у нее подкосились ноги.

Но затем...

– Знаешь что, – начал Байрон и неожиданно улыбнулся. – Я тоже так думаю.

Он притянул ее к себе и поцеловал. Сперва осторожно, а затем – с едва сдерживаемой страстью. Она наконец смогла вдохнуть аромат его кожи, почувствовать сладость его объятий. И тогда он поцеловал ее еще раз – как человек, у ног которого лежит весь мир. А Изабелла обвила руками его шею и, рассмеявшись счастливым смехом любимой и любящей женщины, ответила на его поцелуй. И вот так они стояли, окутанные вечерними тенями, среди руин, прижавшись друг к другу, забыв о времени. Листки с партитурой выпали из ее руки и унеслись прочь, подхваченные ветром.

Когда они вернулись к ее машине, солнце уже успело скрыться за деревьями. На работу он отправится завтра. А сегодняшний вечер проведет с семьей Деланси в крошечной квартирке над магазином. Ляжет спать на диване. А возможно, внизу. Уж кто-кто, а он знал, что у Природы – на все свое время и свое место.

И тут Байрон неожиданно вспомнил. Он убрал руку с плеча Изабеллы и поднял большой камень. Вытащил из кармана скомканные листы бумаги, завернул в них камень и после секундного колебания швырнул в озеро.

– Что это было? – услышав всплеск, удивилась она.

Он задумчиво смотрел, как расходятся круги по воде.

– Ничего, – ответил он, отряхивая руки. – Так, мелочи жизни.

Мэтт Маккарти больше не вернулся в Бартон. Они с женой переехали поближе к ее родителям. Впервые мы узнали об этом через пару дней после катастрофы, когда Энтони позвонил в магазин сообщить, что они переезжают. На их коттедже появилась табличка «Продается», и его действительно продали в течение недели. Хотя что ж тут удивительного: дом был в идеальном состоянии.

Энтони поступил в колледж, вроде бы учиться на автомеханика, и мы видимся довольно редко. Он был страшно зол на своих предков, но спустя какое-то время сообщил мне, что у его папы был нервный срыв, а его мама сказала, будто люди есть люди и нельзя их за это строго судить. Теперь в доме Маккарти живет молодая семья из Суффолка. У них двое детей, их игрушки Тьерри частенько находит в лесу. Тьерри нравится приносить игрушки обратно чуть ли не на заре и класть на забор или подоконник, чтобы детишки думали, будто в лесу водятся добрые феи.

Николас – мы зовем его Николас, так как чуть ли не каждый день общаемся с ним в ходе застройки на месте Испанского дома, – категорически отказался покупать дом родителей Энтони, хотя мистер Тодд, агент по продаже недвижимости, сказал ему, что он может заработать на этом целое состояние. И вообще, Николас сразу становился каким-то странным, когда при нем упоминали о семействе Маккарти, и тем не менее люди еще долго продолжали о них судачить. А затем он уехал в Лондон заниматься другими проектами. Новые соседи в принципе нормальные. Но мы с ними особо не сталкиваемся.

Никто не был наказан за то, что случилось с Испанским домом. Дознаватели сказали, будто с учетом запущенного состояния дома невозможно определить, что именно вызвало обрушение. Они нашли следы гнили и древооточца в деревянных балках, а кроме того, заявили, что ответственность за халтурный ремонт законом не предусмотрена. Ну а мама не стала настаивать. Она сказала, что хочет оставить этот печальный эпизод в прошлом, где ему самое место.

У нее все отлично. Дважды в неделю она ездит на поезде в Лондон играть с оркестром, и она больше не выращивает овощи. Она покупает их у Кузенов и говорит, что делает это с превеликим удовольствием.

Прошлой весной Байрон переехал из своего дома на колесах. Он живет в служебном коттедже, который получил вместе с должностью управляющего поместьем в нескольких милях от Лонг-Бартона. По четвергам и пятницам он занимается землеустройством вокруг новой застройки на месте Испанского дома, так что на уик-энды он частенько остается у нас. Я сказала маме, что вовсе не против, если он переберется к нам насовсем (можно подумать, мы с Тьерри ни о чем не догадываемся, – мы же не полные идиоты), ну а кроме того, в будущем году я, возможно, уеду в колледж, но мама ответила, что им и так хорошо. И вообще, сказала она, каждому человеку необходимо личное пространство, а Байрону – даже больше, чем кому бы то ни было. Когда он не занят на работе, то учит желающих правильно обрезать деревья и находить съедобные растения, ну и типа того. Они с Тьерри вечно пропадают в лесу, что-то копают и что-то сажают.

От Испанского дома не осталось и следа. Уже больше года мы живем в одном из новых домов на берегу озера, их всего восемь, они отделены друг от друга приличным участком земли и живой изгородью из бирючины, которая так и не разрослась, как показано на картинках у архитекторов. Наш дом не назовешь слишком красивым. Но там четыре спальни и нормальный садик, который Тьерри с Пенпером уделали своим футболом, а внутри никаких

особых украшательств – ни толстых балок, ни резных карнизов. Мама говорит, что наш дом стандартный, удобный в эксплуатации и вообще самый обычный, а когда люди удивляются, почему у нее при этом такой довольный вид, если у других принято хвастаться квадратными футами и архитектурными наворотами, у нее появляются озорные искорки в глазах, признак того, что она вот-вот рассмеется.

Ну и вообще, подобные разговоры маму утомляют, потому что у нее есть дела поинтереснее.

Благодарности

Я хочу поблагодарить Карин Лейшман и Мэтью Сутера из «Alberni Quartet»: их блистательное исполнение музыкальных произведений и сказочный дом вдохновили меня на создание этой книги.

Я, как всегда, благодарна своему агенту Шейле Кроули, Линде Шонесси, Терезе Николс и Робу Крайтту из «AP Watt». Большое спасибо Кэролин Мэйс за редакторскую работу и дружескую поддержку, а также Люси Хейл, Эриол Бишоп, Элени Фостирополус, Кейт Говард, Джемми Ходдер-Уильямсон и всем сотрудникам «Hodder», особенно из отдела продаж.

Спасибо всем за неувядающую веру в меня. Хочу поблагодарить также Хейзел Орме – обладательницу самого острого взгляда в издательском деле.

Моя благодарность в том числе Тони Чепмэну, Дрю Хейзел, Барбаре Ральф, Фионе Тернер, Крису Чиллу, Ханне Коллинс, Дженни Колган, Кэти Рансиман и всем членам «Writersblock».

Выражаю свою глубокую признательность «Cambridge University Press» за разрешение использовать отрывок из «Letter to Lady Cynthia Asquith» Д. Г. Лоренса.

Спасибо моей семье: Лиззи и Брайану Сэндерс, Джиму и Элисон Мойес. И особенно моим самым любимым и дорогим Чарльзу, Саскии, Гарри и Локи.

И наконец, я хочу поблагодарить сотрудников «Emmeline Centre», «Addenbrookes Hospital Trust», особенно Патрика Эксона, который за время написания этой книги полностью изменил нашу жизнь.

---

notes

Берегись! (*лат.*) – *Здесь и далее примеч. перев.*

Старушка (фр.).

Положение обязывает (фр.).

Главное блюдо, или гвоздь программы (фр.).

Ну вот, дорогая! И что это значит? (фр.)

Предменструальный синдром.

Лондонский симфонический оркестр.

Эдмунд Берк (1729–1797) – английский публицист и философ.